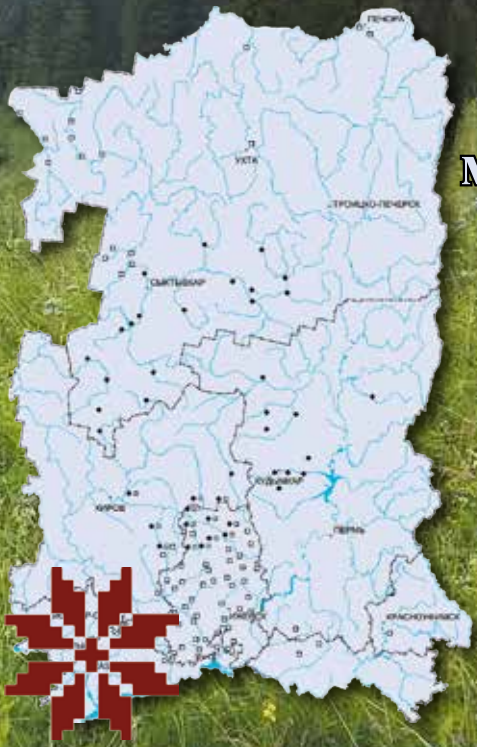
С. А. Максимов

СЕВЕРНОУДМУРТСКО-КОМИ АРЕАЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

лексика, фонетика, морфология



Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы

С. А. Максимов

СЕВЕРНОУДМУРТСКО-КОМИ АРЕАЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

лексика, фонетика, морфология

Монография

Ижевск
2018

УДК 811.511.13
ББК 81.2(Рус=Удм)+81.2(Рус=Коми)
М17

Научный редактор
доктор философии по специальности «Уральские языки» Л. Л. Карпова

Рецензенты:
доктор филологических наук,
доцент по специальности «Языки народов РФ» Е. А. Цыпанов,
кандидат филологических наук Л. В. Бусыгина

Максимов С. А.
М17 Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология: монография / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск: Изд-во «Шелест», 2018. – 336 с.: ил.

ISBN 978-5-6041164-5-6

Настоящая монография представляет собой первый опыт комплексного описания ареальных языковых параллелей трех пермских языков, выполненный преимущественно в диахронном аспекте. В ходе исследования было установлено, что возникновение северноудмуртско-коми изоглосс обусловлено не одной какой-либо причиной, как это объяснялось ранее, а рядом факторов. Кроме того, представленные научные изыскания впервые позволяют вести речь о наличии суперстратных коми элементов в языке северных удмуртов. Результаты исследования также указывают на то, что интенсивные связи между удмуртским и коми языками могли иметь место в XVI–XIX веках, а единичные контакты просуществовали вплоть до начала XX века.

Книга адресована в первую очередь для специалистов в области пермского языкознания, для студентов-филологов, а также для всех, кто интересуется языком и историей удмуртов, коми и коми-пермяков.

ISBN 978-5-6041164-5-6 **УДК 811.511.13**
ББК 81.2(Рус=Удм)+81.2(Рус=Коми)

© С. А. Максимов, 2018
© УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2018

Оглавление

0. Введение 6
0.1. Общая характеристика работы 6
0.2. Предмет и основные понятия ареальной лингвистики 10
0.3. Из истории ареальной лингвистики 13
0.4. Обзор источников исследования 20
0.5. Проблемы этнического формирования пермских народов 28
0.6. Транскрипция 39
Глава 1. Северноудмуртско-коми лексико-семантические изоглоссы 42
1.1. Собственно лексические изоглоссы 44
1.2. Семантические изоглоссы 98
1.3. Изоглоссы фонетических и морфологических вариантов лексем 116
1.4. Структурные изоглоссы 142
1.5. Классификация северноудмуртско-коми изоглосс 146
1.5.1. Генетические изоглоссы 146
1.5.2. Ареальные изоглоссы 150
Глава 2. Лексико-семантические изоглоссы контактной зоны пермских языков 157
2.1. Собственно лексические изоглоссы контактной зоны 157
2.2. Семантические изоглоссы контактной зоны 174
2.3. Изоглоссы фонетических вариантов лексем контактной зоны 178
2.4. Структурные изоглоссы контактной зоны 181
2.5. Классификация изоглосс контактной зоны 185
2.5.1. Генетические изоглоссы контактной зоны 185
2.5.2. Ареальные изоглоссы контактной зоны 186
2.6. Выводы по главам 1 и 2 189
Глава 3. Фонетические изоглоссы 193
3.1. Изофоны гласных *ӧ* (*ǫ*) и э (*е*) 194
3.2. Консонантный кластер *кв-* (*ква-, кви-*) анлаута слова 198
3.3. О палатальных *с′, з′* (*ś, ź*) в среднечепецком диалекте 201
3.4. Изоглоссные явления в области акцентуации 202
3.4.1. Заударный маркер компаратива – удм. нч. *-ӝ̈ык* (*-ǯi̯k*) // к. *-джык* (*-ǯi̯k*), *-жык* (*-ži̯k*), *-джиг* (*-ǯig*) 203
3.4.2. Ударный суффикс с собирательной семантикой – удм. сдз. *-на·* // к. *-на·н* 204
3.4.3. Суффикс порядковых числительных с ударным гласным – удм. *-э·ти* ~ *-э·т′и* // кп. *-ӧ·т* ~ кя. *-ө·д* ~ кз. диал. *-ӧ·д* 206
3.5. Выводы по главе 208
Глава 4. Морфологические изоглоссы 209
4.1. Жилищно-местные падежи удмуртских диалектов и локализация DOMUS пермских языков 209
4.2. Словообразовательный суффикс существительных с локальным значением – удм. сдз. *-н′и* (*-ни, -н′иг*) // к. *-ин* 227

4.3. Маркер компаратива – удм. нч. срв. *-ӝык* // к. *-джык, -жык, -джиг* 241
4.4. Числительные с формантом – удм. сл. *-дас* ~ *-тас* // к. *-дас* 245
4.5. Суффикс с собирательной семантикой – удм. *-на(-), -нан-* // к. *-нан(-)* . . . 252
4.5.1. Счетно-личные местоимения с суффиксом – удм. нч. *-нан*-Рх // кп. *-нан*-Рх 253
4.5.2. Собирательные числительные с суффиксом – удм. сдз. *-на* // к. *-нан* 255
4.5.3. Семантика счетно-личных местоимений с суффиксом – удм. сдз. *-на*-Рх // к. *-нан*-Рх. 257
4.6. Глагольный суффикс с уменьшительной семантикой – удм. сл., к. *-(ы)шт* 260
4.7. Глагольный суффикс с уменьшительной семантикой – удм. сдз. *-алт* // к. *-овт* ~ *-олт* ~ *-ӧвт* ~ *-ӧлт* ~ кя. *-өлт*. 262
4.8. Двойные суффиксы многократного вида глагола – удм. нч. сч. *-лялля, -лыл(ы)* // к. *-лывл(ы), -вл(ы)*. 264
4.9. Выводы по главе 268
Заключение 270
Условные сокращения 283
Источники 291
Использованная литература. 296
Приложения 319
Алфавитный указатель лексико-семантических изоглосс 319
Карта 1. Распространение диалектов удмуртского языка. 324
Карта 2. Распространение диалектов и говоров северного наречия удмуртского языка 325
Карта 3. Распространение диалектов коми языков 326
Карта 4. Контактная зона пермских языков 327
Карта 5. Выражение понятия «толстый» в пермских диалектах (изолекса *кыз*). 328
Карта 6. Выражение понятия «слеза, слёзы» в пермских диалектах (изолекса *синву*) 329
Карта 7. Ареалы значений изоглоссы *тышкаськыны* ~ *тышкасьны* (изосема ‘драться’). 330
Карта 8. Выражение понятия «в течение всего вечера» в пермских диалектах (изоморфа *ӝыт-ыл-быт*) 331
Карта 9. Ареалы вариантов лексемы со значением ‘червяк, гусеница’ (изофона *о – номыр*) 332
Карта 10. Рефлексы прапермского **saʒ̑* ‘сознание, чувство’ (изофона *-д′* ~ *-йд*) 333
Карта 11. Выражение визга поросенка, свиньи в пермских диалектах (изолекса *ӟуиктыны*) 334
Карта 12. Выражение понятия ‘опенок’ в пермских диалектах (структурная изоглосса *ял-дор-губи* ‘пень-возле-гриб’) 335

Максимова Зоя Кузьмовналы,
яратоно мумилы но пумтэм лякыт сюлэмо адямилы,
сїзисько

Максимовой Зое Кузьмовне,
любимой маме и человеку бесконечно доброй души,
посвящаю

0. ВВЕДЕНИЕ

0.1. Общая характеристика работы

Ареальная лингвистика является одним из перспективных направлений современного языкознания. Применение выработанных ею методов исследования при изучении проблем языковых контактов позволяет глубже проникнуть в историю взаимодействующих языков, что имеет важное значение для этнической истории их носителей.

Настоящая работа посвящена проблеме исследования ареальных северноудмуртско-коми параллелей. Анализ языкового материала проводится на лексическом (лексико-семантическом), фонетическом и морфологическом уровнях.

Выбор темы исследования был обусловлен рядом причин.

1. Благодаря трудам отечественных и зарубежных ученых на сегодняшний день достаточно полно изучены языковые связи удмуртов с большинством из своих соседей: тюркскими народами (Ю. Вихманн, М. Р. Федотов, И. В. Тараканов и др.), русскими (Ш. Чуч, Р. Ш. Насибуллин). Не оставлена без внимания и проблема языковых отношений удмуртов с родственным марийским народом (см. напр.: Bereczki 1977; Вершинин 1987; Галкин 1987). Наряду с этим языковые контакты с близкородственными коми-зырянами и коми-пермяками не являлись предметом специального исследования. Немногочисленные работы, так или иначе касающиеся данной проблемы, как правило, освещают лишь отдельные моменты удмуртско-коми языковых связей и не решают проблемы в целом. В этом отношении заслуживают внимания публикации историка С. К. Белых, посвященные проблеме распада прапермской этноязыковой общности.

2. С другой стороны, актуальность настоящей работы повышается тем обстоятельством, что в настоящее время в той или иной мере изучены языковые и историко-культурные взаимосвязи коми с боль-

шинством из своих соседей, за исключением удмуртов. Так, в одном из фундаментальных трудов Л. Н. Жеребцова «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» [1982] исследованы связи коми-зырян как с неродственным русским народом, так и с близкородственными коми-пермяками и дальнеродственными вепсами, хантами, манси, саамами. При этом автор ни слова не проронил о контактах коми-зырян со своими южными соседями – удмуртами.

3. Исследователями, занимавшимися проблемами пермского языкознания, уже давно замечено, что в южных диалектах коми языка имеются такие черты, которые находят отражение в удмуртском языке; вместе с тем, в северных диалектах удмуртского языка обнаруживаются явления, имеющие параллели в коми языке [Серебренников 1977: 32; 1957: 8–9]. Наличие сходных черт, сближающих смежные пермские диалекты, предшествующие исследователи пытались объяснить чаще всего какой-нибудь одной причиной. Между тем наши собственные изыскания показывают, что причины возникновения каждой из этих черт, взятых в отдельности, могут быть совершенно разными. Таким образом, имеется настоятельная необходимость в выявлении, анализе, систематизации явлений, которые имеют территориальную ограниченность в одном из пермских языков, но находящие параллели в соседних языках.

4. При изучении языковых контактов между удмуртами и коми исследователь сталкивается со специфическими трудностями, которые отсутствуют, например, при изучении удмуртско-русских или удмуртско-тюркских связей. Это особая генетическая близость пермских языков. В связи с этим вести речь о коми заимствованиях в удмуртском или удмуртских в коми языках приходится только с определенного времени, когда удмуртский язык встал на путь самостоятельного развития. В данной ситуации первоочередной задачей становится отграничение заимствований, встречающихся в диалектах, от языковых элементов, восходящих к прапермскому или более древним языковым состояниям. Последним обстоятельством было продиктовано обращение к методике ареальных исследований, предполагающей фронтальный охват диалектов исследуемых языков. Основные методы исследования – лингвогенетические: сравнительно-исторический и исторический, предполагающие диахронный подход к исследуемому объекту; частично был использован статистический метод.

Ареальная лингвистика – молодая отрасль языкознания, и в этой области исследований перед учеными стоит еще много проблем. Благодаря трудам отечественных и зарубежных лингвистов на сегодняшний день имеется уже достаточно много разработок, посвященных теории, понятийному аппарату и методике ареальных исследований, выполненных на материале различных языков. Что касается ареальных исследований в пермских языках, нужно отметить, что обстоятельных работ, посвященных данной проблеме, немного (см. п. 0.3).

В структурном плане работа состоит из «Введения», четырех глав: 1. «Северноудмуртско-коми лексико-семантические изоглоссы», 2. «Лексико-семантические изоглоссы контактной зоны пермских языков», 3. «Фонетические изоглоссы», 4. «Морфологические изоглоссы» – и «Заключения». В качестве приложения к работе представлен алфавитный указатель лексико-семантических изоглосс, также размещены карты, предназначенные обеспечить большее представление о предмете исследования.

Считаем необходимым остановиться на диалектном членении пермских языков. Современный удмуртский диалектный ландшафт делится на следующие структурно-пространственные единицы: 1) северное наречие; 2) южное наречие: а) собственно южный (или центральный) диалект, б) периферийно-южный диалект; 3) бесермянское наречие; 4) срединные говоры (переходные между северным и южным наречиями) (см.: [Кельмаков 1987: 30; 1993: 13]). На основе достижений современной удмуртской диалектологии, а также собственных изысканий в данном направлении в 1999 году нами составлена карта распространения удмуртских диалектов с указанием границ (в некоторых случаях условно) наречий и основных групп говоров [Максимов 1999а: 171]; в настоящей работе представлен ее переработанный вариант (см. Карта 1).

Диалектное членение коми-зырянского языка утвердилось уже давно и основывается на выделении десяти диалектов (см. Карта 2). В вопросе диалектного членения коми-пермяцкого языка мы опираемся на разработки Р. М. Баталовой, в соответствии с которыми, помимо основных наречий – северного и южного, в систему диалектов коми-пермяцкого языка включается верхнекамское наречие (зюздинский диалект), а также коми-язьвинское наречие (см.: Баталова 1975б: 210–235; 1982: 6–7). Включение коми-язьвинского наречия в состав

коми-пермяцкого языка в целом вступает в противоречие с тем фактом, что оно на фонетическом уровне одинаково противопоставлено как зырянским, так и пермяцким диалектам. Учитывая данное обстоятельство, в работе коми-язьвинские примеры зачастую приводятся наряду с коми-пермяцкими.

Особо следует подчеркнуть, что понятия *коми, коми языки, коми диалекты* в настоящем исследовании в дальнейшем будут использоваться преимущественно для обозначения коми-зырян и коми-пермяков и их языков в совокупности. Под *южными коми-зырянскими диалектами* мы понимаем лузско-летский, верхнесысольский и среднесысольский диалекты коми-зырянского языка, а сочетание *южные коми диалекты* употребляем тогда, когда речь идет о южных коми-зырянских и всех коми-пермяцких диалектах, включая коми-язьвинское наречие.

Диалектные явления общепермского языка-основы мы именуем термином *прапермский*, т. к. данное понятие в отличие от термина *общепермский* не указывает на былую распространенность рассматриваемого явления во всех или в большинстве диалектов.

* * *

Автор глубоко признателен всем, кто оказал помощь и содействие в подготовке данной работы на разных ее этапах. Искренние слова благодарности хочется выразить доктору филологических наук Р. Ш. Насибуллину, докторам филологических наук, профессорам И. В. Тараканову (†) и В. К. Кельмакову, профессору финно-угроведения Туркуского университета Финляндии Сиркке Сааринен, исследователю мокшанского языка, кандидату филологических наук А. П. Феоктистову (†), доктору исторических наук Н. И. Шутовой, коллегам из отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы; научному редактору – доктору философии по специальности «Уральские языки» Л. Л. Карповой, рецензентам монографии – доктору филологических наук Е. А. Цыпанову и кандидату филологических наук Л. В. Бусыгиной. Я благодарен руководству Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, Удмуртского государственного университета, а также Туркуского университета (Финляндия). Отдельные теплые слова благодарности всем моим информантам.

0.2. Предмет и основные понятия ареальной лингвистики

В данном разделе освещаются некоторые термины и понятия, связанные с ареальной лингвистикой. Понятие *ареальная лингвистика* в Лингвистическом энциклопедическом словаре определяется как «раздел языкознания, исследующий с помощью методов лингвистической географии распространение языковых явлений в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии» [ЛЭС 1990: 43]. Основной ее задачей является характеристика территориального распределения языковых особенностей и интерпретация изоглосс [Там же]. Ареальная лингвистика тесно связана с лингвистической географией. Часто названные понятия употребляются как синонимы. Но в некоторых работах наблюдается стремление к разграничению данных терминов. Так, А. В. Десницкая [1977: 24] определяющим моментом для ареальной лингвистики считает «преимущественное внимание к понятию ареала как территориально-языкового единства, а также к историческим условиям его возникновения». При характеристике лингвистической географии подчеркивается в первую очередь применение методики лингвистического картографирования (см.: [Взаимодействие ареалов 1980: 12–24; Десницкая 1977: 22]), в то же время ареальная лингвистика, по мнению А. В. Десницкой, «сохраняет возможность более широкого и менее определенного применения – как в отношении объектов исследования, так и в отношении методики». Имеются определения ареальной лингвистики как дисциплины, изучающей географическое распространение языкового материала в прошлом. В этом случае она рассматривается как составная часть лингвистической географии, диахронический ее аспект [Общее языкознание 1973: 120–121].

Важнейшим понятием ареальной лингвистики является *языковой* (или *лингвистический*) *ареал*, под которым понимают границы, точные контуры распространения языковых явлений. Лингвистический ареал по определенному признаку противопоставляется остальной исследуемой территории – языковому континууму, который может состоять как из генетических родственных, так и неродственных языков. Территориальная ограниченность языковых явлений используется для постановки и решения различных лингвистических проблем, что определяет основное содержание ареальной лингвистики (лингвистической

географии) [Там же. С. 136]. Всестороннее изучение характеристики ареала позволяет установить причины формирования его современных контуров, сделать выводы о направлении его развития в будущем.

К характеристикам ареала относится его протяженность, размер, содержание (наполненность), а также особенности его контуров. Линия, очерчивающая ареал, называется *изоглоссой*. Данное понятие в ареальных исследованиях также является одним из ключевых. Под названным термином понимаются не только линии (на географической карте), показывающие контуры территориального распространения того или иного языкового явления, но и сами специфические родственные явления в диалектах и языках [ССИС 1992: 226]. При изучении различных уровней языка употребляются уточняющие названное понятие термины: *изолексы* – лексические изоглоссы, *изофоны* – фонетические изоглоссы, *изосемы* – семантические изоглоссы и др. [ЛЭС 1990: 43].

Изоглоссы могут быть *связанными* или *конвергентными*. Первые из них возникают в родственных языках и восходят к единой праязыковой общности. Конвергентные изоглоссы образуются вследствие длительного контактирования языков, как неродственных, так и родственных, распространенных на одной или смежной территории. Данный тип изоглосс может формироваться и в территориально несоприкасающихся языках в результате параллельного развития [Там же].

В ареальной лингвистике выделяется два аспекта исследований – синхронический и диахронический. Первый из них связан с изучением пространственного размещения языковых явлений определенного хронологического уровня, выявлением диалектов и междиалектных контактов на одном временном срезе. Синхронный план исследования также направлен на определение топонимических ареалов. Диахронический аспект связан с изучением перемещения языковых явлений в пространстве, выявлением праязыковых ареалов и междиалектных связей в прошлом [Общее языкознание 1973: 121, 137–140; ЛЭС 1990: 43].

Существенным моментом при диахроническом аспекте исследования является определение *инноваций* (новообразований) и *архаизмов.* Для этого в изучаемом ареале выявляют *центр* («ядро») и *периферию* (маргинальную зону). «*Центральная зона*, как правило, более компактна и устойчива, имеет большую протяженность, менее подвержена другим влияниям, старше исторически, является центром *иррадиации* (распространения. – *С. М.*)» [Взаимодействие ареалов 1880: 30].

Маргинальная зона является отдаленной (окраинной) зоной какого-либо ареала, где исследуемые изоглоссы выражены в меньшей степени. Данная зона имеет характеристику, противоположную центральной зоне. Обычно она более архаична, чем центральная, но в результате контактов с иными языками здесь часто возникают новообразования [Бородина 1977: 110]. Кроме двух названных выше зон, выделяют также зону *диффузии* (*вибрации*), являющуюся переходным ареалом. Методика определения инноваций и архаизмов разработана итальянской школой неолингвистики (см. об этом: [Общее языкознание 1973: 140–155]).

Ареальная лингвистика тесно связана с диалектологией, на базе которой она зародилась, и, по словам Н. З. Гаджиевой [Гаджиева 1975: 6], «явилась органическим следствием диалектологических исследований». *Диалектология* определяется как раздел языкознания, изучающий местные, территориальные разновидности языка, диалекты [ЛЭС 1990: 133]. Следует отметить, что последний термин ввиду его многосторонности не всегда четко определяется. В настоящем исследовании термин «диалект», а также два других понятия для обозначения структурно-территориальных единиц языка – «говор» и «наречие» – употребляются в соответствии с традицией, сложившейся в удмуртской диалектологии (см.: [Кельмаков 1987: 29–30; 1998: 35–36; 2006: 35–36; Карпова 1997: 20; 2018а: 45]): *говор* – наиболее мелкая территориальная разновидность языка; *диалект* – совокупность однородных говоров, характеризующихся относительным единообразием; *наречие* – самая крупная единица диалектного членения – объединяет группу диалектов, обладающих некоторой общностью языковых комплексов. Понятие «диалект» нами используется также для обозначения любой единицы диалектного членения. Изложенное понимание терминов для обозначения территориальных единиц языка вполне приемлемо также в отношении коми диалектов.

Под термином *диалектная зона* подразумевается территория, которая выделяется на основе таких сочетаний ареалов и пучков изоглосс, которые, находясь в своей основной части в пределах того или другого из наречий, пересекают, как правило, их границы.

Понятие *ареально-генетические связи* нами трактуется как взаимодействие между соседними диалектами одного праязыка в ситуации диалектной непрерывности, характеризующейся сходством соседних, но значительным различием удаленных друг от друга говоров.

В результате подобных связей складываются предпосылки для возникновения *ареально-генетических параллелей*, представляющих из себя инновации, которые распространились лишь в определенном ареале диалектов праязыка (см. об этом: [Хелимский 1982: 24, 65]).

По определению В. И. Абаева «под *ареальными* понимаются изоглоссы, которые не возводимы к единому праязыку и возникали в послепраязычный период на почве исторически складывавшихся территориальных общностей» [Абаев 1965: 145–146].

0.3. Из истории ареальной лингвистики

Ареальная лингвистика, как отдельный раздел языкознания, выделилась из диалектологии в конце XIX века. Зарождение ее, как и лингвистической географии, было связано с концепцией лингвистической непрерывности А. Пикте, которая была им высказана уже в 1859 году, и в особенности с волновой теорией Г. Шухардта (1868) и И. Шмидта (1872) [Общее языкознание 1973: 121–122].

В начальный этап развития сравнительно-исторического языкознания исследователями были разработаны довольно упрощенные схемы образования индоевропейских языков. Считалось, что названные языки возникли путем постепенного прямолинейного дробления праязыка. В результате изучения диалектов накапливались факты, которые не вписывались в вышеназванную схему. В связи с этим появились альтернативные теории. Одной из таких теорий является вышеупомянутая теория И. Шмидта. «Известной теории родословного дерева Августа Шлейхера, согласно которой языковые семьи, в частности индоевропейские языки, образовались путем дробления праязыка, Шмидт противопоставил так называемую теорию волн, основанную на принципе лингвистической непрерывности» [Там же. С. 122].

Согласно теории И. Шмидта, никаких четких границ между индоевропейскими языками первоначально не существовало, и каждый язык можно рассматривать по отношению к соседнему языку как переходный язык; географически ближе расположенные языки повсюду имеют больше общих черт, чем языки, отдаленные друг от друга (см.: [Серебренников 1957: 3; Общее языкознание 1973: 122]). Для объясне-

ния идеи непрерывности языков И. Шмидт выдвинул предположение о возможности распространения инноваций из определенного центра. Эти инновации распространялись на территориально близкие языки, постепенно отдаляясь от центра, они затухали, подобно волнам, образованным от брошенного в воду камня. Многие принципы теории волн И. Шмидта легли в основу методов лингвистической географии (хотя в дальнейшем сама теория подвергалась дополнениям и уточнениям).

В развитии ареальной лингвистики большую роль сыграло применение новой системной формы описания территориальных диалектов – диалектологического и лингвистического атласа. Создателем названного направления является немецкий учитель Г. Венкер, который в 1878 году создал рукописный «Диалектологический атлас Рейнской провинции к северу от р. Мозель». В 1881 году ему удалось опубликовать первый выпуск «Диалектологического атласа северной и средней Германии» [Общее языкознание 1973: 125].

Поворотным моментом в становлении лингвистической географии явилось составление Ж. Жильероном и Э. Эдмоном «Лингвистического атласа Франции» (1902–1910). Этот атлас оказал решающее влияние на развитие лингвистической географии, для многих европейских стран послужил стимулом для составления подобных работ в различных странах [Там же]. Вскоре появляются лингвистические атласы в Италии, Румынии, Швейцарии. Во второй половине XX века атласы национальных языков и отдельных регионов появились во многих странах.

В 1975 году советские лингвисты подключились к составлению «Лингвистического атласа Европы». Над этим атласом, охватывающим все европейские языки до Урала и Северного Кавказа включительно, успешно работали и специалисты по пермским языкам (о данном проекте см.: [ЛАЕ]).

В развитие теории ареальных исследований значительный вклад внес французский исследователь А. Мейе, который создал основы индоевропейской диалектологии и разработал ряд базисных понятий. В частности, им было введено понятие изоглоссы, а также углубленно разработано понятие инновации. Современная ареальная лингвистика получила развитие в трудах М. Дж. Бартоли. Им же совместно с Дж. Видосси в 1943 году был впервые введен термин «пространственная / ареальная лингвистика», хотя основные ее принципы были разработаны М. Бартоли уже в 1925 году. Проблемами ареальной лингвистики за-

нимались также Б. А. Террачини, Дж. Бонфанте, Дж. Девото, В. Пизани, В. Порциг, А. Доза и др. [ЛЭС 1990: 43–44].

Развитие теории и понятийного аппарата ареальной лингвистики разрабатывались на материале различных языков: индоевропейских (Э. А. Макаев), славянских (П. А. Бузук, Р. И. Аванесов, С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой), германских (В. М. Жирмунский), романских (М. А. Бородина), финно-угорских (Б. А. Серебренников), иранских (Д. И. Эдельман), тюркских (Н. З. Гаджиева), балканских (А. В. Десницкая) [Там же. С. 44].

Среди прочих трудов хотелось бы отметить некоторые работы, опирающиеся преимущественно на материалы финно-угорских и уральских языков. К таковым относится работа Б. А. Серебренникова «Теория волн Иоганна Шмидта и явления языковой аттракции» [1957: 3–15]. В ней автор на основе анализа конкретного языкового материала подчеркивает сильные и слабые стороны волновой теории И. Шмидта. Признавая правильными основные положения этой теории, Б. А. Серебренников отмечает, что И. Шмидт слишком обобщил и абсолютизировал выводы, сделанные им из собственных наблюдений. Например, он преувеличивал значение взаимовлияния языков, расположенных на смежных территориях, склонен был отрицать наличие каких-либо резких границ между языками [Серебренников 1957: 14–15]. В другой работе «Общеязыковедческие аспекты теории волн Иоганна Шмидта» Б. А. Серебренников [1977: 29–37] также развивает теоретические положения ареальной лингвистики.

Работа Е. А. Хелимского «Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (лингвистическая и этногенетическая интерпретация)» (1982) посвящена ареальным исследованиям в уральских языках. Помимо рассмотрения венгерско-самодийских параллелей, в монографии затрагиваются и проблемы соотношения между языками финно-угорской и самодийской ветвей. Одним из важных моментов этого труда, на наш взгляд, является предложенная автором модель дивергенции финно-угорских языков, которая в известной мере отличается от общераспространенного генеалогического дерева, и, по словам самого автора, «более точно, хотя также достаточно условно» моделирует процесс дивергентного развития финно-угорских языков.

Работ, посвященных ареальным исследованиям в пермских языках, сравнительно немного. Большинство из них касается некоторых

частных явлений в этих языках и, как правило, они написаны с упором на два языка с привлечением параллелей из третьего лишь в качестве дополнительного иллюстративного материала. К названной тематике имеют отношение работы Р. М. Баталовой, Т. И. Тепляшиной, В. А. Ляшева, Р. Ш. Насибуллина, С. К. Белых и др. (см. ниже).

В статье Р. М. Баталовой «К проблеме неравномерности развития языковых явлений (на материале коми-пермяцкого и коми-зырянского языков)» [Баталова 1975а: 26–32] рассматриваются некоторые общие и специфические черты верхнекамского наречия и двух окраинных северных диалектов коми-пермяцкого языка и летского говора коми-зырянского языка. Несмотря на то что летский говор ныне относится к коми-зырянскому языку, в нем автор находит много фонетических и морфологических явлений, сближающих этот говор с коми-пермяцкими диалектами.

В работе Т. И. Тепляшиной «К ареальным исследованиям пермских языков» [Тепляшина 1977: 71–72] описываются ареальные параллели в системе пермской топонимии. Автор отмечает, что «Северноудмуртские диалекты имеют признаки, отличающие их от южноудмуртских, но сходные с коми. Совпадающие элементы обнаруживаются на всех уровнях языка. Проявляется это и в системе топонимии». Наличие омонимичных названий населенных пунктов на территории проживания удмуртов и коми исследователем объясняется сравнительно длительными контактами северных удмуртов с коми, продолжавшимися после отделения коми от основной массы удмуртов (южных и срединных районов Удмуртии).

В работе «Лексические коми-удмуртские соприкосновения» [Тепляшина 1979: 122] автор рассматривает в территориальном отношении ограниченно употребляющиеся лексемы в пермских языках. К таковым, по мнению Т. И. Тепляшиной, относятся в удмуртском – *ай* ‘отец’, *аскы* // *аски* ‘завтра’, *асыл* ‘утро, утром’ и др.; в коми – *гойӧдны* // *гойыны* ‘дразнить, надсмехаться’, *нюрмоль* // *нюрмульы* ‘клюква’; в коми-пермяцком – *каб* ‘колодка’, *кенак* ‘тетка’, *коба* // *кубо* ‘прялка’. Причину бытования подобных слов на ограниченной территории автор видит в том, что «северная часть древнеудмуртского населения контактировала с коми более длительное время, чем южная» [Там же].

Недостатком этих двух последних работ, на наш взгляд, является то, что возникновение локально ограниченных параллелей в пермских

языках Т. И. Тепляшиной сводится лишь к одной причине. Между тем их существование можно объяснить не только и не столько коми-удмуртскими соприкосновениями, как считает автор, – названные ареальные параллели могут быть результатом и других факторов.

В работе Т. И. Жилиной «Марийские и удмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка» [Жилина 1979: 30–33] рассматривается специфический пласт лексики южной группы коми-зырянских диалектов, который отсутствует в других диалектах, но имеет параллели в коми-пермяцком, удмуртском и марийском языках. Например, к таковым автор относит слова *кырышӧн* ‘косо (смотреть)’ – *кырыж* удм. ‘кривой; криво, косо’ (с. 30–31), *джагӧн* ‘медленно, тихо’ – *ӝег* удм. ‘медленно, кропотливо; медленный, кропотливый’, *зумлӧс* ‘подарок невесте от жениха’ – *зундэс* удм. ‘кольцо, перстень’ (с. 31). Всего приводится 31 соответствие из марийского и 14 соответствий из удмуртского языка. Работа в целом интересная, однако некоторые сопоставления, особенно коми-марийские, сделаны лишь по формальному фонетическому сходству, например: *л'арва* ‘болезненный человек’ – *льӓврӓ* мар. ‘грязь’, *йэрко* ‘ругательное слово’ – *йора* мар. ‘рана, язва’ (с. 31).

С конца 70-х годов начинается изучение пермских диалектов методом лингвистического картографирования. Стимулом для оживления названного направления послужило участие пермских лингвистов с 1977 года в составлении Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ). В области ареальных исследований появляются изыскания В. А. Ляшева и Р. Ш. Насибуллина (см.: [Ляшев 1979: 34–37; Ляшев, Насибуллин 1984: 55–56; 1985: 107–108; Насибуллин, Ляшев 1984: 176]). В частности, в работе «Лингвогеографический аспект в пермской лексикологии» [Ляшев, Насибуллин 1984: 55–56] авторы делятся опытом сбора и обработки материалов удмуртского, коми и коми-пермяцкого языков, предназначенных для составления ЛАЕ. Приведенный в работе лексический материал и две общепермские карты, посвященные названиям солнца и кармана, являются первым опытом лингвогеографического изучения словарного состава трех языков. В работе также намечаются перспективы работы в названном направлении, раскрываются возможности и достоинства данного метода исследования.

В 80-е годы выходит ряд работ Р. М. Баталовой, которые имеют прямое отношение к теме настоящего исследования. В статье «Ареалы возникновения позднейших фонетических явлений: На материале перм-

ских языков» [Баталова 1981: 28–33] исследуются два фонетических процесса, имеющих место в трех пермских языках – ассимилятивные явления в области гласных и явления лабиализации отдельных гласных. Автором выявляются диалекты, в которых развиваются данные процессы. Явление уподобления соседних смежных гласных характерно коми-пермяцкому языку и территориально примыкающим к нему коми-зырянским диалектам – летскому, верхневычегодскому, печорскому и ижемскому. Аналогичные явления в другом ареале – в средневосточных говорах удмуртского языка – по мнению исследователя, могут иметь конвергентный характер возникновения. Явление уподобления огубленным гласным гласного последующего слога, имеющее место на компактной территории в восточных диалектах коми-зырянского языка и в северных говорах удмуртского языка, – автор относит, по всей видимости, к единому процессу. В то же время соответствующее явление в коми-язьвинском наречии считает возникшим на самостоятельной почве.

Монография Р. М. Баталовой «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки)» [1982] является фундаментальным трудом по ареальной лингвистике, выполненным на материале пермских языков. В работе делается попытка выявления отдельных изоглосс в области морфологии в диалектах двух близкородственных языков – коми-зырянского и коми-пермяцкого. Языковые явления рассматриваются преимущественно в синхронном плане. По возможности выявляются контуры ареалов отдельных явлений, определяются центры возникновения инноваций, выясняются случаи взаимовлияния территориально соприкасающихся диалектов и языков. В конечном счете автором делается попытка выяснения причин, оказывающих влияние на возникновение тех или иных изоглосс. Несколько позднее аналогичные монографические исследования опубликованы по эрзя-мордовскому и марийскому языкам [Ермушкин 1984; Коведяева 1987].

В другой работе Р. М. Баталовой «О следах миграционных процессов по данным диалектов коми языков» [Баталова 1987: 60–68] на основе ареальных исследований в области фонетики и морфологии коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов объясняется распространение отдельных изоглосс не только наличием переходных говоров между двумя близкородственными языками, но и миграционными процессами, в частности с северного Прикамья на реки Луза и Летка и далее на запад вплоть до Удоры.

В публикации В. А. Ляшева «К интерпретации межареальных чередований в финно-угорских языках Приуралья» [Ляшев 1993: 15–26] в лингвогеографическом и диахроническом планах рассматриваются некоторые коми-зырянские и коми-пермяцкие инновации (чередования начальнослоговых и конечнослоговых согласных), нашедшие отражение также и в обско-угорских языках. Рассматриваемые аналогичные процессы в коми и обско-угорских языках автор склонен объяснить историческими схождениями между носителями этих двух групп языков.

Вопросы общих особенностей фонемной синтагматики согласных удмуртского и коми-пермяцкого языков, а также общих тенденций развития вокализма непервого слога в пермских языках рассматривались В. К. Кельмаковым [Кельмаков 2000, 2001, 2004: 261–269; Kel'makov 2000]. В частности, ученый отмечает, что тенденция к распространению огубленных гласных в непервые слоги имеет в пермской языковой области ареальный характер: ею охвачены преимущественно удмуртский и коми-пермяцкий языки [Кельмаков 2001: 72]. Далее автор обращает внимание на то, что «коми-пермяцкий язык имеет ряд вторичных общих черт с удмуртским языком почти на всех уровнях системы языка, которых нет в коми-зырянском или выражены в последнем в меньшей степени, чем в коми-пермяцком <…>» [Там же].

Проблемы ареальных исследований в трех пермских языках освещены в публикациях историка С. К. Белых. Одной из таких его работ является статья «Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках» [Белых 1995: 3–17]. В ней автор рассматривает фонетические и морфологические явления в южных коми диалектах (к ним он причисляет южные коми-зырянские и все коми-пермяцкие диалекты), общие с удмуртским языком, но отсутствующие в других коми говорах, и явления, общие для северных удмуртских диалектов и коми языка. Особую близость северных удмуртских диалектов к коми языкам, а южнокоми диалектов к удмуртскому языку автор объясняет выдвинутым еще Р. Ш. Насибуллиным [Насибуллин 1992: 83–84, 92] утверждением о существовании в прошлом общепермского языкового континуума, который был разрушен только в ходе славяно-русской колонизации. Основные положения данной статьи нашли отражение и в последующих его публикациях (см.: [Белых 1998а: 75–96; 1998б: 19–21; 2009: 77–95]), которые с научной точки зрения представляют собой значительный интерес для ученых, занимающихся как историей,

так и языками пермских народов. Однако отдельные положения работ С. К. Белых, в частности касающиеся интерпретации ареальных параллелей в пермских языках, а также процесса дивергенции пермских языков, на наш взгляд, могут быть предметом дискуссии.

Ареальным исследованиям в пермских языках посвящен ряд наших публикаций, в частности: «Лексические параллели в сопредельной зоне коми-зырянского и удмуртского языков», «Общие лексические элементы в контактной зоне удмуртского и коми языков» [Максимов 1995а: 44–48; 1995б: 356–358], «Pohjoisudmurtin murteiden ja komin kielen areaalisia leksikaalisia yhtäläisyyksiä (Об ареальных лексических параллелях северноудмуртского наречия и коми языка) [Maksimov 2001: 167–184], «О коми заимствованиях в удмуртском языке» [Максимов 2016а: 111–121].

0.4. Обзор источников исследования

Источниками для ареальных исследований, по определению ученых, являются: 1) лингвистические карты и атласы; 2) любые датированные и локализованные данные: диалектологические словари, диалектные тексты, монографии и другие работы, посвященные описанию территориальных диалектов; 3) экстралингвистическая ситуация [Взаимодействие ареалов 1880: 24]. Основным материалом для настоящего исследования послужила вторая группа источников. Обзор начнем с анализа литературы, в которой представлены удмуртские материалы.

К первым наиболее значительным лексикографическим трудам удмуртского языка можно отнести удмуртско-русский словарь под названием «Краткой Вотской Словарь с россійскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ», составленный в 1785 году и изданный лишь спустя 110 лет в 1995 году. Он содержит около 5000 слов и выражений и отражает северноудмуртские говоры окрестностей с. Елово современного Ярского района Удмуртии. Т. И. Тепляшина, которой был сделан достаточно подробный анализ этого памятника, отмечает, что помимо слов, относящихся к северным говорам, в словарь включены некоторые бесермянские и южноудмуртские слова [Тепляшина 1995: VII–XX].

Одним из самых крупных диалектологических словарей удмуртского языка является словарь Б. Мункачи «A votják nyelv szótára», изданный в 1890–1896 годах (переиздан в 1990 году) [Munkácsi 1990]. Материалом для него послужили личные наблюдения, проведенные автором при специальной поездке к удмуртам в 1885 году, а также записи от двух информантов-удмуртов, сделанные по пути следования к манси в 1888 году. Свои материалы он дополнил за счет использования переводной литературы и опубликованных фольклорных и этнографических материалов других авторов. В словаре, согласно И. В. Тараканову, содержится около 11 тыс. лексических единиц [Тараканов 1992: 122]. Значения удмуртских слов раскрываются на венгерском и немецком языках. Во многих случаях они снабжены и русским переводом. Заимствованные слова имеют указание на язык-источник. Наименования диалектов даны по названию уездов и губерний: малмыжский, сарапульский, елабужский, глазовский, казанский, уфимский.

В «Вотско-русском словаре глазовского наречия вотяков» [1919], составленном преподавателем удмуртского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым, содержится приблизительно 2700 слов, представляющих, за небольшим исключением, северное наречие удмуртского языка. В словаре имеются слова или варианты слов, отсутствующие в других диалектах удмуртского языка, но имеющие аналоги в коми языках. К таковым относятся: *грэзь* ‘большой, необъятный’, (с. 12), ср. кз. *гырысь* ‘крупный; взрослые, старшие (в противоп. детям)’ [ССКЗД, 97]; *паляка* ‘перепелка’ (с. 27), ср. кп. *паляпа*.

Словарь И. В. Яковлева под названием «Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктйсь книга» (1919) можно назвать первым опытом составления сравнительного словаря удмуртских диалектов. Он состоит из двух примерно равных частей – удмуртско-русской и русско-удмуртской. В первой части в качестве заглавных слов размещены слова казанского диалекта, затем приводятся соответствующие слова из других диалектов с пометками: *е* – елабужский диалект, *г* – глазовский, *с* – сарапульский, *м* – малмыжский, в конце дан их русский перевод. Во второй части русские слова переведены на разные диалекты, где на первом месте стоят слова с пометкой *к* – казанский диалект. Хотя объем словаря небольшой, в нем можно найти слова, отсутствующие в других источниках. Для нас он интересен и тем, что сравнительный характер словаря создает удобства при ареальном исследовании лексики.

Одним из крупных лексикографических источников удмуртского языка является словарь Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь», изданный в 1932 году (переиздан в 1991 году). В нем содержится около 15 тыс. диалектных и общеудмуртских слов. Диалектные слова даны с пометками: *св*. (северное наречие), *ср*. (срединные говоры), *юж*. (южное наречие), *кр. юж*. (крайне-южное наречие). Кроме того, в словаре с пометкой *бес*. отмечены бесермянские слова.

Словарь Ю. Вихманна «Wotjakischer Wortschatz» [Wichmann 1987] в целом отличается достаточно точной записью слов, широким охватом диалектов, богатым материалом, что позволяет назвать этот труд одним из самых ценных источников при изучении лексики удмуртских диалектов. Материалом для словаря в основном послужили личные записи ученого, сделанные им во время поездок к удмуртам в 1891–1892 и в 1894 годах. Кроме того, он использовал лексику рукописного словаря В. Ислентьева, а также некоторые материалы Т. Аминоффа. В словаре содержится более 6 тысяч лексических единиц, представляющих 9 удмуртских диалектов.

Ценными источниками изучения диалектной лексики и грамматики являются транскрибированные тексты удмуртского языка. Начиная с конца 70-х годов вплоть до наших дней сбор и публикация удмуртских текстов активно ведется В. К. Кельмаковым. Кроме отдельных статей в составе сборников и приложений к другим работам [Кельмаков 1992; 1998], им выпущено три сборника диалектных текстов в виде отдельных книг – «Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры» [1981], «Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры» [1990], «Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1» [2015].

Книга В. И. Кельмакова «Udmurtin murteet» [Kel'makov, Saarinen 1994], выпущенная совместно с финским ученым С. Саариненом, представляет собой первую системную характеристику удмуртских диалектов, отличающуюся широтой охвата последних. Значительная часть книги состоит из образцов речи, где представлено большинство основных говоров удмуртского языка. Диалектные тексты даны с параллельным переводом на финский язык. Эта книга является ценным источником системного изучения удмуртских диалектов.

Спустя четыре года выходит еще один труд В. К. Кельмакова – «Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография» [1998]. Раздел «Диалектные тексты»

отличается более широким по сравнению с предыдущей книгой охватом диалектов. В конце монографии дана библиография по удмуртской диалектологии, включающая публикации с XVIII века вплоть до наших дней. Позднее книга была переиздана [Кельмаков 2006].

Ценными источниками для ареальных исследований служат описательные монографии по диалектам. В этом плане богатый материал (в том числе лексический) содержится в книге Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» [1970б]. Например, в языке бесермян ею удалось зафиксировать слово *tal'l'an* ‘педаль ткацкого станка’ (с. 208), которое имеет аналоги в коми языках, ср. кз. *тальлян, талян* ‘подножка (в ткацком станке)’, *талявны, талялны* ‘топтать, растоптать, утоптать’ [ССКЗД, 364]. Интересующую лексику по бесермянскому наречию в настоящее время можно найти в двух словарях, изданных московскими лингвистами [СлБес. 2013; ТезаурБес. 2017], а грамматическое описание современного состояния языка бесермян – в могорафии Н. М. Люкиной [Люкина 2016].

Неоценимой помощью в исследовании выбранной нами проблемы являются многочисленные труды исследователя северноудмуртских диалектов Л. Л. Карповой. Наиболее значительными среди них являются следующие: монография «Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка» [1997], книги «Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи» [2005] и «Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект» [2013], а также докторская диссертация «Диалекты северного наречия удмуртского языка: Формирование и современное состояние» [2018а]. Указанный «комплект» трудов позволяет найти интересующий материал любого языкового уровня по диалектам северного наречия, при этом наиболее репрезентативным является среднечепецкий диалект.

Из числа других работ, освещающих те или иные удмуртские диалекты, нам следует упомянуть следующие: нижнечепецкие говоры – Т. И. Тепляшина [1970а: 156–196]; Г. А. Архипов [1987: 84–92; 1990: 27–28]; среднечепецкие говоры – В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина [1959: 218–227]; В. М. Вахрушев [1959: 228–241]; тыловайский – Т. И. Тепляшина [1955а; 1955б]; средневосточные говоры – С. К. Бушмакин [1971а; 1971б].

Помимо перечисленных выше источников, нами были использованы записи личных полевых наблюдений над диалектами удмуртского языка, а также материалы диалектологических экспедиций факультета удмуртской филологии и Лаборатории лингвистики Удмуртского госуниверситета.

Одним из ценных источников лексики коми-зырянского языка является словарь «Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre, ausgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T. E. Uotila» [SW, 1942] (объемом около 10 тыс. слов), в котором представлены следующие коми диалекты: присыктывкарский, вычегодский, сысольский, печорский, лузский, ижемский, удорский. В основу данной работы легли материалы, собранные Ю. Вихманном во время специальных поездок в Коми край в 1901–1902 годах, которые были дополнены и обработаны Т. Е. Уотилой. Во многих словарных статьях даны этимологические соответствия из удмуртского языка.

В книге В. И. Лыткина «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем» [Лыткин 1955], помимо характеристики трех пермских языков, обзора коми диалектов, содержится словарь, в котором даны употребительные слова коми языка, имеющие диалектные варианты, а также диалектные слова, не употребляющиеся в литературном языке. Особенно важно для нас то, что наряду с лексикой большинства коми-зырянских диалектов, в словарных статьях размещены коми-пермяцкие и коми-язьвинские слова. К словам исконного происхождения или заимствованным в древнюю эпоху приводятся соответствия из других финно-угорских языков.

Двухтомный словарь Д. Р. Фокоша-Фукса «Syrjänisches Wörterbuch» [Fokos-Fuchs 1959] является самым крупным по объему среди диалектологических словарей коми-зырянского языка. Хотя по своему объему (ок. 22 тыс. словарных статей) он несколько уступает «Сравнительному словарю коми-зырянских диалектов» (см. ниже), но по богатству иллюстративного материала, вероятно, превосходит все опубликованные до сих пор словари коми языков. В словаре представлена лексика вычегодского (присыктывкарского), нижневычегодского, удорского, сысольского, лузского, летского, верхневычегодского и вымского диалектов. Данный труд создан венгерским ученым на основе материалов, собранных им во время двух поездок в Коми край в 1911 и 1913 годах. Кроме того, свои материалы он пополнил за счет опроса коми военнопленных в 1916–1917 годах во время I мировой войны.

«Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» [ССКЗД, 1961], составленный Т. И. Жилиной, М. А. Сахаровой, В. А. Сорвачевой, содержит около 25 тыс. лексических единиц. В нем представлены все основные коми-зырянские диалекты. Диалектная лексика размеще-

на в словаре в сопоставительном плане. Все диалектные варианты слов расположены в одной словарной статье, причем каждое слово снабжено указанием диалекта, в котором оно распространено. Широкий охват диалектов, высокая информативность, удачное оформление словарных статей в целом обеспечивают удобство для пользования, поэтому этот словарь в настоящем исследовании послужил основным источником коми-зырянской лексики.

Помимо собственно лексических материалов, в конце сравнительного словаря размещен «Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка», где дана краткая обобщающая характеристика фонетических и морфологических черт диалектов, представлены результаты наблюдений по распространению некоторых языковых явлений.

Начиная со второй половины 60-х годов начинается выпуск описательных монографических работ по коми-зырянским диалектам. Первая такая монография появилась по верхневычегодскому диалекту в 1966 году, авторами которой являются В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев. К настоящему времени подобные отдельные исследования опубликованы по всем десяти основным диалектам. Отметим следующие работы: Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов «Присыктывкарский диалект и коми литературный язык» (1971), Т. И. Жилина «Верхнесысольский диалект коми языка» [1975], М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков «Ижемский диалект коми языка» [1976], М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова «Печорский диалект коми языка» [1976], В. А. Сорвачева «Нижневычегодский диалект коми языка» [1978], Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов «Среднесысольский диалект коми языка» [1980], Т. И. Жилина «Лузско-летский диалект коми языка» [1985], В. А. Сорвачева, Л. М. Безносикова «Удорский диалект коми языка» [1990], Т. И. Жилина «Вымский диалект коми языка» [1998]. Кроме фонетической и морфологической характеристики соответствующего диалекта, в каждой из названных монографий в качестве приложений даны образцы народной речи и, что особенно важно, словарь диалектной лексики.

В перечисленных словарях размещены лексические единицы, отсутствующие в ССКЗД, слова, имеющие значения, не отмеченные в указанном словаре, фонетические и морфологические варианты лексем, не нашедшие ранее отражение в других источниках. Следовательно, эти словари существенно дополняют лексический материал, содержащийся в ССКЗД.

Солидными словарями отраслевой лексики по коми-зырянскому языку являются двуязычные словари А. Н. Ракина «Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь» [1989] и «Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь» [1993], в которых можно найти интересующие названия растений и животных по разным диалектам.

Одним из ранних словарей коми-пермяцкого языка является словарь, составленный управляющим Пермским имением Строгановых Ф. А. Волеговым. Рукопись, датируемая 1833 годом, была издана в 1968 году венгерским ученым К. Редеи под названием «Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows von Károly Rédei» [Wolegow 1968]. По информации самого автора, в словаре около 4000 пермяцких слов. В действительности же количество слов в нем намного меньше, которых, по подсчетам К. Редеи, около 3000 [Там же. С. 12]. Их тематика разнообразна: названия животных, растений, предметов быта, одежды, хозяйственных построек и т. д.

«Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь» Н. А. Рогова, изданный в Санкт-Петербурге в 1869 году, является крупнейшим лексикографическим трудом XIX века, представляющим коми-пермяцкий язык. В словаре [суммируя обе части) содержится около 13 тыс. слов [5000 + 8000), собранных автором в 1849–1868 гг. В нем отражена лексика южных диалектов, для которых характерно отсутствие фонемы *л*.

Коми-пермяцко-русский словарь, составленный Р. М. Баталовой и А. С. Кривощековой-Гантман [КПРС 1985] (27 тыс. слов) и включающий «Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка», к настоящему времени является одним из самым ценных источников по коми-пермяцкому языку в отношении поиска ареальных параллелей с удмуртскими диалектами. Кроме слов современного коми-пермяцкого литературного языка, в нем представлена наиболее употребительная диалектная лексика, а также идиоматика, пословицы и поговорки. Помимо материалов диалектов, собранных в полевых условиях, при составлении словаря использована лексика ранее составленных рукописных и печатных словарей.

В монографии Р. М. Баталовой «Унифицированное описание диалектов уральских языков: Оньковский диалект» [1990] дается детальное описание фонетики, морфологии и синтаксиса одного из окраинных говоров коми-пермяцкого языка. Определенный интерес в этой книге

представляют образцы лексики, представленные в виде небольшого словаря, а также образцы текстов.

«Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь (Для общеобразовательных школ)» [КПР-РКПС 1993] хотя значительно уступает по объему словарю 1985 года издания, в нем имеются слова, отсутствующие в последнем, например: *паляпа* ‘перепел’ (с. 222), ср. удм. сев. *паляка* ‘перепел’. Кроме того, русско-коми-пермяцкая часть словаря удобна при поиске коми-пермяцких лексем.

Из других источников богатый и разнообразный материал по коми-пермяцким диалектам содержит монография Р. М. Баталовой «Коми-пермяцкая диалектология» [Баталова 1975б], являющаяся первым опытом описания диалектных особенностей трех наречий коми-пермяцкого языка: северного, южного и верхнекамского. В работе представлено современное диалектное членение коми-пермякского языка. Отметим лишь один интересный факт, содержащийся в названном труде. В верхнекамском наречии, в территориальном отношении самом близком к удмуртам диалекте коми-пермяцкого языка, для обозначения ноги, как и в удмуртском языке, используется лексема *кук* (с. 221). Во всех других коми диалектах это слово произносится с гласным *о: кок*.

Определенный интерес для нас представляют и некоторые другие работы Р. М. Баталовой (см.: [Баталова 1965: 13–16; 1966: 110–121; 1967: 69–75]).

Новейшим источником коми-пермяцких диалектных слов является монография Е. Н. Федосеевой «Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка» [2015], в которой, помимо анализа лексического состава северного наречия коми-пермяцкого языка, в качестве приложения, дан словарь диалектных слов, а также размещены лингвистические карты, представляющие собой точную локализацию функционирования слов в коми диалектном континууме.

К основательным трудам по коми-язьвинскому наречию следует отнести монографию В. И. Лыткина «Коми-язьвинский диалект» [1961]. В ней даны общие сведения о коми-язьвинцах, описана фонетика и морфология их языка. В книге помещены образцы речи и словарь диалектной лексики, состоящий примерно из 3700 лексических единиц. Интересующие сведения по коми-язьвинскому наречию можно получить из работы А. Генеца «Ost-permische Sprachstudien» [Genetz 1897: 1–57], которая содержит грамматический очерк, словарь объемом в 1500 слов и тексты в переводе на немецкий язык.

В качестве методологической литературы нами были использованы следующие работы: «Общее языкознание: Методы лингвистических исследований» [1973], «Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования» [Вайнрайх 1979], «О понятии смешения языков» [Щерба 1958], «Вероятностные обоснования в компаративистике» [Серебренников 1974], «Взаимодействие лингвистических ареалов: Теория, методика и источники исследования» [1980], «Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал» [Гаджиева 1975], «Явление языковой интерференции в пограничных зонах тюркских языков Средней Азии» [Гаджиева 1977]; монографии – Е. А. Хелимского «Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели» [Хелимский 1982], С. А. Мызникова «Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения» [Мызников 2003], А. Е. Карлинского «Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты» [Карлинский 2011]. Кроме того, нам оказали помощь работы Б. А. Серебренникова [Серебренников 1957; 1977], В. И. Абаева [Абаев 1965], М. А. Бородиной [Бородина 1977], А. В. Десницкой [Десницкая 1977: 22–29] и др.

При диахроническом описании лексики нами были использованы следующие труды: Л. А. Введенская, Н. Н. Колесников «Этимология: учебное пособие» [2004], В. Пизани «Этимология. История – проблемы – метод» [1956], К. Хяккинен «Mistä sanat tulevat: Suomalaista etymologiaa» [Häkkinen 1997]. В плане поиска этимологий слов хорошую услугу оказала работа Т. Миколы «Materialen zur wotjakischen Etymologie» [Mikola 1977], представляющая собой указатель материалов к удмуртским этимологиям.

0.5. Проблемы этнического формирования пермских народов

Территория Европейского Северо-Востока и Прикамья была заселена человеком уже в глубокой древности, около 50–70 тыс. лет тому назад, в эпоху нижнего палеолита. Самым ранним археологическим памятником этого периода является стоянка в местности Крутая Гора на средней Печоре. Следующая эпоха – верхний палеолит (35 000–8 000

лет до н. э.) – представлена уже несколькими стоянками: Бызовой, Крутой Горой и Медвежьей пещерой [Подоплелов 1985: 6; ИстКоми 1978: 5; Иванова 1984: 22–23].

На этой огромной территории жили племена, относящиеся к уральской языковой семье. Эта уральская языковая общность, объединяющая носителей самодийского и финно-угорского языков, разделилась около IV тыс. до н. э. После раздела финно-угорский язык-основа более или менее поддерживал свое единство до III–II тыс. до н. э. В этот период древние угры откололись от финно-угорского праязыкового сообщества. Следующее расщепление восточно-финской ветви происходит около II тыс. до н. э., когда заканчивается единая финно-пермская эра [Хайду 1985: 159; Лаллукка 1997: 43].

Финно-угорская недифференцированная общность археологически представлена многочисленными памятниками волго-камского неолита. С прафинно-пермским населением связывают памятники эпохи неолита, известные под названием волосовско-гаринско-борских. Приказанскую культуру, сформировавшуюся на территории Прикамья, Северного Приуралья и Среднего Поволжья, соотносят с прапермянами [Голдина 1987: 8]. Пермская ветвь обособляется от финно-волжской в раннем железном веке и связана с ананьинской культурной общностью (VIII–III века до н. э.). Эта культурная общность территориально почти полностью совпадает с областью распространения культур позднебронзового периода, что свидетельствует, очевидно, о сравнительно спокойном эволюционном развитии прапермян в это время.

Исследователи считают, что ананьинская культурная общность складывалась на местной прапермской основе, при этом в каждом районе в генезисе ананьино были свои особенности, определявшиеся контактами, культурным воздействием соседей, иногда внутренними миграциями. Например, южная группа ананьинцев вела интенсивные контакты с древнеиранскими племенами – скифами и сарматами, а северная испытывала значительное влияние со стороны зауральского населения. Эти особенности определили своеобразие каждого региона, но не могли изменить культурную характеристику памятников. Дальнейшее развитие производительных сил, массовое использование железа для изготовления орудий труда и оружия, неравномерность исторического развития отдельных областей привели к тому, что на огромной территории ананьинской общности складываются две куль-

туры – пьяноборская и гляденовская [Голдина 1987: 10–11; Стоколос 1975: 15–16; Иванова 1994: 28, 37].

Однако в отношении ананьинской общности некоторые ученые придерживаются несколько иной точки зрения, полагая, что она явилась основой формирования не только для пермских народов, но и более широкого круга финно-угорских народов и этнографических групп Волго-Камско-Уральской области (мордвы, марийцев, мери, муромы и др.) (см. об этом: [Кузеев 1992: 27–28]). В территориальном плане ядром ананьинского мира являлось Волго-Камье. Западные границы этой культуры проходили по правобережью Средней Волги от устья Суры до устья Камы. Отсюда наблюдается продвижение ананьинцев в северо-западном направлении вплоть до Онежско-Сухонского озерного края и Карелии, а в восточном направлении – до среднего течения Камы и Белой. Южная граница их проживания в целом совпадала с границей леса. На севере, по-видимому, заселяли берега Вычегды, Мезени и Печоры [ИстУдм. 2007: 126].

По сложившимся среди большинства археологов представлениям, с финалом ананьинской культуры (III в. до н. э.) происходит распад общепермской общности (см. об этом: [Голдина 1987: 10–11; 1999: 209; Савельева 1995: 13]). В пьяноборской общности, представленной несколькими вариантами: чегандинским (Удмуртское Прикамье, низовья р. Белой), караабызским (северо-западная Башкирия) и худяковским (Средняя и Нижняя Вятка), видят предков удмуртов. Гляденовскую культуру (III в. до н. э. – V в. н. э.), расположенную в Среднем и Верхнем Прикамье, а также в бассейне рек Выми, Вычегды, Мезени, Печоры, связывают с предками коми [Голдина 1989: 24–25; Традиц. 1994: 24–26].

Необходимо подчеркнуть, что положение о распаде общепермской общности с завершением ананьинской археологической общности вступает в противоречие с выводами ученых-лингвистов, которые данное событие датируют концом I тыс. н. э.: VIII–IX или IX–X века (В. И. Лыткин), VIII в. (П. Хайду) [Лыткин 1957: 24; 1967: 136; Хайду 1985: 49]. На основе специального исследования проблемы распада общепермской общности С. К. Белых [1998а: 122] начало данного процесса относит к XI–XII векам., а окончательное завершение – к XIV–XV векам[1].

---

[1] Мнение автора о времени распада прапермской общности высказано в Заключении.

Большинство памятников пьяноборской культуры располагаются на тех же площадях, что и ананьинские, и, согласно Р. Д. Голдиной [Голдина 1987: 12–14], обнаруживают преемственность с последними. Необходимо отметить, что среди ученых пока нет единого мнения ни в отношении хронологии пьяноборских памятников, ни к последующим судьбам пьяноборского населения (см. [Иванова 1994: 38]).

Гляденовских памятников на территории Коми Республики немного (не более двух десятков). Большинство их представлено селищами. Южные гляденовские памятники располагаются преимущественно по Средней Каме. Памятники данной культуры складываются на той же территории, что и ананьинские, и в материальной культуре обнаруживают прямую преемственность [Голдина 1987: 11–12]. Сходство южных и северных гляденовских памятников, по мнению ученых, объясняется тем, что данная культура первоначально сформировалась в Прикамье, откуда она впоследствии распространилась в более северные широты [ИстКоми 1978: 16].

В конце IV века н. э. в Приуралье проникает значительная группа населения лесостепного западносибирского происхождения, принесшая сюда курганный обряд захоронения. Под воздействием пришельцев произошел сдвиг отдельных групп к северу (гляденовское население из Среднего продвинулось в Верхнее Прикамье) и к западу (позднечегандинское – на р. Валу). В результате смешения пришлого и местного населения в V–VI веках в Верхнем и Среднем Прикамье формируются три новые в основе своей пермоязычные культуры – ломоватовская (на Верхней Каме), неволинская (на р. Сылве) и поломская (на р. Чепце) [Голдина 1987: 14; Стоколос 1975: 16].

Следует остановить внимание на поломской археологической культуре. Группы памятников названной культуры располагаются по правобережью верхнего течения р. Чепцы. Данная культура начинает складываться в V веке, на основе которой впоследствии примерно с IX–X века развивается чепецкая археологическая общность (см.: [Иванова 1994: 64–77; Иванов 1998: 26–29, 116–118]). В целом поломская культура представляет собой сложное образование, основными компонентами которого явились позднегляденовские, мазунинские, харинские, а позднее – азелинские переселенцы [Иванов 1998: 42]. Данная культура, по мнению ученых, впоследствии послужила базой для формирования северных удмуртов [Семенов 1989: 101–102; Иванова 1989: 27–29].

В Нижнем Прикамье, низовьях и среднем течении р. Белой, в нижнем и среднем течении р. Вятки с притоками в V–IX веках формируются постпьяноборские культуры. В этом регионе выделяются две зоны: юго-восточная (бахмутинская и верхнеутчанская) и западная (еманаевская). Бахмутинская культура была ассимилирована постепенно продвигающимися с юга пришлыми группами различного происхождения, а верхнеутчанская явилась основой для сложения южных удмуртов. Население еманаевской культуры в дальнейшем послужило истоком для формирования нескольких групп удмуртов: Ватка, Калмез, кукморско-шошминских и др. [Голдина 1987: 23].

В V–IX веках в бассейнах рек Вычегды, Мезени и Печоры развивается ванвиздинская археологическая культура. С учетом того, что ранние ванвиздинские комплексы тождественны ранним комплексам поломского и зюздинского (верхокамского) типа и проявляют с гляденовцами генетическую связь, археологи считают, что они (ванвиздинские комплексы) прдставляют собой местную линию развития пермского этноса. При этом наблюдается заметное влияние переселенцев из Прикамья, а также западно-сибирских (угорских) групп, определивших, вероятно, существенные различия между ванвиздинской и ломоватовско-неволинской общностью. Своеобразие ванвиздинской общности определялось малочисленностью населения, значительным воздействием западного (финского) и восточного (угорского) населения (см.: [Савельева 1989: 91–92; Голдина 1987: 19–20]).

X век характеризуется возникновением в Прикамье и на Северо-Востоке Европы новых археологических культур.

Развитие удмуртской общности этого времени связывают с тремя крупными объединениями: чепецкой (X–XIII вв.) – в среднем и верхнем течении р. Чепцы, кочергинской (X–XIV вв.) – на Средней Вятке и чумойтлинской (X–XV вв.) – в южной части камско-вятского междуречья [Голдина 1987: 23–30; Иванов 1998: 124–125].

Вымская культура (X–XIV вв.), известная также под названием перми вычегодской, складывается на основе ванвиздинской на р. Вымь, Средней и Нижней Вычегде, Вашке, Лузе [ИстКоми 1978: 23–24]. Носители данной культуры представляли из себя предков коми-зырян, которые сохраняли еще известное единство с коми населением, проживавшим в Верхнем Прикамье.

Непосредственными предками коми-пермяков, по мнению большинства ученых, является население родановской культуры, которая развивается в Верхнем Прикамье в X–XV веках на основе ломоватовской (см.: [Савельев, Коньшин 1997: 19; Голдина 1987: 24]).

Важной вехой в истории развития народов Волго-Уральского региона является появление здесь в VIII веке тюркоязычных булгар, пришедших с Предкавказья и Нижнего Поволжья, позднее – из Приазовья и Подонья и образовавших в X веке государство в Среднем Поволжье [Останина 1995: 4]. Булгары оставили заметный след в истории как древних удмуртов, так и коми. Так, лингвистами установлено, что в современном удмуртском языке насчитывается около 200 булгарских заимствований (в коми – около 30) [Тараканов 1993: 25; Лыткин 1967: 132–137]. Тесные связи прикамского населения с булгарами прослеживается и на археологическом материале (см. [Иванов 1998: 126–149]).

Булгарские вещи на памятниках перми вычегодской появляются после X века – после формирования Булгарского государства. На основе анализа археологического материала Э. А. Савельева [1991: 97–98] приходит к выводу, что в бассейне Вычегды булгарские поселения отсутствовали, а отношения вычегодских пермян с булгарами носили в основном торговый характер. Помимо связей с булгарами, в X–XIII веках предки коми-зырян имели отношения с прибалтийско-финскими народами [Лыткин 1957: 72–73; Жеребцов 1982: 44–45].

Южные удмурты в XIII веке попадают в сферу влияния татаро-монгол, а их северные соплеменники начали испытывать влияние русского населения, которое появилось на Вятке в конце XII – начале XIII столетия. К концу XIV века Вятская земля была включена в состав владений Владимиро-Суздальского княжества, а в 1489 г. она вместе с коренными жителями края – северными удмуртами вошла в состав Московской Руси. После падения Казани (1552 г.) южные удмурты также вошли в состав этого государства [Удмурты 1993: 36–38; Макаров 2008: 243–248].

Падение Казани открыло дорогу русской экспансии на восток. Так как восточно-финские земли лежали непосредственно на пути русской колонизации, русское влияние было сильным и постоянным. Под давлением первых поселенцев и торговцев большое число коренного населения ушло в более отдаленные места проживания. Это есть главная причина того, что территории, заселенные восточно-финскими

народами, потеряли свою монолитность. В результате миграций тип расселения в Волго-Уральском регионе стал этнически смешанным [Лаллукка 1997: 52–53].

После вхождения территорий, населяемых удмуртами, в состав Русского государства происходившие в стране изменения в экономике, общественной жизни находили отражение и на ее территории. Дальнейшее развитие сельского хозяйства, рост производства обусловили вовлечение удмуртов в систему товарно-денежных отношений, а это определяло характер процессов дифференциации крестьянства. В XVII веке в основном сложилось административно-территориальное деление удмуртских земель. Земли северных удмуртов почти целиком входили в состав Каринского стана Хлыновского уезда. В конце века этот стан разделился на доли: удмуртскую, татарскую, бесермянскую [Гришкина 1994: 72–73].

Территория современной южной Удмуртии по преимуществу являлась частью Арской дороги Казанского уезда. Удмуртское и татарское население делилось на сотни, русское – на волости. Юго-западные районы Удмуртии входили в состав Зюрейской дороги Казанского уезда, а территория по нижнему и среднему течению Ижа относилась к Уфимскому уезду [Там же. С. 73].

В течение XVII века почти завершилось формирование современного территориального расселения удмуртов. В результате интенсивного процесса освоения западных районов Вятской земли, с возрастанием феодального гнета удмуртские крестьяне окончательно покинули среднее и верхнее течение Вятки и сосредоточились в бассейне Чепцы [Гришкина 1994: 73]. Население как Удмуртии, так и Коми края в основном относилось к группе государственных черносошных и ясачных крестьян. Помещичьи крестьяне составляли не более 1 % населения [Там же. С. 4].

Места обитания коми располагались посреди сети рек, формирующих торговый путь из Северной Европы в Сибирь. Это выгодное местоположение было замечено их славянскими соседями: на рубеже I и II тысячелетий н. э. начинается их продвижение на Север. В XI–XII ваках русские переселенцы обосновываются в западных и юго-западных районах обитания пермян – на Сухоне, Юге, в Верховьях Ваги и на Верхней Северной Двине [Традиц. 1994: 26]. Наиболее вероятное массовое заселение южных территорий обитания коми (зырян) русским населением происходит в XIV–XV веках и особенно в XV–XVII ввеках,

когда по Лузе был проложен важный военно-торговый путь на Вятку и Каму [Жеребцов 1982: 118–119].

В XI веке в русских летописях коми упоминаются как данники Руси. Первоначально коми попали под влияние Ростово-Суздальского княжества и Новгорода, а несколько позднее – в XIV веке – их территория постепенно отошла к Московской Руси. Славянское (русское) влияние на коми, начавшееся с X–XI веков, постепенно усиливается и в XV–XVII веках становится определяющим [Жеребцов 1982: 44–50].

Среди коми населения насаждение православия началось еще в XIV веке Стефаном Пермским, который в своем деле успешно использовал знание коми языка. Им же был создан первый древнекоми алфавит.

В XIV веке у коми продолжался процесс разложения первобытнообщинного строя и складывания феодальных отношений. Во главе общин стояли «старцы». Из среды общинников выделяется земледельческая знать – князья, имевшие черты мелких феодалов, которые уже успели захватить часть принадлежавших их племенам земель. Процесс становления феодализма в Коми крае приводил к постепенному сложению народности коми на базе целого ряда родственных друг другу коми племен (вычегжан, сысоличей, вымичей и др.). Общность населения складывалась прежде всего на базе общности языка как важнейшего средства человеческого общения. Центром формирующейся территории коми-зырян явились Вымская и Вычегодская земли, где в XIV–XVI веках имелось довольно значительное население [ИстКоми 1978: 30–32]. Происходит дальнейшее заселение еще не обжитых районов на севере и востоке. Так, на базе переселенцев с Сысолы, Вычегды, Выми и Вишеры формируется население Верхней Вычегды. Заселяется Печора и ее ранее необитаемые притоки – Цильма, Верхняя Ижма, Илыч. Коми-ижемцы проникают в глубь тундры – Полярного Урала, где входят в контакт с ненцами, ханты и манси [Традиц. 1994: 27–33].

Главной отраслью производства коми после вхождения в состав Русского государства, как и прежде, оставалось сельское хозяйство. Однако развитие экономики в России сказалось и на Коми крае. Это нашло выражение в расширении использования горнорудных богатств, промышленной разработке лесов, в зарождении и развитии новой для края металлургической промышленности. Начинают строиться различные заводы, население успешно торгует с Москвой, Сибирью [ИстКоми 1978: 43–51].

Археологические памятники родановского периода (X–XV вв.) сосредоточены примерно в тех же границах, где живут современные коми-пермяки. По мнению некоторых исследователей Прикамья, родановское население уже можно считать коми-пермяцким: оно сформировалось на базе местных племен и говорило на близком удмуртскому коми языке [Савельев, Коньшин 1997: 19].

В русских летописях территорию проживания коми-пермяков именуют Пермью Великой, в отличие от Перми Вычегодской – области проживания коми-зырян. После утверждения своей власти на Вычегде Московское государство постепенно расширяет свое влияние в Прикамье. В 1462 году начинается крещение коми-пермяцкого населения, что, по мнению А. С. Савельева и А. Е. Коньшина, означало установление зависимости камских земель от Москвы [Савельев, Коньшин 1997: 20].

Уже в XIV – начале XV века в Верхнем Прикамье появляется оседлое русское население, селившееся совместно с коми-пермяками [Голдина 1996: 18]. В 1472 году происходит окончательное присоединение коми-пермяцких земель к Русскому государству, после чего начинается массовый приток на эти земли русского населения [Савельев, Коньшин 1997: 20]. После вхождения Верхнего Прикамья в состав России происходит его общий экономический подъем. Коми-пермяцкое население от охотническо-рыболовецкого хозяйства окончательно переходит к земледельческо-скотоводческому. Бурно развиваются верхнекамские солеваренные промыслы. Позднее (в XVIII в.) на этой территории появляются медно-чугуноплавильные и железоделательные заводы [Там же. С. 21–22].

Политика царской России была направлена на то, чтобы подчинить своей власти нерусские народы, насильно включая их в процесс христианизации, и в конечном итоге вела политику полного обрусения инородцев. Естественно, в таких условиях пермские народы, как и другие нерусские народы, были обречены на ассимиляцию русскими. Революция 1917 года изменила эту ситуацию. Народам была предоставлена возможность создавать свои автономии, развивать язык, культуру. Удмурты и коми-зыряне создали свои автономные республики, коми-пермяки – автономный округ в составе Пермской области.

Вотская автономная область была учреждена 4 ноября 1920 года. В 1932 году удмуртам возвращено их исконное самоназвание. В 1934 году автономная область удмуртов получила статус автономной

республики (УАССР), которая с 1990 года официально называется Удмуртской Республикой (УР).

Как известно, удмурты – это второй по численности населения народ финно-угорской группы в России. По переписи 1989 года их количество составило 747 тыс. человек (численность населения УР – 1 млн. 609 тыс. чел.) Удмурты делятся на северную и южную группы. Удмурты, проживающие в центральных районах, образуют промежуточное звено между двумя группами. Отдельную этнографическую группу составляют бесермяне, проживающие на севере Удмуртии и говорящие на особом диалекте удмуртского языка [Лаллукка 1997: 107–118].

В соответствии с результатами Всероссийской переписи населения 2010 г. в России насчитывалось 552,3 тыс. удмуртского населения; из данного числа удмуртский язык назвали родным 324 тыс. человек, что составляет 58,7 % [Перепись 2010; Удм. язык]. В Удмуртской Республике проживает 1 млн. 513 тыс. тыс. чел. (2018 г.), среди них: русских – 62,2 %, удмуртов – 28 %, татар – 6,7 % [Удмуртия].

Перепись 2010 года зафиксировала бесермян в количестве 2201 человек. В 1926 году их было 26 тыс. Позднее бесермян официально причисляли к удмуртам. Только в июне 1992 Президиум Верховного Совета Удмуртской Республики принял постановление о восстановлении статуса бесермянского народа [Бесермяне].

Коми (Зырянская) автономная область была учреждена в августе 1921 года. 5 декабря 1936 года она преобразована в автономную республику [Лаллукка 1997: 60–61]. По переписи 1989 года численность коми населения составила 345 тыс. человек (население Коми Республики – 1 млн. 263 тыс. чел.) [Там же. С. 144].

В 2010 г. в России проживало около 228 тыс. коми-зырян [КЗЯ]. По другим данным – 224 тыс., кроме того 6,4 тыс. – коми-ижемцев [Перепись 2010]. Носителей языка коми меньше – родным язык коми назвали лишь 156 тыс. человек [Перепись 2010; КЗЯ]. В Республике Коми проживает 841 тыс. чел. (2018 г.), русских – 65,1 % (556 тыс.), коми – 23,7 % (202 тыс.) [Республика Коми].

Коми-Пермяцкий национальный округ в составе Пермской области был образован 26 февраля 1925 года (с 1990 г. – автономный округ). Это сыграло положительную роль в этнокультурном развитии коми-пермяцкого народа. По переписи 1989 года численность всех коми-пермяков составила 152 тыс. человек. В составе коми-пермяков выделяются две

большие этнические группы: коми-пермяки бассейна реки Язьва и так называемые зюздинские коми-пермяки, проживающие в истоке Камы. Так как они оказались изолированными от основного этнического объединения, обе группы в настоящее время сильно ассимилированы окружающим русским населением [Шабаев, Лаллукка, Дерябин 1997: 80–81]. Отмечается сравнительно небольшой рост коми-пермяков в последнее столетие по сравнению с близкородственными коми-зырянами. То, что две большие группы коми-пермяков – язьвинские и зюздинские коми – остались за границами своего автономного объединения, тоже способствует быстрой ассимиляции этой национальности. Зюздинская группа, проживающая в Афанасьевском районе Кировской области, по переписи 1970 г. зафиксирована в количестве 7000 человек, последние переписи их уже не фиксируют. Язьвинская группа сохранилась лучше и в настоящее время их насчитывается около 2000 человек. Коми-пермяки по переписи 1989 года составили 60 % от всего населения округа, а в четырех районах из шести они были абсолютным большинством [Шабаев, Лаллукка, Дерябин 1997: 82].

В соответствии с переписью 2010 года всего в России насчитывалось около 94,5 тыс. коми-пермяков, из них 63,1 тыс. говорили на коми-пермяцком языке, в том числе 2 тыс. чел. на коми-язьвинском наречии [Перепись 2010; КПЯ].

В настоящее время Коми-пермяцкий округ – административно-территориальная единица с особым статусом в составе Пермского края, с населением 109,6 тыс. чел. (2017 г.), из числа которых коми-пермяков – 59 %, русских – 38 % [КПО].

* * *

Подводя итоги обзора исторического развития пермских народов, подчеркнем наиболее важные моменты, необходимые для понимания истории удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков.

Распад финно-пермского языка-основы происходит около середины II тыс. до н. э., когда из его состава постепенно выделяется общепермский язык-основа.

Развитие общепермской общности в раннем железном веке связано с ананьинской археологической культурой (VIII–III вв. до н. э.).

В III веке до н. э. названная археологическая культура распадается на пьяноборскую и гляденовскую. Дивергенция ананьинской архе-

ологической культуры не означала распада общепермского языка-основы.

Появление в VIII веке в Среднем Поволжье тюркоязычных булгар и возникновение в X веке раннефеодального государства Волжской Булгарии оставили заметный след в культуре и языке пермян. При этом наиболее заметный булгарский след остался в языке и культуре предков удмуртов, которые находились в сфере булгарского влияния до монголо-татарского нашествия. В то же время предки коми, покинув прежние места обитания примерно в X–XI веках, постепенно начинают испытывать славянское (русское) влияние, которое в XV–XVII веках становится для коми определяющим.

В XV–XVII веках территории проживания южных коми-зырян и северных удмуртов постепенно заселяются русским населением, что в какой-то степени сократило возможности для взаимных контактов между близкородственными удмуртским и коми народами. Однако, окончательные связи между пермскими народами прекратились только в начале XX века

0.6. Транскрипция

Звуки, распространенные в большинстве диалектов пермских языков и совпадающие с литературной нормой произношения

Гласные

а = a	*у = u*
и = i	*ы = i̯ (i̊, i̯, y)*
о = o	*э = e*
ӧ = e̯ (e̯, ӧ)	

Согласные

б = b	*н = n*
в = v	*н′ = ń*
г = g	*п = p*
д = d	*р = r*
д′ = d′	*с = s*
ж = ž	*с′ = ś ś̌*

ӝ = *ǯ* (*ǯ̌, dž, ḍž*)
з = *z*
з′ = *ź, ẑ́*
ӟ = *ǯ́* (*ǯ′, ǯ́, d′ź, d′ž, d′ẑ́*)
й = *j*
к = *k*
л = *l*
л′ = *l′*
м = *m*
н = *t*
н′ = *t′*
ф = *f*
х = *χ*
ц = *c*
ч = *ć* (*č′, ć, t′ś, t′ś́*)
ҵ = *č* (*ć̌, ṭš*)
ш = *š*
щ = *ś́ś́* (*š′š′*)

Диалектные гласные

ä = *ä* (*ạ*) – неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъема;

ȯ́ = *ȯ* (удм. диал. *ö*°) – огубленный гласный среднего (средне-переднего) ряда; встречается в примерах по коми-язьвинскому наречию;

ö° = *ȯ* (*ö, ȯ, ṭ̈*) – огубленный гласный среднего (средне-переднего) ряда; употребляется в говорах арского типа;

ө = *ə̂* (удм. диал. ъ) – неогубленный гласный средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема; встречается в коми-язьвинских и бесермянских примерах;

ÿ = *u̇* (*ш, ü*) – огубленный гласный среднего (средне-переднего) ряда верхнего подъема; встречается в периферийно-южном диалекте, изредка – в некоторых говорах собственно южного диалекта, а также в коми-язьвинском наречии;

ъ = *ə̂* (*ө, ɵ, õ, ẹ, ẻ̊*) – неогубленный гласный средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема (см. также: *ө*);

ы̆ = *ị̂* (*ḭ̊*) – неогубленный гласный средне-заднего ряда верхне-среднего подъема, промежуточный между *ы* и ъ; употребляется в понинском подговоре глазовского говора среднечепецкого диалекта, отчасти в граховских и кырыкмасских говорах;

ӹ, ь = *ə* (*ė*) – неогубленный гласный передне-среднего ряда среднего (? средне-верхнего) подъема; в качестве отдельной фонемы функционирует в ташкичинском, татышлинском и красноуфимском говорах периферийно-южного диалекта.

Диалектные согласные

ŋ = *ŋ* (*ñ*) – заднеязычный носовой сонант; употребляется в южном наречии и некоторых срединных говорах;

ў = *u̯* (*ш*) – билабиальный сонант (неслоговой *у*); в сочетаниях *кўа-* и *кўи-* употребляется повсеместно; в анлаутном *ўа-* употребляется в нижне- и среднечепецком диалектах, в отдельных говорах верхнечепецкого диалекта, а также в говорах Закамья и бесермянском наречии.

Прочие обозначения

Г = V – обобщенное (символическое) обозначение гласного звука

С – обобщенное (символическое) обозначение согласного звука

Г˙ = V˙ – основное ударение (по технических причинам так же в отдельных коми-пермяцких и коми-язьвинских примерах)

Г: = V: – побочное ударение

̂ – обозначение закрытости гласного: *o̯*

̆ – обозначение открытости гласного: *o̯*

̑ – перенесение места артикуляции назад: *d̑', ę*

̓ – перенесение места артикуляции вперед: *l̓*

̯ – неслоговой характер гласного: *i̯*

̊ – открытый *о*

ε – открытый э (*е*)

̣ (точка под литерой) – какуминальное (церебральное) произношение согласного (образуется при поднятом вверх крае передней части спинки языка): *ṭ, ḍ, ṣ̌, ẓ̌*

̥ – слоговой характер согласного: *н̥, l̥, r̥*

ᵇ*н-*, ᵞ*н-* – редуцированный характер гласного *ы* (*ъ*)

( ) – знак слогораздела

ø – ноль-звук (полное выпадение звука)

// – знак для обозначения корреспондирования фонем и альтернативного употребления других языковых единиц

~ – знак, указывающий на параллельно употребляющиеся языковые единицы

< или > – знак, указывающий на переход одной формы в другую или на происхождение одной формы от другой

<= или => – знак, указывающий на направление языкового влияния

= – знак точного соответствия

≈ – знак приблизительного соответствия

Глава 1

СЕВЕРНОУДМУРТСКО-КОМИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

В настоящей главе анализируются лексические единицы, которые имеют ограниченное распространение в удмуртских диалектах, но являются обычными в коми языках (коми-зырянском и коми-пермяцком). Бóльшая часть отобранных нами слов распространена лишь в северном наречии. Но зачастую языковые явления, широко известные в коми языках, охватывают не только северноудмуртские диалекты, но и отчасти территориально примыкающие к ним срединные говоры. Примером такого явления может служить слово *синву* ‘слеза, слёзы’ (< *син* ‘глаз’, *ву* ‘вода’), распространенное в северном наречии и северной группе срединных говоров. Оно находит параллели в коми языках, ср.: кз. кп. *синва* (< *син* ‘глаз’, *ва* ‘вода’). В то же время в южной группе срединных говоров и южном наречии удмуртского языка понятие «слеза, слезы» передается словом *синкыли*, второй компонент которого восходит к финно-угорской праформе со значением собственно ‘слеза’. Подобные схождения такж вошли в число рассматриваемых объектов.

В ходе исследования нами обнаружены изоглоссные явления, которые, встречаясь в северном наречии удмуртского языка или даже в каком-нибудь одном из его говоров и образуя единый ареал с коми языковой областью, могут существовать отдельным небольшим островком вдали от основной территории распространения. Такими островными ареалами чаще всего выступают периферийно-южные говоры. В качестве примера приведем северноудмуртское *аскы* (*аску*) ‘завтра’, ср. кз. *аски, аскы* ‘тж’. Соответствие данного слова в форме *аскыз* ‘на завтрашний день’ выявлено в одном из периферийно-южных

говоров – шошминском. Островные зоны изоглосс, как правило, ускользают из поля зрения исследователей. Между тем при изучении истории языковых явлений они могут существенно повлиять на результат.

Помимо собственно лексических (лексико-семантических) изоглосс, в настоящей главе рассматриваются семантические изоглоссы – общие по происхождению лексемы, которые широко распространены в пермских языках, но некоторые их значения для южной диалектной зоны удмуртского языка не характерны.

Отдельные словообразовательные (лексико-морфологические) или лексико-фонетические варианты слов нередко занимают ограниченную территорию в удмуртском, при этом у них могут существовать соответствия в коми языках. Изоглоссные явления названного типа также послужили объектом анализа в одном из разделов настоящей главы. В северной диалектной зоне нами выявлено несколько лексических единиц, имеющих прозрачную внутреннюю структуру, однако с точки зрения номинации их мотивационные признаки выглядят весьма необычными. В качестве примера приведем лексему *ӧушкон* ‘головной платок’, употребляемую в слободском говоре северного наречия. Она образована от глагола *ӧушкыны* ‘вытереться, утереться’. В большинстве диалектов удмуртского языка слово *ӧушкон ~ ӧуӵкон ~ ӧушис'кон* используется для обозначения полотенца, что соответствует мотивационному признаку реалии. Аналог необычного способа номинации рассматриваемого слободского слова можно найти в коми языках. Подобные языковые схождения мы отнесли к структурным изоглоссам, которые возникли в процессе калькирования внутренней формы лексической единицы, относящейся к словарному составу контактирующего языка.

Описание изоглоссных явлений проводится в следующем порядке: 1) удмуртское слово, набранное полужирным шрифтом, представляет название изоглоссного явления; 2) после двоеточия – диалектные данные, как правило, собранные в полевых условиях самим автором; 3) далее за вертикальной чертой (|) – материалы опубликованных источников (обычно лексикографических), в целом расположенные в хронологическом порядке; 4) за двумя вертикальными чертами (||) – материалы по коми языкам (диалектам); 5) ниже идет анализ и интерпретация языковых данных.

1.1. Собственно лексические изоглоссы

1) аскы: нч. сч. *аскы*, сч. бес. *аскъ*, сч.: яр., вч.: кез. *аску* ‘завтра’ | G B *askị̂* ‘тж’, *askaz* ‘на следующий день’, MU *askịs* ‘тж’ [Wichm., 9]; сев. *аскы, аску* ‘завтра, на другой день, на следующий день, наутро’ [Бор., 19]; нч. *аскы* ‘завтра’ [Тепляшина 1970а: 183]; сч. *аску, аскъ, аскы, аскы̆* ‘тж’ [Карпова 2013: 75] || кз. вс. *аскы*, лл. сс. скр. вв. (Крч.) печ. *аски*, вв. (Бог.) *аскыы* ‘тж’ [ССКЗД, 13]; кз. повс. *асыв, асыл* и др. ‘утро; утром’ [ССКЗД, 14]; Vm *as*, V *asę̣* ‘завтра’ [FF, 44]; кп. зд. луп. *аски* ‘тж’ [ДХПЯ, 26, 29]; мыс.-луп. *аски* ‘тж’ [Федосеева 2015: 126]; кп. *ашын* ‘тж’, *асыв* ‘утро; восток’ [КПРС, 22–23]; кя. *áшөн* ‘завтра’, *áсөл* ‘утро; восток; восточный’ [КЯД, 86].

Рассмотрим мнения исследователей о происхождении слов *аскы, аски*. В. И. Лыткин приходит к мысли, что данные слова состоят из этимологического корня *ас-*, который наличен в коми словах *асъя* ‘утренний’, *асыв* ‘утро’, и элемента *-к-*, являющегося остатком финно-угорского *k*-ового латива (который отвечал на вопрос «куда?», «в какое время?»). Рассматриваемые слова ученый возводит к общепермскому **aski* ‘наутро’. Основа *ас-* некогда означала ‘утро; восток’ [КЭСК, 34]. По поводу происхождения данной основы существуют различные мнения: 1) делается попытка сравнения с латинским и греческим *Asia* ‘Азия’ [КЭСК, 34]; 2) считают возможным увязать с иранским словом *ās* ‘высокий’, которое могло употребляться для обозначения расположенных на востоке Уральских гор [Там же]; 3) возводят к хантыйскому названию Оби – *Ас*, от которого могло развиться понятие востока как обской стороны [Серебренников 1973: 35–36]; 4) увязывают с тюркскими словами с аналогичной основой, имеющей значения ‘польза, выгода’ [ЭСУЯ, 125–126]. Из четырех версий нам больше импонирует предположение Б. А. Серебренникова, согласно которому слово *ас* первоначально служило для обозначения обской стороны, востока. На базе данной семантики впоследствии развились значения ‘утро’, ‘завтра’. Аналогичного мнения впоследствии придерживались и авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» (см. [ДопКЭСК 1999: 391]).

Изоглосса *аскы ~ аски* охватывает нижнечепецкий, среднечепецкий диалекты, отдельные верхнечепецкие говоры северного наречия, а также бесермянское наречие, откуда она простирается к коми-зырянским диалектам. Основа данных слов *ас-* характерна для всего коми языкового континуума. За пределами обозначенного ареала исследуемое

изоглоссное явление зафиксировано только в одном из периферийно-южных говоров – шошминском, представляющим собой зону затухания. В большинстве удмуртских диалектов слово *аскы* было ввытеснено новообразованием *ӵуказе* ‘завтра’, происходящим от основы *ӵук* ‘утро, рань; утром’ и компонента *азе* ‘к’. Не исключено, что данная инновация произошла под влиянием тюркских языков, ср.: тат. *иртә* ‘утро’ и *иртәгә* ‘завтра’ (букв. ‘к утру’. – *С. М.*) [РУТС 2013: 137, 493].

Письменные источники фиксируют также слово *асыл* (*asyl*) ‘утро, восток’ [Wied., 463], которое в современном удмуртском вышло из употребления, однако бытует в коми языках.

2) бред: сч.: гл., бес. *брэд*, гл. *йӧ бᵇрэд, йӧ брэд* ‘наледь, заплыв воды на льду (на реке)’ (*йӧ* ‘лёд’). В большинстве других диалектов вместо приведенных слов употребительны лексемы *бырдам* ‘покрытый наледью, обледеневший; наледь; слоистый лед на речке’, *йӧкурам* ‘наледь’ [УРС 1983: 64, 172], которые по происхождению является причастиями от глаголов *бырданы, кураны* ‘обледенеть, покрыться наледью’. Следует отметить, что исследуемое слово *брэд* выражает несколько иное понятие, чем *бырдам* ‘наледь’, которое в указанном значении также употребительно и в среднечепецком диалекте; при этом данное понятие чаще выражается предикативным причастием *бърдамън* ‘обледенело, образовалась наледь’. Слова, тождественные лексеме *брэд*, в других диалектах пока не выявлены; в качестве дублетного слова можно лишь привести слово *сул′а* сч.: гл. (Пом.), хотя таковым в диалектах, по-видимому, может выступать и слово *бырдам*: ср. *бырдам* ‘слоистый лед на речке’ [Бор., 37].

Прямые соответствия исследуемого слова имеются в коми языках: кз. *бырӧд, быред* ‘наледь, наплыв воды под снегом, заплыв воды на льду’ (ср. *бырӧдавны, бырӧдалны* и др. ‘появляться, появиться, выступать, выступить наледи’) [ССКЗД, 34]; V *va-bi̯re̯d* ‘незамерзшее место во льду’ [FF, 86–87]. Обратим внимание на разницу значений среднесысольского слова *бырданы* ‘появиться, выступать наледи’ [ССД, 73] и аналогичного удмуртского глагола *бырданы* ‘обледенеть, покрыться наледью’. Слово, близкое в фонетическом отношении с *быред*, зафиксировано и в коми-пермяцком языке, ср. кп. *бырэтъ* (*бырӧт*) (ЛПЯ) ‘накипь’ [Баталова 1967: 72], но оно, скорее всего, имеет свою историю происхождения.

В. И. Лыткин коми слово *бырӧд* и удмуртское *бырдам* возводит к общеп. **bürеd(-)* ‘наледь’, при этом элемент *-d* он относит к словоо-

бразовательному суффиксу; к пермским словам приводит прибалтийско-финские соответствия, в частности финское *pore* ‘талое место на льду’ [КЭСК, 45]. В «Уральском этимологическом словаре» (UEW) исследуемыми пермскими лексемами не оперируют. Коми-пермяцкое слово *бырöт* Р. М. Баталова сравнивает с удмуртским *быректыны* ‘кипеть’ [Баталова 1967: 72]. По мнению В. И. Алатырева, основа последнего имеет одно происхождение с удмуртским глаголом *бырданы*, параллели которого ученый находит в других родственных уральских, а также в алтайских языках [ЭСУЯ, 233].

Основа удмуртского слова *быректыны*, как и пермских глаголов *бырданы, бырдавны*, имеет ономатопоэтическое происхождение. Не вдаваясь в дискуссию о более ранней истории основы *быр-*, с достаточной долей уверенности можно сказать, что данный корень и производные от него глаголы *бырданы, бырдавны* существовали уже в прапермском языке. Когда же возникло слово *быред*? Как изоглоссное явление оно повсеместно распространено в коми-зырянских диалектах и отдельных говорах севера Удмуртии. Это слово в определенной степени выражает иное понятие, чем лексемы *бырдам, йöкурам*. Учитывая то обстоятельство, что суффикс *-эд* в современном удмуртском языке является непродуктивным, следует отнести диалектные слова к зырянскими заимствованиям.

Дополнительно отметим, что явление наплыва воды под снегом на льду, заплыва воды на льду (с последующим оледенением) характерно весной в первую очередь для крупных рек, текущих в северном направлении. Именно таковыми является большинство крупных рек Республики Коми. Для описанного понятия в коми-зырянском был выработан свой термин, который впоследствии проник в бассейн Чепцы, где для вновь сформировавшего понятия в отдельных говорах возникло также исконное слово *сул′а*, ср.: удм. *суль-суль* – изображение волдырей на коже, оплавившегося пластмассового предмета, *сулеп* ‘мокрый снег, слякоть’.

3) варали: бес. *varal′i* ‘говорун, болтун’ [ЯзБ, 74]; яр. (Ук.) *вараско* ‘проговариваю’ (*varaśko*, инф. *varanị* ‘проговаривать’. – *С. М.*) [Кротов, 21] || кз. *варов, варол* ‘разговорчивый, словоохотливый, говорливый, речистый’, *варовитны* ‘оживленно, охотно разговаривать, беседовать’ [ССКЗД, 38]; кя. *ва́ргинө* ‘болтать языком, много говорить’ [КЯД, 94]. В. И. Лыткин коми слово *варов* сравнивает с удмуртским *вараны*, предполагая связь приведенных слов с коми *варкйыны, варгыны* ‘кло-

котать; (перен.) болтать, тараторить’ и удм. *вар-вар* ‘звукоподражание кипению с клокотанием’, которые возводит к общепермскому изобразительному слову **var*- [КЭСК, 47].

Изоглосса *вар*-, выполняющая функцию изображения речи, имеет повсеместное распространение в коми-зырянских диалектах, отдельными островками также встречается в коми-язьвинском и бесермянском наречиях. Кроме того, слово *вараны* З. Кротовым зафиксировано на территории проживания среднечепецких удмуртов (см. выше), хотя указанный словарь может представлять и бесермянскую лексему. В целом наблюдается тяготение рассматриваемой изоглоссы к коми-зырянской языковой области. Отдельные островные зоны *вар*- на периферии очерченного ареала говорят о постепенном затухании данной изоглоссы, поэтому мы, скорее всего, должны постулировать былую общепермскую распространенность исследуемой основы. В то же время нельзя исключать сохранение / возникновение бесермянского существительного *варали* под влиянием коми прилагательного *варол.*

4) велись I**:** нч.: кос., сч. *вэл′ис′*, сч. бес. *вэл′ъс′* ‘только что, лишь сейчас, наконец-то’; сред.: ныл. *вэл′ис′* ‘снова, вновь’ | яр. (Ук.) *велись* ‘теперь, вот, вновь’ [Кротов, 22]; G *vel′iś* ‘только что, лишь сейчас’ [Wichm., 312]; сев. *вельысь, вылись*, юж. *вились* ‘снова, вновь, только что’ [Бор., 49]; нч.: кос. *вэл′ис′: вэл′ис′ кун′н′ам* ‘первотёлок’ [ДЭ 1980]; сч. *вэл′ис′, вэл′ъс′, вэл′ыс′* ‘только, только что, лишь сейчас; наконец-то’ [Карпова 2013: 133] || кз. *вöлись, вöлисьт(и)*, иж. *вöльысь*, уд. *выльöн* ‘только, только что; потом’ [ССКЗД, 65]; кп. *вöли́сь, вöли́сьте* ‘потом, только потом, наконец; только тогда’ [КПРС, 83].

Обратим внимание, что приведенные слова образованы от двух разных основ – *вэл′*- и *вып′*-. В КЭСК коми слова *вöлисьти*, *вöлись* ‘только, только что, потом только, только лишь, наконец’ справедливо сопоставляются с удмуртским *вельысь* ‘только что’ и возводятся к общеп. **vɛl′iś* или **vɛl′iśti*, которое, по мнению В. И. Лыткина, является застывшей формой исходного падежа. Там же приводятся примеры из финского языка, с чем составители финского этимологического словаря не соглашаются. К. Редеи считает, что коми слова *vɛ̨l′iś, vɛ̨l′i̯ś* и удм. *vel′iś* ‘только что’ образованы от лексемы *vi̯l′* ‘новый’ с помощью суффикса элатива *-iś* [КЭСК, 66–67]. В плане семантического развития им приводятся следующие примеры: нем. *neulich* (< *neu*), англ. *newly* (< *new*) [Rédei 1971: 421–422, 424].

Таким образом, единого мнения по вопросу происхождения исследуемой лексемы не существует. В то же время у нас не вызывает сомнения общее происхождение удмуртского *велись* и коми слова *вöлись*, которые, исходя из вокализма первого слога, восходят к прапермскому периоду. По-видимому, образованы от лексемы *выль* ‘новый’: *выльысь* ‘снова, вновь’ > *велись* ‘только что, лишь сейчас’ – с попыткой фонетической дифференциации разных лексико-семантических единиц; для сравнения: удм. *кыльыны* ‘остаться’ и *кельтыны* ‘оставить’, (?) *кышканы* ‘бояться, испугаться’ и *кöшкеманы* ‘бояться сверхъестественных сил’. Несмотря на фонетическую дифференциацию, близость семантики двух слов привела в большинстве диалектов к их путанице (ср. сред.: ныл. *вэл'ис' = выл'ис', вил'ис'* ‘снова, вновь’) и поглощению вновь образованного слова.

Изоглосса *велись ~ вöлись(ти)*, помимо нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов северного наречия, бесермянского наречия, а также отдельных срединных говоров имеет широкое распространение в коми языках. Изосема *велись ~ вöлись(ти)* ‘только что, лишь сейчас’ имеет более узкое распространение – локализована в северо-западном удмуртском языковом ареале. Исследуемое слово в удмуртских диалектах представляет собой архаизм прапермского периода, постепенно выходящий из употребления (см. также: **велись** II, п. 1.2.).

5) ворӟемен: сч. *ворӟэмэн*, нч.: сл., сч. *ворӟэм валэн*, сч.: бал., пю.: шошм. *борӟэмэн*, сч.: бал. *борӟэм валэн*, пю.: кукм. *борз'эмэн* ‘верхом (на лошади)’, нч.: сл., сч. *ворӟэм вал* ‘верховая лошадь’ | G *vord'źem: v. val* ‘верховая лошадь’, MU *vord'źemen mi̯ni̯ni̯* ‘ехать верхом’ [Wichm., 323]; сев. *ворӟемен* ‘верхом на лошади’ [Бор., 60]; сч. *ворӟэмэн*, сч. (Быд.) *борӟэмэн* ‘верхом (ехать, ездить, скакать и т. д.)’ [Карпова 2013: 88] ‖ кз. *верзьöмöн, верзьöм вöлöн* ‘верхом (на лошади)’ [ССКЗД, 45]; кп. *верзьöмöн* ‘верхом’, *вердзöм вöв* ‘верховая лошадь’ [КПРС, 65]; кя. *вэ́рз'имөн* ‘верхом’ [КЯД, 95].

Этимология рассматриваемых слов спорная. В. И. Лыткин их возводит к общеп. **verʒ'em.* Слово *верзьöмöн*, по его мнению, «представляет собой застывшую форму творительного падежа отглагольного имени с суффиксом *-öм: вер-зь-öм-öн*». Он считает, что древний корень **верзь-* мог означать ‘сесть на верх (лошади), подняться на (лошадь)’ [КЭСК, 52–53].

В. И. Алатырев по непонятным нам причинам удмуртское *борӟемен* не ставит в связь с коми словом *верзьöмöн*, а считает его иранским заимствованием и сравнивает, в частности, с авестийским *бар-* ‘ездить

верхом’. Исследователь предполагает былое существование глагола *борзыны* (< *бар-зы-ны*) ‘ездить верхом’, от которого, по его мнению, образовалось отглагольное имя *борзем* ‘тот, кто на лошади’ [ЭСУЯ, 189]. Р. Ш. Насибуллин рассматриваемые лексемы связывает с *ворзем* бт. татш. шаг. ‘начинка пирога, высочившаяся через тесто в виде нароста’. По его мнению, слова типа *ворземен, борземен* ‘верхом (на лошади)’ первоначально могли иметь значение ‘наподобие нароста, похожий на нарост’ [Насибуллин 1975: 112].

Анализируя приведенные выше этимологические выкладки, в первую очередь отметим, что у нас не вызывает сомнения связь рассматриваемых удмуртских слов с коми соответствиями. Во-вторых, мы не можем согласиться с реконструируемыми значениями слов *ворзем(ен), верзьöм(öн)*, так как все они связаны с характеристикой всадника. Между тем такие сочетания, как *ворзем вал* ‘верховая лошадь’, *ворзем (борзем) валэн, верзьöм вöлöн* ‘верхом (на лошади)’, ясно дают понять, что компоненты *ворзем, верзьöм* определяют именно лошадь, а не всадника. Мы предполагаем, что исследуемые слова могут быть родственны глаголу *борзаны* ‘сплести, плести (напр. корзину); закрыть, запереть (на замок, на запор)’ [УРС 1983: 50].

В среднечепецком диалекте слово *борзанъ* (*кут борзанъ*) имеет значение ‘начать плести лапти; плести, сплести основу (первый слой) лаптей’ в противоположность сочетанию *кут куънъ* ‘плести второй слой лаптей; плести лапти (вообще)’. Исследователем северного наречия удмуртского языка Л. Л. Карповой приведенный выше глагол зафиксирован также с начальным *в – ворзанъ* [Карпова 2013: 87]. Слово *ворзем ~ борзем* первоначально могло означать ‘обузданный’. Данное отглагольное имя образовано от предполагаемого глагола **ворзыны ~ *борзыны* ‘обуздать, зауздать, надеть узду’. Следовательно, семантика сочетания *ворзем (борзем) вал* первоначально звучала как ‘обузданная лошадь; лошадь, на которую надета узда’ в противоположность композите *кыткем вал* ‘запряженная лошадь’, а лексические единицы *ворземен ~ ворзем валэн* имели значение ‘на обузданной лошади’ (букв. ‘с обузданной лошадью’).

Изоглосса *ворземен ~ верзьöмöн* повсеместно распространена в коми диалектах и сопредельных с ними говорах северного наречия удмуртского языка. За пределами очерченного ареала она встречается в группе завятских говоров (в кукморском и шошминском). В срединных говорах и большинстве диалектов южного наречия данная лексема, имеющая прапермское происхождение, по-видимому, уже утрачена.

6) вый, выйтурын: нч.: сл. *выйтурун* ‘иван-чай, кипрей’, срз. (Кульма) *вый* ‘иван-чай’ | вч. *вый* ‘кипрей’ [Алашеева 1982: 91]; *вый* диал. бот. ‘кипрей’, *выйтурын* диал. бот. ‘гвоздика’ [УРС 2008: 149–150] || кз. л. *вöйтурун*, уд. *вöййыв*, нв. скр. *воййыв*, печ. *воййыл* ‘Иван-чай’ [ССКЗД, 56]; лл. *вöй турын* ‘тж’ [ЛЛД, 133]; сс. *вöй, вöй турун, воййыл* ‘тж’ [ССД, 78]; кп. *вöй, вöйтуру́н* ‘кипрей, иван-чай’ [КПРС, 82–83]; кя. *вӱй турөн* ‘копорский чай (растение)’ [КЯД, 103].

В. И. Лыткин коми слова *вой, вöй* сравнивает с марийским *вуй-: вуйденге* ‘кипрей’ [КЭСК, 61]. Аналогичного мнения придерживается коми лексиколог А. Н. Ракин. Происхождение форм с гласным *о* вместо *ö* им объясняется народно-этимологическим сближением данного слова с коми лексемой *вой* ‘ночь’ [Ракин 1977: 42–43; 1981: 13]. Марийский исследователь Ф. И. Гордеев не принимает сопоставления коми слова с марийским. По его мнению, марийское слово образовано в результате переноса семантики со слова *вуйденге* ‘женское головное украшение’, состоящего из *вуй* ‘голова’ и *денге* (*менге*) ‘рубль; монета’ [ЭСМЯ, 159].

Связь компонента *вый(-)* с приведенными коми словами не вызывает сомнения. Данная лексическая единица, зафиксированная в узких ареалах в пределах северного наречия, а также в одном их населенных пунктов, представляющих срединные говоры, безусловно, является архаизмом. В большинстве диалектов удмуртского языка исследуемый фитоним был заменен заимствованиями типа *иванчай, сабачай, кипрей* или поздними инновациями: *льöльсяська* (названия растений см.: [БиолКБ, 61]), сч. (НКуз.) *алойтурын*.

В отношении марийского фитонима следует сказать, что сближение его с женским украшением, в котором отблеск серебряных монет явно доминирует над цветом красной (алой) матерчатой основы, скорее всего, вторично и произошло из-за сходства звуковых комплексов двух слов. Но сохранением архаичного названия в Кильмезском районе Кировской области кипрей, по-видимому, обязан влиянию местных марийских говоров. Нельзя исключать также, что в слободском говоре исследуемая лексема реанимирована благодаря позднему влиянию со стороны коми языков.

7) горъяны: нч.: сл. *горъяны: атас горъя* ‘петух поет’ [Тепляшина 1970а: 188] || кз. *горавны* ‘звучать, гулко раздаваться звуку’, *горзыны* ‘кричать, орать’, *петук горзö* ‘петух поет’, *гор* ‘звук, тон; звонкость, звучность’ [ССКЗД, 83]; кп. *гора́вны* ‘звучать; звенеть; петь, щебетать

(о птицах)' [КПРС, 101]; кя. *го́ралнө* 'голос подавать, шуметь' [Лыткин 1961: 105]. В основе коми глаголов лежит слово *гор*, которое В. И. Лыткин сравнивает с удм. *гур* 'мотив, напев' [КЭСК, 78]. В удмуртском языке пение петуха повсеместно передается глаголом *чоръяны*. Необычное соответствие гласного основы слова *горъявны* – к. *о* // удм. нч. *о*, при закономерном *о* // *у*, а также ограниченное распространение лексемы наводит нас на мысль о том, что данное слово, встречавшееся в удмуртском говоре, в территориальном отношении наиболее близком к коми-зырянским диалектам, было заимствовано из последних. Полевыми исследованиями конца прошлого века описываемое слово зафиксировать не удалось: по-видимому, вышло из употребления.

8) гурдо: сч.: бал. (Верх-Люкино), вч.: кез. (Гыя) *гурдо* 'вид дикой утки' | G *gurdo: g.-ṭšẹz* 'вид большой серой утки', *suk-g.* 'широконоска, Anas clypeata' [Wichm., 63]; диал. *гурдо* 'кряква' [УРС 1983: 116]; сч. *Гурдошур* – название деревни в Балезинском районе УР || кз. *горда* 'кряква или матерая утка' [ССКЗД, 83]; кп. *го́рда* 'кряква (утка); селезень' [КПРС, 102]; коч. *горда* 'кряква (утка)' [ИВПЯ, 79]. Исследуемое название птицы является словом финно-угорского происхождения [UEW, 150; КЭСК, 78].

Изоглосса *гурдо* ~ *горда* охватывает лишь единичные смежные говоры северного наречия удмуртского языка, коми-зырянские и коми-пермяцкие диалекты. В других удмуртских диалектах крякву обозначают следующими словами: *сюлы, сюлы ӧӧж, базак, кряковой* [БиолКБ, 91]. Зачастую вместо приведенных орнитонимов употребляется сочетание *луд (кыр) ӧӧж* 'дикая утка'. Причиной исчезновения рассматриваемого слова, по-видимому, послужило снижение значения охотничьего промысла в хозяйственной жизни удмуртов, что повлекло за собой смешение видов птиц, вытеснение видового названия родовым, в конечном счете – забвение видовых названий птиц. Даже при оговоренной причине исчезновения слова *гурдо* примечательным является тот факт, что исследуемое слово в удмуртском языке до последнего времени сохраняется в говорах, соседствующих с коми диалектами.

9) гы, гыаны: сч.: яр., вч.: кез. (Полом) *гы* 'волна'; сч.: яр. гл., вч. срв. *гыаны*, сч. бес. *гъанъ* 1. сч.: яр. гл., бес. 'волноваться (о реке)' 2. сч. вч. бес. срв. 'волноваться, колыхаться (о ниве)' | удм. сев. *гы, гыам* (сред. *вушуккиськем*, юж. *тулкым*) 'волна', сев. *гыаны*, юж. *тулкымъ-*

яськыны ‘волноваться’ [Бор., 82]; сч. *гъанъ, гыаны*, сч. (Байд.) *гыйаны* 1. ‘волноваться (о реке)’ 2. ‘волноваться, колыхаться (о ниве)’ [Карпова 2013: 160] || кз. *гы* ‘волна’, *гыны* ‘волноваться, быть в движении’, *гызьыны* ‘волноваться (о реке)’ [ССКЗД, 94–95]; кп. *гы* ‘рябь, мелкие волны, барашки’, *гыасьны* ‘появляться, появиться – о ряби (на реке), о барашках’ [КПРС, 111].

Слова *гы, гыаны* относятся к финно-пермскому пласту исконной лексики [UEW, 676; КЭСК, 83]. Изоглосса *гы* зафиксирована в отдельных говорах (ярский, кезский) северного наречия, распространена в коми-пермяцком языке и центральной группе диалектов коми-зырянского языка. Глагольная основа *гы-* имеет более обширный ареал: в удмуртском языке, помимо северного наречия, употребляется в некоторых срединных говорах, в коми диалектах имеет практически повсеместное распространение. В южном наречии, в большинстве срединных говоров, в части глазовского говора северного наречия для обозначения понятия «волна» употребляется татарское заимствование *тулкым*. В некоторых срединных говорах в данной функции выступает собственное новообразование *вушуккиськем*. Кроме того, в пермских диалектах зафиксированы русские заимствования *волна, вал* (*вав*) ‘волна’. Последнее из указанных слов широко употребительно как в зырянских, так и пермяцких диалектах. Анализ приведенных данных подводит нас к выводу о том, что слово *гы* и его производные являлись слабым звеном в лексической системе пермских диалектов, поскольку имели широкий семантический объем. Под влиянием соседних культур сформировались новые понятийные микросистемы «волна» и «волноваться». В связи с этим в большинстве диалектов прежние слова были вытеснены синонимичными единицами, но сохранились в некоторых удмуртских диалектах в едином ареале с аналогичными коми лексемами.

10) жуг: нч.: кос. (*картыш*) *жуг*, сч.: яр. юк. (*картошка*) *жуг*, сч.: гл. (*картока, картош*) *жуг* ‘ботва (картофеля)’, *жугзэ арано н'и.* ‘Ботву-то жать надо уже’; сч. *кӧжъ жуг* ‘гороховая солома’ | *жуг* ‘солома гороха и обломки его’ [Верещ., 97]; сч. *картокажуг, карток-кажуг, картосжуг, картофкажуг, картошжуг, картошкажуг* бот. ‘картофельная ботва’ [Карпова 2013: 235] || кз. *жуг* ‘мякина, охвостье’, *жуг-жаг* ‘мелочь, мусор, дрязг, сор, хлам, труха’ [ССКЗД, 124]; кп. *жуг* ‘мякина’ [КПРС, 142]; кя. *жуг* ‘обломок, крошка’ [КПРС, 114].

В удмуртском языке повсеместно употребляется глагол *жугыны* ‘бить, избивать’, широко распространено существительное *жаг* ‘сор, мусор’. Приведенные слова восходят к лексеме *жуг*. Слово *жаг* образовано через ступень *жуг-жаг* ‘сорняк, сорная трава; сор, мусор; отбросы’, ср.: кз. печ. *луп-лӧп* ‘мелочь, мусор, сор, хлам, труха’ и глагол *лупитны* ‘лупить, отлупить’ [ПечД., 77]. При этом слово *жуг* для большинства носителей удмуртского языка является чуждым. Этимологи реконструируют общепермскую праформу **žug* со значением ‘мелкий обломок, крошка’ [КЭСК, 102], хотя исходя из современного состояния пермской лексики семантика ее должна быть шире. В говорах нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов оно является архаизмом.

11) зон I: сч.: гл. бал., вч.: кез., бес.: юн. *зон*, нч.: сл., сч.: яр. гл. юк., вч.: кез. *вуж зон*, нч.: кос., сч.: яр. гл. *кӧс зон*, бес.: юн. *зонтурӟн* ‘прошлогодняя нескошенная трава’ | *зон* ‘сухая прошлогодняя трава’ (1892) [Верещ., Сл., 99]; *г зон* ‘засохшая прошлогодняя трава’ [Яковлев 1919: 16]; сред. *зон* ‘луг, образовавшийся на гари’ [УРС 1948: 99]; бес. *zon* ‘тж’ [ЯзБ, 108]; сч.: гл. юк. *вуж зон*, яр. *кӧс зон* ‘прошлогодняя нескошенная трава’ [Карпова 2013: 189]; *Зон* – с. в Сюмсинском р-не; *зон* ‘гарь (выгоревшее или выжженное место в лесу’ [Атаманов-Эграпи 2015: 298] || кз. скр. *ызӧн*, вым. лет. уд. *ызӧн турун*, вв. иж. *ызэн* ‘старая, прошлогодняя нескошенная трава’ [ССКЗД, 443]; лл. *ызӧм* (*турун*) ‘остатки прошлогодней нескошенной травы’ [ЛЛД, 262]; вс. *изун ултӧс, ӧзӧн ултӧс, ӧзын ултӧс* ‘ожика волосистая’ [ВСД, 178].

А. Н. Ракин [1979: 158–159] считает возможным возведение компонента *ызӧн ~ ӧзын* в названии *ызӧнув турун* ‘ожика волосистая’ к тому же самому источнику, что и *ызӧн* ‘остатки прошлогодней травы; побуревшая, истлевшая трава’, который рассматривается в одной статье с коми-зырянским *ызӧн увтыс* ‘нарыв под ногтем, панариций’ и под вопросом сравнивается с мордовским *уштомс* ‘топить (печь)’ [КЭСК, 329]. Предполагается связь основы этимологизируемых слов с коми *ӧз-* (*ӧзйыны* ‘загореться’); упомянутое мордовское слово, а также коми *ӧзтыны* ‘зажечь, разжечь’ сопоставляются с удм. *эстыны* ‘топить (печь)’ и приводятся параллели из других финно-угорских языков [Там же. С. 210]. В «Уральском этимологическом словаре» удмуртское *эстыны* и коми *ӧзйыны* относят к финно-угорскому пласту исконной лексики [UEW, 27]. Происхождение слова *зон* исследователями нигде

не рассматривается. Между тем несомненна его семантическая связь с указанными выше коми лексемами *ӧзын, ызӧн*. Отсутствие начальной гласной объясняется ее выпадением, ср.: удм. сев. *сукмыны* < *усыкмыны* ‘угореть’, *род ~ рӧд* < *урод* (~ *ырод, ырӧд*) ‘плохой; плохо’, *робо* < *уробо* ‘телега’. Возможно возведение исследуемых удмуртского и коми слов к общепермской праформе **ȯzзn* ‘истлевшая прошлогодняя трава’, основа которой действительно может иметь связь с упомянутыми выше глаголами *ӧзйыны, эстыны.*

Изоглосса *зон ~ ӧзын* (*ызӧн*) распространена в большинстве коми-зырянских диалектов. В коми-пермяцком языке рассматриваемое слово в настоящее время уже утрачено. В удмуртском языке она известна в северном наречии: в нижнечепецком и среднечепецком диалектах, в северной части верхнечепецкого диалекта, отчасти в бесермянском наречии. Письменные источники фиксируют исследуемое слово в срединных говорах и бесермянском наречии со значением ‘луг, образовавшийся на гари’. В полевых условиях данную информацию зафиксировать не удалось, хотя былое распространение этого слова в ареале срединных говоров подтверждает название деревни *Зон* в Сюмсинском районе УР. Бесермянская лексема, записанная Т. И. Тепляшиной, по-видимому, является рефлексом южноудмуртского слова.

Нельзя не заметить, что значение северноудмуртской лексемы совпадает со значением коми-зырянских слов или максимально приближается к ним, но заметно отличается от семантики лексемы, зафиксированной в срединных говорах и бесермянском наречии. Ареал изосемы *зон ~ ӧзын* (*ызӧн*) ‘прошлогодняя нескошенная трава’ следует считать архаичным.

Таким образом, в данном случае можно вести речь о двух изоглоссных явлениях: 1) изолекса – лексическая изоглосса – удм. сев. + сред. *зон*, которая находит соответствие в коми-зырянских диалектах в виде лексемы *ӧзын ~ ызӧн* 2) изосема – семантическая изоглосса – удм. сев. *зон* ‘прошлогодняя нескошенная трава’ имеет тождественное значение с коми словом *ӧзын ~ ызӧн* и семантически противопоставлена лексеме *зон* (сред.) со значением ‘луг, образовавшийся на гари’.

12) ӟератыны: нч. сч. вч.: кез. *ӟэратыны*, сч. *ӟэратъны*, бес. *ӟаратъны* ‘мучить, причинять муки (страдания)’, сч. *ӟэранъ, ӟэраны* ‘мучаться, страдать, испытывать муки (страдания)’ | G *d'źeranị̂* ‘жить хворая (болея), kränkelnd leben’ [Wichm., 47]; сч. *ӟэратъны, ӟэратыны* ‘мучать, мучить,

причинять муки’ [Карпова 2013: 199] || кз. *дзерӧдны* ‘дразнить, раздражать, обижать, доводить, довести до слез (ребенка)’ [ССКЗД, 102]; кп. *дзерӧ́тны* ‘дразнить, донимать; доводить до слез (ребенка)’ [КПРС, 119]; кя. *ʒ̆ʹэрөтнө* ‘дразнить, раздразнить, раздражать ребенка’ [КЯД, 117].

Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» приведенные коми слова сопоставляют с удм. *ӟурыны* ‘ворчать, роптать; недомогать’ и считают возможным происхождение пермского слова от древнечувашского **čʹer* или **čʹär* (> чув. *чер* ‘болезнь, хворь, недуг, нездоровье’) [КЭСК, 90]. Между тем как фонетически, так и семантически более уместно сопоставление коми слов с удмуртской лексемой *ӟэратыны*.

Изоглосса *ӟэратыны ~ дзерӧдны* распространена в северном наречии удмуртского языка и повсеместно в коми диалектах. Мы не видим препятствий в возведении пермских слов к булгарскому источнику, поэтому считаем, что ареал рассматриваемой изоглоссы является архаичным. В большинстве удмуртских диалектов, в том числе в северном наречии, понятие «мучить, причинять страдания» выражается словом *курадзытыны*, являющимся производным от *курадзыны* ‘мучаться, страдать, испытывать муки (страдания)’. Данной глагольной парой были вытеснены слова *ӟератыны* и *ӟераны*. Отметим, что компонент *кур* в слове *курадзыны* также является булгаризмом (см.: [Федотов 1968: 156; Тараканов 1993: 88]).

13) ӟиз: нч.: кос., сч. вч.: кез. *ӟиз мынымы*, сч. бес. *ӟиз мынынъ*, сч. *ӟиз пэгзыны* ‘бежать, задрав хвост, от оводов (о коровах, телятах)’; нч.: сл. *ӟʷз карыны*, сч. *ӟиз карынъ*, сч.: гл. (Гул.) *ӟизгэтынъ* ‘издавать звук «ӟиз», для того чтобы коровы (телята) пустились вскачь’, сч. бес. *ӟиздынъ*, сч. вч.: кез. *ӟиздыны*, сч.: яр. *ӟиссаса мынымы* ‘побежать, бежать без оглядки; помчаться, мчаться во весь дух (о животных)’ | *ӟиздыны* ‘побежать (бежать) без оглядки; помчаться (мчаться) во весь дух’ [УРС 1983: 161]; сч. *ӟиздыны* 1. ‘бежать без оглядки; мчаться во весь дух (о животных)’ 2. ‘бежать, задрав хвост (о коровах, телятах)’ [Карпова 2013: 196] || кз. *дзизъявны, дзизъялны* ‘бегать, резвиться (о животных); лететь с жужжанием’ [ССКЗД, 103]; скр. *дзизмыны* ‘забегать, подняв хвост, от жужжания слепней (о животных); забегать вообще (перен.)’ [СкрД, 199]; кп. *дзиз: мӧс дзиз* ‘погонщик коров’, *дзи́згыны-котра́сьны* ‘бегать, бежать, убежать’, *дзизйӧтны* ‘гонять коров, крича «дзиз»’ [КПРС, 120].

Приведенные слова являются звукоподражательными. Семантическое развитие глаголов шло в следующем направлении: подражание

жужжанию слепней > ‘забéгать от жужжания слепней (о животных)’ > ‘забéгать, начать бегать (вообще)’.

Исследуемая лексема (основа) характерна для северного и бесермянского наречий. Отметим, что слова с основой *ӟиз(-)*, имеющие иную семантику (функцию), в удмуртском языке известны широко (в том числе в его северном наречии), ср.: *ӟиз бӧрдыны* ‘неслышно плакать’, *ӟиз вияны* ‘течь тонкой струей’, *ӟизаны* ‘течь, стекать, вытекать тонкой струей’ [УРС 1983: 161]. Приведенные лексические единицы вполне могли возникнуть независимо от основы *ӟиз(-)*, имеющей (или имевшей) функцию подражания жужжанию слепней. Даже если приведенные выше слова, а также малмыжско-уржумское (шошминское) *d'źiźgetiṇi* ‘ворчать’ [Wichm., 48] все же имеют общее происхождение с исследуемой основой, последняя образует свою самостоятельную изоглоссу.

Итак, *ӟиз(-)* северной диалектной зоны вместе с коми *дзиз-* образует единый ареал. Считаем, что данная лексико-семантическая единица возникла в недрах коми языков, откуда проникла в удмуртские диалекты.

14) ӟолё: сч.: гл. бал., вч.: кез., бес.: юн. *ӟол'о*, сч.: гл. (Дон.) *ӟол'и*, гл. (НКуз.) *ӟол'ъ*, вч.: кез. (Гыя) *ӟол'ы* ‘мелкий, узкий (о глазах); незрячие глаза’; сч.: гл. (Дон.) *с'ин'н'осъд-а мар-а ӟол'ийэс'? – уд а·ӟӟъс'къ.* ‘Глаза что ли незрячие у тебя? – не видишь’; *ӟол'оостэ пас'къдгэ·с ус'тъ – аӟӟод.* ‘Раскрой пошире свои [узкие] глаза – увидишь’; гл. (НКуз.) *ӟол'ъ с'ин* ‘тот, у кого мелкие (прищуренные) глаза’, *с'ин'н'осъз ӟол'ъйэс'* ‘глаза [его] мелкие (прищуренные)’; (?) сред. (Пазял) *ӟол'а: ӟол'а бака* ‘лягушка’ | сч. *ӟол'о* (Дон.), *ӟол'и* (Дон. Пом.) ‘мелкий, узкий (о глазах); незрячие (о глазах)’ [Карпова 2013: 196] || кз. *дзоля, дзӧля, дзеля* ‘маленький’ [ССКЗД, 139].

Авторы КЭСК (с. 91–92) приведенные коми-зырянские слова, а также пермяцкое *d'z'ol'* ‘немножко’ под вопросом сравнивают с удм. *чультрес* ‘изящный, маленький (о вещах)’ и возводят к общеп. **č'o̯ l'* или **čo̯l'*; там же приводятся параллели из других финно-угорских языков, с чем составители UEW и SKES («Этимологический словарь финского языка»), по всей вероятности, не соглашаются. Далее, в КЭСК указывается на возможную связь упомянутых пермских слов с коми *дзоль* ‘коклюшка; палочка, чижик (для детской игры)’ и др. Таким образом, этимология коми слов остается выясненной не до конца. С нашей стороны отметим, что не вызывает сомнения связь удмуртского *ӟол'о* с коми

дзоля, дзöля, дзеля. Возможно, та же самая лексема выступает в сочетании *ӟол'а бака* ‘лягушка’, в котором второй компонент имеет значение ‘жаба ~ лягушка’, и, следовательно, всё словосочетание первоначально могло означать ‘маленькая жаба’. Корреспонденция корневого гласного звука в коми словах, скорее всего, является рефлексом общекоми **ę*. В этом случае в удмуртском слове мы видим закономерное *о*.

Итак, изоглосса *ӟол'о ~ дзоля*, зафиксированная в отдельных говорах северного наречия удмуртского языка, находит явные параллели в коми языках. Рассматриваемый ареал, по-видимому, является зоной консервации общепермского слова. С другой стороны, сред. *ӟол'а: ӟол'а бака* ‘лягушка’ может иметь иную этимологию: *ӟол'о: ӟол'о бака* связывают с диалектным удмуртским словом *ӟол'а* ‘нары’, т. е. ‘лягушка, живущая под нарами’ [ДАУЯ 2013: 153]. Однако у нас вызывает некоторое сомнение в отношении приведенной трактовки названия земноводного: лягушки в отличие от жаб не обитают в пределах человеческого жилья, а речь в данном случае идет именно о наименовании лягушки. В любом случае, рассматривая исследуемые слова как архаизмы, остается вероятность того, что северноудмуртское *ӟол'о* могло возникнуть как результат вторичного взаимодействия с коми языками.

15) ӟурккы: тыл. *ʒ̑'urkkị̑ uč'kị̑nị̑* ‘уставиться, пристально смотреть, глядеть неосмысленно, напр. о новорожденном’ [ИВПЯ, 80]; пю.: бавл. *d'ork u̇śkṭ̑nṭ̑* ‘смотреть пронизывающе, резко’ [Кельмаков 1978: 21; 2004: 66]; (?) вч.: кез. *чорккы учкыны* ‘смотреть пристально’, (?) сриж. (НКеч.) *чо·рк-чорк учкыны* ‘тж’ || кз. вс. печ. скр. сс. *дзоргыны*, вв. *дзöргині*, лет. *дзургыны* ‘смотреть в одно место, смотреть, не мигая, уставиться’ [ССКЗД, 105]; (?) кп. *дзер: дзер видзö ме вылö* ‘он на меня сердит’ [КПРС, 119].

В. И. Лыткин коми *дзоргыны* ‘смотреть неосмысленно (о новорожденных)’, *дзорвидзны* ‘глядеть, устремить взор’ и удм. *ʒ̑'urkkị̑ uč'kị̑nị̑* ‘уставиться, пристально смотреть, глядеть неосмысленно, напр. о новорожденном’ возводит к общепермскому *ʒ̑'ǫr-* ‘пристально (смотреть)’ и приводит марийскую параллель *чурге* ‘пристально, во все глаза’ [КЭСК, 92; ИВПЯ, 80]. При этом в КЭСК коми примеры с корневым гласным *ö* и *у, е* не приводятся.

Изоглосса *ӟурккы ~ дзорг-* распространена в одном из говоров северной диалектной зоны удмуртского языка и в коми-зырянских диалектах. Островной ареал расположен на юге РТ (Бавлинский р-н), где слово

d'ork (< **ǯork*) с корневым гласным *о* представляет собой архаичную форму. Причиной архаизации гласного звука, по-видимому, послужило то обстоятельство, что рассматриваемые слова относятся к разряду изобразительной лексики. С другой стороны, лексические единицы с незакономерным соответствием вокализма, а также консонантизма в разных пермских диалектах могли возникнуть в разное время. К таковым, вероятно, следует отнести слова *чорккы* и *чо·рк-чорк*, а также коми-пермяцкий пример *дзер* и верхневычегодское *дзöргині*. Не исключено, что на вокализм летского корня *дзур-* повлияли удмуртские диалекты.

Ареал исследуемой изоглоссы, скорее всего, является архаичным.

16) ӟыро: сч.: гл. (Дон.) *ӟъро*, (Пом.) *ӟы̆ро* ‘мелкая дресва, смешанная с пеплом (в печи)’ | сч. (Дон.) *ӟъро*, сч. (Пом.) *ӟыро* ‘мелкая дресва, смешанная с пеплом (в печи)’ [Карпова 2013: 198] || кз. вв. вым. нв. скр. уд. *дзиридз* ‘тж’ [ССКЗД, 104]; сс. *дзиридз* ‘тж’ [ССД, 12].

Приведенные слова этимологически связаны с удмуртскими лексемами *ӟырдыт* ‘горячий, пламенный’, *ӟырданы* ‘накаляться, накалиться’, коми-зырянским *дзирыд* ‘мерцающий; сияющий; блестящий’, коми-пермяцким *дзирда́мны* ‘накаливаться, накалиться, раскалиться’ [КРК, 180; УРС 1983: 165; КПРС, 120]. Слова *ӟырыт* и *дзирыд* В. И. Лыткин относит к общепермской лексике [КЭСК, 91].

Изоглосса *ӟыро ~ дзиридз* охватывает отдельные говоры северного наречия удмуртского языка и большинство коми-зырянских диалектов, при этом в самых южных зырянских говорах она не зафиксирована. Распространение исследуемой изоглоссы в разорванном, хотя и в достаточно компактном ареале, свидетельствует о ее архаичности. В большинстве удмуртских диалектов, в коми-пермяцком языке, а также в некоторых коми-зырянских диалектах соответствующие слова были утрачены или заменены другими лексическими единицами, в частности в средневосточных говорах лексемой *гиз'ыр*, ср.: удм. *гизьы* ‘частичка, осколок (кремня); песчинка дресвы’, *гизьыр: пиньёсыз гизьыр карыны* ‘скрежетать зубами’ [УРС 1983: 108].

17) кертым яр. (Ук.) *кертымъ* ‘оброк’ [Кротов, 86]; *kertym* ‘тж’ [Wied., 485]; G *kertomanị̂* ‘арендовать, брать в аренду’, *kertoman* ‘аренда’, *kertomaś* ‘арендатор’ [Wichm., 99]; *Кертымъ* I, *Кертым* II ‘кортома’ [Верещ., 115] || кз. *кöртым* ‘аренда’, *кöртмавны* ‘арендовать’

[ССКЗД, 172]; кп. *кӧртым* (уст.) ‘аренда’ [КПРС, 193]; кя. *кэ̊ртмалнө* ‘арендовать, взять в аренду’ [КЯД, 129].

Приведенные слова возводятся к общепермской форме **kɛrtim* ‘аренда, оброк, выкуп’, которая считается источником аналогичной осетинской лексемы; рус. *кортомъ, кортома* причисляются к коми заимствованиям [КЭСК, 142]. Появление звука *о* во втором слоге глагола *kertomanî̯* Ю. Вихманн объясняет влиянием соответствующего русского слова [Wichm., 99].

В настоящее время рассматриваемые слова в удмуртских говорах повсеместо вышли из употребления, но письменные памятники, в которых имеется указание на территорию их бытования, локализуют данные лексемы на севере Удмуртии. Изоглосса *кертым ~ кӧртым* охватывает среднечепецкие говоры, большинство коми-зырянских диалектов, а также коми-пермяцкий язык, включая коми-язьвинское наречие. Очерченный ареал является архаичным.

18) кыз: нч. сч.: яр. гл., бес. *кыз*, сч.: гл. юк. *къз* ‘толстый’, сч. *къза, къзда, кыза, кызда* ‘толщиной с (в)’ | G B *kî̯z* ‘толстый’ [Wichm., 118]; *кыз* сев., *зӧк* сред. юж. ‘тж’ [Бор., 155]; сч. (Дёбы) *къз* ‘тж’ [ДЭ 1977а]; сч. *къз, кыз, кы̆з* ‘толстый (напр. о нитке, дереве)’ [Карпова 2013: 288] || кз. *кыз* ‘толстый, полный, тучный; большинство, большая часть’, *кыза, кызта, кызда* ‘толщина, толщиной с’ [ССКЗД, 185]; кп. *кыз* ‘толстый’, *кыза* ‘толсто, толстым слоем; толщиной с’ [КПРС, 209]; кя. *кӧз* ‘толстый, полный, тучный’, *кӧзá, кӧзанá* ‘толщиною с’ [КЯД, 130].

Исследуемая лексема *кыз* относится к словам финно-угорского происхождения [КЭСК, 150; UEW, 161]. Название дерева *кыз* ‘ель, ёлка’ в удмуртском языке является ее омонимом, которому в коми-зырянском соответствует лексема *коз*, а в коми-пермяцком – *кӧз* [КЭСК, 127].

Изоглосса *кыз* функционирует в компактном ареале, охватывающем северо-западную удмуртскую языковую область и все коми диалекты (см. Карта 5). Очерченный ареал, по-видимому, является зоной консервации (архаичной зоной). Мы также допускаем, что исследуемое слово может быть вторичным проникновением из коми языков.

На северо-востоке Удмуртии понятие «толстый» выражается иным словом исконного происхождения – *ыл′ыс*. В большинстве других удмуртских диалектов для обозначения данного понятия употребляется слово *зӧк* (предположительно иранского происхождения, ср. осет. *ʒag*

‘полный’ [ЭСОЯ I, 387–388]), которое в ареалах лексем *кыз* и *ыл'ыс* ‘толстый’ имеет значение ‘большой’.

19) кылбур: нч.: кос., сч.: бал. *кылбур*, сч.: гл. юк. *кълбур*, нч.: сл., сч.: яр. *кылвур*, сч.: юк. *кълвур* ‘речь, дар речи’; сч.: гл., бес. *къло-буро* ‘разговорчивый, говорливый’; пю.: шошм. (Карек-Серма) *кӱӱбур* ‘речь, слова’, *ӟӱз'о ал'и – кӱӱбур мэдаз ӱс'ы.* ‘Слизну-ка я, чтобы никто ничего не промолвил, порицая (= чтобы слова / речь не были проронены [из уст])’ (так говорили, если на стол что-нибудь невзначай проливали) | *кылбур* I (1892) ‘все слова, произведения устной словесности, произносимые как громко, так и шепотом’; II (после 1918) ‘пословицы, загадки’ [Верещ., Сл., 140]; нч. *кылвур: кыче ӟеч кылвурыз солэн* ‘какая красивая речь у него’ [Тепляшина 1970а: 191]; сч.: юк. *къланъ-вуранъ*, яр. *кыланы-вураны*, гл. юк. *къланъ-буранъ*, бал. *кыланы-бураны* ‘причитать; плакать приговаривая’, гл. (Кож.) *къланъ-буранъ* ‘рассказывать (говорить) образно’ [Карпова 2013: 289] || кз. *кыл-вор* ‘дар речи, способность говорить’ [ССКЗД, 184].

В. И. Лыткин коми слово *вор: кыв-вор*, а также древнекоми **vormędč'-* ‘заговорить, появиться дару речи’ сравнивает с удмуртским диалектным *kị̈l-vur* ‘дар речи’ и восстанавливает общеп. **vǫr* ‘речь, дар речи’ [КЭСК, 63]. В отношении первого компонента следует сказать, что он возводится к уральскому пласту лексики [UEW, 144; КЭСК, 149].

Слово *кылбур* может претендовать на прапермскую древность, на что указывает глагол *кыланы-бураны* ‘причитать; плакать приговаривая’, ‘рассказывать (говорить) образно’ [УРС 1983: 240], имеющий практически общеудмуртское распространение, хотя и с некоторыми семантическими вариациями. Помимо приведенных значений, следует отметить следующее: ‘лепетать; начать говорить (о ребенке)’. Кроме северной диалектной зоны, исследуемая лексема бытует в одном из периферийно-южных говоров – шошминском (см. выше). Рефлексы слова *кылбур* сохранились в отдельных срединных говорах, ср.: *кылыз но, бурыз но ӧвӧл* (сриж. НКеч.) ‘ни слова не проронит’ (букв. ‘ни речи, ни слова / ни чего-нибудь подобного у него нет’. Лексема *кылбур* ‘стих, стихотворение’ в литературном языке считается неологизмом 30-х годов прошлого столетия, хотя, как лексическая единица, она присутствует уже в трудах Г. Верещагина.

Глагол *кыланы-бураны* восходит к существительному *кылвур* (< *кыл-вор*) и первоначально имел облик *кыланы-вураны*. Фонетическое изменение второго компонента произошло вследствие звукоперехода

в соотносимом существительном: *кылвур* > *кылбур.* Причиной данного изменения послужила деэтимологизация компонента *-вур*, наряду с этим – близость его к суффиксоиду *-бур* в таких словах, как *ваньбур* ‘добро, имущество’, *ӟечбур* ‘здравствуй’ (приветствие при встрече), юж. ‘нечто доброе, хорошее, позитивное’ (также пожелание при расставании), *визьбур* ‘ум, интеллект’ и т. д. В коми-пермяцком языке, а также в большинстве удмуртских диалектов исследуемое существительное было утрачено. В северо-западном ареале благодаря связям с коми населением, с одной стороны, оно сохранилось; с другой стороны, из-за вторичного воздействия коми слова *кыл-вор* в некоторых говорах возникло гибридное слово в облике *кылвур* (см. также: **кылвур** и **вур**, п. 1.3).

20) кыльык: бес. *къл'ък* (анат.) 1. юн. ‘мошонка, яичко, яички (половая железа у мальчиков)’ 2. лекм. ‘мужской половой орган’ | бес. *кӧльӧк* (груб.) ‘мужской половой орган, penis (у человека)’ [СлБес., 187] || кз. *кольк*, вс. *кôльк*, лл. *позтыр* ‘яйцо’ [ССКЗД, 162]; кп. *кольть*, сев. *кольк* ‘тж’ [КПРС, 181–182]; кя. *кул'к* ‘тж’ [КЯД, 135].

Бесермянское слово *kөl'өк* ‘яйцо’ (анат.) ставится в родственную связь с коми *кольк*, кя. *kur'к* и возводятся к общеп. **kol'к* ‘яйцо’ [КЭСК, 130] и к финно-пермскому пласту лексики [UEW, 644]. В большинстве удмуртских диалектов название яйца обозначается словом *пуз*, этимологические соответствия которого в других родственных уральских языках имеют значение ‘гнездо’ [UEW, 375].

Интересно отметить, что в самом южном зырянском диалекте – лузско-летском, понятие «яйцо» передается словом *позтыр* букв. ‘гнездо + наполнитель’, который представляет собой своего рода промежуточную стадию семантического перехода от к. *поз* ‘гнездо’ к удм. *пуз* ‘яйцо’.

21) кыр: яр. (Ук.) *кыръ кочишъ* ‘кот’, *кочишъ* ‘кочка и кошка’ [Кротов, 95, 114] || кп. *кыр* ‘самец (только у животных)’, *кыр кань* ‘кот’, *кыр пон* ‘кобель, пес’ [КПРС, 213]; кя. *кӧр* ‘кобель’ [КЯД, 132]; кз. *кыр: кыр пон* ‘кобель’ (*пон* ‘собака’. – *С. М.*) [ССКЗД, 188].

Составители «Уральского этимологического словаря» приведенные коми слова относят к уральскому пласту лексики, а древний архетип восстанавливают в виде **koj(e)-ra* ‘самец; Männchen’ [UEW, 168]. Следует особо подчеркнуть, что слово *кыръ* в сочетании *кыръ кочишъ* ‘кот’ означает ‘самец’, а не ‘дикий’, т. к. в словаре З. Кротова значение

слова *кочишъ* зафиксировано как ‘кочка и кошка’. С другой стороны, слово *кыр* ‘поле, голое место; дикий’, широко употребляющееся в южном наречии при обозначении диких животных, в северном наречии в аналогичной функции не употребляется.

Изоглосса *кыр* ‘самец’ охватывает все коми диалекты и отдельные говоры северного наречия удмуртского языка. К сожалению, в известных нам памятниках удмуртской письменности, кроме словаря З. Кротова, рассматриваемое слово нигде не фиксируется, поэтому не представляется возможным установление наличия данного слова за пределами северного наречия в конце XVIII века (в период его фиксации). Но все же можно предположить, что процесс утраты рассматриваемого слова мог начаться в южном наречии в силу отталкивания от омонимического слова *кыр* ‘поле, степь, голое место; дикий’. В настоящее время в удмуртском языке вместо исследуемой лексемы *кыр* повсеместно употребляется исконное слово *айы* ‘самец’: *айы кочыш* (*писэй*) ‘кот’, *айы пуны* ‘кобель’.

Также нельзя исключать позднее проникновение данного слова из коми диалектов.

22) кыс: синкыс: нч.: сл. *с'имкыс* ‘брови’ | глаз. *син кыс* ‘тж’ [Крылов, 31] || кз. *кыс* ‘шкура с ноги животного (лося, лошади, оленя) [ССКЗД, 189]; кп. сев. *кыс* ‘шкура с ноги животного’ [Федосеева 2015: 142]; кя. *көс* ‘шкура конских или лосиных ног, которой обивают лыжи’ [КЯД, 133].

В КЭСК к коми слову *кыс* ‘шкура с ног животного’ дается комментарий: «Короткая шерсть этой шкуры напоминает ворс, этой шкурой подбивают лыжи для торможения (при подъеме в гору)» – и приводится удм. *кусланы* ‘тормозить’, мар. *кӱпш* ‘ворс’ и мансийские соответствия [КЭСК, 154]. В «Уральском этимологическом словаре» исследуемые слова отнесены к финно-угорскому пласту лексики [UEW, 159]. Таким образом, древнему коми слову *кыс* в удмуртском соответствует глагол с корневым *у*. Не исключено, что в отдельных говорах северного наречия под влиянием коми диалектов произошло народно-этимологическое сближение названия бровей *кач: синкач* со словом *кыс*, чему могла способствовать также созвучность с названием ресниц – *лыс: синлыс ~ симлыс.* В таком случае компонент *кыс* следует отнести к коми заимствованиям.

23) маля: нч.: сл. *мал'а* ‘плод’, *л'эгэз'пу мал'а* ‘плод шиповника’ | сл. *мал'а, мал'о, мул'ы* ‘орех, плод, головка’: *л'эгэс'пу мал'а* ‘плод

шиповника’, *этин мал′о* ‘головка (коробка) льна’ [Архипов 1987: 89]; *мал′апу* ‘шиповник’ [УРС 1983: 275] || кя. *ма́л′а: рөжма́л′а, өжма́л′а* ‘жимолость’ [КЯД, 174]; кз. скр. *малег* ‘плоды шиповника’ [КСК I, 901].

Коми слово *малег* В. И. Лыткин под вопросом сравнивает с ненецким *малик* ‘верхушка (веточки кустарника)’, *мал* ‘конец’ [КЭСК, 169].

Можно заметить, что исследуемое слово фонетически весьма похоже на общеудмуртскую лексему *мул′ы*, которой в коми языке соответствует слово *моль* ‘пуговка, косточка, бусинка’, ‘плоды на ботве картофеля’ и др. Пермские слова этимологи относят к финно-угорскому пласту лексики, реконструируя первоначальное значение ‘плод какого-то кустарника’ [КЭСК, 173–174; UEW, 279].

Однако слово *мал′а* (*мал′о*) не может непосредственно происходить от слова *мул′ы.* По-видимому, оно проникло из коми диалектов и восходит к аналогичной форме *мал′а.* Поскольку речь идет о словах, имеющих дескриптивный характер, то можно допустить возникновение исследуемого слова на почве самого слободского говора. Для сравнения приведем варианты названия шишки в удмуртских диалектах: *кул′ы: кыскул′ы, кал′а: кыскал′а* при коми *коль* (о названиях шишки см.: [Максимов 2008]). Но в последнем случае речь идет о лексике разных диалектов. В одном и том же говоре нет необходимости выработки новой лексической единицы, тождественной функционирующему слову. В связи со сказанным слово *мал′а* следует квалифицировать как суперстратное коми заимствование.

24) мизьганы: сч.: гл. (Дон.) *миз′ганъ* ‘избить, набить морду’ || кз. вс. *мизьгöптыны*, уд. (Ваш.) *мизьгыны, мизьнитны* (др. кз. диал. *дізьгыны, дізьвартны, дызьгыны, дузьгыны, дузьнитны*) ‘ухнуть, хлопнуть, бухнуть (из ружья); ухнуть, сильно ударить’ [ССКЗД, 108]. Приведенные глаголы возникли от изобразительной основы.

Изоглосса с основой *мизь(г)-*, помимо среднечепецкого диалекта северного наречия, функционирует в одном из южных диалектов коми-зырянского языка, территориально приближенном к удмуртской языковой области. Вдали от очерченного ареала данная изоглосса употребляется в одном из самых окраинных диалектов коми-зырянского языка – удорском. Можно предположить, что в коми-зырянском языке глаголы с указанной основой ранее были распространены шире. Исследуемое удмуртское слово, по-видимому, является зырянским проникновением.

25) мӧлэд: нч. сч. вч. бес. *мӧлэд* ‘тошнота, рвота (от некачественной или необычной пищи); пищевое отравление’, сч. *мӧлэданъ, мӧлэданы* ‘тошнить, испытывать тошноту, рвоту (от некачественной пищи)’ | тыл. *мӧлэд* ‘тошнота’, *мӧлэд луыны* ‘почувствовать тошноту’ [Тепл., 114]; диал. *мӧлэд* ‘тошнота’ [УРС 1983: 285]; бес. *мӧлэд* ‘тошнота (от переедания, необычной пищи)’ [Кельмаков 1992б: 42]; сч. *мӧлэд* ‘пищевое отравление; тошнота, рвота (от необычной пищи)’ [Карпова 2013: 328] || кз. вым. печ. скр. сс. *мылӧд*, вв. иж. *мылэд* ‘спазмы в желудке’ [ССКЗД, 230]; *мылӧд турун* бот. ‘бедренец’, *mi̯lẹd-kor* – название какого-то растения (из FF) (< *мылӧд* ‘болезненное выделение слюны, народное название некоторых болезней брюшной полости’; название травы равно болезни) [Ракин 1979: 157].

Е. С. Гуляев коми слово *мылӧд* ‘болезненное выделение слюны’ с удмуртским *мӧлэд* ‘тошнота’ из-за несоответствия вокализма сопоставляет под вопросом и предполагает, что «вокализм этих пермских слов мог претерпеть позднейшие изменения под влиянием слов типа кз. *мывкыд* ‘ум’, удм. *мӧл* ‘грудь’» [КЭСК, 182]. Исследуемые лексемы действительно могли испытать вторичные изменения звуков, с другой стороны, можно найти и другие примеры на соответствие к. *ы* // удм. *ӧ*, ср.: кз. вым. *ныд, ныдасян места* ‘сырое топкое место около берега, на склоне горы’, *ныдасьны* ‘вязнуть, погрязнуть, увязнуть в чём-л. липком, топком’, уд. *ныд* ‘послед’ (анат.) [ССКЗД, 248, 254] и и удм. *нӧд* ‘грязь’ и *нӧдыны* ‘вязнуть, увязнуть в грязи’. В качестве семантического аналога приведем значения слова *жоб* – 1. ‘грязный, нечистоплотный’ и 2. ‘послед, плацента’ [УРС 1983: 141].

Изоглосса *мӧлэд* ~ *мылӧд* распространена в северной диалектной зоне удмуртского языка, а также в большинстве коми-зырянских диалектов. В коми-пермяцких и некоторых южнозырянских диалектах рассматриваемая лексема не зафиксирована. Нарисованная картина бытования исследуемого слова говорит о том, что, во-первых, она некогда существовала во всех коми диалектах; во-вторых, она имеет тенденцию к сужению употребления. Следовательно, мы имеем дело с общепермской лексемой, которая в настоящее время утратила свои позиции, сохранившись лишь в очерченном выше разорванном ареале.

26) муль: сч. бес. *ър-мул′: ър-мул′ с′эрэкйанъ*, сч. *ыр-мул′: ыр-мул′ с′эрэкйаны* ‘мило улыбаться’; ср. сч.: гл. (Гул. НКуз.) *ър-вал′ с′эрэкйанъ*

‘тж’ || кз. уд. *шиль-моль: шиль-моль серамыс петö* ‘добродушно улыбаться’, *мольны: усыс мольö* ‘сияет’, л. *шыльмолясьны* ‘улыбаться, ухмыляться, усмехаться’ [ССКЗД, 223, 428, 436].

Коми глагол *мольны: усыс мольö* ‘сияет от радости’ этимологи под вопросом сравнивают, в частности, с удм. *мальдыны* ‘слепнуть (от света)’, *мальпотыны* ‘улыбнуться’ [КЭСК, 174]. Нам представляется, что связь коми компонента *-моль* и глагола *мольны* с удмуртским *-муль* является более вероятной. В них наблюдается закономерное соответствие к. *о* // удм. *у*. По-видимому, исследуемая изоглосса *муль ~ моль(-)*, представленная в среднечепецком диалекте и отдельных коми-зырянских диалектах, – это остаток от прапермского периода.

27) мырдъяны: сч. *мърд'д'анъ* ‘упорно предлагать выпить, заставлять выпить (спиртное); (ред.) заставлять делать что-л. исподволь’, пю.: шошм. *мырд карыны* ‘упорно предлагать выпить, заставить, заставлять выпить (спиртное)’, *аракызэ мы·рд-мырд кариз но, д'ӱи н'и.* ‘Самогонку [свою] упорно предлагала выпить, вот и выпил [я]’ | *мырдъяны* диал. ‘жестом предлагать угощаться’ [УРС 1983: 292]; сч. *мърд'д'аны, мырд'д'аны* ‘заставлять пить (иногда есть)’ [Карпова 2013: 333] || кз. *мырдъявны* ‘отнимать; отбирать’ [КРК 2000: 415]; кп. *мырддявны*, сев. *мырддялны* ‘[неоднократно] отбирать, отнимать’ [КПРС, 261].

В основе приведенных пермских слов лежит корень *мырд-* (< *мыр-*), ср.: к. *мырдöн* ‘насильно’, ‘упорно’, ‘с большим трудом’, удм. *мырдэм* ‘кое-как, с трудом’ [КЭСК, 183]. В большинстве удмуртских диалектов глаголы, образованные от основы *мырд-*, отсутствуют, хотя ранее, как в шошминском говоре, могла существовать составная конструкция типа *мырд карыны*, которая была вытеснена сочетанием *кужмысь карыны* ‘насильно заставлять, заставить сделать что-л.’. В среднечепецком диалекте указанная конструкция под влиянием коми языка трансформировалась в односоставной глагол, сохранив при этом прежнюю семантику. Сохранению семантики, возможно, способствовало наличие в лексической системе среднечепецкого диалекта слова *таланъ ~ таланы* ‘отнять, отнимать, отобрать, отбирать (насильно)’, имеющего аналогичное значение с коми глаголами *мырдъявны, мырддявны*.

28) мыркпум: сч.: гл. (Люм) *мъртпум* ‘морошка’ (растение и ягоды) | глаз. *мыркпум* ‘паленига’ (‘поленика’. – *С. М.*) [Крылов, 24];

сч.: яр. (Тум) *мыртпуманы* ‘собирать морошку’ [Ельцов, 31]; сч. (Люм) *мъртпум*, (Озёрки, Тум) *мыркпум* бот. ‘морошка’ [Карпова 2013: 334] || кз. *мырпон, мырпом, нырпом* ‘морошка’ [ССКЗД, 231]; кп. сев. *мырпóн* ‘морошка’, ‘срез пня’ [КПРС, 261]; кп. *мырпон* б-коч. ‘морошка’, мыс. ‘костяника’ [Федосеева 2015: 145].

Приведенные коми слова, вернее, компонент *мыр-* имеет параллели в других уральских языках (в частности фин. *muurain* ‘морошка’) [КЭСК, 183; UEW, 287]. Составители КЭСК считают, что «Слово *мырпом* вначале осмысливалось, по-видимому, как ‘ягоды морошки’ (*пом* ‘конец, плод’, ср. *лежнöг йыв* ‘ягоды шиповника’, *лежнöг* ‘шиповник’, *йыв* ‘конец, плод’)» [КЭСК, 183].

Названия морошки, зафиксированные на крайнем северо-западе Удмуртии, вряд ли можно считать продолжением прапермской, тем более прауральской лексемы, на что имеются следующие основания: 1) если происхождению современных форм коми лексемы *мырпом* можно найти объяснение, то удм. *мыркпум* букв. ‘конец ствола дерева с отломленной верхушкой’ (*мырк* ‘ствол дерева с отломленной верхушкой’ + *пум* ‘конец’) – с точки зрения номинации звучит абсурдно; для сравнения приведем названия морошки из Словаря биологических терминов (в котором, к сожалению, у слов диалектная принадлежность не указана): *нюрэмезь* букв. ‘болотная малина’, *куакаэмезь* букв. ‘воронья малина’, *куакамульы* букв. ‘воронья ягода’, *гоноэмезь* букв. ‘мохнатная малина’ [БиолКБ, 100]; 2) ареал морошки в Удмуртии ограничен лишь некоторыми ее северными районами (см. [Там же]), которые предки современных удмуртов начали заселять в XVI веке (см. напр. [Чураков 2008: 9–13]). Более вероятно предположение, что исследуемые названия морошки проникли из коми языка, при этом на компоненты лексемы подверглись фонетической адаптации под влиянием соответствующих диалектных слов. Также нельзя полностью исключать версию о том, что описываемые слова являются субстратом чепецкой археологической культуры.

29) мычы: сч.: гл. (Пом.) *мы̆чы̆: мы̆чы̆ кад′ чэбэр* ‘красива как [сама] красота’ | сч. (Пом.) *мычы: мычы кад′ чэбэр* ‘как кукла красивая’ [Карпова 2013: 334].

Отдельно слово *мычы* не употребляется, и первоначальное его значение ‘красивый; красота’ на удмуртской почве забыто, но соответствия имеются в коми языках, ср.: кз. *мич*, вс. л. *мича* ‘краса, красота’,

кз. *мича*, уд. *мыча, мычча* ‘красивый, хороший, прекрасный, пригожий’ [ССКЗД, 221]; кп. *мич* ‘вёдро; солнечная (ясная) погода; краса, красота; краска’ [КПРС, 250]; кя. *мич'á* ‘ясная погода, вёдро’ [КЯД, 147]. С приведенными коми словами генетически связан удмуртский глагол *мычыны* со значениями ‘сгребать (снег, мусор); брить, побрить (усы, бороду)’. В КЭСК упомянутые коми слова с удмуртским *мычыны* сопоставляются под вопросом [КЭСК, 172]. В «Уральском этимологическом словаре» рассматриваемые пермские слова в словарное гнездо помещаются без знака вопроса и считаются лексемами финно-пермского или (?) уральского происхождения [UEW, 274]

Исследуемую лексическую единицу следовало бы отнести к архаизмам, сохранившимся в маргинальной зоне ареала коми *мич.* Однако в данном случае необходимо принять во внимание другой фактор: оно зафиксировано на крайнем севере Глазовского района, который до недавнего времени смыкался с территорией обитания коми-пермяков, о чем, в частности, говорит гидронимия коми происхождения на севере района и в сопредельной зоне: Сёва, Черяшер, Томызь, Ичашер и др. (о взаимодействии удмуртов и коми-пермяков в Верхокамье на основе топонимии см.: [Корольских 2011: 133]), а по краеведческим данным, в д. Самки проживали коми-пермяки-старообрядцы, которые в начале XX в. записались русскими [Глазовский район 2011: 266]. Принимая во внимание представленные данные, мы склоняемся к мысли, что слово *мычы* является поздним проникновением из языка коми-пермяков, испытавшим фонетическую адаптацию.

30) нӧрды: нӧрдыву: нч. сч. *нӧрдыву*, сч.: гл. *нӧрдъву*, юк. *нърдъву*, яр. *ныр*дыву, бес.: юн. *нордъ(ву)* ‘сыворотка’ (*ву* ‘вода’); сч.: гл. (НКуз.) *нӧрдову*, яр. (Байд.) *ныр*дыву ‘пахта, пахтанье’ | яр. (Ук.) *норды ву* ‘сыворотка’ [Кротов, 147]; G *nordṇ̂-vu* ‘пахта, пахтанье’ [Wichm., 172]; сч. *нӧрдъву, нӧрдыву*, юк. *нърдъву*, яр. *ныр*дыву, яр. (Куз.) *нӥрдӥву* ‘сыворотка’ [Карпова 2013: 343].

Рассматриваемая лексема, на наш взгляд, имеет связь со следующими словами: кз. лл. *нӧрзьыны*, *нӧрдзыны* ‘свертываться, свернуться (о молоке)’; лл. *нӧрзьыны*, *нӧрдзыны*, вым. иж. уд. *ныр*зьыны ‘закисать, закиснуть, сеседаться, ссесться, превращаться, превратиться в простоквашу (о молоке)’ [ССКЗД, 246, 436]; иж. *ныр*з'эдэм *йӧӧ* ‘простокваша’ (*йӧӧ* ‘молоко’. – *С. М.*) [ИжД, 185]; лет. *нэр: нэрвыли* ‘сливки’ [Лыткин, 1974: 251]; кп. сев. *нӧрзьӧм* ‘сливки’, кч. *нӧрзьыны* ‘отстояться (о молоке)’ [КПРС, 278].

В КЭСК коми глаголы *нӧрзьыны, нордзыны, нырзьыны* сравниваются с марийским *нарангаш* ‘заплесневеть, зацвести (о жидкостях)’; слово *нырзьыны* под вопросом сопоставляется с удмуртским *нориськыны* ‘заразиться; запачкаться, вывозиться’ [КЭСК, 195, 197], что, по нашему мнению, вряд ли уместно. Слово *нӧрдыву* там не приводится, хотя семантическая близость его с приведенными выше коми лексемами является очевидной. Возможно, с описываемыми словами связана также марийская лексема *nörγä* ‘сливки’, употребляемая в северо-западном наречии [ОФУЯ 1976: 14].

Композита *нӧрдыву*, распространенная в северо-западном ареале удмуртского языка, находит параллели в коми диалектном континууме. Считаем, что некогда она была общеудмуртским словом для обозначения пахты и молочной сыворотки, но впоследствии в большинстве удмуртских диалектов была вытеснена татарским заимствованием *аръян*. В очерченном выше ареале лексема *нӧрдыву* сохранилась преимущественно с семантикой ‘сыворотка’.

31) нурт: G *nurt* ‘сани; салазки (для переноски меда)’ [Wichm., 174] || кз. *норт* ‘нарта, нарты’ [ССКЗД, 245; ВСД, 206]; л. *норк* ‘длинные узкие охотничьи санки’ [ДХПЯ, 111]; кя. *норт* ‘нарта, длинные узкие охотничьи сани’ [КЯД, 151]. Приведенные пермские слова исследователи относят к финно-пермскому пласту исконной лексики [UEW, 709–710], а славянское *нарты* считают финно-угорским заимствованием [КЭСК, 194].

Изоглосса *нурт ~ норт* распространена в среднечепецких говорах и коми-зырянских диалектах, образуя компактный ареал; отдельным островком она встречается в коми-язьвинском наречии. Очерченную территорию, в которую входит и глазовский (совр. среднечепецкий) диалект, следует квалифицировать как архаичную зону. Возможной причиной утраты исследуемого термина в удмуртских и коми-пермяцких диалектах является снижение значения охотничьих промыслов в хозяйстве пермских народов.

32) озон: *ozon: vyžanni ozon* ‘паром’ [Wied., 510]; вч. *Озон* – название деревни на берегу р. Чепцы || кз. скр. *ӧзын: пыж ӧзын*, вв. *ӧзін: пыж ӧзін* ‘пристань для лодки на бечевнике’ (*пыж* ‘лодка’. – *С. М.*) [ССКЗД, 265]; кп. сев. *ӧзын* ‘причал; место на берегу, куда выкатывают лес для сплава’ [КПРС, 304]; кп. *эзынъ* ‘гавань’ | *ęzi̯n* ‘причал для лодок на берегу реки’ [Wol., 100].

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» приведенные коми слова с удмуртским сравниваются под вопросом. Там же коми *ӧзын* сопоставляется с финским *asema* ‘станция; мост; пост’, а также приводится параллель из ненецкого языка [КЭСК, 210]. «В Уральском этимологическом словаре» исследуемые пермские слова отделяют от финского *asema* (и других его соответствий) ввиду несоответствия консонантизма [UEW, 18–20].

В удмуртском языке в настоящее время рассматриваемое слово, по всей видимости, вышло из употребления. Компонент *vyžanni*, в сочетании с которым зафиксировано слово *ozon* в словаре Ф. Видеманна, указывает на принадлежность данного слова к северному наречию. Недавнее бытование его на территории проживания северных удмуртов подтверждается также топонимическим материалом (см. выше). Несколько топонимов с компонетом *озон* зафиксировано также на юго-западе Удмуртии [Атаманов-Эграпи 2015: 589]

Изоглосса *озон* ~ *ӧзын* охватывает северные наречия удмуртского и коми-пермяцкого языков, верхневычегодский и присыктывкарский диалекты коми-зырянского языка, образуя в целом достаточно компактный, хотя и не сплошной ареал, который является зоной консервации (архаичным ареалом). Наличие небольшого островного ареала с данным топонимом на территории проживания южных удмуртов лишь подтверждает архаичность лексемы. Размытый (несплошной) характер территории исследуемой изоглоссы указывает на ее былое общепермское распространение. Допермская история рассматриваемой лексемы, как уже было отмечено выше, является неясной.

33) омбро: сл. *омбро* ‘болиголов’ [Архипов 1987: 90] || кз. *омра*, вс. лл. *умра*, лет. *умра гум* ‘дудник, дягиль’ [ССКЗД, 299]; кп. *у́мра* ‘дягиль’ [КПРС, 513].

Этимологи коми слова сопоставляют с мордовским *умбрав* ‘щавель’, *umrav, umbrav*; общепермскую праформу реконструируют в виде **o̯mra*, допермскую – **umbra-*, предполагают заимствование из индоиранских языков [КЭСК, 205; UEW, 718].

Исследуемое слово едва ли имеет прапермское происхождение, поскольку в этом случае вместо о первого слога мы имели бы гласный *у*. Данное слово может быть заимствовано из южных коми-зырянских диалектов до перехода удмуртского **а* непервого слога в *о* (хотя

последний гласный мог возникнуть и по ассоциации с суффиксом обладания прилагательных *о*). Звукопереход **о* > *у* в первом слоге, по мнению В. К. Кельмакова, мог завершиться в начале XV века, а фонетический процесс **а* > *о* в непервом слоге можно датировать концом XVI – началом XVII века [Кельмаков 1993: 16–17, 24–25].

В фонетическом и семантическом отношении близкое к исследуемому слову название растения нами зафиксировано в д. Удм. Сурвай (Унинский р-н, Кировск. обл.): *онгрогумы* – трубчатое растение с граненым стеблем – (?) ‘купырь’, (?) ‘болиголов’ (*гумы* – второй компонент названий растений с полым стеблем). Кроме того, в словарях [БиолКБ, 34; УРС 2008: 495] имеется такое слово, как *онгротурын* ‘тмин’ (*турын* ‘трава’). Первый компонент *онгро* (*онгыро, онгъро*) ‘глупый, непонятливый, несообразительный’, а также его производные *онгыраны* ‘закружиться (о голове), лишиться сознания’, *онгромыны* ‘терять сознание’, по мнению И. В. Тараканова [1993: 104], восходят к тат. *аңгыра* ‘глупый, бестолковый, тупой’. Поскольку семантика удмуртского диалектного фитонима ближе к приведенным татаризмам, по-видимому, следует вести речь о том, что слово *омбро* ‘болиголов’ является результатом контаминации тюркизма типа **онгро(гумы)* ‘болиголов’ с коми лексемой *омра* ‘дудник; дягиль’.

Вместе с тем возможно и несколько иное толкование происхождения исследуемого фитонима. В д. Паска (Кильмез. р-н, Кировск. обл.) зафиксировано название растения *омырогумы* (?) ‘дягиль; дудник’ [ДЭЛЛ]. Первый компонент омыро буквально означает ‘с воздухом, содержащий воздух’ и, по-видимому, является результатом переосмысления формы **оӈгрогумы*. Но аналогичный путь развития не объясняет наличие звука *б* в фитониме слободского говора, в котором восходящее к тюркским языкам название всё же, видимо, вступило в контаминацию с коми словом, в результате чего носовой звук *ӈ* / *н* заменился на *м*, что привело к переходу задненебного *г* в гоморганный губной *б*. В других диалектах удмуртского языка болиголов называют следующими наименованиями: *йыр висён гумы, йыр висён турын, гоно чысны* [БиолКБ., 65].

34) пудмыны: нч. сч. *пудмыны*, сч. *пудмънъ* ‘уплотниться, уплотняться от ходьбы или полива (о земле)’ | сч. *пудмънъ, пудмыны* ‘уплотниться от частой ходьбы или полива (о земле)’ [Карпова 2013: 409] || кп. *пу́дмыны* ‘уплотняться, уплотниться, утрамбоваться, высохнуть’ [КПРС,

351]; кз. *подмыны* ‘затвердеть, уплотниться, утоптаться (частой ходьбой, о земле)’ [ССКЗД, 289]; вс. *пôдмыны* ‘сваляться, ссесться’ [ВСД, 214];

Приведенные слова, по-видимому, имеют этимологическую связь с коми *под* (вс. *пôд*) ‘поверхность’, *му под* ‘земля, почва, грунт’ [ССКЗД, 289]. Коми лексема рассматривается в одном этимологическом гнезде со словами *под* ‘нога; кочерыжка (капусты); копыл (саней)’, *подӧн* ‘пешком’, которые, в свою очередь, ставятся в связь с удм. *пуд* ‘ботва’, *пыд* ‘нога’, *пыдын, пудэн* ‘пешком’ и считаются иранским заимствованием [КЭСК, 223].

Отметим, что изоглосса *пудмыны ~ подмыны* в отличие от лексем *пуд* (*пыд*), *под*, от которых она образована, имеет более узкое распространение, встречаясь в большинстве коми диалектов и в части среднечепецких говоров северного наречия. Вероятнее всего, исследуемая лексема заимствована из коми-пермяцкого языка, в котором вместо зырянского *о* (вс. *ô*) первого слога, как и в удмуртских диалектах, представлен гласный *у*.

35) пулыны: нч. *пулыны* ‘(очень) бояться; испугаться’ | яр. (Ук.) *пулыско* ‘пужаться, бояться, весьма побаиваться’ [Кротов, 180]; MU *ришiнi* < **puliniʒ* ‘бояться, опасаться’, *ришmes* < **pulmes* ‘опасный’ [Wichm., 210]; кос. *puliniʒ* ‘бояться’ [КЭСК, 223]; нч. *пулыны* ‘бояться’ [Тепляшина 1970а: 191]; бес. *pul* ‘бойся’ [ЯзБ, 59]; сл. *пулыны* (*куалекъяны*) ‘дрожать, трястись’ [Архипов 1987: 86] || кз. *повны, полны*, вс. *пôлны* ‘бояться, трусить, страшиться, робеть, пугаться’ [ССКЗД, 288]; кп. *повны* ‘бояться, пугаться, чувствовать страх; смущаться, теряться, робеть’ [КПРС, 349]; кя. *пу́лнə* ‘бояться’ [КЯД, 171]. Приведенные пермские слова относятся к уральскому пласту исконной лексики [UEW, 370].

Изоглосса *пулны ~ полны* повсеместно распространена в коми диалектах. В удмуртском языке она зафиксирована в нижнечепецком диалекте, а в письменных памятниках также в среднечепецких говорах и бесермянском наречии, которые вместе с коми языковой областью образуют основной ареал исследуемой изоглоссы. За пределами очерченной территории данное изоглоссное явление встречается в одном из периферийно-южных удмуртских говоров – шошминском. В удмуртском языке в настоящее время для обозначения понятий «бояться, пугаться» широко используется лексема *кышканы*, в отдельных говорах южного наречия – *курданы*, являющийся татарским заимствованием [Тараканов 1993: 88]. Глагол *кышканы*, по мнению Р. Ш. Насибуллина

(уст. сообщ.), восходит к рус. *кышкать*. Происхождение названного глагола от удм. *кӧшкеманы* ‘бояться сверхъестественных сил’, с умляутом корневого гласного как стремлением фонетической дифференциации разных лексико-семантических единиц, с нашей точки зрения, выглядит более вероятным (в отношении чередования гласных см.: **велись** I).

36) пызьыны: нч. вч.: кез. (Юски) *пыз'ыны*, сч.: гл. *пӧз'ънъ*, яр. *пӧз'ыны* ‘онеметь (о конечностях в неудобном положении)’, *пъдъ (пыды) пӧз'из* ‘нога онемела’ | *Пызьыны* I, *Пызјыны* II ‘о ногах: отсидеть’ [Верещ., 198]; срв. *пыӟыны* ‘неметь, онеметь; сводить (свести) судорогой’ [Вахрушев 1983: 12]; сч.: гл. *пӧз'ънъ*, яр. *пӧз'ыны* (перен.) ‘онеметь (о конечностях в неудобном положении)’ [Карпова 2013: 403] || кз. *позявны, позялны* ‘замлеть, онеметь, отсидеться (о частях тела)’ [ССКЗД, 290]; кп. *пóзявны* ‘неметь, онеметь, затекать (о ноге, руке)’ [КПРС, 353]; коч. *пóдзалны: кóкö пóдзаліс* ‘ногу я отсидел’ [КПД, 61]; кя. *пóʒ'алнө* ‘отсидеть, отлежать (о ноге, руке)’ [КЯД, 166].

Приведенные выше коми лексемы сопоставляются с обско-угорскими словами и включаются в состав финно-угорского пласта лексики [UEW, 415]. Удмуртские слова в указанном источнике не представлены. Между тем генетическая связь исследуемых удмуртских слов с соответствующими коми словами является очевидной.

Изоглосса *пызьыны ~ позялны* зафиксирована в нижнечепецких и среднечепецких диалектах удмуртского языка, отчасти в верхнечепецком диалекте (там она малоупотребительна), а также в средневосточных говорах – и находит продолжение в коми языковом ареале. В среднечепецком диалекте произошло изменение корневого гласного, на наш взгяд, в результате народно-этимологического сближения со словом *пӧзьыны* ‘кипеть, вскипеть; вариться, свариться’. В южной диалектной зоне удмуртского языка рассматриваемая лексема вышла из употребления и имеет тенденцию к дальнейшему сокращению. Причиной утраты исследуемого слова *пызьыны*, мы считаем, является его неустойчивое положение в лексической системе удмуртского языка из-за функционирования синонимичного глагола *зубектыны*.

37) сили: нч. сч.: яр. гл. *с'ил'и, с'ил'ипи* ‘цыпленок’, нч. сч.: яр. гл. бал., срв.: чут. (ВНязь), бес.: юн. *с'и·л'и-с'и·л'и* – вокатив для подзыва цыплят | кос. *с'ил'и-с'ил'и* – возглас для подзывания кур [ДЭ 1980];

сч. *č̌il'i-č̌il'i* – призыв домашних птиц [Карпова 1997: 178]; сч.: яр. гл. *с'ил'и ~ с'ил'ипи* ‘цыпленок’, *с'и·л'и-с'и·л'и* – возглас, которым подзывают цыплят [Карпова 2013: 461] || кз. вс. *с'ил'и, с'ил'öпи* ‘цыпленок’ [ВСД, 81, 83]; сс. *с'ил'эпи, с'ил'ко, с'ил'ук, с'ил'öпи* ‘цыпленок’ [ССД, 35, 165]; сс. *чил'ö* ‘курица’ [Лыткин 1972: 119]; вс. печ. сс. *силь-силь*, вв. *силе-силе* (нв. скр. *чип-чип*, лет. *кутю-кутю*, вым. лет. *куть-куть*, л. сс. *пись-пись*, вым. *пить-пить*, вс. *тип-тип*) ‘цып-цып’ [ССКЗД, 412]; кп. *си́ли* ‘гусенок’ [КПРС, 428]; кя. *с'и́л'öчки* ‘цыплята’, *ч'и́л'ка* ‘цыпленок’, *ч'и́л'а-ч'и́л'а!* – подзывной клич для цыплят [КЯД, 181, 195].

Названия цыпленка *с'ил'и, с'ил'ипи, с'ил'öпи* и др. – являются ономатопоэтическими словами. Е. С. Гуляев считает, что основа *силь-* коми слов *сильö* (дет.) ‘птичка, курица’, *сильгыны* ‘щебетать (о птицах)’ имеет общее происхождение со словом *сьывны* ‘петь’, и далее пишет, что с данной основой могут быть связаны также такие звукоподражательные слова, как *сильлялны, зильгыны* ‘звенеть’ [КЭСК, 255]. Отметим, что коми слово *сьывны* ‘петь’ и соответствующее ему удмуртское слово *сильыны* ‘куковать’ достаточно широко распространены в современных пермских диалектах. В то же время слово *с'ил'и(-)* как название цыпленка (гусенка) и подзывной клич для цыплят имеет ограниченный ареал как в удмуртских, так и коми-зырянских диалектах.

Изоглосса *с'ил'(и) ~ чил'(а)* распространена в нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия удмуртского языка, отчасти – в верхнечепецком диалекте, а также в бесермянском наречии, в коми-пермяцких и южной группе коми-зырянских диалектов, откуда она тянется на северо-восток, захватывая верхневычегодский и печорский диалекты.

Анализ ареала изоглоссы *с'ил'(и) ~ чил'(а)* позволяет нам сделать следующее заключение. Как подзывной клич для цыплят слово *с'ил'-* ~ *чил'-* на основе звуковой имитации возникло уже в недрах коми диалектов. Позднее слово-вокатив стало употребляться для обозначения самого объекта подзыва. Впоследствии исследуемая лексема в части диалектов была приспособлена для наименования гусенка или курицы. Исследуемая изоглосса из коми языка проникла в удмуртские диалекты. Такие лексемы, как *с'ил'ипи, с'ил'öпи, с'ил'эпи*, в двух пермских языках могли сформироваться независимо, но распространенность их в едином компактном ареале позволяет сделать предположение о связанном характере происхождения. Слова *си́лька* ‘цыпля, цыпле-

нок (куриный)’ [Даль 1955: 185], *силёнок, си́лька* ‘цыпленок’, зафиксированные в вятских русских говорах, должно быть, заимствованы из пермских языков (скорее, из коми), хотя некоторые формы в коми диалектах следует считать обратными заимствованиями из русского.

38) синву: сч. вч. срв. срз.: зятц. селт. ув. *с'инву*, бес. *с'ин'ву* ‘слеза, слёзы’; юдз. *с'инкыл'и, с'ин'кыл'и, с'имкыл'и* и др., нч.: сл. *с'имкыл'ы*, кос. *с'имкыл'и* ‘тж’ | G *śinvu* ‘слеза’ [Wichm., 235]; Sar. *śin-kǐl'i*, Kaz. *śiń-kěl'i*, Mal. *śin-kil'* ‘слёзы’ [Munk., 459]; удм. сев. *синву*, юж. *синкыльы* ‘тж’ [Бор., 255]; бес. *s'in'vu* ‘слеза’ [ЯзБ, 80]; сч. *с'инву*, яр. (Ук.) юк. (Ер. СБез.) *с'инву* ~ *с'имву* ‘слеза, слезы’ [Карпова 2013: 461–462] || кз. *синва* ‘тж’ [ССКЗД, 337]; кп. *синва́* ‘слеза, слёзы’ [КПРС, 430]; кя. *с'инва́* ‘слеза’ [КЯД, 181]. Лексемы *синву, синва* являются сложными словами, состоящими из компонентов *син* ‘глаз’ и *ву, ва* ‘вода’. Удмуртское слово *синкыли* (*синкыльы*) представляет собой композиту, второй компонент которой восходит к древнему уральскому лексическому пласту со значением ‘слёзы, слеза’, ср.: ф. *kyynel*, в. *könny* ‘тж’ [UEW, 159; SKES, 257].

Изоглосса *синву* ~ *синва* охватывает все коми диалекты, среднечепецкий и верхнечепецкий диалекты северного наречия удмуртского языка, бесермянское наречие, средневосточные говоры, часть среднезападных говоров, непосредственно примыкающих к северному наречию и средневосточным говорам (см. Карта 6). В южной диалектной зоне, а также в нижнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка понятие «слёзы, слеза» передается лексемой *синкыли*.

Рассмотрев названия слезы в удмуртском языке, можно отметить, что удмуртские диалекты сумели сохранить древний термин *кыли: синкыли*, восходящий к прауральскому периоду. В некоторых родственных языках соответствующее слово было полностью утрачено, в частности в языках волжских финно-угров и коми, ср.: эрз. *сельведь*, мокш. *сельмове́дь*, мар. *шинчавӱд*, кз. *синва*, кп. *синва́* [ЭРС, 578; МокшРС, 616; МРС, 411; ССКЗД, 337; КПРС, 430].

Если рассмотреть названия частей глаза и другую терминологию пермских языков, связанную с ним, можно убедиться, что почти все они являются сложными словами, в которых в качестве первого компонента выступает слово *син* ‘глаз’, например: *синлыс* ‘ресницы’ (букв. ‘глазная хвоя’), удм. *синкӧльы* ‘глазное яблоко’ (букв. ‘глазная галька, глазной камешек’), удм. *синчебер* ‘радужная оболочка’ (букв.

‘глазная красота’) и т. д. По аналогии с другими обозначениями слово типа **kiʲl'i*, служившее для выражения понятия «слеза», было усилено компонентом, используемым для наименования глаза.

Большинство из приведенных слов имеют прозрачную этимологию. В этом ряду только второй компонент слова слеза оставалась непонятной. Данное явление подтолкнуло носителей коми диалектов (как и волжских финно-угров) заменить его словом с прозрачным значением ‘вода’. В результате названной инновации образовалось современное коми и коми-пермяцкое *синва* и северноудмуртское *с'инву*. Инновационная волна, распространяясь на юг, охватила северную группу срединных говоров, в которых первоначальное слово *с'инкыл'и* постепенно стало отходить на второй план. В нижнечепецком диалекте северного наречия слово *с'имкыл'ы ~ с'имкыл'и*, по-видимому, сохранилось благодаря миграционным волнам удмуртов с нижней Вятки. В свою очередь, бесермяне, оказавшись на средней Чепце, нынешнюю лексему *с'ин'ву* заимствовали у местных удмуртов (о названиях слезы в удмуртском языке см. также: [Максимов 2009б; 2010]).

39) сук: сук-гурдо: G *suk: s.-gurdo* ‘широконоска, Anas clyperata’ (*gurdo – гурдо* ‘кряква’. – *С. М.*) [Wichm., 226]. Данное северноудмуртское слово Ю. Вихманн сопоставляет с коми *zuk: zuk-utka* [Там же]; ср. также: л. печ. уд. *зук* ‘широконоска (вид утки)’ [ССКЗД, 132]. В современных удмуртских диалектах рассматриваемое слово в настоящее время, по-видимому, уже не функционирует. В коми-зырянских данная данная изоглосса образует размытый ареал, откуда следует, что она в этом языке также постепенно выходит из употребления. Таким образом, ареал исследуемой изоглоссы *сук ~ зук* представляет из себя зону консервации. В общепермском языке рассматриваемая лексема употреблялась для обозначения одного из видов утки – широконоски. Причиной утраты орнитонима является снижение роли охотничьих промыслов в хозяйстве удмуртов и коми (см. также: **гурдо**).

40) сус: сускульы: нч.: кос. (Сибирь) *сускул'ы* ‘шишка (напр. ели)’ || кз. вв. иж. нв. печ. скр. *сус коль* ‘кедровая шишка’, *сус: сус пу* ‘сибирский кедр’ [ССКЗД 162, 351]; кп. *суспу* ‘кедр’ [КПРС 458]. Общеудмуртским соответствием коми *сус* (*пу*) ‘кедр’ является лексема *сусы-(пу)* ‘можжевельник’. Названные слова восходят к древнему ураль-

скому наименованию кедра [UEW, 445; КЭСК 267]. Общепермскую праформу Е. С. Гуляев восстанавливает в виде **susi-pu* или **sös̈i-pu*; семантический сдвиг в удмуртском слове он объясняет тем, что на территории проживания удмуртов данная порода дерева ныне не произрастает [КЭСК, 267]. В новейших исследованиях удм. *сусыпу* ставится в родственные связи с кз. *сöспу*, в зависимости от диалекта имеющим значение ‘кустарниковая ольха’ или ‘рябина’, а также с кп. *сусапу* ‘бузина’ [Федюнева 2018: 9–10].

В слове *сус-кул′ы* ‘шишка (ели)’, вторая часть, собственно, имеет значение ‘шишка’, а первый компонент является названием хвойного дерева. Указанная лексема бытует в одном из косинских говоров параллельно со словом *кыскул′ы ~ кыскул′и*, которое является вариантом широко распространенного удмуртского наименования шишки *кускыли.* Компоненты *кыс-, кус-* приведенных слов восходят к лексеме *кыз* ‘ель’. Предположение о том, что компонент *сус* является результатом развития на удмуртской почве, встречает серьезные препятствия: во-первых, в основе данного слова отсутствует конечный гласный *-ы*, ср. *сусы-пу*; во-вторых, вряд ли рассматриваемое слово могло бы сохраниться с общепермского периода, употребляясь в качестве дублета параллельно с другим словом. В связи с последним тезисом следует отметить, что в ходе полевых исследований говора д. Сибирь Л. Л. Карповой в качестве наименования шишки еловой удалось аттестовать только лексему *кыскул′и* (уст. сообщ.).

Исходя из вышесказанного, мы склоняемся к мысли о коми происхождении компонента *сус* в слове *сускул′ы*. В пользу нашего предположения говорит тот факт, что косинские удмурты являются переселенцами с нижней Чепцы. Опираясь на письменные источники, И. А. Косарева [1994: 61–62] приходит к выводу, что упомянутая группа удмуртов может быть переселенцами не только с Каринского стана, но и Лужановского, Холуницкого, Сырьяновского станов Слободского уезда, находившихся на верхней Вятке, а также с других уездов, где ранее проживало удмуртское население: Шестаковского, Хлыновского, Котельничского и Орловского. Полагаем, что исследуемая лексема могла сохраниться в языке нижнечепецких удмуртов от ассимилированных коми-зырян, в речи которых сочетанием *сус коль* обозначалась кедровая шишка. Факт переселения части коми населения Лузкой Пермцы в XVII веке на Вятку, верхнюю Каму

и в Казань засвидетельствован письменными источниками (см. [Жеребцов 1982: 70, 99]). Предположение о заимствовании рассматриваемого компонента из коми языка в результате обычных коми-удмуртских межэтнических связей считаем маловероятным.

41) таллян: пыд таллян: бес. *пъд тал'л'ан* ‘педаль ткацкого станка’ | бес. *pəd tal'l'an* ‘тж’, *bes'erman stanlen n'wl' lue pəd tal'l'anez* ‘у ткацкого стана бесермян бывают четыре подножки (служащие для опускания и поднимания нитченок)’ [ЯзБ, 208]; *пөд таллян* ‘педаль’, *машиналэн пөд таллянэз* ‘педаль автомобиля’ [ТезаурБес., 74] || кз. *талян*, скр. *тальлян*, уд. *кок талян, потталян* ‘подножка (в ткацком стане)’ [ССКЗД, 364]; кз. *талявны, талялны* ‘топтать, растоптать, утоптать’ [ССКЗД, 364]; кп. *та́льны* ‘топтать, истоптать’ [КПРС, 469].

Коми-зырянское слово *талян ~ тальлян* является производным от глагола *таляны ~ тальляны*. Аналогичное происхождение имеет и бесермянское слово, которое образовано от некогда существовавшего слова *tal'l'anị*, ср.: удм. *лёган: пыд (пыдул) лёган, лёгет: пыдул лёгет* ‘поднога, подножка, топтальца (педаль ткацкого стана, поднимающая и опускающая нитченки основы)’ [УРС 1983: 256, 370]. Слова *лёган, лёгет* являются производными от глаголов *лёганы* ‘топтать, наступать’ и *лёгыны* ‘наступить’, которые функционируют и в бесермянском наречии, при этом композита *пъд л'огон* в последнем означает ‘стремя’.

Коми слово *талявны* Е. С. Гуляев сопоставляет с мокшанским *талямс* ‘молотить, обмолотить’ и с прибалтийско-финскими словами, в частности с финским *tallata* ‘топтать, растаптывать, раздавливать, мять траву’; предполагает возможную связь основы коми слова с удмуртским *тальк-тальк* ‘сырой, плотно слежавшийся’ [КЭСК, 278]. Другие исследователи названное коми слово с прибалтийско-финскими словами сравнивают с двумя вопросами [UEW, 791; SKES, 1213]. Удмуртским словом *tal'l'an* ни в одном из указанных выше словарей не оперируют, между тем связь его с коми лексемами *тялян, талявны* является очевидной. С другой стороны, прибалтийско-финскому заднерядному *a* в коми и удмуртском обычно соответствуют другие гласные, поэтому в данном случае о глаголе *талявны* речь нужно вести как о заимствовании, производная которого из коми (коми-зырянского) проникла в язык бесермян как суперстратная лексическая единица.

42) тӧл ныр: нч. сч.: яр. *тӧл ныр*, сч.: гл., бес.: юн. *тӧл нӧр* ‘порыв ветра’, нч. сч.: яр. бал., вч.: кез. *тӧл ныр йыл*, сч.: гл., бес. *тӧл нӧр йӧл* ‘наветренная сторона; место, где сильно дует ветер’, нч. сч. *тӧл ныр йылын сылыны*, сч. *тӧл нӧр йӧлӧн сӧлӧнъ* ‘стоять на ветру’ | сч.: гл. (Дон.) *тӧл нӧр*, сч.: яр. (Байд. Мос.) *тӧл ныр* ‘порыв ветра’, сч.: яр. бал. *тӧл ныр йыл*, сч.: гл. *тӧл нӧр йӧл* ‘наветренная сторона; место, где сильно дует ветер’ [Карпова 2013: 482] || кз. *тӧв ныр, тӧл ныр* ‘буря, вихрь, порыв ветра’ [ССКЗД, 374]; кп. *тӧв ныр* ‘сильный порыв ветра; вихрь’ [КПРС, 482]; кя. *тӱ̆лнӧр* ‘вихрь’ [КЯД, 189].

Компоненты, из которых состоят приведенные сочетания (лексемы), являются древними исконными словами: *тӧл* – финно-пермское, *ныр* – уральское [UEW, 303, 800]. Следовательно, сочетание *тӧл ныр* как лексико-семантическое единство могло возникнуть уже давно. Однако конфигурация его ареала, который включает в себя большинство коми диалектов и соседствующие с ними северноудмуртские и бесермянские говоры, говорит о том, что мы имеем дело с поздней инновацией. Центр инновации находился на территории распространения коми языка, откуда он проник в северо-западный ареал удмуртского языка.

43) тыртэм (тырттэм): нч.: кос., сч.: яр. (южн. часть) *тыртэм*, бес. *търтэм*, сч. *търттэм*, нч.: сл., сч. вч. срв. *тырттэм* ‘пустой, порожний’ | *тыръте̑мъ* (*tị̑rtem. – С. М.*) ‘простой, пустой’ [Мог., 278]; В *tị̑rttem* ‘пустой’ [Wichm., 263]; удм. *тырттэм*, юж. *буш* ‘пусто, пустой’; сев. *тырттэммыны*, юж. *бушаны* ‘опустеть, сделаться пустым’ [Бор., 293]; тыл. *тырттэм* ‘пустой; пусто’ [Тепл., 181]; сч.: яр. *tị̑rtem* ‘пустой’ [UdMur., 158]; сч. *търттэм, тырттэм, тырттэм* ‘пустой, порожний; пусто’ [Карпова 2013: 492–493]; бес. *tөrtem* ‘пустой’ [СлБес., 424] || кз. *тыртӧм*, вв. иж. *тыртэм* ‘пустой, порожний; тощий, неплодородный’ [ССКЗД, 391]; кп. *тырттӧм* ‘порожний, пустой’ [Рог., 166].

Приведенные слова образованы от основы *тыр* ‘полный’ с помощью каритивного (выражающего отрицание) суффикса *-тэм ~ -тӧм*. Названная основа имеет древнее уральское происхождение [UEW, 524].

Изоглосса *тыртэм* (*тырттэм*) ~ *тыртӧм* (*тырттӧм*) распространена в северной диалектной зоне удмуртского языка и в коми диалектах. Он противопоставлен южной диалектной зоне удмуртского языка: в южном наречии, а также в срединных говорах удмуртского языка вместо названных слов употребляется татарское заимствование

буш. В средневосточных говорах, граничащих с северным наречием удмуртского языка, указанная лексема бытует параллельно со словом *тырттэм*. Ареал исследуемой зоны является архаичным (см. также: **тырттэм ~ тырттӧм**, п. 2.3).

44) чим: чим-вож: сч.: бал., вч.: кез. *чи˙м-вож*, сч.: гл., бес. *чъ˙м-вож*, бал. (Кур.) *чы˙м-вож*, сч.: юк. *чъ˙м-чъм вож*, яр. *чы˙м-чым вож* ‘совершенно зеленый, интенсивно-зеленый, зеленый-презеленый’ | сч. (От.) *č̆im: č̆im vož* ‘зеленый-зеленый’ [Карпова 1997: 110]; сч.: гл. (Труб.) *чи˙м: чи˙м вож*, гл. (Дон.) *чъм вож*, юк. *чъ˙м-чъм вож*, яр. *чы˙м-чым вож* ‘интенсивно-зеленый, зеленый-зеленый’ [Карпова 2013: 520] || кз. *чим*, вым. *чин*, иж. *чинь* ‘совсем, совершенно’, *чим гӧрд* ‘совершенно красный, ярко-красный’, *чим сьӧд* ‘совершенно черный’ [ССКЗД, 411]; кп. *чим* ‘совсем, совершенно, очень’, *чим сьӧд* ‘очень черный, иссиня-черный; вороной’, *дзим: дзим гӧрд* ‘красный-красный’ [КПРС, 120, 536]; кя. *ч'им: ч'им с'ӱд* ‘совершенно черный’ [КЯД, 195].

Приведенные коми слова Е. С. Гуляев возводит к общекоми **č'iŋ* и сопоставляет с марийским *чий: чий марий* ‘некрещеный мари’ [КЭСК, 306]. Однако марийское слово исследователи относят к чувашским заимствованиям [Räsänen 1969: 108; ЭСЧЯ II, 402–403]. Принимая в расчет упомянутые выше северноудмуртские слова *чим, чъм*, можно предположить, что рассматриваемые коми и удмуртские слова могут являться общепермскими заимствованиями из языка булгар, ср.: чув. *чăн* ‘наи-, очень, весьма’; *чин, чăн* ‘самый, очень, весьма’ [ЧРС, 528; Ашмарин 2000, 15–16: 203, 271]. Соответствия чувашского слова имеются во многих тюркских, а также монгольском языках (*čiŋ*), которые возводятся к китайскому источнику *t's'ɒn* / *ćin* ‘прямой; правильный; подходящий; соответствующий’ [Räsänen 1969: 108; ЭСЧЯ II, 402–403]. Похожее слово употребляется также в южноудмуртском наречии, ср. *чын* ‘правда, истина; очень, самый’, но оно заимствовано из татарского языка [Тараканов 1993: 146].

Исследуемая изоглосса распространена на компактной территории в коми языках, в среднечепецком диалекте, в некоторых говорах верхнечепецкого диалекта и бесермянского наречия удмуртского языка. Данный ареал, возможно, является зоной консервации, а в большинстве диалектов удмуртского языка рассматриваемая лексема была утрачена. В этом случае можно считать, что в северной диалектной зоне она

органически влилась в ряд широко известных в удмуртском языке препозитивных усилительных слов для обозначения названий цвета: *чиль-сьӧд* ‘черный-пречерный’, *ӵыж-горд* ‘ярко-красный’, *чип-тӧдьы* ‘белоснежный’ и *чим-вож* сев. ‘интенсивно-зеленый’.

В данном вопросе все же остается один сомнительный момент: в булгарских заимствованиях общепермского периода задненебный *ŋ в коми языках передается через зубной *н*; в удмуртском языке этот звук в большинстве диалектов также переходит в *н*, а в южном наречии сохраняется (булг. *ŋ > удм. *н*, южн. *ŋ*), а при наличии (дистантно) предшествующего губного согласного в большинстве диалектов удмуртского языка наблюдается звукопереход *ŋ > *м* [Кельмаков 2006: 81–83]. В описываемом случае мы не видим условий для появления *м* не только в коми, но и в удмуртском языке. Звукопереход *ŋ, *н > *м* и междиалектная корреспонденция *м* // *н* имеют место в чувашском языке (см. [Левицкая 2014: 219–221]). В связи со сказанным можно предположить, что в пермские языки исследуемое слово могло проникнуть после распада общепермского языка-основы, при этом в коми языки – через северноудмуртские говоры, в которых в определенном количестве слов в ауслауте наблюдается междиалектная корреспонденция *м* // *н*, например: нч. сч. *зым* // юж. *зыŋ*, др. диал. *зын* ‘запах’; нч. сч. *йалам* // др. диал. *йалан* ‘постоянно; всё ещё’; нч. *им* // др. диал. *ин, ин′* ‘небо; сч. *зачим* < рус. *зачин*.

45) чир: сч. вч.: кез. *чир* ‘мелкая частица, крупинка, крошка; соринка’; сч.: бал. (Кур.), вч.: кез. (Пуж.) *чирэз но, жагэз но ӧз н′и кыл′ – вичак кошки·зъ.* ‘Никого не осталось (= ни крошки, ни соринки – все ушли’); сч.: гл. (Дон.) *тан′ опэт′ вича·ксъ кошко·зъ н′и пинал′л′ос – чирэз но, жагэз но уз н′и къл′.* ‘Вот опять все дети уедут – никого не останется (= ни крошки, ни соринки не останется)’; *э, вал′эр, бэрад чирэд но, жагэд но ӧз къ·л′ъ.* ‘Эх, Валера, за тобой никого не осталось (т. е. потомства, детей)’; сч.: яр. (Ник.) *чирэз но, н′урэз но ӧз н′и кыл′ – вичак кошки·зъ.* ‘Никого не осталось (= ни соринки, ни мокрого места – все ушли’ | сч.: яр. гл. юк. *чир* ‘мелкая частица, крупинка; сор, мусор (на полу)’ [Карпова 2013: 521].

Данное слово употребляется лишь в составе некоторых выражений (см. выше). Соответствия имеются в коми языках: кз. *чир* ‘мельчайшая частица, крупица, крупинка, кроха, крошка, зернышко чего-л.’ [ССКЗД,

412]; кп. *чир* ‘мельчайшая частица чего-л., крупица, крупинка’ [КПРС, 537]; кя. *ч'өр* ‘труха’ [КЯД, 196]. Указанные коми слова сопоставляются с удмуртским *чыры* ‘мелочь’, *чыры-пыры* ‘тж’ и возводятся к общеп. **č'ir-* ‘мелочь, частица’; также приводятся соответствия из финно-угорских языков [КЭСК, 306–307]. В Уральском этимологическом словаре указанные пермские слова с другими финно-пермскими соответствиями сравниваются под вопросом [UEW, 615].

Отметим, что следующие слова: *чъръ: чъръ-пъри* (*чъръ-пъръ*) ‘мелочь, мелочи’, – являющиеся закономерным соответствием коми *чир*, бытуют также в среднечепецком и верхнечепецком диалектах. Отсюда мы приходим к выводу, что лексема *чир*, употребляющаяся на ограниченной территории в крайней северной части территории проживания удмуртов, является проникновением из коми языков.

46) чульчо: G *t'śul't'śo* ‘песочник, (?) Caldris arenaria’ [Wichm., 288]; сч. *Чульчопи* – название деревни (ныне исчезнувшей) в Глазовском р-не УР || кз. *тёвтя*, лл. *човча, чолча* ‘улит большой (кулик)’ [ССКЗД, 367]; кп. *чјовчја* ‘прибрежник’ [Рог., 177].

Данные слова в КЭСК возводят к общепермскому **č'ǫlč'a* и приводят параллели из финского, мансийского и саамского языков [КЭСК, 279]. В «Уральском этимологическом словаре» пермские лексемы сравнивают (под вопросом) только с обско-угорскими словами; отнесение сравниваемых слов к финно-угорскому пласту лексики представляется возможным в том случае, если последние не заимствованы из коми языка [UEW, 50].

Изоглосса *чульчо ~ тёвтя* (*човча*) охватывает ареал среднечепецкого диалекта удмуртского языка, коми-зырянские диалекты, а также коми-пермяцкий язык. Очерченный ареал является архаичным. В коми-пермяцком языке в настоящее время рассматриваемая лексема, по-видимому, уже не употребляется, хотя в письменных памятниках она зафиксирована. В удмуртском языке исследуемое слово Ю. Вихманном записано только у глазовских удмуртов, которое в полевых условиях уже в конце прошлого века зафиксировать больше не удалось, но до последнего времени сохранялось в топонимии. Центром утраты следует считать южноудмуртские говоры, в которых слово *чульчо* вышло из употребления в первую очередь. В то же время в некоторых говорах северного наречия оно сохранялось до последнего времени. Причина

утраты слова *чульчо*, скорее всего, та же, что и у названих других диких птиц (см. напр. **гурдо**).

47) ӧ̈жмыны: сч.: бал. ‘копиться, накопиться’ | *Та коньдон люканнимы* [«Государственная Трудовая Сберегательная касса»] *коньыэн-коньыэн люка но, солэн трос* ***чожме*** *(люкаське)* [Азьлань. 1925. 23 окт.]. ‘Эта сберегательная касса=наша [«Государственная Трудовая Сберагетальная касса»] (= место накопления денег) собирает по копейке, но у нее много накапливается’. *Ваньмыз таче пыртэм коньдон дасвить волосети 150 891 манетлык* ***чожме*** [Азьлань. 1925. 8 дек.] ‘Всего таких внесенных денег по 15-ти волостям 150 891 рубль накапливается’ || кз. *чӧжсьыны*, иж. лет. уд. *тшӧжсьыны* ‘копиться, скопиться, накопиться’ [ССКЗД, 417].

Рассматриваемое удмуртское слово зафиксировано только в газете «Азьлань», выходившей в г. Глазове в 1925–1926 годах. Редактором ее был поэт и прозаик А. В. Волков, уроженец д. Москвашур, располагавшейся вблизи с. Андрейшур современного Балезинского района УР. В газете удмуртские буквы передавались без диакритики, поэтому не совсем ясен точный фонетический облик глагола. Не вызывает сомнения, что буквой *ч* анлаута передана велярная аффриката, поскольку законы фонотаксиса большинства удмуртских диалектов, включая и среднечепецкого, не допускают употребления палатальной аффрикаты *ч* (и *ǯ*) при дистантно отдаленных щелевых *ж* и *ш*. Но следующая за ней буква могла обозначать как гласный *о*, так и *ӧ*. Материалы письменных источников (см. ниже), в которых имеются слова, близкие как фонетически, так и семантически, позволяют восстанавливать облик исследуемого слова в виде *ӧ̈жмыны*.

Интересно отметить, что составители КЭСК коми слову *чӧжны* ‘копить, накопить, приберегать, приберечь’ находят несколько соответствий: (?) удм. *tšöžas'kyny* ‘увеличиваться’ (Wied.), *ӧ̈жмыны* ср. ‘примывать (о воде и снеге)’ (Бор.), (?) *ӧ̈жмытыны* ‘нацедить воды’ (Бор.); к пермским словам под вопросом приводят манси пример [КЭСК, 311].

Хотя у коми исследователей имеются сомнения в родстве приведенных коми и удмуртских примеров, считаем, что семантически они вполне сопоставимы. В отношении вокализма следует сказать, что соответствие удм. *ӧ* аналогичному гласному коми языка не совсем обычно, но изредка встречается (см. [КЭСК, 70]). С другой стороны,

необычность совпадения гласной в какой-то степени может указывать на заимствование исследуемого слова из коми языка, что нельзя исключать в полной мере. Однако наличие размытого ареала исследуемого удмуртского слова и постепенное его затухание говорит о том, что мы имеем дело с архаизмом.

48) шияны: нч.: сл. *шийаны* ‘скандалить, буянить’ | сл. *шианы* ‘буянить’ [Архипов 1987: 86] || кз. уд. *шыавны* ‘издавать какие-л. звуки, звучать; голосить, кричать, орать’, лл. *шыалны* ‘говорить’, вв. *шыавні* ‘урчать’ [ССКЗД, 439]; ср. также: кз. кп. *шы* ‘звук; голос; отклик; тон’, кп. *шыасьны* ‘подать голос, отозваться, откликнуться’ [ССКЗД, 439; КПРС, 574].

Коми глаголы *шыавны, шыалны, шыасьны* являются производными от слова *шы* ‘звук; голос; отклик; тон’, соответствием которого считается удм. *шӧ* ‘чувство, предчувствие’ [КЭСК, 325]. Предполагаем, что удмуртское слово *шианы* ‘скандалить, буянить’, зафиксированное в слободском говоре северного наречия удмуртского языка, может быть заимствованием из коми диалектов. Нельзя полностью исключать также и иную версию, согласно которой, источником исследуемого слова является диалект каринских татар, ср. тат. *шии* – звукоподражание шуму быстро летящих предметов [ТТАС, 504], чув. *ши* – подражание протяжному свисту [ЧРС, 565].

49) шӧ: нч. сч. вч.: кез. *шӧ*, бес. *ши* ‘звук, голос, звуковой сигнал; оклик’; нч.: сл. *шӧ но, пус но ӧвӧл* ‘тишина, ни звука (= ни звука, ни знака)’, сч. *шӧ но, бур но ӧвӧл* ‘тишина, ни звука (≈ ни звука, ни чего-либо иного)’; сч.: гл. (Дон.) *мънъс'код огн'ад уйин ӵаӵӵайэт'и – ӵиш, шӧ но, бур но ӧвӧл.* ‘Идешь один ночью по лесу – тишина, ни звука’ | G *šę* ‘знак; сообщение, сведение’ [Wichm., 245]; удм. сев. *шӧ* ‘чувство, предчувствие’ [УРС 1948: 346]; бес. (Ворца) *ши* ‘слово’: *ши с'отис'код вал* ‘говоришь слова заклинания’ [Федотов 1982: 119]; сч. (Байд. Дон.) *шӧ* ‘звук, голос, звуковой сигнал; оклик’; (Байд.) *пуныйэ шӧ с'отэ н'и: ворйос пыро.* ‘Собака голос подает уже: воры заходят’ [Карпова 2013: 549] || кз. *шы* ‘звук, голос, тон’ [ССКЗД, 439]; лл. *шы: шы н'э ша* ‘тишина, тишь’ [ЛЛД, 260]; кп. *шы* ‘звук; голос; оклик’ [КПРС, 574]; кя. *шӱй* ‘звук’ [КЯД, 201].

Коми слова *шы, шӱй* связывают с северноудмуртским *шӧ* ‘чувство, предчувствие’, *šę* ‘сообщение, передача’ [КЭСК, 325; Напольских 1999:

46–47]. Уточненные значения исследуемой лексемы увеличивают вероятность родства с сопоставляемыми коми словами. Изоглосса *шö ~ шы* распространена в сплошном компактном ареале, охватывающем бóльшую часть северного наречия и бесермянское наречие, а также все коми диалекты. Очерченный ареал является зоной консервации (архаичным ареалом).

50) эш: эш пöзь: сч.: яр. (Боз.) *эш пöз′* ‘верхонки (рукавицы из холста, надеваемые поверх шерстяных варежек)’ | сч. (Боз.) *эш* ‘верхонки (рукавицы обычно из холста, надеваемые поверх шерстяных варежек)’ [Карпова 2013: 565] || к. *eš* ‘рукавица, варежка’ [Wied., 474]; кз. *эж* ‘поверхность, покров, верхний наружный слой чего-л.’, скр. печ. *эш: эшкын*, вв. *эш: эшкин* ‘одеяло’ (скр.); ‘шубное одеяло’ (печ. вв.) [ССКЗД 446, 449]; лл. *эжöд: кэпыс′ (т′эпыс′) эжöд* ‘голицы (рукавицы из холста)’ [ЛЛД, 263]; вс. *эжöд, йэджöд* ‘чехол, наволочка’, *эжйыны* ‘покрывать, накрыть’ [ВСД, 79].

Е. С. Гуляев коми слово *эж* ‘поверхность, покров, наружная сторона’, *эжöд* ‘верх одежды, чехол, наволочка’ возводит к общеп. **ę̑ž* ‘покров, поверхность’, к которому приводит соответствия из других финно-угорских языков, в числе прочих и удм. *ожо* ‘трава; дерн’ [КЭСК, 331]. В «Уральском этимологическом словаре» коми *ež* ‘внутренняя (не покрытая шерстью) сторона кожи’ отнесено к финно-пермскому пласту лексики [UEW, 636].

В буйско-таныпском говоре удмуртского языка зафиксировано название рукавиц, в которых формально также можно выделить элемент *-эш*, ср.: бт. *pę̑ʒ′eš* ‘голицы (рукавицы из кожи, холста, брезента, меха)’, *pę̑źi̯* ‘варежка, рукавица’ [Нас., 163]. Подобные слова функционируют и в других закамских говорах: шг. *пöд′эш*, бт. *пöд′ʸэш*, татш. *пö°д′ʸэш* ‘рукавицы, рукавица’. Однако похожие слова отмечены и в иных ареалах удмуртского языка: сев.: кос., сред.: зятц. *под′оршки·*, ныл. *под′ошка·*, которые восходят к русскому языку, ср. перм. *поддéржка* ‘верхняя рабочая рукавица из холста’ [СПГ 2, 120]. Закамские варианты следует также отнести к адаптированным русским заимствованиям, на что, в частности, указывает употребление *д′ ~ д′ʸ* вместо *з′* в инлауте (ср. *пöз′ы* ‘варежки, рукавицы’); звук *р* в труднопроизносимом сочетании *рж ~ рш* выпал, концовка слова испытала влияние слова *эш* ‘пара, чета’.

Изоглосса *эш*, охватывающая большинство коми-зырянских диалектов, а также северную часть ярского говора среднечепецкого диалекта удмуртского языка, образовалась за счет заимствования из коми диалектов (более вероятно – из зырянских).

51) ю: *ю-шур* ‘река’; *Ю* – название ручьев на севере и в некоторых центральных районах Удмуртии | G *ju: ju-šur* ‘река’, *ju-šur-mumîjos* ‘вы матери-реки!’ [Wichm., 81]; рч. *Ю* (офиц. Юс), рч. *Ю, Юшур* (Кезский р-н. – *С. М.*), рч. *Ю* (офиц. Юкаменка) (Юкаменский р-н. – *С. М.*), рч. *Ю* (офиц. Июль) – Воткинский р-н; второй компонент в гидронимах: рч. *Гыркесъю* ‘Река, имеющая дупла (омуты ~ впадины)’ – Увинский р-н [Атаманов-Эграпи 2015: 927–928]; *гырккэйу* (родник и речка в д. Зеглуд, Якшур-Бодьинский р-н) [Кириллова 2002: 133]; рч. *Ю* (офиц. Юшур) – Красногорский р-н || кз. *ю* ‘река, речушка, речка’ [ССКЗД, 449]; кп. *ю* ‘река; речной’ [КПРС, 586]; кя. *йу* ‘река’ [КЯД, 121].

Пермское слово *ю* исследователи относят к уральскому пласту лексики [UEW, 99]. В коми языках оно имеет повсеместное распространение. В конце XIX века финский ученый Ю. Вихманн зафиксировал слово *ю* у глазовских удмуртов в составе композиты *ju-šur* ‘река’. В качестве гидронима оно сконцентрировано преимущественно на севере Удмуртии (в бассейне р. Чепцы), а также в некоторых центральных районах УР. Изоглосса *ю* является зоной консервации древнего уральского слова. В настоящее время, по всей видимости, слово *ю* в удмуртском языке сохранилось только в топонимах. Однако даже в этом случае примечательным является тот факт, что рассматриваемые топонимы преимущественно находятся на севере Удмуртии. Следовательно, центр вытеснения исследуемого слова и полной замены его лексемой *шур* находился на территории проживания южных удмуртов.

52) юг: нч. сч. *йуг* ‘объедки, остатки грубого сена, соломы (которые скот не поедает), стоптанное сено (под ногами домашних животных)’ | G *jug* ‘испорченные (непригодные) остатки соломы (которые животные не едят); подстилка; отбросы соломы’ [Wichm., 82]; Sar. *jug* ‘солома, стоптанная лошадью, отбросы соломы’, *jugdî-* ‘стоптать, испортить сено или солому, как напр. лошадь ногами’ [Munk., 282]; сев. *югъяны*, сред. *люгъяны* ‘стоптать’ [Бор., 364]; сч. *йуг* ‘объедки,

остатки грубого сена, соломы (которые скот не ест); стоптанное сено (под ногами домашних животных)' [Карпова 2013: 218] || кз. *ёг* 'сор, мусор, соринка; сорный, мусорный', уд. *ёг*, скр. *жуг ёг*, нв. *шӧр ёг* 'разбитая при молотьбе солома' [ССКЗД, 120]; кп. *ёг* 'сор, мусор; мусорный; сорняк; сорный' [КПРС, 137]; кя. *йог* 'сор, мусор, сорняк' [КЯД, 120]. В. И. Лыткин коми слово *ёг* и удмуртское *jug* возводит к общепермскому **jǫg* 'сор, мусор' [КЭСК, 100].

Основной сплошной ареал изоглоссы *юг(-) ~ ёг* охватывает среднечепецкие говоры северного наречия удмуртского языка и все коми диалекты. За пределами данного ареала рассматриваемое слово Б. Мункачи зафиксировал в сарапульском диалекте (в срединных говорах) удмуртского языка. Т. Борисов в своем словаре размещает только производные слова – *югъяны, люгъяны* 'стоптать'. В удмуртско-русских словарях более позднего издания [УРС 1948, 1983] ни слово *юг*, ни его производные не нашли отражения даже с указанием на диалектность лексемы, исходя из чего можно заключить, что исследуемая изоглосса в срединных говорах находится в стадии затухания.

Таким образом, современная территория распространения *юг ~ ёг* охватывает нижнечепецкий и среднечепецкий диалекты северного наречия удмуртского языка и коми диалекты. Очерченный ареал является архаичным. В большинстве диалектов удмуртского языка соответствующее слово было утрачено.

* * *

В настоящем разделе рассмотрено 52 изоглоссных явления. Большинство из них (32) образовалось в результате сохранения исконных лексических единиц, восходящих в прапермскому и более древним языковым состояниям, иначе говоря, в удмуртских диалектах они представляют собой архаизмы, например: *аскы* 'завтра', *ворӟемен* 'верхом (на лошади)', *гурдо* 'вид дикой утки; кряква' и т. д. Менее половины изоглоссных явлений возникли в процессе заимствования из коми языков в удмуртские диалекты – 20 единиц. Из данного числа собственно заимствованиями являются 17, гибридными заимствованиями – 3. Гибридные слова образовались в ходе интерференции (наложения) исконного и заимствованного языкового материала, ср. нч.: сл. *омбро* 'болиголов' < удм. *онгро(гумы)* 'купырь; болиголов' + к. *омра* 'дягиль; дудник'. Изоглоссы данного раздела наглядно представлены в табл. 1.

Таблица 1

Северноудмуртско-коми собственно лексические изоглоссы[1]

Языковые единицы	**А/З/Г**	**Диалекты и языки**								
		нч.	**сч.**	**вч.**	**бес.**	**сред.**	**юж.**	**пю.**	**кз.**	**кп.**
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1) аскы ‘завтра’ < прап.	**А**	+	+	+ кез.	+	–	–	MU *askȷ̆s* Wichm.	аски, вс. *аскы*	*ашын*, кя. *а́шөн*
2) бред ‘наледь, заплыв воды на льду’ < кз.	**З**	–	+	*бырданы* ‘обледенеть, покрыться наледью’	+	*бырданы* ‘обледенеть, покрыться наледью’	«–»	«–»	*бырӧд, быред* ‘наледь, наплыв воды под снегом, заплыв воды на льду’	? *бырӧт* ‘накипь’
3) варали ‘говорун, болтун’ < прап.	**А**	–	*вараско* ‘прогоовариваю’ Кротов	–	+	–	–	–	*варов, варол* ‘разговорчивый’	кя. *ва́ргинө* ‘болтать, много говорить’
4) велись I 1.‘только что, лишь сейчас, наконец-то’, 2. ‘снова’ < прап.	**А**	+ кос.	+	–	+	ныл. *велись* ‘снова, вновь’	–	–	*вöлись* ‘только, только что; потом’	*вöли́сь* ‘потом, только потом, наконец; только тогда’

[1] **А** – архаизм; **З** – заимствование; **Г** – гибридное заимствование; < – направление заимствования или наследования из праязыкового состояния; <= – направление языкового влияния; + – данные идентичны данным первого столбца; «–» – данные идентичны данным предыдущего столбца; – (прочерк) – данные не зафиксированы.

Продолж. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
5) ворӟемен ‘верхом (на лошади)’ < прап.	**А**	+ сл.	*ворӟэмэн, борӟэмэн*	+	–	–	–	+ завят.	*верзьӧмӧн*	*верзьӧмӧн*
6) вый, выйтурын ‘кипрей, иван-чай’ < прап.; ? <= коми	**А**	+	–	+ кез.	–	+ срз. (Кульма)	–	–	*вӧйтурун*	*вӧй, вӧйтуру́н*
7) горъяны: атас горъя ‘петух поёт’ < коми	**З**	Тепл. 1970а	–	–	–	–	–	–	*горавны* ‘звучать’, *петук горзӧ* ‘петух поет’	*гора́вны* ‘звучать; петь (о птицах)’
8) гурдо ‘вид утки; кряква’ < фу.	**А**	–	+ бал., G Wichm.	+ кез.	–	–	–	–	*горда* ‘кряква’	*го́рда* ‘кряква; селезень’
9) гы ‘волна’, **гыаны** ‘волноваться’ < фп.	**А**	–	*гыаны* ‘волноваться (о ниве, реке)’	+	*гъанъ* ‘волноваться (о реке)’	срв. *гыаны* ‘волноваться (о ниве)’	–	–	*гы* ‘волна’, *гыны* ‘волноваться, быть в движении’	*гы* ‘рябь’, *гыасьны* ‘появиться – о ряби’
10) жуг ‘ботва картофеля; гороховая солома’ < прап.	**А**	+ кос.	+	–	–	–	–	–	*жуг* ‘мякина, охвостье’	*жуг* ‘мякина’; кя. *жуг* ‘обломок, крошка’

Продолж. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
11) зон I 1. сев. ‘прошлогодняя нескошенная трава’ 2. сред. ‘луг, образовавшийся на гари, гарь’ < прап.	**А**	*зон* ‘прошлогодняя нескошенная трава’	«–»	«–» кез.	«–» юн.	*зон* ‘луг, образовавшийся на гари; гарь’	–	–	*ӧзын, ызӧн* ‘старая, прошлогодняя нескошенная трава’	–
12) ӟератыны ‘мучать’ < прап. < булг.	**А**	+	+	+ кез.	*ӟаратънъ*	–	–	–	*дзерӧдны* ‘дразнить, обижать (ребенка)’	*дзерӧтны* ‘дразнить, доводить до слез’
13) ӟиз мыныны, ӟиздыны ‘бежать от слепеней’ < коми	**З**	+	+	+ кез.	+	–	–	–	*дзизъявны* ‘бегать, резвиться (о животных)’	*дзи́згыны-котра́сьны* ‘бегать, убежать’
14) ӟолё ‘мелкий (о глазах)’ < прап.	**А**	–	+	–	+	? *ӟол'а: ӟол'а бака* ‘лягушка’	–	–	*дзоля, дзӧля, дзеля* ‘маленький’	*d'z'ol'* ‘немножко’
15) ӟурккы учкыны ‘пристально смотреть’ < прап.	**А**	–	–	тыл. *ӟурккы* Тепл., ? кез. *чорккы*	–	? сриж. *чорк-чорк учкыны*	–	– (бавл. *d'ork ṅśkî̯nî̯*)	*дзоргыны*, лет. *дзургыны* ‘смотреть в одно место, уставиться’	–

Продолж. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
16) ӟыро ‘мелкая дресва, смешанная с пеплом (в печи)’ < прап.	**А**	–	+	–	–	–	–	–	*дзиридз*	–
17) кертым ‘оброк’, ‘аренда’ < прап.	**А**	–	Кротов, Wichm.	–	–	–	–	–	*кӧртым* ‘аренда’	*кӧртым* ‘аренда’
18) кыз ‘толстый’ < фу.; ? < коми	**А ?З**	+	+	–	+	–	–	–	*кыз* ‘толстый, полный; большинство’	*кыз* ‘толстый’
19) кылбур ‘речь, дар речи’ < прап.	**А**	+	+	+	+	*кыланы-бураны* ‘причитать; плакать приговаривая’	«–»	*кӱӱ-бур* шошм.	*кыв-вор, кыл-вор* ‘дар речи, способность говорить’, *вор* ‘речь’	–
20) кыльык ‘мошонка, яичко, яички’ < фп.	**А**	–	–	–	*къл′ък*	–	–	–	*кольк*, вс. *кôльк*, лл. *позтыр* ‘яйцо’	*кольть*, сев. *кольк* ‘яйцо’, кя. *кул′к* ‘тж’

Продолж. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
21) кыр ‘самец’**: кыр коӈыш** ‘кот’ < ур.	**А ?З**	–	Кротов	–	–	–	–	–	*кыр пон* ‘кобель’	*кыр* ‘самец’, *кыр кань* ‘кот’
22) кыс: син-кыс ‘брови’ < коми	**З**	сл. *с'им-кыс*	глаз. *син кыс* Крылов	–	–	–	–	–	*кыс* ‘шкура с ноги животного’	сев. *кыс* ‘шкура с ноги животного’, кя. *көс* ‘тж’
23) маля ‘плод, напр. шиповника’ < коми	**З**	+ сл.	–	–	–	–	–	–	скр. *малег* ‘плоды шиповника’	кя. *ма́л'а: рөжма́л'а, өжма́л'а* ‘жимолость’
24) мизьганы ‘избить, набить морду’ < коми	**З**	–	+	–	–	–	–	–	вс. *мизьгöптыны*, уд. *мизьгыны, мизьнитны* ‘бухнуть (из ружья); сильно ударить’	–
25) мöлэд ‘тошнота, рвота (от некачеств. пищи)’ < прап.	**А**	+	+	+	+	–	–	–	*мылöд* ‘спазмы в желудке’, ‘болезненное выделение слюны’	–

Продолж. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
26) муль: ыр-муль серекъяны ‘мило улыбаться’ < прап.	**А**	–	+	–	+	–	–	–	уд. *шиль-моль серамыс петö* ‘добродушно улыбается’, *усыс мольö* ‘сияет’, л. *шыль-молясьны* ‘улыбаться, ухмыляться’	–
27) мырдъяны ‘заставлять пить (спирт.)’ <= коми	**Г <=**	–	+	–	?	–	–	–	*мырдъявны* ‘отнимать; отбирать’	*мырддявны, мырддялны* ‘отбирать, отнимать’
28) мыркпум ‘морошка’ < коми	**З**	–	+	–	–	–	–	–	*мырпон, мырпом* ‘морошка’	*мырпóн* ‘морошка’
29) мычы: мычы кадь чебер ‘красива как кукла’ < кп.	**З**	–	+	–	–	–	–	–	*мич, мича* ‘красота; красивый’, уд. *мыча* ‘красивый’	*мич* ‘солнечная погода; красота; краска’

Продолж. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
30) нӧрды: нӧрдыву ‘сыворотка; пахта’ < прап.	**А**	+	+	–	+	–	–	–	*нырзьы-ны*, лл. *нӧрдзыны* ‘скиснуть, свернуться (молоке)’	сев. *нӧрзьӧм* ‘сливки’, кч. *нӧрзьыны* ‘отстояться (о молоке)’
31) нурт ‘сани; салазки (для перенос-ки меда)’ < фп.	**А**	–	Wichm.	–	–	–	–	–	*норт* ‘на-рта, нарты’	кя. *норт* ‘нарта’
32) озон ‘причал, при-стань’, **вы-жанни озон** ‘паром’ < прап.	**А**	–	Wied.	*Озон* – д. на берегу р. Чепцы	–	–	то-пон.	–	*ӧзын: пыж ӧзын* ‘при-стань для лодки на бечевнике’	сев. *ӧзын* ‘причал; место, куда выкатыва-ют лес для сплава’
33) омбро ‘болиголов’ <= коми	**Г**	+	–	–	–	–	–	–	*омра*, вс. лл. *умра* ‘дудник, дягиль’	*у́мра* ‘дя-гиль’
34) пудмыны ‘уплотниться от ходьбы, полива (о земле) < кп.	**З**	+	+	–	–	–	–	–	*подмыны*, вс. *пôдмыны* ‘уплотнить-ся, утоп-таться (о земле)’	*пу́дмыны* ‘уплот-ниться, утрамбо-ваться’

Продолж. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
35) пулыны ‘(очень) бояться; испугаться’ < ур.	**А**	+	Кротов	–	ЯзБ	–	–	MU Wichm.	*повны, полны* ‘бояться, робеть’	*повны* ‘бояться, робеть’
36) пызьыны ‘онеметь (о конечностях)’ < фу.	**А**	+	*пöз'ънъ, пöз'ыны*	+	–	срв. *пызÿыны* ‘неметь, онеметь’	–	–	*позявны* ‘онеметь (о частях тела)’	*пóзявны* ‘неметь, онеметь (о ноге, руке)’
37) сили, силипи ‘цыпленок’ < коми	**З**	+	+	+	*с'и·л'и-с'и·л'и* (вок.)	+ срв. (ВНязь)	–	–	*с'ил'и, с'ил'öпи* ‘цыпленок’	*си́ли* ‘гусенок’, кя. *с'и́л'өч'ки* ‘цыпля-та’, *ч'и́л'ка* ‘цыпленок’
38) синву ‘слезы’ <= коми	**Г**	–	+	+	+	+ срз. срв.	–	–	*синва*	*синва́*
39) сук: сук-гурдо: ‘широконоска (вид утки)’ < прап.	**А**	–	Wichm.	–	–	–	–	–	*зук* ‘широко-носка (вид утки)’	–
40) сус: сускульы: ‘шишка (ели)’ < коми	**З**	+ кос.	–	–	–	–	–	–	*сус коль* ‘кедровая шишка’	*суспу* ‘кедр’

Продолж. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
41) таллян: пыд таллян ‘педаль ткацкого станка’ < кз.	**З**	–	–	–	+	–	–	–	*талян*, скр. *таль-лян*, уд. *кок талян, потталян* ‘подножка (в ткацком стане)’	*та́льны* ‘топтать, истоптать’
42) тӧл ныр ‘порыв ветра’ < коми	**З**	+	+	+ кез.	+ юн.	–	–	–	*тӧв ныр, тӧл ныр* ‘буря, вихрь, порыв ветра’	*тӧв ныр* ‘сильный порыв ветра; вихрь’
43) тыртэм (тырттэм) ‘пустой, порожний’ < прап. см. **тырттэм ~ тырттӧм**	**А**	+	+	+	+	+ срв. – юдз.	–	–	*тыртӧм*, вв. иж. *тыртэм* ‘пустой, порожний; неплодородный’	*тырттӧм* ‘порожний, пустой’ Рог.
44) чим: чим-вож ‘совершенно зеленый’ ? < чув. удм. > коми	**З** >	–	+	+ кез.	+	–	–	–	*чим гӧрд* ‘совершенно красный’, *чим сьӧд* ‘совершенно черный’	*чим сьӧд* ‘очень черный’, *дзим гӧрд* ‘красный-красный’

Продолж. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
45) чир ‘мелкая частица, крупинка’ < коми	**З**	–	+	+ кез.	–	–	–	–	*чир* ‘мельчайшая частица, крупица’	*чир* ‘мельчайшая частица, крупица’, кя. *ч'өр* ‘труха’
46) чульчо ‘песочник (вид кулика)’ < прап. < ?фу.	**А**	–	Wichm.; топон.: д. *Чульчопи*	–	–	–	–	–	*тёвтя,* лл. *човча, чолча* ‘улит большой (кулик)’	*чјовчја* ‘прибрежник’ Рог.
47) чӧжмыны: ‘копиться, накопиться’ < прап.	**А**	–	+ бал.	–	–	? *чӧжмыны* ‘примывать (о воде и снеге)’ Бор.	–	–	*чӧжсьыны*, иж. лет. уд. *тшӧжсьыны* ‘копиться, скопиться, накопиться’	–
48) шияны ‘буянить’ < коми	**З**	+ сл.	–	–	–	–	–	–	уд. *шыавны* ‘голосить, кричать, орать’, лл. *шыалны* ‘говорить’	*шыасьны* ‘подать голос, отозваться, откликнуться’
49) шӧ ‘звук, звуковой сигнал; оклик’ < прап.	**А**	+	+	+ кез.	*ши*	–	–	–	*шы* ‘звук, голос, тон’,	*шы* ‘звук; голос; оклик’, кя. *щӱй* ‘звук’

Оконч. табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
50) эш: эш пӧзь ‘верхонки (рукавицы из холста)’ < кз.	**З**	–	+ яр.	–	–	–	–	–	*eš* ‘рукавица, варежка; *эж* ‘верхний, наружный слой чего-л.’, лл. *кэпыс' эжӧд* ‘голицы (рукавицы из холста)’	–
51) ю, ю-шур ‘река, речка’ < ур.	**А**	–	G *ju: ju-šur* ‘река’ Wichm.	кез. *Ю* – название ручьев	–	*Ю* – название ручьев	–	–	*ю* ‘река, речушка, речка’	*ю* ‘река; речной’, кя. *йу* ‘река’
52) юг ‘объедки, остатки сена’ < прап.	**А**	+	+	–	–	Sar. Munk.; *люгъяны* ‘стоптать’ Бор.	–	–	*ёг* ‘сор, мусор’	*ёг* ‘сор, мусор; сорняк’

1.2. Семантические изоглоссы

1) бöрысь ‘за, позади, вслед за’: нч. ‘за, позади, вслед за’ [Тепляшина 1970а: 184] || кз. *бöрысь* ‘из-за кого-чего-л., за кем-чем-л.’ [ССКЗД, 26]; кп. зд. *бöрысь* в значении послелога *сьöрын* ‘с’ [Баталова 1965: 16].

Описывая нижнечепецкий диалект удмуртского языка, Т. И. Тепляшина отмечает, что «послелог *бöрысь* ‘за, позади, вслед за’ может не изменяться по лицам, как, скажем, изменяется послелог *сьöрысь* ‘за, из-за’ <…>: *мумызы бöрысь уллясько* – вместо лит. *мумызы бöрсьы уллясько* ‘не отстают [дети] от матери’<…>». Далее она пишет, что «Форма послелога *бöрысь* с аналогичным значением отмечена в зюздинском диалекте коми-пермяцкого языка. Выработка значения послелога *бöрысь* только в указанной форме, возможно, является результатом взаимных контактов северных удмуртов с зюздинскими коми-пермяками» [Тепляшина 1970а: 184].

Аналогичное слово *бöрысь* в коми-зырянских диалектах, будучи наречием, не принимает посессивных суффиксов, а в функции послелога употребляется с ними лишь факультативно (см. [КРК 2000: 59]). В северной диалектной зоне удмуртского языка (в том числе в нижнечепецком диалекте) и литературном языке слово *бöрысь* является наречием с семантикой ‘потом, после; впоследствии’ [УРС 2008: 76]. В южной диалектной зоне соответствующая лексема (*бöрыс′* ~ *бöрис′*) употребляется в значении ‘свадьба в доме жениха’. Анализ данных по исследуемому слову позволяет склоняться к мнению, что в нижнечепецкий диалект оно проникло из коми языка.

Еще раз подчеркнем, что диалектный послелог *бöрысь* со значением ‘за, позади, вслед за’ от общеудмуртского наречия *бöрысь* ‘потом, после; впоследствии’ отличается своей семантикой, а от послелога *бöрсьы* – способом функционирования: возможностью употребляться в первоначальной форме, без изменения конечного аффикса и без присоединения посессивных суффиксов. Следовательно, в данном случае можно вести речь даже не о семантическом, а о лексическом заимствовании. При этом нужно отметить, что способ функционирования лексических единиц едва ли может заимствоваться при эпизодических межареальных контактах (именно так в первую очередь можно охарактеризовать вторичные связи между удмуртами и коми). В связи со сказанным мы

приходим к мысли, что исследуемое слово может быть суперстратным проникновением. Ввиду того что данная лексема от соответствующих единиц большинства диалектов в первую очередь отличается своим значением, оно было отнесено в группу семантических изоглосс.

2) бур ‘хороший; хорошо’: нч. 1. ‘правый’ 2. уст. ‘хороший; хорошо’ | нч. *бур* ‘хорошо’ – *бу́ржык* ‘лучше’ [Тепляшина 1970а: 184] || кз. *бур* ‘добрый, хороший; добро, доброта; хорошо; добро, ладно’ [ССКЗД, 30]; кп. *бур* ‘добро, благо; хороший; хорошо’ [КПРС, 45]; кя. *бур* ‘хороший, добрый’ [КЯД, 92].

Исследуемое слово относится к общеп. **bur* ‘хороший’ и фп. **para* ‘тж’ [КЭСК, 42; UEW, 724]. В общеудмуртском языке в этом слове произошел семантический сдвиг, и оно функционирует в значении ‘правый’, хотя прежние значения ‘хороший, добрый’ выступают в некоторых устойчивых сочетаниях. Указанные значения в целом выражаются с помощью слов *ӟеч* и *умой*. В отношении исследуемого слова *бур* следует сказать, что аналогичная семема, зафиксированная в нижнечепецких говорах, является результатом вторичного влияния коми языков.

3) быз: сч.: юк. бес. *бъз сит'ан* ‘выставленный (выпирающий) зад; с выставленным (выпирающим) задом’; сч. вч. *сит'аныз быз* (*вэтлэ*) ‘зад выставляется’; сч. бес. *бъз вэтлънъ*, сч. *быз вэтлыны* ‘ходить, выставляя зад’; сч. бес. *бъзон' сит'ан*, сч. вч. *бызон' сит'ан*, сч. (Дон.) *бъздон' (бъзон, бъзон') сит'ан* ‘выставленный зад; с выставленным задом’; сч. (Дон. Труб.) *бᵇздок*, бес. *бъзок* ‘выставленный зад’ | G *bi̯z si̯li̯ni̯* ‘выставлять зад’ [Wichm., 25]; сч. *бъздон' сит'ан, бъзон сит'ан, бъзон' сит'ан, бъз сит'ан, бызон' сит'ан, быз сит'ан, сит'ан бъз, сит'аныз быз* и т. д. ‘выставленный зад’ [Карпова 2013: 95, 439].

Исследуемое слово и связанное с ним лексическое гнездо находят аналогию со следующими коми словами: кз. *бызгыльтны, бызылтны* ‘выпучивать, выпучить; выпирать, выпереть’ [ССКЗД, 33]; кп. *быз-быз* изобр.: *быз-быз мыччисьны* ‘появиться неожиданно где-либо, свалиться как снег на голову’ [КПРС, 50]. Однако соответствия обнаруживаются и в южной диалектной зоне удмуртского языка, ср.: сриж. (НКеч.) *кӧй быз* ‘толстяк’, *быˑз-быз с'ис'кыны* ‘плотно поесть, наесться досыта’, *кӧты быˑз-быз тыриз* ‘наесться досыта, до отвала’; южн. *быздыны* ‘порваться по шву’. Следовательно, изобразительная основа *быз(-)*

вполне могла возникнуть еще в прапермский период, но семантика слов в северной диалектной зоне удмуртского языка, образованных от данной основы, сформировалась под влиянием коми диалектов.

4) велись II **‘только что, лишь сейчас, наконец-то’:** нч.: кос., сч. *вэл'ис', вэл'ыс'*, сч. бес. *вэл'ъс'* ‘только что, лишь сейчас, наконец-то’ || кз. *вöлись, вöлисьт(и)*, иж. *вöльысь*, уд. *выльöн* ‘только, только что; потом’ [ССКЗД, 65]; кп. *вöли́сь, вöли́сьте* ‘потом, только потом, наконец; только тогда’ [КПРС, 83].

Очевидна близость семантики слов, функционирующих в северной диалектной зоне, с приведенными коми лексемами. В то же время аналогичное слово, зафиксированное в отдельных срединных говорах, имеет иное значение, ср. ныл. *вэл'ис'* ‘снова, вновь’. Семантика северноудмуртской лексемы является архаичной, чему могли способствовать контакты с коми населением (см. также: **велись** I, п. 1.1).

5) ву ‘река’: нч.: сл. *ву* 1. ‘вода’ 2. ‘река’ | сл. *ву* ‘река’, *колонча ву* ‘р. Белая Холуница’, *чупчи ву* ‘р. Чепца’, *ватка ву* ‘р. Вятка’ [Архипов 1987: 90] || кз. *ва* ‘вода; сырой, мокрый, водный, водяной; река’ [ССКЗД, 35]; кп. *ва* ‘вода; водный, водяной; река; речной’ [КПРС, 52]. Указанные пермские слова относятся к уральскому пласту исконной лексики [UEW, 570].

Обратим внимание на семантику исследуемых слов. Основными значениями как удмуртского диалектного, так и коми слова *ва* являются ‘вода’ и ‘река’. В то же время в большинстве удмуртских диалектов употребление слова *ву* в значении ‘река’ не характерно, хотя в некоторых устойчивых сочетаниях и во фразеологии всё же эта семантика проявляется, ср.: *ву пыдэс* ‘дно реки, пруда’ (собственно, ‘дно водоема, воды’. – *С. М.*), *ву но öрзэ вошт*э ‘и река меняет русло’ (пословица) [УРС 1948: 56]. Одной из отличительных особенностей коми лексемы *ва* является ее активное участие в образовании гидронимов, ср.: *Емва, Ижва, Иньва, Язьва* и т. д., где компонент *ва* означает ‘река, ручей’. Подобные названия водных объектов с формантом *ва* встречаются изредка и на территории Удмуртии – *Кушва, Порва, Сива* и др. (см. об этом: [Кириллова 1992: 87–88]). Названное обстоятельство является свидетельством того, что в прапермское время упомянутое слово широко употреблялось в значении ‘река’. В современных удмуртских

диалектах в данной функции повсеместно бытует лексема *шур* (ср. к. *шор* ‘ручей’). Лишь в слободском говоре, территориально приближенном к коми-зырянским диалектам, *ву* может выступать в качестве гидроформанта. Полагаем, что семема ‘река’ слова *ву* в названном говоре была ревитализирована благодаря влиянию коми диалектов.

Отметим, что носители шошминского говора (периферийно-южный диалект) в качестве гидроформанта также используют слово *вӱ* ‘вода’, ср.: шошм. *ӟанывӱ ~ кушкэтвӱ* ‘рч. Кушкет’, *кутэшвӱ* ‘рч. *Кутешка*’. В данном случае мы имеем дело с тюркским влиянием, ср.: тат. *су* 1. ‘вода; водный, водяной’ <…> 5. ‘река, речка (употребляется с именем собственнным)’, чув. *шыв* 1. ‘вода’ 2. ‘река’ [ТРС 2007 II: 261; ЧРС 1961: 571].

6) грезь ‘большой, необъятный’: гл. *грэзь* ‘большой, необъятный’, *гырэзь* ‘сырой, недоваренный’ [Крылов 1919: 12]; *г гырезь* (*к адӟонтэм бадзым*) ‘необъятный’ [Яковлев 1919: 5]; сч. *гырэз′* ‘большой, необъятный’ [Карпова 2013: 162]; JI *gi̯reź* ‘ядреный (о человеке), сильный; недоваренный’ [Wichm., 58]; *гырезь*, сред. *гыреӟ* ‘сырой (об овощах), неспелый’ [Бор., 83] ‖ кз. *гырысь, гырись* ‘крупный; взрослые, старшие (в противоположность детям)’ [ССКЗД, 97]; кп. *гы́рись* ‘крупный, большой по величине’ [КПРС, 113]; кя. *гөри́с′* ‘крупный’ [КЯД, 108]. Приведенные пермские слова В. И. Лыткин возводит к общеп. **gu̇r-* ‘крупный, крепкий’ [КЭСК, 86]. В «Этимологическом словаре финского языка» они под вопросом соотнесены с финским словом *karkea* ‘грубый, жесткий, крупный’ [SKES, 163]. В «Уральском этимологическом словаре» рассматриваемые пермские слова с финским и другими прибалтийско-финскими соответствиями также сравниваются под вопросом [UEW, 646–647].

Значение ‘большой’ исследуемой северноудмуртской лексемы находит параллели в коми языках, в которых соответствующие слова повсеместно имеют семантику ‘крупный, большой; взрослый’. Считаем, что данные значения развились на семантической базе ‘грубый, крупный’. В большинстве диалектов удмуртского языка слово *гырезь ~ грезь* имеет значение ‘сырой, недоваренный (об овощах)’, которые характерны также для глазовского слова. Названная семема является собственно удмуртским новообразованием. Следовательно, северноудмуртско-коми ареал изосемы ‘крупный ~ большой’ нужно рассматривать как зону консервации.

7) гуп: юбер гуп ‘скворечник’ (= ‘скворец + дупло’): сч. (Дон.) *гуп: йубэр гуп* ‘скворечник’ | сч. (Дон. Люм) *гуп: йубэргуп* ‘скворечник’ [Карпова 2013: 218]; *гуп* – межд., выражает гул при ударе по пустому телу или предмету [Бор., 79] || кз. *гупльöс* (< *гуп-ыль-öс. – С. М.*) ‘глубокий, глубокодонный, с крутыми краями (о лодке, чашке)’, уд. *гуплю* (< *гуп-ыль-у. – С. М.*) ‘крутая яма; ямка, лунка’ [ССКЗД, 93]; *дупля* (< *гуп-ыль-а. – С. М.*) ‘дуплистый, с дуплом; полый, внутри пустой’ [ССКЗД, 97].

В говорах, соседних с д. Дондыкар населенных пунктов, понятие «скворечник» выражается сочетанием слов *йубэр гърт* (*гърк*), где слово *гърт ~ гърк* означает ‘дупло’. Аналогичное значение среднечепецкого слова *гуп* в приведенном выше сочетании позволяет сопоставить его с коми-зырянскими словами *гупльöс, гуплю* (см. выше). В КЭСК названные слова под вопросом сопоставляются с финским *kuтpu* ‘холм’ и мокшанским *kumba* ‘кочка’ [КЭСК, 83], что, с нашей точки зрения, выглядит малоубедительно.

В коми диалектах близким по значению и фонетическому облику к удмуртскому диалектному *гуп* является также слово *дупля* ‘дуплистый, с дуплом; полый, внутри пустой’ [ССКЗД, 97]. В верхневычегодском, летском и печорском диалектах с тем же значением употребительно слово *гыркса*, в лузском – *гыртса* [Там же] (сравните параллельное употребление в разных диалектах коми языка слов *дупля* и *гырк ~ гыртса* с бытованием слов *гуп* и *гърк ~ гърт* в удмуртских говорах). Замена начального звука *г* на *д* в слове *дупля*, скорее всего, произошла под влиянием русских слов *дупло, дуплистый*. Пермские слова *гуп, гуплю, гуплöс, дупля* по происхождению являются ономатопоэтическими, на что указывает удмуртское звукоподражательное слово *гуп* в словаре Т. Борисова (см. выше) и коми глаголы *гупкыны* ‘издавать глухой и отрывистый шум’ [ССКЗД, 93] и сс. *гупкöдны* ‘дубасить, колотить’ [ССД, 91], кп. *гыпкöтны* ‘хлопать, ударять (напр. по спине)’ [КПРС, 112]. Аналогичное происхождение имеет удмуртское слово *gumges* срв. ‘глубокий, но узкий (о посуде); посуда с узким горлышком’ < *gu·m-gum* – звукоподражание оглушонному звуку в узкой, но глубокой посуде (диал. данные извлечены из: [Бушм., 68]). В цепочке вышеназванных слов значение северноудмуртского *гуп* (*йубэр гуп*) является своего рода связующим звеном между коми и удмуртскими словами. Указанное значение возникло под влиянием коми диалектов.

8) зон II **‘прошлогодняя нескошенная трава’** — см. **зон** I (п. 1.1)

9) кузьым 1. ‘приданое’ 2. ‘свадебный подарок’: нч.: сл. *куз'ым* ‘тж’, кос. (Слудка) *куз'ум* ‘тж’, сч. *куз'ъм, куз'ым* 1. ‘свадебный подарок’ 2. ‘подарок’ (вообще)’ | *kuźi̯m* G, *kuźî̯m* B, *kuźi̯m* J MU ‘подарок, дар’ [Wichm., 138]; *кузьым* 1. ‘подарок, дар; гостинец’ 2. перен. ‘взятка’ 3. ‘премия’ [УРС 2008: 345] || кз. *козин, козьын*, вс. *кôзьын* ‘дар, подарок невесты во время свадьбы’ [ССКЗД, 160]; к. *козин* ‘свадебный подарок’ (реже ‘подарок’ вообще) [КЭСК, 127]; кп. *кóзин* 1) ‘приданое’ 2) ‘подарок (чаще свадебный)’ [КПРС, 178].

Исследуемое слово относят к прауральскому периоду со значением ‘подарок; дарить’; реконструируют общепермского семему ‘подарок’ [КЭСК, 127–128; UEW, 111]. Значение ‘приданое (невесты)’ в марийском (см. [Там же]) и коми-пермяцком языках развились позднее, через стадию ‘подарок невесты во время свадьбы’ < ‘свадебный подарок’ (последние значения функционируют в коми-зырняском и коми-пермяцком соответственно). В отношении семантики нижнечепецкого слова *куз'ым* (*куз'ум*) ‘приданое’ Л. В. Бусыгина пишет, что «Вероятно, слободские удмурты данное значение переняли у коми» [Бусыгина 2015: 126]. В плане уточнения отметим, что названное значение вязык слободских удмуртов проникло из коми-пермяких диалектов, под влиянием которых, по-видимому, изменилась и семантика соответствующего слова и в среднечепецком диалекте, приобретя дополнительную семему ‘свадебный подарок’.

10) куыны ‘плести (напр. лапти)’: нч. сч.: яр. бал., вч.: кез. *куыны*, сч.: гл. юк. *куънъ*, сч.: гл. *куы̆ны̆* 1. ‘ткать’ 2. ‘плести (напр. лапти)’, сч. *кут куънъ* ‘плести лапти (вообще); плести, оплетать второй слой лаптей’ (в противоположность *борзанъ, с'иктанъ* ‘начать плести лапти; плести, сплести основу (первый слой лаптей)’ | сев. *куыны* ‘плести’, *кут куыны* ‘плести лапти’ [УРС 1948: 163]; сев. *куъны* ‘плести; ткать’ [Вахрушев 1959: 240]; кос. *кут куыны* ‘плести лапти’ [ДЭ 1977]; бес. *куөнө* 1. ‘ткать; подбивать поперечную нитку в процессе тканья’ 2. ‘плести (лапти или изделия из полосок ткани)’ [СлБес., 236]; сч.: кож. пон. юк. *куънъ*, пон. яр. *куыны*, пон. *куы̆ны̆* 1. ‘ткать, выткать’ 2. ‘плести (напр. лапти)’ [Карпова 2013: 287] || кз. *кыны* ‘ткать, соткать, выткать; вязать, связать, плести, сплести (крючком, спицами);

плести, заплетать, заплести (косу); плести, сплести (венок)' [ССКЗД, 187]; в коми-русском словаре выделяется еще одно значение – 'плести (сплести) лапти' [КРС 1961: 356]; кп. *кыйны* 'ткать, соткать; плести, сплести; вить', *кыйны нинкöммез* 'плести лапти' [КПРС, 209]; кя. *кӱнө·* 'ткать, плести (лапти), заплетать (косу)' [КЯД, 138]. Рассматриваемые глаголы являются словами финно-пермского происхождения. Как для общепермской (В. И. Лыткин), так и для финно-пермской праформ восстанавливают значения 'ткать, плести, вязать' [КЭСК, 153; UEW, 675].

Изосема *куыны ~ кы(й)ны* 'плести (лапти)' охватывает все коми диалекты и северное наречие удмуртского языка. Как было отмечено выше, данное значение рассматриваемых слов является архаичным. Сочетание *кут кутаны*, употребляемое в большинстве удмуртских диалектов, является вторичным по отношению к *кут куыны*.

Объем значений коми *кыны* (*кыйны*) намного шире семантики общеудмуртского *куыны*, имеющего всего одно значение. В коми-зырянских диалектах развитие рассматриваемого слова шло по пути расширения его значений. В удмуртских диалектах наблюдается противоположное коми-зырянскому языку семантическое развитие. В коми-пермяцких диалектах, особенно в коми-язьвинском наречии, сохранился первоначальный объем значений рассматриваемой лексемы. Глагол *куыны*, функционирующий в нижнечепецком и среднечепецком диалектах, отчасти в балезинском и кезском говорах, а также в бесермянском наречии, в отношении семантики занимает промежуточное положение между соответствующим словом других удмуртских диалектов и коми-пермяцкой лексемой.

11) лек 1. 'сильный, крепкий, интенсивный' 2. 'проворный, быстрый' 3. 'очень, сильно': нч.: сл. *л'эк* 1. 'очень, сильно' 2. 'злой'; сч. бес. *л'эк* 1. 'сильный, крепкий, интенсивный' 2. 'проворный, быстрый' 3. 'очень, сильно' 4. 'злой', вч.: кез. *л'эк* 1. 'злой' 2. 'очень, сильно'; нч.: кос. *л'окос*, нч. сч. *л'экос* 'слишком, больно (разг.)' | *лэкъ* (*l'ek – С. М.*) 'свирепый; свирепо', *лэкъ зор* 'сильный дождь' (1785) [Кротов, 127]; G M J MU *l'ek*, G S MU U *l'eg* 'злой, сердитый, гневный' (G M J MU S), 'быстрый (о лошади); ущерб, порча; несчастье, беда' (G) [Wichm., 150], нч. *лек, лёк* 'слишком, очень, чрезвычайно' [Тепляшина 1970а: 170]; бес. *l'ek* 'сильный; бурный; крепкий; сердитый; очень', *l'ekos* 'очень, слишком' [ЯзБ, 128, 178]; кос. *л'экос, л'окос* 'тж', *л'окос ӟэч* 'очень (слишком)

хорошо’ [ДЭ 1977б]; сч. *л′эк* 1. ‘быстрый, скорый, лихой, энергичный’ 2. ‘злой, сердитый’ 3. ‘горький, злой (напр. о луке, чесноке)’ 4. ‘очень, сильно’ 5. ‘много, значительно’ [Карпова 2013: 315] || кз. вс. иж. печ. уд. *лек* ‘сила’, иж. *лека* ‘сильный, крепкий’; лл. *лёк* ‘здоровый, крепкий, проворный’, вв. вс. вым. нв. печ. скр. сс. *лёк* ‘сердитый, злой; зло, злоба, злость; плохой, худой, дурной, скверный, нехороший, негодный; плохо, нехорошо’ [ССКЗД, 196–197]; кп. *лёк* ‘злой, злобный; сердитый; плохой, дурной; скверный; тяжелый, трудный’ [КПРС, 222]; кя. *л′ок* ‘злой, сердитый’, *л′óка* (*бурá, бидá*) ‘очень, весьма’ [КЯД, 144].

В. И. Лыткин коми слова *лёк* ‘плохой, дурной, худой; злой, сердитый’, *лёка* ‘плохо, худо; довольно, порядочно, весьма’ и удмуртские слова *лек* ‘сердитый, злой’, сев. *лекос* ‘очень, слишком’ возводит к общепермскому **l′эk-* ‘злой, сердитый’; приводит параллели из марийского (*лыҥ* ‘много, порядочно’) и венгерского (*leg-* – приставка превосходной степени прилагательного, первоначальное значение ‘сильный, крепкий’) языков [КЭСК, 159]. О коми слове *лек* он умалчивает. В UEW (с. 258) сравниваются (под вопросом) только указанные выше марийские и венгерские лексемы, а пермские слова не приводятся.

Изосема *лек* (*лёк*) ‘сильный, крепкий; проворный’ ~ ‘сила’, помимо северной диалектной зоны удмуртского языка, распространена в территориально соседствующих верхнесысольском и лузско-летском диалектах коми-зырянского языка; отдельный ареал образует северная группа коми-зырянских диалектов. Считаем, что семантикой общепермской праформы было ‘зло; злой’, а значения ‘сила; сильный, крепкий’ развились позднее, при этом в северноудмуртских говорах она, по-видимому, возникли под влияниекм коми диалектов. В коми-зырянских диалектах, возможно, была сделана попытка фонетической дифференциации значений рассматриваемой лексемы: *лек* ‘сила; сильный, крепкий’ и *лёк* ‘зло; злой, сердитый; плохой’.

Обратим внимание на удмуртский диалектный вариант ***л′ок*** и производное от него слово ***л′окос***, которые употребляются в нижнечепецком диалекте параллельно с общеудмуртским вариантом *л′эк* и его производным *л′экос*, широко известным в северной диалектной зоне. Оба варианта в указанном диалекте имеют тождественные значения. Употребление в одном и том же диалекте разных фонетических вариантов одного и того же слова при тождественном их значении говорит об относительно недавнем происхождении одного из них.

В связи с этим мы предполагаем, что модификация *л′ок* может иметь суперстратное коми происхождение (о переселении лузско-летских коми см.: **сус: сускульы**, п. 1.1).

12) лыдъяны ‘читать’: нч.: сл. *лыд′д′аны* 1. ‘читать’ 2. ‘считать’ || кз. *лыдьдьыны, лыдьйыны* ‘читать, прочитать, прочесть; считать, сосчитать’ [ССКЗД, 207]; кп. *лы́дьдьыны* 1. ‘читать, прочитать; зачитать’ 2. ‘считать, сосчитать; подсчитать, пересчитать’ [КПРС, 232]; кя. *лөд′д′инө·* ‘считать’, *лөд′д′ө·тнө* ‘читать’ [КЯД, 141].

Соответствующий исследуемому слову глагол *лыдъяны* в удмуртском языке употребляется в значении ‘считать, подсчитать, подсчитывать’ [УРС 1983: 264], который в диалектах имеет фонетический облик *лыд′д′аны ~ лъд′д′анъ*. В значении ‘читать, прочитать’ функционирует глагол *лыдзъыны* [Там же]. Необычное для удмуртского языка значение исследуемого слова возникло под влиянием коми языка.

13) пу ‘дерево (как растение)’ (= удм. лит. *писпу*): нч. срз.: сп., сч.: яр. *пу* 1. ‘дрова’ 2. ‘дерево (материал), древесина’ 3. ‘дерево (растение)’ | сл. *пу* ‘дерево; древесина’ [Архипов 1987: 90]; сч.: яр. (Байд. Мос.) *пу* 1. ‘дерево’ 2. ‘дрова’ [Карпова 2013: 409] || кз. *пу* ‘дерево; деревянный’ [ССКЗД, 305]; кп. *пу* ‘дерево; древесина’, *пу вуж* ‘корень дерева’ [КПРС, 382]; кя. *пу* ‘дерево’ [КЯД, 170]. Рассматриваемое слово относят к уральскому пласту исконной лексики [UEW, 410].

В большинстве удмуртских диалектов слово *пу* имеет семантику ‘дрова; древесина; деревянный’. В функции обозначения дерева как растения оно выступает в составе второго компонента некоторых сложных слов: *пипу* ‘осина’, *кызьпу* ‘береза’ и др. Аналогичным способом образуются не только названия пород деревьев, но и наименования кустарников и даже травянистых растений: *эмезьпу* ‘малина’, *сутэрпу* ‘смородина’, *узыпу* ‘земляника’ и др. Следовательно, даже в составе названий деревьев сема ‘дерево (как растение)’ слова *пу* проявляется контекстуально. Обычной лексемой для обозначения названного понятия является слово *писпу*.

Исследуемая изосема зафиксирована в нижнечепецком диалекте удмуртского языка, а также в суравайско-поломском говоре (говор удмуртов-калмезов Унинского р-на Кировск. обл.) и в отдельных населенных пунктах, представляющих ярский говор среднечепецкого диалекта. Последние два говора примыкают к косинскому говору ниж-

нечепецкого диалекта. Значение исследуемого *пу* ‘дерево (как растение)’ (Г. А. Архипов отмечает, что у слободского слова *пу* общеудмуртские соответствия – лексемы *писпу* и *пу*) находит отражение в коми языках. Ареал рассматриваемой изосемы является архаичным. В большинстве удмуртских диалектов с появлением новообразования *писпу* (< *пис* ‘полено’ + *пу* ‘дерево’) функция слова *пу* для общего обозначения высокоствольных растений утратилась. В начале текущего века названную семему также не удалось зафиксировать и в слободском говоре, в котором дерево стали обозначать композитой *ойиг ӵаӵӵа* (= ‘один лес’).

14) силь ‘шея’: нч. *с′ил′* 1. ‘шея’ 2. ‘тыльная часть шеи’ (в противоположность *чырты* ‘передняя часть шеи’); сч. *с′ил′* ‘холка’, *с′ил′бэр* ‘затылок’ (*бэр* ‘задняя часть, место позади чего-либо’); яр. (Ник.) *с′ил′* 1. ‘холка’ 2. ‘воротник’ | *с′ил′* ‘шея’ [Мог., 275; Могилин 1998: 51]; нч.: сл. *с′ил′* ‘шея’, *куз′ с′ил′* ‘длинная шея’ [Архипов 1987: 86]; кос. *с′ил′* ‘шея’ [ДЭ 1980] || кз. *сьылі*, нв. уд. *сили*, нв. *силі*, скр. *сьыв* ‘шея’ [ССКЗД, 357]; кя. *с′ӑ́ли* ‘тж’ [КЯД, 182].

Рассматриваемые слова относят к финно-угорскому пласту лексики [UEW, 473], при этом общепермскую праформу восстанавливают в виде **s′ül-* ‘шея’ [КЭСК, 271]. Отметим, что слово *силь* в удмуртском языке употребительно практически повсеместно, но оно имеет несколько иную семантику, ср.: *силь* ‘холка’, *силез нярзӟытыны* ‘натереть холку’; *сильвыл* ‘холка’ (*выл* ‘верх, верхняя часть’. – *С. М.*) [УРС 1983: 389]. На широкое бытование исследуемого слова в прошлом для обозначения шеи указывают следующие сочетания: М *śil′-śęr*, U *śil′-śer* ‘затылок’ (*śęr, śer* ‘задняя часть, место позади чего-либо, место по ту сторону’. – *С. М.*) [Wichm., 235]; ташк. *с′ил′с′умъс* ‘перевязь’, букв. *с′ил′* ‘шея’ + *с′умыс* ‘сыромятная кожа’ [Загуляева 1992: 38], а также устойчивые сочетания: сч.: яр. (Ник.) *с′ил′ вылын нуыны* ‘нести на плечах’, *кинлэн кэ с′ил′ с′ӧраз улыны* ‘жить за чьей-либо спиной’ (= за шеей).

Изосема ‘шея’ рассматриваемой лексемы распространена в коми-зырянских диалектах и в примыкающем к ним нижнечепецком диалекте удмуртского языка. Отдельную островную зону образует коми-язьвинское наречие. Очерченный ареал изосемы *силь* ~ *сьылі* ‘шея’ является зоной консервации архаичного значения. Тем не менее полагаем, что сохранению значения слова способствовало взаимодействие с коми населением.

В современных удмуртских диалектах для обозначения шеи употребляется слово *чырты*. В ходе беседы со слободскими и косинскими удмуртами нами было выявлено, что словом *чырты* в указанных говорах называют переднюю часть шеи, а для обозначения тыльной части шеи используется слово *с'ил'*, которое, как было уже написано выше, является также общим названием шеи в нижнечепецком диалекте. Аналогичные функции слово *силь*, по всей видимости, в прошлом имело и в других удмуртских диалектах. Отсюда легко объясняется семантический сдвиг ‘задняя часть шеи’ > ‘затылок; холка’.

Интересно отметить, что в коми-пермяцком языке также произошел семантический сдвиг в этом слове, ср. кп. *си́ви́* ‘загривок’ [КПРС, 427], при этом шея обозначается сочетанием *ше́я го́ля* или словом *го́ля* [КПР-РКПС, 259; КПРС, 101].

15) тышкаськыны ‘драться’: сч.: яр., вч.: кез. (НУн.), зур. (Кузьм.) *тышкас'кыны*, сч.: гл. юк. *тъшкас'кънъ*, гл. (Труб.) *тъӵкас'кы̆ны*, гл. (Пыб.) *тъшкас'кы̆ны* ‘драться’; бес. *тъшкас'кънъ* 1. (стар.) ‘ругаться’ 2. (мол.) ‘драться’, вч.: кез. (Пуж.) *тышкас'кыны* 1. ‘ругаться’ 2. ‘драться’; нч. сч.: бал. (Кур.), вч.: кез. (Пол.) *тышкас'кыны* ‘ругаться’ | яр. (Ук.) *тышкаскыско* ‘воинствую, бьюсь, дерусь’ [Кротов, 228]; G *tị̂ṭṣ̌kaśkị̂nị̂* ‘биться, драться’, S M J *tị̆škaśkị̆nị̆*, U *tị̂škaśkị̂nị̂* ‘ругать, бранить; ругаться, браниться; ссориться’ [Wichm., 264]; *тышкаськыны* ‘ругаться’; (сев.) ‘драться’ [УРС 1948: 300]; *тъшкас'кънъ* 1. сч.: гл. юк., *тышкас'кыны* яр. гл. ‘драться’; *тъшкас'кънъ* 2. сч.: гл. (ВПар.) юк. (ВУн.) ‘бранить(ся), ругать(ся), ссориться [Карпова 2013: 495–496] || кз. *тышкасьны* ‘драться, биться’ [ССКЗД, 391]; кп. юж. *тышка́с'ны* ‘драться’ [ДХПЯ, 24]; *төшка́с'нө* ‘драться’ [КПЯ, 187]. Е. С. Гуляев коми слово *тышкавны* ‘нападать на кого-л.’, *тышкасьны* ‘воевать, биться; драться; бороться’ и удмуртские слова *тышканы* ‘колотить, бить’, сев. *тышкаськыны* ‘драться’ возводит к общепермскому **tüsk-* (вероятно, **tüšk-*. – *С. М.*) [КЭСК, 293].

Изосема *тышкаськыны* ~ *тышкасьны* ‘драться’ распространена в ареале, включающем среднечепецкий диалект северного наречия, некоторые говоры верхнечепецкого диалекта, отдельные срединные говоры, бесермянское наречие удмуртского языка, а также коми диалекты. В большинстве срединных говоров и южном наречии удмуртского языка лексема *тышкаськыны* употребляется со значениями ‘ругаться; ссориться; ругать, бранить’ (см. Карта 7).

Слово *тышкаськыны* образовано от лексемы *тышканы* ‘бить, колотить’ с помощью суффикса *-ськ*, придающего глаголам возвратное значение. Следовательно, такие его значения, как ‘биться, драться’ являются закономерными, напротив, семемы ‘ругаться; ссориться’ и тем более ‘ругать, бранить’ напрямую не выводимы из значений невозвратного глагола ‘бить, колотить’. Они образованы в результате особого семантического развития. Отсюда следует, что ареал изосемы *тышкаськыны* ~ *тышкасьны* ‘драться, биться’ является архаичным.

16) юн ‘очень’: нч. сч. вч.: кез., бес. *йун* 1. ‘очень, сильно’ 2. ‘крепкий, прочный; крепко, прочно, сильно’, вч.: деб. *тужун, тужын* ‘очень, сильно’ | G B S M J *jun*, MU U *d'un* ‘сильный, крепкий, прочный’; (G B J) ‘очень’ [Wichm., 83]; сев. *юн* ‘очень, сильно’ [Бор., 366]; сч. *jun* ‘очень’, *jun śekị̂t, gị̂dị̂ke, ulone mị̂nam val* <…> ‘Очень тяжелая жизнь, голубушка, у меня была <…>’ [Карпова 1997: 109]; сч. *йун* 1. ‘крепкий, прочный; твердый; крепко, твердо, прочно’ 2. ‘очень, сильно’ [Карпова 2013: 220] || кз. *ён* ‘крепкий, прочный, сильный, здоровый’, *ёна* ‘сильно; очень, шибко’ [ССКЗД, 120]; кп. *ёна* ‘сильно, крепко; быстро, сильно; сильно, очень; хорошо’ [КПРС, 138]; мыс. *йона: йона мича* ‘самый красивый’, вл. *йона: йона ыджыт* ‘больше всех’ [Баталова 1982: 127]; кя. *йон* ‘сильный, здоровый, крепкий’ [КЯД, 120].

Коми этимологи слово *ён* и удм. *юн* возводят к общепермскому **jǫn* ‘крепкий, сильный’; сопоставление Ю. Х. Тойвоненом пермских слов с финским *julma* ‘жестокий, грозный, свирепый’ считают неприемлемым в силу того, что *-m-* в основе к. *jonm-* и удм. *junm-* является словообразовательным суффиксом; кроме того, отмечают, что вокализм пермских слов не соответствует гласной финского слова [КЭСК, 100]. В «Уральском этимологическом словаре» рассматриваемые пермские лексемы под вопросом сравниваются с финским и саамскими словами [UEW, 638]. С нашей стороны следует добавить, что вероятность сопоставления с финским и саамскими соответствиями повысится, если учесть, что в удмуртском языке *-м-* налично не только в глаголе *юнманы* ‘окрепнуть, крепнуть’ (где он может быть как древним элементом основы, так и суффиксом), но и в таких словах как *юнм-е, юнм-ысь* ‘напрасно, зря; бесцельно, впустую’. В последних *-м-*, безусловно, является неотъемлемой частью корневой морфемы.

Вернемся к северноудмуртскому *юн*. В первую очередь оно отличается от соответствующего южноудмуртского слова тем, что имеет семему ‘очень’ и с данным значением употребляется в функции наречия, образующего высокую степень качества: *юн ӟеч* ‘очень хороший’, *юн ӝог* ‘очень быстро’ и др. Аналогию данному явлению мы видим в слове *ёна*, которое в коми языках может употребляться при образовании высокой степени качества, а в северном наречии коми-пермяцкого языка – превосходной степени.

Изосема *юн* ~ *ёна* ‘очень, сильно’ распространена в нижнечепецком и среднечепецком, отчасти в верхнечепецком диалектах северного наречия, а также в бесермянском наречии удмуртского языка, в коми-зырянских диалектах и в большинстве коми-пермяцких диалектов (в коми-язьвинском наречии данное значение не отмечено). Ранее подобное значение было зафиксировано и в собственно южном диалекте. В срединных говорах и южном наречии удмуртского языка, в южной части верхнечепецкого диалекта, а также в косинском говоре (наряду с *йун*) нижнечепецкого диалекта северного наречия основным словом для выражения высокой степени качества выступает лексема неизвестного происхождения *туж*. Предположительно она является ранним русским (? протославянским) заимствованием, ср. рус. *тужиться* ‘напрягаться, делать физические усилия; стараться, силиться’; ср. также: кз. вв. иж. нв. *туж* ‘выносливость’ < рус. диал. *туж* (данные по коми языку см.: [ССКЗД, 379]). Отметим также, что в верхнечепецких говорах, расположенных в пограничной зоне двух ареалов *юн* ‘очень’ и *туж* ‘тж’, употребляются контаминационные формы типа *тужун, тужын* < *туж* + *йун*.

На основе анализа выделенных ареалов мы приходим к выводу, что изосема *юн* ~ *ёна* ‘очень’ является архаичной.

* * *

В качестве обобщения приведем статистические данные. Всего проанализировано 16 изоглоссных явлений. Половина из указанного числа изоглосс (8) представляют собой архаизмы (сохранившиеся старые значения слов), другая половина – сформировалась в результате заимствования (приобретения словом иного значения или отдельной семемы) под влиянием коми языков. Данные об изоглоссах раздела наглядно представлены в табл. 2.

Таблица 2

Семантические изоглоссы

Языковые единицы	**А/З**	**Диалекты и языки**						
		нч.	**сч.**	**вч.**	**бес.**	**сред./ южн.**	**кз.**	**кп.**
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1) бöрысь 1. ‘потом, после’ ? < прап. **2. ‘за, позади, вслед за’** < коми	**З**	+	*бöръс′, бöрыс′* ‘потом, после’	« – »	« – »	*бöрыс′, бöрис′* ‘свадьба в доме жениха’	*бöрысь* **‘из-за кого-чего-л., за кем-чем-л.’**	зд. *бöрысь* **в значении послелога *сьöрын* ‘с’** (т. е. ‘с кем-то, за кем-то’)
2) бур ‘правый’ < удм. 2. ‘хороший; хорошо’ < коми	**З**	+ сл.	*бур* ‘правый’	« – »	« – »	« – »	*бур* **‘добрый, хороший**; добро, доброта; **хорошо**; добро, ладно’	*бур* ‘добро, благо; **хороший; хорошо’**
3) быз ‘выставленный, выпирающий (о заде)’ <= коми	**З**	–	+	+ кез.	+	сриж. *кöй быз* ‘толстяк’, южн. *быздыны* ‘порваться по шву’	*быз(г)ыльтны* **‘выпучить’**	*быз-быз мыччисьны* **‘появиться неожиданно’**
4) велись II **‘только что, лишь сейчас, наконец-то’** < прап. ‘только что, наконец-то’	**А**	+ кос.	+	–	+	*вэл′ис′* ‘снова, вновь’	*вöлись* **‘только, только что;** потом’	*вöли́сь* ‘потом, **только потом, наконец;** только тогда’

Продолж. табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5) ву 1. ‘вода’ **2. ‘река’** < коми	**З**	+ сл.	*ву* ‘вода’	« – »	« – »	« – »	*ва* 1. ‘вода’ **2. ‘река’**	*ва* 1. ‘вода’ **2. ‘река’**
6) грезь **1. ‘большой, необъятный’** < прап. ‘крупный, грубый’ ? < фп. 2. ‘сырой, недоваренный’ < удм.	**А**	кос. *грэз′, гырзы* ‘сырой, недоваренный’	+ гл.	–	–	*г(ы)рэз′* ‘сырой, недоваренный’	*гырысь* **‘крупный’, ‘взрослые, старшие’**	*гы́рись* **‘крупный, большой по величине’**
7) гуп: **йубэр гуп** ‘скворечник’ (букв. **‘скворец+дупло’)** < коми	**З**	–	гл. *гуп:* *йубэр гуп* **‘скворечник’**	–	–	*гуп* – выражает гул при ударе по полому предмету	*гупльöс* ‘глубокий (о лодке, чашке)’, уд. *гуплю* ‘крутая яма’; *дупля* (< **гупля*) **‘дуплистый; полый’**	? *гыпкöтны* ‘хлопать, ударять (напр. по спине)’
8) зон II **1. ‘прошлогодн. нескошенная трава’** 2. юдз. ‘луг на гари; гарь’ < прап.	**А**	+	+	+ кез.	+ юн.	‘луг, образовавшийся на гари; гарь’	*ызöн* **‘старая, прошлогодняя нескошенная трава’**	–

Продолж. табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
9) кузьым 1. ‘подарок’ < ур. **2. ‘приданое’** **3. ‘свадебный подарок’** < кп.	**З**	сл. *куз′ым*, кос. *куз′ум* **‘приданое’**	*куз′ъм, куз′ым* **1. ‘свадебный подарок’** 2. ‘подарок’ (вообще)	*куз′ым* ‘подарок’	« – »	« – »	*козин, козьын* **1. ‘дар, подарок невесты во время свадьбы’** 2. ‘подарок’ (вообще)	*ко́зин* **1. ‘приданое’** **2. ‘подарок’ (чаще свадебный)’**
10) куыны 1. ‘ткать, соткать’ **2. ‘плести (напр. лапти)’** < фп. ‘ткать, плести, вязать’	**А**	+	+	+ кез.	+	‘ткать, соткать’	*кыны* 1. ‘ткать’ 2. ‘вязать, плести (крючком, спицами)’ 3. ‘заплетать (косу)’ **4. ‘плести лапти’**	*кыйны* ‘ткать; **плести;** вить’, ***кыйны нинкӧммез* ‘плести лапти’,** кя. *кӱнө˙* ‘ткать, **плести (лапти),** заплетать (косу)’
11) лек **1. ‘сильный, крепкий’** **2. ‘проворный, быстрый’** **3. ‘очень, сильно’** < коми; 4. ‘злой’ < прап.	**З**	*л′эк* **1. ‘очень, сильно’** 2. ‘злой’	+	кез. *л′эк* 1. ‘злой’ **2. ‘очень, сильно’**	+	1. ‘злой’ 2. ‘горький; крепкий’	*лек* **‘сила’**, иж. *лека* **‘сильный, крепкий’,** лл. *лёк* ‘здоровый, **крепкий, проворный’,** *лёк* ‘сердитый, злой; плохой’	*лёк* ‘злой; сердитый; плохой; трудный’, кя. *л′ок* ‘злой, сердитый’, *л′о́ка* **‘очень, весьма’**

Продолж. табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
12) лыдъяны **1. ‘читать’** < коми 2. ‘считать’ < удм.	**З**	+ сл.	*лыд'д'анъ, лыд'д'аны* ‘считать’	*лыдйаны* ‘считать’	*лъдйанъ* ‘считать’	*лыдйаны* ‘считать’	*лыдьдьыны* **‘читать, прочитать, прочесть;** считать, сосчитать’	*лы́дьдьыны* **1. ‘читать, прочитать’** 2. ‘считать, сосчитать; подсчитать’
13) пу 1. ‘дрова’ 2. ‘дерево-материал, древесина’ **3. ‘дерево (как растение)’** < ур. ‘дерево’	**А**	+	1. ‘дрова’ 2. ‘дерево-материал, древесина’ 3. яр. **‘дерево (как растение)’**	1. ‘дрова’ 2. ‘дерево-материал, древесина’	« – »	« – »	*пу* **1. ‘дерево’, *коръя пу* ‘лиственное дерево’** 2. ‘древесина’	*пу* **‘дерево**; древесина’, ***пу вуж* ‘корень дерева’**
14) силь ‘шея’ < прап. ‘шея’ < фу.; <= коми	**А**	1. ‘шея’ 2. ‘тыльная часть шеи’	‘холка’	« – »	« – »	« – »	*сьылі, сили, силі*, скр. *сьыв* **‘шея’**	кя. *с'ə̑ли* **‘шея’**, кп. *си́ви́* ‘загривок’
15) тышкаськыны 1. ругаться **2. ‘драться’** < прап. ‘драться’	**А**	‘ругаться’	**‘драться’**	**1. ‘драться’** (2. ‘ругаться’)	*тъшкас'къ-нъ* 1. (стар.) ‘ругаться’ **2.** (мол.) **‘драться’**	‘ругаться’	*тышкасьны* **‘драться, биться’**	юж. *тышка́с'ны* **‘драться’**, кя. *төшка́с'нө* **‘драться’**

Оконч. табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
16) юн **1. ‘очень’** 2. ‘крепкий, прочный’ < прап. 1. ‘крепкий, прочный; сильный; крепко, прочно’ 2. ‘очень’ ? < фп.	**А**	+	+	+ кез.	+	1. ‘крепкий, прочный’ 2. ‘сильно, крепко’	*ён* ‘крепкий, прочный, сильный, здоровый’, *ёна* ‘сильно; **очень, шибко’**	*ёна* ‘сильно, крепко; быстро, сильно; **сильно, очень**; хорошо’

1.3. Изоглоссы фонетических и морфологических вариантов лексем

1) важ: нч.: сл. *важ ~ вуж* ‘старый, устаревший’, *важук* ‘древний’ [Архипов 1990: 10]; *важикъ дырья* ‘древле, в старину, искони’ [Соч., 109; Тепляшина 1966: 213].

Для обозначения понятия «старый» в удмуртском языке повсеместно употребляется слово *вуж*. Можно было бы предположить связь данного слова с другим прилагательным – *вашкала* ‘древний’, но во всех диалектах, в которых сохранился (или зафиксирован) неслоговой звук *ў* перед *а* в анлауте определенной группы слов, последнее слово произносится не с *в*, а со звуком *ў* – *ўашкала.* В слободском говоре, как и в других диалектах, относящихся к *ў*-типу, мы имеем в начале данного слова неслоговой звук *ў*: нч. *wашкала* (*ўашкала. – С. М.*) ‘древний’ [Тепляшина 1970а: 161].

Рассматриваемое слово фонетически идентично коми лексеме *важ* ‘старый, старинный, древний’, которая сопоставляется с удмуртским *вуж* и относится к финно-пермским лексемам [КЭСК, 46; UEW, 83]. В отличие от других удмуртских диалектов, в которых гласному *а* коми слова *важ* соответствует *у*, в слободском говоре наблюдается двоякое соответствие – *у* и *а*: *вуж* и *важ.* Первое слово возникло в результате закономерного развития на почве удмуртского языка. По поводу второго – мы выдвигаем предположение о его суперстратном коми происхождении. К настоящему времени слово *важ* в слободском говоре, по-видимому, вышло из употребления.

2) вим: нч. сч. вч. бес.: юн. *вим*, бес.: юн. (*йър*) *зим*; срв. *вим, виым* ‘тж’; сред. юж. *виым, вийым, вийъм*, бес. *бийъм* ‘мозг, мозги’ | G S *vim*, M J MU *vijim*, MU *viim*, U *vijîm* ‘мозг’ [Wichm., 316]; сев. *вим*, сред. юж. *виым* ‘мозг’ [Бор., 53]; тыл. *вим, виым* ‘тж’ [Тепл., 26, 28]; бес. *vim, bijəm, zim* ‘тж’ [ЯзБ, 57]; килм. *вим, виим* ‘тж’ [Загуляева 1983: 38] || кп. *вем*, ни. оньк. нерд. *вим* ‘тж’ [КПРС, 63, 74]; кя. *вим* ‘тж’ [КЯД, 98]; кз. *вем* ‘тж’ [ССКЗД, 44].

Приведенные слова этимологи возводят к общепермскому **vẹm* или **vẹjзm* [КЭСК, 51], финно-угорскую праформу реконструируют в виде **wiδз(-mз)* [UEW, 572].

Всё многообразие фонетических вариантов рассматриваемой лексемы в пермских диалектах разделим на две группы: краткие формы

и длинные формы. Первая группа присуща всем коми диалектам, а также северной диалектной зоне удмуртского языка: северному и бесермянскому наречиям и некоторым группам срединных говоров. Полная форма характерна для южной диалектной зоны, а также для бесермянского наречия. Исходя из финно-угорской праформы, следует сказать, что длинная форма является более древней.

Стяжение рассматриваемой лексемы началось в коми диалектах, откуда это явление проникло в северное наречие удмуртского языка. В зоне вибрации находятся некоторые срединные говоры, расположенные на периферии ареала изоглоссы *вим ~ вем*. В данной зоне встречаются как краткие, так и полные варианты типа *ви(й)ым, виим*. Отметим также, что бесермянская форма *bijəm* привнесена на север Удмуртии с нижнего Прикамья, а варианты *vim, zim* (< **vim*) следует считать северноудмуртскими проникновениями.

Учитывая вышесказанное, для общепермского праязыка необходимо реконструировать только полную форму.

3) вур: нч.: сл., сч.: яр. *вурэ вайыны*, нч.: кос. *вырэ вайыны*, сч.: гл. (Гул. Дон. НК.), бес. *вурэ вайънъ*, сч.: гл. (Пыб.) *вурэ вайы̆ны*, гл. (Дон. НКуз. Труб.) *бурэ вайънъ*, бал. *бурэ вайыны* 1. ‘упоминать, вспоминать, упомянуть в разговоре (кого-л.)’ 2. ‘помянуть добрым словом (напр. во время моления)’; сч. (Дон.) *с'ис'къкуд шӧтэмэз вурэ эн вай, а то животэз кэс'алоз.* ‘Во время еды волка (= некрасивого) не упоминай, а то скот может растерзать (= растерзает)’ | сч. (Яр) *vure vajiṇi̯* ‘упоминать, вспоминать’ [UdMur., 156]; G *vurɛ vajîṇî* ‘помянуть (при молении); вспоминать, вспомнить’ [Wichm., 310, 328]; *вурэ ваиско* ‘упоминаю’ [Кротов, 35]; Sar. *vur = bur: burä vajnî* ‘вспоминать’ [Munk., 698]; сч.: гл. юк. *бурэ вайънъ*, бал. *бурэ вайыны*, гл. юк. *вурэ вайънъ*, яр. *вурэ вайыны* 1. ‘помянуть, поминать (молиться об упокоении умершего)’ 2. ‘упомянуть в разговоре (кого-л., чье-либо имя, что-либо)’ [Карпова 2013: 93] || кз. *вор* ‘речь, способность говорить’, *кыл-вор* ‘дар речи, способность говорить’ [ССКЗД, 184]; лл. *ворӧ вайлыны* ‘упомянуть’ [ЛЛД, 132]; сс. *вор: кылӧ-ворйӧ вайлыны* ‘вспоминать, говорить о ком-либо’ [ССД, 122].

В. И. Лыткин коми слово *вор: кыв-вор*, а также древнекоми **vormędč'*- ‘заговорить, появиться дару речи’ сравнивает с удмуртским диалектным *ki̯l-vur* ‘дар речи’ и восстанавливает общеп. **vǫr* ‘речь, дар речи’ [КЭСК, 63].

Рассмотрим территорию распространения изоглоссы *вур* ~ *вор*. В первую очередь отметим, что *вор* как самостоятельное слово широко известно в коми-зырянских диалектах. Во-вторых, оно употребляется в составе сложного слова *кыв-вор* ~ *кыл-вур*, изоглосса которого, помимо коми-зырянских говоров, охватывает и нижнечепецкий диалект удмуртского языка, территориально приближенный к южнозырянским говорам. В-третьих, с учетом сочетания *вурэ вайыны*, рассматриваемая изоглосса, наряду с нижнечепецким диалектом, распространа и в среднечепецком, а в недавнем прошлом она бытовала еще и в некоторых срединных говорах, о чем говорит фиксация данной формы венгерским ученым Б. Мункачи в сарапульском диалекте. Следует отметить также, что конструкции типа удмуртского *вурэ вайыны* ‘вспоминать, упоминать’ в коми-зырянском языке бытуют только в южной группе диалектов, соседствующих с северноудмуртским наречием, ср.: лл. *ворӧ вайлыны*, сс. *кылӧ-ворйӧ вайлыны*.

В большинстве удмуртских диалектов вместо *вурэ вайыны* функционирует похожее сочетание *буре вайыны* (*вайылыны*) ‘вспомнить (вспоминать) добрым словом; помянуть, поминать (молиться об упокоении умершего)’ [УРС 1983: 57], ср. также: *бураны: кыланы-бураны* ‘причитать, плакать приговаривая; рассказывать (говорить) образно’ [УРС 1983: 240]. В сочетании *буре вайыны* первое слово в сознании говорящих ассоциируется со словом *бур* ‘добрый, хороший’. Между тем слово *вур* (< **вор*), как было отмечено выше, обозначает ‘речь, дар речи’ или просто ‘слово’.

Сочетание *вуре вайыны*, по-видимому, претендует на прапермскую древность. В большинстве удмуртских диалектов, на наш взгляд, произошло народно-этимологическое сближение первого слова со словом *бур* ‘хороший, добрый’, в результате чего в произошел семантический сдвиг: ‘упомянуть (в разговоре)’ > ‘упомянуть добрым словом’ > ‘помянуть, поминать, молиться (за упокой)’. В некоторых говорах северного наречия, связи носителей которых с северными соседями были более тесными, данное сочетание сохранило первоначальную семантику и исконный начальный звук под вторичным влиянием коми диалектов, однако в среднечепецких говорах в настоящее время также наблюдается тенденция замены начального *в* звуком *б*.

В коми-пермяцком исследуемые языковые единицы были утрачены в пользу более употребительных слов и сочетаний типа *касьты́вны*

‘вспоминать, вспоминать; поминать, помянуть, устроить поминки’; *касьты́вны бурӧн* ‘поминать добром’ [КПРС, 166].

4) геред: нч.: кос., сч.: гл. юк. бал., вч.: кез., бес.: юн. *гэрэд* ‘узел’; нч.: сл., сч.: яр., бес.: лекм. *гэрд* ‘тж’ | M U *gerd* ‘тж’ [Wichm., 56]; удм. *герд*, сев. *геред* ‘узел’ [Бор., 73]; тыл. *герд* ‘узел (напр. веревки); узел как счетная единица (при наматывании пряжи)’ [Тепл., 40]; срв. *gerd* ‘узел’ [Бушм., 64]; бес. *gered* ‘узел (веревки)’ [ЯзБ, 106]; сч. (Дёбы) *гэрэд* ‘тж’ [ДЭ 1977а]; кос. *гэрэт* ‘тж’ [ДЭ 1980]; сч. *гэрэд* ‘узел’, яр. *гэрд* ‘тж’ [Карпова 2013: 163]; бес. *гэрд* ‘тж’ [СлБес., 106] || кз. *гӧрӧд*, вв. иж. *гӧред* ‘тж’ [ССКЗД, 89]; кп. *гӧрӧд* ‘тж’ [КПРС, 107].

Приведенные слова В. И. Лыткин возводит к общеп. **gɛrd-* [КЭСК, 81] и видит родство с другими пермскими словами – удм. *керттыны*, к. *кӧртавны* ‘завязать, связать’. Рассматриваемые слова этимологи в конечном счете относят к словам финно-угорского происхождения [UEW, 139; КЭСК, 142]. Исследуемые пермские слова, по мнению В. В. Напольских, являются среднеиранским заимствованием из какого-то восточно-иранского языка, «(*-d* ~ *-ęd* может рассматриваться как часть старой основы с допермским этимоном типа **kerentз*, переосмысленная как собственно пермский отглагольный суффикс) ← вост.-иран. **γranϑa-* ‘узел’»; им приводятся примеры из иранских языков, в числе которых перс. *gereh* [Напольских 2015: 217].

В большинстве диалектов удмуртского языка: в южном и бесермянском наречиях, в срединных говорах и некоторых говорах (слободской, ярский, дебёсский, зуринский) северного наречия – гласный звук перед *д* отсутствует. Можно предположить, что огласовка удм. сев. *-эд* ~ к. *-ӧд* исследуемого слова является архаичной. Однако следует учесть, что во всех удмуртских диалектах его производные образованы от краткой основы: *герӟаны* ‘завязать, связать узлом’ (< **гердӟаны*), *герӟаськыны* ‘завязаться узлом’. В коми языках также имеются слова, в основе которых лежит корневой сегмент *гӧрд-*: кз. *гӧрддзавны* ‘завязать узлом, завязать узел’ (ср. *гӧрӧдавны* ‘тж’) [КРК 2000: 155–156].

Изоглоссное явление *геред* ~ *гӧрӧд* практически повсеместно распространено в коми-зырянском и коми-пермяцком языках, а также в косинском говоре (нижнечепецкий диалект), в среднечепецком диалекте (кроме ярского говора), кезском говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия, в юндинском говоре бесермянского

наречия. Очерченный ареал следует считать инновационным. Изменение огласовки исследуемого слова под влиянием именного суффикса *-ӧд ~ -эд* началось в диалектах коми языков, откуда оно перебросилось на отдельные северноудмуртские говоры.

5) дасьтыны: нч. сч.: яр. *дас'тыны* ‘готовить, приготовить’, сч.: гл. (Пыб. Труб.) *дас'ты̆ны*, гл. (Пус.) *дас'ты̆ны̆* ‘тж’, юк. *дас'тънъ*; сч.: яр. (Ник.) бал., сред.: мал. *дас'тыны ~ дас'аны*, гл. (Гул. НКуз.) бес. *дас'тънъ ~ дас'анъ* ‘тж’ | нч. *дасьтыны* ‘приготовить’ [Тепляшина 1970а: 166]; бес. *das'tᵒnө* ‘готовить, приготовить’ [ЯзБ, 113]; кос. *дас'тон* ‘приготовление’ [ДЭ 1980]; сч. (Подб.) *дас'тыны* ‘приготовить, готовить’ [Кельмаков 1981: 49]; сч.: юк. гл. (Мыр. Штан.) *дас'тънъ*, бал. яр., мал. *дас'тыны*, гл. (Коч. От. Пус. Штан.) *дас'ты̆ны̆* ‘готовить, приготовить’ [Карпова 2013: 166]; бес. *дасьтөнө* ‘готовить, приготовить (еду); заготовить, заготавливать (заранее, про запас); подготавливать, подготовить’, *дасянө* ‘готовить, приготовить; подготовить, заготавливать, заготовить (заранее, про запас)’ [СлБес., 119] || кз. *дасьтыны* ‘готовить, приготовить, заготовить; припасти, запасти’ [ССКЗД, 98]; кя. *да́с'тинө* ‘запасать, запасти; припасать, припасти; копить’ [КЯД, 110].

Рассматриваемые глаголы В. И. Лыткин возводит к общепермскому **das'* ‘готовый’ [КЭСК, 87]. Слово *дась* ‘готов, готовый’ как самостоятельная лексема употребительна и в современных удмуртских и коми-зырянских диалектах.

Изоглосса *дасьтыны* охватывает говоры нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов северного наречия, а также бесермянское наречие. От удмуртских диалектов она тянется к коми-зырянским; отдельным островком также встречается в коми-язьвинском наречии. В большинстве коми-пермяцких диалектов вместо исследуемой лексемы функционирует русское заимствование *гото́витны* или исконное слово *лӧсьӧтны* [КПР-РКПС, 166] (ср. кз. *лӧсьӧдны*), а вместо общепермского слова *дась* в названных говорах бытует русизм *гото́в* [КПРС, 103].

В большей части удмуртских народных говоров вместо рассматриваемого глагола функционирует лексема *дасяны*, как и *дасьтыны* являющаяся производным от основы *дась*. Анализ «Обратного словаря удмуртского языка» [ОбрСлУдм. 1992] показывает, что в современном

удмуртском языке глаголы, образованные от имен с помощью суффикса *-т-*, занимают весьма скромное место по сравнению с группой глаголов на *-а-*. Деривационная модель глаголов с помощью указанного суффикса отличается достаточно высокой продуктивностью.

Учитывая вышесказанное, глагол *дасьтыны* следует возвести к общепермскому времени. Следовательно, современный ареал данной лексемы является архаичным, а ареал *дасяны* – инновационным.

6) ӝытылбыт: нч.: кос., сч.: яр. бал. (Кур. Наг.) *ӝыты˙лбыт*, сч.: гл. *ӝъты˙лбът*, гл. (Дёбы, Труб.) *ӝъто˙лбът*, нч.: сл. *ӝэты˙лбыт*, сч.: гл. (НКуз. Труб.) *ӝэтъ˙лбът* ‘весь вечер, в течение (на протяжении) всего вечера’; нч.: сл., сч.: бал. *ӝы˙тбыт*, сч.: гл. юк. *ӝъ˙тбът* ‘тж’ | сч.: гл. *ӝъто˙лбът*, гл. юк. *ӝъты˙лбът*, яр. *ӝыты˙лбыт*, гл. (Пон.) *ӝы̆ты˙лбът* ‘весь вечер, в продолжение всего вечера’ [Карпова 2013: 185] || кп. *рытывбы́т*, сев. *рытылбы́т* ‘весь вечер’ [КПРС, 413]; кя. *рөтөлбө˙д* ‘тж’ [КЯД, 174]; кз. вв. вс. лл. сс. *рытылбыд*, вв. (Бог.) *рытыыбыд*, л. (Об.) скр. *рытыбыд*, иж. нв. *рытбыд*, уд. *рыдбыд* ‘весь вечер, в продолжение всего вечера’; *рытыв, рытыл* ‘запад; западный’ [ССКЗД, 327].

Основу приведенных слов возводят к общеп. **rüt* ‘вечер; запад’ [КЭСК, 247]. Изоглосса *ӝытылбыт ~ рытылбыт*, помимо нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов, повсеместно распространена в коми-пермяцком языке, а также в южной и центральной группе коми-зырянских диалектов (см. Карта 8). Рассматриваемая лексема образована от основы *ӝытыл ~ рытыл*. В большинстве удмуртских диалектов в аналогичной функции употребляется наречие *ӝы˙тбыт*, непосредственно восходящее к основе *ӝыт* (< **rüt*) ‘вечер’. Кроме удмуртского языка, наречия с аналогичной морфемной структурой характерны для окраинных северо-западных коми диалектов, в которых употребляется слово *рытбыд*.

Анализируя современные ареалы двух изоглосс, приходим к выводу, что более древней является ареал *ӝытбыт ~ рытбыд*, который с полным правом можно назвать общепермским. Северноудмуртский вариант *ӝыты˙лбыт* возник в результате воздействия коми диалектов, при этом морфемный элемент *-ыл* следует отнести к заимствованиям. Центр инновации находился в коми-пермяцкой языковой области.

7) искылляны: нч.: сл. *искыл'л'аны*, бес. *искил'л'анъ*, нч.: кос., сч.: яр. бал. *ныскыл'л'аны*, сч.: гл. юк. *нъскъл'л'анъ*, нч.: кос. *ныцкыл'л'аны*, вч. сред. юж. *н'искыланы*, юж. *мискыл'аны, мискыл'л'аны* (и др.) ‘кататься на лыжах, санках, коньках’ | нч. *ыскылляны* ‘кататься на коньках’ [Тепляшина 1970а: 166]; бес. *iskөlanө* ‘кататься (напр. на санках)’ [ЯзБ, 215]; бес. *искиллянө* ‘кататься (на санках, лыжах, коньках, с горки; не на транспорте’ [СлБес., 162] || кз. *иславны, иславны, ыславны, ыслалны* ‘кататься на санках, салазках, лыжах’ [ССКЗД, 138]; кп. *ысла́сьны*, сев. *исла́сьны* ‘кататься, покататься’ [КПРС, 156, 582]; кя. *өскө·лтнө* ‘прокатиться; поскользнуться’, *өс'ла́с'нө* ‘кататься (на салазках, лыжах)’ [КЯД, 160].

Основой приведенных коми слов считают *i̯s-* (*is-* ? < *i̯s-* < **ji̯s'-*), которую В. И. Лыткин сопоставляет с хантыйским и мокшанским словами [КЭСК, 110]. В UEW исследуемые слова не приводятся.

Речь идет об ономатопоэтическо-дескриптивных словах, которые, возможно, восходят к единой общепермской основе. Но впоследствии в каждом пермском языке произошли изменения по внутренним законам развития. В слободском говоре и бесермянском наречии в рассматриваемом глаголе в отличие от абсолютного большинства удмуртских диалектов анлаутный консонант отсутствует, что сближает эти слова с аналогичными лексемами коми языков. Отпадение начальной согласной в глаголе *искыл'л'аны* ~ *искил'л'анъ*, по нашему мнению, произошло под влиянием коми языков.

8) кад: (глаз.) *кад* ‘грязное кочковатое место’ [Крылов, 16]; *кад* II ‘грязное кочков[ое] место’ [Верещ., 111]; G *kud*, B *kị̂d*, MU *kud* ‘болото’ [Wichm., 128]; сч. *куд* 1. ‘заболоченный лес’ 2. ‘болото’ [Карпова 2013: 271]; бес. *көд* ‘заросли: низкое, достаточно влажное место с густо растущим кустарником и лиственными деревьями’ [СлБес., 181] || кз. *кад* ‘заболоченное озеро, топкий, зыбкий болотистый берег (озера); трясина, топь’ [ССКЗД, 144].

Удмуртские слова, заимствованные из словаря Ю. Вихманна, генетически связаны с коми лексемой *кад* и, по-видимому, относятся к финно-угорскому пласту лексики [КЭСК, 114]. Удмуртское диалектное *кад* можно считать коми заимствованием, при этом лишь в том случае, если оно не является искаженной бесермянской формой. В словаре Крылова бесермянский гласный средне-заднего ряда средне-нижнего

подъёма ъ (*ə*) вполне может быть передан через *а*. Не исключено, что аналогичное слово Г. Е. Верещагин позаимствовал из словаря Крылова.

9) комбыльскыны: сч.: гл. *комбъл'скънъ*, сч.: гл. бал., вч.: кез. *комбыл'скыны*, бес. *комбъл'ч^{и}кънъ* ‘кувыркнуться; катиться, скатиться кубарем’, ‘опрокинуться, перевернуться’, сч.: гл., бес. *комбъл'тънъ*, сч.: гл. бал., вч.: кез. *комбыл'тыны* ‘опрокинуть, перевернуть’, сч.: гл. *ко·мб^{ъ}л': питр-ко·мб^{ъ}л'* – изображение кувыркающегося, катящегося кубарем предмета | сч. *комбъл'скънъ, комбыл'скыны* ‘кувыркнуться; катиться (покатиться) кубарем’, ‘опрокинуться, перевернуться’ [Карпова 2013: 254] || кз. *комбыльтны* ‘выгнуть’, *сьылі (голя) комбыльтны* ‘выгнуть шею (о лошади)’, *комбыля* ‘изогнутый, выгнутый (о шее лошади)’ [КРС 1961: 302]; лл. *гомбыл'ччыны* ‘согнуться, скрючиться’ [ЛЛД, 140]; вс. *го̑мбыл'ччыны* ‘нагнуться, наклониться’ [ВСД, 167]; сс. *гӧмбыл'тчыны* ‘нагнуться, наклониться’ [ССД, 88]; сс. *гумбыл'тны* ‘неуклюже повернуться’ [Лыткин 1972: 119]; вв. *комбил'а, гомбил'а* ‘большой, с горбинкой (о носе)’ (т. е. загнутый. – *С. М.*) [ВВД, 155]; печ. *гумбыл'алны* ‘кружить, крутить (напр. лодку на водопаде)’, *гумбыл'ӧн* ‘вихрем (крутиться)’ [ПечД, 62].

В КЭСК коми слова *комбыля, комбыльтны* и т. п. – считают прибалтийско-финским заимствованием (< **kombil'* ‘изогнутый, дугообразный’) и сравнивают со следующими словами: ф. *kömpiä* ‘ползать; тащиться; переваливаться’, люд. *gombúšt'š'i*, вепс. *kombū* ‘на четвереньках’ и др. [КЭСК, 132] В «Этимологическом словаре финского языка» упомянутые выше лексемы считаются дескриптивными (изобразительными) словами; о коми словах в соответствующей словарной статье речь не ведется, но указывается, что русское диалектное *комбушки́* ‘на четвереньках’ заимствовано из вепсского языка или людиковского наречия карельского языка [SKES, 214].

В других диалектах удмуртского языка среднечепецким глаголам *комбъл'скънъ, комбъл'тънъ* соответствуют лексемы *бекмыльскыны, бекмыльтыны*, а в нижнечепецком и отчасти среднечепецком диалектах – *конгыл'скыны ~ конгъл'скънъ*, *конгыл'тыны ~ конгъл'тънъ, конгырскыны*.

Изоглосса *комбыль-* распространена в большинстве коми-зырянских диалектов и в некоторых говорах среднечепецкого диалекта северного наречия. В коми-пермяцких диалектах соответствия рассматриваемых слов неизвестны. Последнее обстоятельство заставляет

нас склоняться к мнению о том, что подобные коми-зырянские слова имеют прибалтийско-финский источник происхождения. Исследуемые диалектные удмуртские слова, функционирующие лишь на ограниченной территории, соседствующей с областью распространения коми диалектов, заимствованы из последних; а точнее, исконный глагол типа *конгыл'скыны ~ конгырскыны* вступил во взаимодействие с коми лексемой, в результате контаминации возникло новое гибридное слово.

10) кудйзтор: нч.: сл. (Сизёво) *кудйзтор* ‘некоторые’ [Тепляшина 1970а: 179]; сл. *кудызтор* ‘тж’ [Архипов 1990: 12].

Указанное слово зафиксировано только в одном населенном пункте на территории распространения слободского говора северного наречия. Первая часть слова – *кудйз* ‘который’ совпадает с общеудмуртским вопросительно-относительным местоимением. Вторая часть, суффиксальный элемент *-тор*, по мнению Т. И. Тепляшиной [1970а: 179], заимствована слободскими удмуртами в результате контактов с коми-зырянами, расселенными в бассейне р. Летка. Правда, в заключении своей работы об этом элементе она говорит как о сохранившемся «реликтовом суффиксе существительных» [Там же. С. 189]. Вслед за Т. И. Тепляшиной данный суффикс коми заимствованием считает Г. А. Архипов [1990: 12].

Коми источник элемента *-тор* у нас также не вызывает сомнения. Как самостоятельная лексема слово *тор* ‘часть, кусок, отрезок, лоскуток, обломок’ в коми языках имеет повсеместное распространение. Кроме того, *-тор* функционирует в качестве суффикса: 1) как словообразовательный суффикс, *-тор* образует имена существительные со значением овеществленного качества от прилагательных: кз. *чöскыдтор* ‘нечто вкусное’, *буртор* ‘нечто хорошее, доброе’, *небыдтор* ‘нечто мягкое’; 2) с помощью формообразующего суффикса *-тор* создаются имена существительные с уменьшительным значением: кз. *керкатор* ‘домик’, *йöвтор* ‘молочко’ [Кривощекова-Гантман 1967: 116–117]. Однако нам хотелось бы уточнить условие, при котором данный элемент проник в удмуртский язык.

Элемент *-тор* в удмуртском языке известен только в составе единственного слова *кудйзтор*, которое в данном фонетическом обрамлении в коми-зырянских диалектах не употребляется. Неизвестно нам и коми-зырянское местоимение типа **кодтор*, которое могло бы

послужить источником диалектного удмуртского *кудйзтор*. Для того чтобы иноязычный суффикс присоединился к исконному слову, необходима его минимальная продуктивность в заимствующем языке, о чем в данном случае не может быть и речи. Исходя из вышесказанного, мы выдвигаем предположение о суперстратном происхождении исследуемого компонента.

11) кылвур: нч.: сл., сч.: яр. *кылвур*, сч.: юк. *кълвур*, нч.: кос., сч.: бал. *кылбур*, сч.: гл. юк. *кълбур* ‘речь, дар речи’; яр. (Ник.) *кылвурыз ӟэч* ‘речь ладная, красивая’; сч.: яр. (Ник.) *кылвуро*, гл. бес. *кълo-буро* ‘разговорчивый, говорливый’; пю.: шошм. (Карек-Серма) *кӱӱбур* ‘речь, слова’ | *кылбур* I (1892) ‘все слова, произведения устной словесности, произносимые как громко, так и шепотом’; II (после 1918) ‘пословицы, загадки’ [Верещ., Сл., 140]; нч. *кылвур: кыӵе ӟеч кылвурыз солэн* ‘какая красивая речь у него’ [Тепляшина 1970а: 191]; сч.: юк. *кълан̆ъ-вуран̆ъ*, яр. *кыланы-вураны*, гл. юк. *кълан̆ъ-вуран̆ъ*, бал. *кыланы-бураны* ‘причитать; плакать приговаривая’, гл. (Кож.) *кълан̆ъ-буран̆ъ* ‘рассказывать (говорить) образно’ [Карпова 2013: 289] || кз. *вор* ‘речь, способность говорить’, *кыл-вор* ‘дар речи, способность говорить’ [ССКЗД, 184]; сс. *вор: кылӧ-ворйӧ вайлыны* ‘вспоминать, говорить о ком-либо’ [ССД, 122].

В. И. Лыткин коми слово *вор: кыв-вор*, а также древнекоми **vormędč'-* ‘заговорить, появиться дару речи’ сравнивает с удмуртским диалектным *kị̑l-vur* ‘дар речи’ и восстанавливает общеп. **vǫr* ‘речь, дар речи’ [КЭСК, 63]. В отношении первого компонента следует сказать, что исследователи его относят к уральскому пласту лексики [UEW, 144; КЭСК, 149].

Можно было бы вести речь о том, что слово *кыл-вур* полностью претендует на прапермскую древность, на что, помимо нижнечепецких и среднечепецких форм *кылвур, кылбур*, указывает также глагол *кыланы-бураны* ‘причитать; плакать приговаривая’, ‘рассказывать (говорить) образно’ [УРС 1983: 240], имеющий практически общеудмуртское распространение, хотя и с некоторыми семантическими вариациями, а также пример из периферийно-южного шошминского говора.

Глагол *кыланы-бураны* восходит к существительному *кылвур* (< *кыл-вор*) и первоначально имел облик **кыланы-вураны*. Фонетическое изменение второго компонента произошло из-за звукоперехода в соотносимом существительном: *кылвур* > *кылбур*. Причиной данно-

го изменения послужила деэтимологизация компонента *-вур*, наряду с этим – близость его к суффиксоиду *-бур* в таких словах, как: *ваньбур* ‘добро, имущество’, *ӟечбур* ‘здравствуй’ (приветствие при встрече), юж. ‘нечто доброе, хорошее, позитивное’ (также пожелание при расставании), *визьбур* ‘ум, интеллект’ и т. д. В коми-пермяцком языке, а также в большинстве удмуртских диалектов исследуемое существительное было утрачено. Но в некоторых говорах северо-западного диалектного ареала оно вновь возродилось в облике *кыл-вур* благодаря связям с коми населением и вторичному воздействию слова *кыл-вор* (см. также: **вур** и **кылбур**, п. 1.1).

12) лазъяны: сч. бес. *лазйанъ*, сч.: гл. (Дон.) *лъзйанъ*, сч. вч.: тыл. *лазйаны*, бес. *лаз'йанъ* ‘накинуть, набросить (напр. плащ, пальто)’; сч. *лазйас'кънъ, лазйас'кыны* ‘накинуть, набросить на себя что-л. (напр. плащ, пальто)’ | тыл. *лазъяны* ‘накинуть (поверх чего-л.); укрыть (чем-л.)’, *пальтодэ лазъя* ‘накинь пальто’ [Тепл., 100]; сч. *лазйанъ*, *лазйаны*, (Дон.) *лъзйанъ*, сч.: бал. (Ис. Уш.) *лаз'йаны* ‘накинуть, набросить (напр. на себя плащ, пальто)’ [Карпова 2013: 301] || кз. вв. вс. л. скр. сс. *лаз*, вв. вым. нв. уд. *лоз*, иж. печ. *лузан* ‘лузан, прямоугольная короткая рабочая накидка с отверстием для головы, надеваемая охотниками сверх одежды для защиты от холода, мокроты’ [ССКЗД, 192]; кп. сев. *лаз* ‘короткая промысловая накидка из прямоугольного куска холста, сукна или кожи с отверстием для головы посредине’ [Федосеева 2002: 432]; кп. сев. *лузáн* ‘лузан (охотничья одежда)’ [КПРС, 230]; кя. *лөзáн* ‘лузан, прямоугольная короткая рабочая накидка с отверстием для головы, надеваемая охотниками сверх одежды для защиты от холода, мокроты’ [ДХПЯ, 108].

В. И. Лыткин, исследуя происхождение коми слов, пишет, что их этимология неясна; исследователь отмечает, что русское диалектное *лузан* имеет коми происхождение, а коми формы *лузан, лөзáн* он считает обратными заимствованиями из русского языка [КЭСК, 156–157]. Примерно такого же мнения по поводу судьбы слова *лузан* как в русском, так и коми языках придерживаются и другие ученые (см. [Матвеев 1959: 30; 1964: 299]).

С нашей стороны отметим, что связь удмуртского глагола *лазйаны* с коми существительным *лаз* не вызывает сомнений. По-видимому, исследуемые пермские слова имеют генетическую связь с такими коми словами как *лазъя, лаз* ‘отвислый (о веках); полуприкрытые веками глаза’

[ССКЗД, 192]. Соответствие можно найти в словаре Т. Борисова, ср. *лазь-лазь* – межд., «выражающее широко-ветвистого, напр. ветвистой елки, или бороды» [Бор., 164]. С последним словом, в свою очередь, связаны следующие глаголы: сред. *лазьяны* ‘натянуть’, *лазьяськыны* ‘натянуть на себя’ (данные заимствованы: [Там же]). От изобразительной основы *лазь(-)*, по-видимому, произошло прилагательное *лазег* ‘мелкий, неглубокий’, а также сч. *лаз'ъранъ* ‘опуститься – о краях сочней перепечей’ (см. об этом: [Максимов 2013: 93–95]). Удмуртские слова с палатальным *з'* мы не ставим в прямую генетическую связь с другими пермскими словами, имеющими велярный звук *з*, но они указывают на то, что слова *лаз, лоз* (и их производные) возникли как изобразительные основы. Этим же обстоятельством можно объяснить корреспонденцию корневых гласных как в коми, так и удмуртском языке.

Изоглосса *лазъяны ~ лаз* распространена в части северной диалектной зоны удмуртского языка, в большинстве коми-зырянских диалектов и северном наречии коми-пермяцкого языка. Дескриптивная основа *лаз(-)* могла возникнуть еще в прапермский период. Основа с палатальным *з'* – *лазь(-)* появилась на стадии самостоятельного развития удмуртского языка. Она, с одной стороны, послужила базой для возникновения новых лексических единиц, с другой, – явилась причиной палатализации согласного *з* в словах, ранее образованных от основы *лаз(-)*. Следовательно, северная диалектная зона представляет собой часть архаичного ареала исследуемой пермской изоглоссы.

13) лёк, лёкос нч. ‘очень, слишком’ || кз. *лёк*, удм. *лек* **—** см. **лек** (п. 1.2).

14) лыддьыны: бес. *lөd'd'ᵉnө* ‘читать, считать’ [ЯзБ, 75] || кз. *лыдьдьыны, лыдьйыны* ‘читать, прочитать, прочесть; считать, сосчитать’ [ССКЗД, 207]; кп. *лы́дьдьыны* 1. ‘читать, прочитать; зачитать’ 2. ‘считать, сосчитать; подсчитать, пересчитать’ [КПРС, 232]; *лөд'д'инө·* ‘считать’, *лөд'д'ө·тнө* ‘читать’ [КЯД, 141].

В большинстве удмуртских диалектов приведенным словам соответствует глагол *лыдзы́ны* 1. ‘прочитать, читать’ 2. ‘сосчитать, считать’ [УРС 1983: 264], который чаще употребляется в первом значении, а семема ‘считать, подсчитать, подсчитывать’ передается словом *лыдъяны* [Там же]. В бесермянском наречии аффриката *ʒ̈* обладает

полноценным фонемным статусом, к тому же в большинстве говоров ее частотность даже увеличилась за счет звукоперехода *ӝ* > *ӟ*. Хотя при определенных фонотаксических условиях бесермянское *ӟ* переходит в *д′*, в данном случае такие условия отсутствуют. Учитывая названные обстоятельства, мы приходим к выводу, что слово *lөd′d′ᵒnө* (*лъд′д′ᵗᵇнъ*) возникло под влиянием аналогичного глагола коми языков. Описанное явление могло осуществиться на нижней Чепце, в районе проживания современных слободских удмуртов (см. также: **лыдъяны**, п. 1.2).

15) номыр: нч. сч.: яр. бал., вч.: кез. (Гыя, Алекс.), пю.: шошм. *номыр*, сч.: гл. юк., бес. пю.: кукм. *номър*, вч.: кез., сред. юж. закам.: бт. канл. шг. *нымыр*, закам.: татш. ташк. *нъмър*, вч.: деб., сред. юж. *нумыр*, южн.: ниж. бавл. *нумър* ‘червь, червяк, гусеница’ | G *nomi̯̊r*, MU *nomi̯r*, M J *numi̯r*, U *ni̯mi̯r* ‘червь’ [Wichm., 172]; Sar. *numi̯̊r*, Kaz. *nomẽr* ‘тж’ [Munk., 522]; тыл. *нумыр* ‘червь’ [Тепл., 123]; бес. урс. *numөr*, шошм. *nomөr* ‘тж’ [ИВПЯ, 90]; нч. *номыр* ‘тж’ [Тепляшина 1970а: 165]; бес. *nomөr, numөr* ‘тж’ [ЯзБ, 124, 253]; срв. *ni̯mi̯r* ‘червь, червяк’ [Бушм., 129]; круф. *нумър* ‘червяк; короед’ [Насибуллин 1978: 129]; гр. *нымыр* ‘червь’ [Атаманов 1981: 48]; сч.: *номър, номыр*, гл. (Люм) *нумър* ‘тж’ [Карпова 2013: 441]; бес. *номөр* ‘червяк, гусеница’ [СлБес., 299] || кз. *номыр* ‘червь, червяк, червячок’ [ССКЗД, 244]; кп. *но́мыр* ‘червь, червяк; черви (в разлагающихся организмах)’ [КПРС, 277].

Исследуемые слова Е. С. Гуляев возводит к общеп. **nů̯mir* ‘червь, личинка насекомых’ и приводит параллель из ненецкого языка [КЭСК, 194].

Заметим, что в удмуртском языке рассматриваемые лексемы в первом слоге имеют три разных гласных: *о, у, ы*. Изоглосса с гласным *о* – *номыр* преимущественно распространена в северной диалектной зоне, формируя единый ареал с коми языками, в которых соответствующее слово также произносится со звуком *о*. Отдельную островную зону образуют завятские говоры – кукморский и шошминский, где также употребительна форма *номыр* ~ *номър* (см. Карта 9). Ареал с гласным *о* необходимо считать зоной консервации древней формы. Однако мы допускаем, что в северноудмуртском слове гласный *о* мог также возникнуть вторично / сохраниться под влиянием коми диалектов.

Нам бы хотелось также обратить внимание на некоторые дополнительные моменты, не совсем вписывающиеся в общепринятую схему развития гласных первого слога. Исследователями достоверно

установлено, что в истории развития удмуртского языка в определенный момент (в начале XV в. или в XV–XVI вв.) произошло сужение гласного *о* первого слога (**о* > *у*) [Кельмаков 1993: 16–17]. Названный процесс протекал весьма регулярно, охватив весь лексический фонд удмуртского языка, исключения наблюдаются лишь в единичных случаях [Кельмаков 1975: 37–38; 2004: 110–112].

Причина сохранения *о* в таких словах не установлена. В данном случае следует обратить внимание на бесермянские и красноуфимскую формы. В настоящее время в бесермянском наречии, как и в соседних северноудмуртских говорах, повсеместно употребляется форма с гласным *о* в первом слоге. Однако Т. И. Тепляшиной ранее зафиксирован также вариант *nuтөr* [Тепляшина 1970б: 253]. Северноудмуртская форма *нумър*, записанная в с. Люм Глазовского района, возможно, восходит к бесермянской речи, хотя она может быть отражением воздействия литературного языка. Если форма *номър* (*nomөr*) в языке бесермян могла возникнуть под влиянием северноудмудмуртских говоров, то гласный *у* варианта *нумър* указывает на его южноудмуртский источник. Поскольку бесермянское наречие формировалось на основе диалекта завятского типа, не исключено, что в завятских говорах некогда в названии червяка также употреблялся гласный *у*. Об этом говорят и данные красноуфимского говора (Свердловская обл.), в основе которого лежит диалект шошминского типа. В речи красноуфимцев зафиксирована форма *нумър*, следовательно, до их переселения на современную территорию проживания в говоре шошминцев название червяка употреблялось в облике *нумыр* (вместо современного *номыр*).

Какова же причина сохранения / вторичного возникновения формы *номыр* ~ *номър* в завятских говорах? На данном этапе исследования можно выдвинуть предположение, что такой причиной могло послужить позднее тюркское влияние. Как известно, в определенный период в тюркских языках Поволжья произошло сужение широких гласных и расширение узких [Ахметьянов 1978: 15–20, 43]. Описанные процессы начались не ранее XIV века и были довольно длительными [Левитская 2014: 57]. Завятские говоры могли иметь контакты с отдельными тюркскими диалектами, в которых названное явление протекало с запозданием. Поскольку в удмуртском языке в первом слоге произошел глобальный процесс **о* > *у*, возможно, в вокалической системе первого

слога ощущался некоторый избыток дистрибуции узкого огубленного гласного, что способствовало обратному звукопереходу.

Вариант *нымыр ~ нъмър* в некоторых диалектах возник в результате спорадического разогубления *у* в отдельных словах; в данном случае этому могло способствовать наличие звука *ы* во втором слоге. Но более вероятным выглядит предположение В. К. Кельмакова, который считает, что «гласный *i̇* (*ə̂*) первого слога появился контаминационно под влиянием *нымы* ‘мошка’, *нымы-кибы* ‘мелкое насекомое, мошкара’» [Кельмаков 1975: 23; 2004: 71]. В пользу данной версии можно привести собирательное название насекомых, зафиксированное в глазовском говоре северного наречия: *номър-киби*, которое возникло из **нъмъ-киби ~ нымы-кибы* в результате ассоциативной связи со словом *номър*.

16) садь: нч. сч. бес. *сад′* ‘трезвый, не пьяный; бодрствующий, не спящий’; вч. сред.: сп. водз. омг., южн. *саз′* ‘тж’; сред.: тыл. срз. срв. ныл. сриж. *саӟ* ‘тж’ | G *sad′*, JI MU U *saź*, M *sad′ź* ‘трезвый, не пьяный; выспавшийся; бодрствующий, не спящий’ [Wichm., 219]; нч.: сл. *сат′* ‘трезвый’ [Архипов 1987: 86]; сч. *sad′* ‘трезвый; трезво’ [Карпова 1997: 70]; сч. *сад′* ‘бодрствующий, не спящий; трезвый, не пьяный; трезво’ [Карпова 2013: 434] || кз. *садь, сайд* ‘сознание, чувство, память; трезвый, не пьяный’ [ССКЗД, 328]; кп. *садь* ‘сила, силы; энергия, активность (человека); сознание; трезвый, не пьяный’ [КПРС, 415]; вкм. *садь* ‘ум’ [КПД, 221]. Приведенные слова возводят к общеп. **sad′, *saǯ* ‘сознание, чувство’ [КЭСК, 248].

В современных пермских диалектах рассматриваемая лексема имеет несколько фонетических вариантов, которые, по нашему мнению, восходят к общепермской праформе с аффрикатой в конце слова – **saǯ̌*. Обратим внимание, что изоглосса *сад′* образует единый компактный ареал, охватывающий нижнечепецкий и среднечепецкий диалекты северного наречия, бесермянское наречие и большинство коми диалектов (как коми-зырянских, так и коми-пермяцких) (см. Карта 10). Данная изоглосса является инновационной: возникла в недрах коми языков и проникла в удмуртские говоры. В большинстве диалектов удмуртского языка процесс деаффрикатизации конечного согласного осуществился в более поздний период, причем произошел он в противоположном направлении – по пути утраты взрывного элемента. В некоторых срединных говорах удмуртского языка фонетический облик рассматриваемой лексемы до сегодняшнего дня сохранился в неизменном виде – с аффрикатой в финале.

17) сылыны ‘разварить(ся (напр. об овощах)’: нч. сч.: яр. бал. *сылыны*, сч.: гл. юк., бес. *сълънъ* ‘тж’; пю.: шошм. *сыўыны* ‘разварить(ся (о картофеле); растворяться, растворить(ся’; вч. *сылмыны* ‘тж’ | MU *s̮iwi̮ni̮* ‘растворить(ся’ [Wichm., 222–223]; круф. *шълънъ* (< **съlънъ*) ‘разварить(ся (о картофеле)’ [Насибуллин 1978: 149]; бес. *сълънъ: сълэм* ‘разварился (о картофеле)’ [Кельмаков 1992: 100]; сч. *сълънъ*, *сылыны* ‘разварить(ся (о картофеле)’ [Карпова 2013: 455]; бес. *сөлөнө, сөломөнө* ‘развариваться, разварить(ся’ [СлБес., 381] || кз. *сывны, сылны* ‘таять, оттаять; плавиться; растворяться’ [ССКЗД, 352]; кп. *сывны* ‘таять, растаять’ [КПРС, 459]; кя. *сөлнө·* ‘таять, растаять; плавиться, расплавиться; растворяться, растворить(ся’ [КЯД, 178].

В большинстве диалектов удмуртского языка для обозначения понятия «разварить(ся; растаять, растворить(ся» функционирует однокоренное с приведенными выше глаголами слово *сылмыны*, имеющее в основе суффиксальный элемент *-м-*.

Рассматриваемые слова образованы от таких основ, как коми *сыв, сыл* ‘талый, оттаявший, растаявший’ [ССКЗД, 352; КПРС, 459], удм. *сыл-(сыл)* – межд., выраж. мягкое состояние предмета (при варке напр. мяса) [Бор., 268]. Приведенные слова этимологи возводят к общеп. **sùl-* ‘таять’ и фу. **sula* ‘расплавленный, растаявший; плавиться, таять’ [КЭСК, 267–268; UEW 450].

Изоглосса *сылыны ~ сывны* (*сылны*) (без элемента *-м-* в основе) распространена в коми языках (повсеместно), в соседствующих с ними нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия удмуртского языка, а также в бесермянском наречии. Вдали от очерченной территории данная изоглосса образует два островных ареала: первая из них находится на крайнем юго-западе удмуртской языковой области (шошминский говор), вторая – на юго-восточной периферии (красноуфимский говор). Изоглосса *сылыны ~ сывны*, безусловно, является архаичной. Напротив, лексема *сыл-м-ыны* – это поздняя инновация, которая с коммуникативной точки зрения является более удобной, так как устраняет омонимию, ср.: удм. *сылыны* ‘стоять’ и *сылыны* ‘стоить (о товаре)’.

18) толызь: нч. сч.: яр. бал., вч.: кез. деб. *толыз′*, сч.: гл. юк. *толъз′*, сч.: яр. гл., вч.: тыл. *толиз′* ‘месяц; луна’; сч.: гл. юк., бес. вч.: зур., срз. *толэз′*, сред.: сриж. ныл. *толӭз*, южн. *толэз′*, пю.: шошм. *тоўэз′* ‘тж’ | яр. (Ук.) *толызь* ‘месяц’ [Кротов, 219]; *толызь* ‘месяц, луна’ [Верещ., Сл., 225];

G *toli̯ź*, G B J MU U *toleź*, M *toled'ź*, J MU *t͡ɕeź* ‘тж’ [Wichm., 265]; тыл. *толӥз* ‘луна, месяц’ [Тепл., 176]; нч. *тӧлызь, толызь, толэзь* ‘месяц’ [Тепляшина 1970а: 164, 185]; срв. *toliʒ́, toliś* ‘тж’ [Бушм., 183]; нч.: кос. *толыз′* ‘тж’ [ДЭ 1977]; тыл. (Легомувыр) *толиз′* ‘месяц’ [Кельмаков 1981: 147]; срв. *толӥзь, толӥз* ‘месяц; луна’ [Вахрушев 1983: 8]; вч. (Бол. Олып) *toli̯ź* ‘месяц’ [UdMur., 192]; сч. *toliź* ‘тж’ [Карпова 1997: 125, 151]; сч.: яр. гл. *толиз′*, гл. юк. *толъз′*, яр. *толыз′*, гл. юк. *толэз′*, яр. *тӧлысь* ‘месяц; луна’ [Карпова 2013: 479] || кз. *тӧлысь*, вв. уд. *тӧлісь* ‘луна’ [ССКЗД, 375]; кп. *тӧлісь* ‘луна; лунный’ [КПРС, 485]; кя. *тэ̊лис′* ‘луна’ [КЯД, 186].

Представленные выше слова исследователи возводят к общепермскому **tȯlö̆č′* ‘луна, месяц’ и приводят марийское соответствие [КЭСК, 283]. Обратим внимание на гласный второго слога исследуемых слов. На большей территории удмуртской языковой области безраздельно господствует звук э (*толэз′, толӭз*). В северной диалектной зоне вместо данного звука употребляется *и* или *ы*, что находит параллели в коми диалектах, причем последний из них наличен в большинстве коми-зырянских, а также северноудмуртских диалектов. Звук *и* характерен для коми-пермяцкого языка, для верхне-вычегодского и удорского диалектов коми-зырянского языка, а также для некоторых говоров среднечепецкого диалекта и северо-восточной диалектной зоны удмуртского языка.

Считаем, что первоначальным гласным второго слова рассматриваемых слов являлся звук *и*, который в неизменном виде сохранился в части говоров северной диалектной зоны удмуртского языка, в верхне-вычегодском, (?) удорском диалектах коми-зырянского языка и в коми-язьвинском наречии. Звук *ы*, ареал которого был очерчен выше, является закономерным результатом веляризации *и*, причем в коми-пермяцких диалектах вторичное *и* могло развиться из *ы* перед палатальным *с′*. Описываемые формы слов с *ы* и *и* мы можем рассматривать как одно изоглоссное явление, которое, как было уже отмечено выше, занимает северную диалектную зону удмуртского языка и коми диалекты. Данный ареал следует считать архаичным. Ареал изофоны *толэз′* ~ *толӭз* (с гласным э во втором слоге) является южноудмуртским новообразованием, экспансия которого в настоящее время достигла не только срединных говоров (в первую очередь западный ареал), но и некоторых говоров северного наречия удмуртского языка. Кроме того,

форма *толэз'* характерна для бесермянского наречия. Отдельное изоглоссное явление образуют варианты с корневым гласным *ö* (см. ниже).

19) тӧлызь: нч. *тӧлызь, толызь, толэзь* ‘месяц’ [Тепляшина 1970а: 164, 185]; сч.: яр. *тӧлысь* ‘месяц; луна’ [Карпова 2013: 479] || кз. *тӧлысь*, вв. уд. *тӧлісь* ‘луна’ [ССКЗД, 375]; кп. *тӧлісь* ‘луна; лунный’ [КПРС, 485]; кя. *тэ̆лис'* ‘луна’ [КЯД, 186].

Представленные выше слова возводят к общепермскому **tȯlö̆č'* ‘луна, месяц’ [КЭСК, 283]. В большинстве диалектов удмуртского языка в названии месяца в корне слова употребляется гласный звук *о: толэз', толӭз, толыз', толиз'* и др. Форму *тӧлызь* в свое время Т. И. Тепляшина зафиксировала в нижнечепецком диалекте. Кроме того, исследователь северного наречия Л. Л. Карпова описываемую форму аттестовала в окрестностях пос. Яр УР. Можно предположить, что звук *ö* является результатом междиалектной корреспонденции корневой гласной, восходящей к прапермскому **ȯ*. Но, принимая во внимание ареал описываемого явления, где ранее существовали относительно активные контакты с коми населением, мы склоняемся к тому, что вариант *тӧлыз'* в отдельных удмуртских говорах возник под влиянием коми языка (см. также: **толызь**).

20) ченари: нч.: сл. *чэнал'и, чэн'ал'и*, нч.: кос. *чэн'ари*, сч. *чэнари, чонари*, бес.: юн. *ӟэнаръ, ӟэн'аръ*, вч.: кез. деб. *чонари, чэнари* ‘паук’; завят.: кукм. *чон'ари*, шошм. *чонари* ‘тж’ | G *t'śenari*, S J MU *t'šonari*, U *t'śonari*, M *t'šunari* ‘тж’ [Wichm., 287]; Sar. *čonari*, Kaz. *čońari*, Uf. *čon̥ari* ‘тж’ [Munk., 324]; гл. *ченари* ‘тж’ [Лыткин, Тепляшина 1959: 224]; нч. *ченали* ‘тж’ [Тепляшина 1970а: 166]; нч.: кос. *ч'эн'ари* ‘тж’ [ДЭ 1977б]; нч.: сл. *чэнал'и, ӟэнал'и* ‘тж’ [Архипов 1990: 10]; сч. *чэнари, чонари, чэн'ари*, гл. (Штан.) *ӟэнари* ‘тж’ [Карпова 2013: 199]; бес. (Шам.) *č'o̯nari* ‘тж’ [ЯзБ, 67] || кз. *черань* ‘тж’ [ССКЗД, 408]; кп. *чера́нь* ‘паук, мизгирь’ [КПРС, 532]; кя. *ч'э́ран'* ‘паук’ [КЯД, 194].

Е. Гуляев коми слово *черань* и удмуртское *чонари* возводит к общеп. **č'ę̆ran* или **č'ę̆nar* [КЭСК, 303]. Обратим внимание, что в нижнечепецком и среднечепецком, отчасти в верхнечепецком диалектах и бесермянском наречии, территориально приближенных к коми диалектам, в первом слоге рассматриваемых слов выступает гласный звук э вместо *о* (или *у*) других удмуртских диалектов, при этом формы с гласным

э распространены чересполосно или функционируют параллельно с формами на *о*. Аналогичный гласный э мы видим в слове *чэран'* во всём коми языковом континууме. Изоглосса *ченари* (*ченали*) ~ *чэрань* образует компактный ареал, который противопоставлен большинству удмуртских диалектов. В связи с изложенными данными можно предположить, что модификации *чэнари, чэн'ари, чэнал'и* возникли в результате контактов с коми населением.

Однако в приведенных словах гласный первого слога мог также претерпеть изменения в ходе самостоятельного развития под воздействием начального палатального согласного *ч: *ę* > э, что могло стать причиной междиалектной корреспонденции гласных э // *о*, которая, по исследованиям В. К. Кельмакова, является частным звеном корреспонденции гласных *ӧ* (*ӧ*◦) // э // *о* в удмуртском языке. Основной источник происхождения данного явления ученый видит в «многообразии рефлексации праудмуртского **о* в различных диалектах (> *ӧ, ӧ*◦*, э, о*)…» [Кельмаков 1998: 70–71].

В нижнечепецком диалекте нам известно, по крайней мере, еще одно слово – *чэрыг*, гласный первого слога которого вступает в корреспонденцию, аналогичную в исследуемом слове: нч. *чэрыг*, срв. *чэрыг* ~ *чӧрыг* // к. *чэри* // др. удм. диал. *чорыг* ‘рыба’. Здесь уместно будет пояснение, что средневосточные говоры, в которых также функционирует фонетическая модификация *чэрыг*, значительно отдалены от нижнечепецкого диалекта. Но указанная группа срединных говоров имеет много черт, общих с северным наречием. Рассматриваемые черты в северовосточных говорах, по нашему мнению, возникли в результате миграционных волн с нижней и средней Чепцы.

Попутно отметим, что в отношении нижнечепецких модификаций *чэнал'и, ӟэнал'и* нужно сказать, что замена звука *р* на *л'* и *ч* на *ӟ* (также в формах *ӟэнари, ӟэнаръ, ӟэн'аръ*) могла произойти под влиянием слова *ӟанали* ‘водяной паук (жук)’.

Следует указать, что в отдельных вариантах исследуемых слов в северо-западном диалектном ареале вместо инлаутного велярного *н* выступает палатальный *н'*, что можно рассматривать как влияние конечного согласного коми слова *черань*. С другой стороны, описанное явление наблюдается также вдали от очерченного ареала – в кукморском говоре периферийно-южного диалекта (РТ), где функционирует форма *чон'ари.*

21) шораны: нч. сч. вч. *шораны*, сч. бес. *шоранъ* ‘резать, нарезать (напр. хлеб)’; сред.: зятц. *шорйаны* ‘тж’, др. диал. *шорманы*, *шорманъ* ‘тж’ | *шораско (šoras'ko)* ‘режу ножом, крошу’ [Мог., 273; Могилин 1998: 90]; сч. *шоранъ, шораны, шоранӹ* ‘резать, нарезать (напр. хлеб)’ [Карпова 2013: 547]; *шоранө* ‘резать, нарезать (ломтями) /обычно о хлебе/’ [СлБес., 2013: 505]; M *šormanị*, MU *šormal-*, U *šormanị̂* ‘нарезать хлеб на куски’ [Wichm., 249]; Sar. *šormal-* ‘резать на куски’ [Munk., 493]; *шорманы* ‘отрезать; полоснуть ножом, кинжалом’ [УРС 1948: 346] || кз. *шӧравны*, *шӧралны* ‘резать, нарезать (напр. хлеб); кроить, скроить, выкроить’ [ССКЗД, 434]; кп. *шӧра́вны* ‘тж’, *нянь шӧравны* ‘нарезать хлеб’ [КПРС, 567]; кя. *шэ̆ралны* ‘резать, нарезать хлеб ломтями; кроить, скроить’ [КЯД, 199].

Приведенные удмуртские и коми слова имеют единое происхождение и относятся к древнему уральскому пласту исконной лексики [КЭСК, 322–323; UEW, 503–504].

Лексема *шораны* ~ *шоранъ*, распространенная в северном и бесермянском наречиях, является кратной соотносительной парой однократного глагола *шорыны* ~ *шорънъ* ‘отрезать (напр. кусок, ломоть хлеба)’. В большинстве диалектов удмуртского языка в основе соответствующего слова содержится суффиксальный элемент *-м-* (возможно также: *шорманы* < *шорем-аны*, где *шорем* ‘кусок, ломоть хлеба)’. В коми примерах типа *шӧравны, шӧралны* указанный элемент также, как и в северноудмуртских вариантах, отсутствует.

Изоглоссы рассматриваемых глаголов с суффиксом *-м-* и без него занимают определенные компактные ареалы, при этом *шораны* ~ *шӧравны* (*шӧралны*) – северное и бесермянское наречия удмуртского языка и коми диалекты. Очерченный ареал является архаичным.

* * *

В качестве обобщения приведем статистические данные по разделу. Всего – 21 изоглоссное явление. Из приведенного числа: архаизмов – 6, заимствований – 15 (собственно заимствований – 3, гибридных заимствований – 11). Изоглоссные явления раздела наглядно представлены в табл. 3.

Таблица 3

Изоглоссы фонетических и морфологических вариантов лексем

Языковые единицы	**А/З/Г**	**Диалекты и языки**							
		нч.	**сч.**	**вч.**	**бес.**	**сред.**	**удм. лит.**	**кз.**	**кп.**
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1) важ ‘старый, устаревший’ < коми *важ*	**З**	*вуж*, сл. ***важ*** Архипов	*вуж*	*вуж*	*вуж*	*вуж*	*вуж* ‘старый, ветхий’	***важ*** ‘старый, древний’	***важ*** ‘старый, древний’
2) вим ‘мозг’ <= коми	**Г**	***вим***	***вим***	***вим,*** *виым*	***вим, зим,*** *бийъм*	*виим,* ***вим***	*виым*, юж. *вийым*	***вем***	***вем***, диал. ***вим***
3) вур: вуре вайыны ‘вспомнить, упомянуть в разговоре’ < прап.; <= коми	**Г**	сл. ***вурэ вайыны***, кос. ***вырэ вайыны***	***вурэ вайънъ***, *бурэ вайънъ*	*бурэ вайыны*	***вурэ вайънъ***	*бурэ вайыны*, Sar. ***vurä vajnî*** Munk.	*буре вайыны* ‘вспомнить добрым словом; помянуть’	***вор*** ‘речь, способность говорить’, лл. ***ворö вайлыны*** ‘упомянуть’	–
4) геред ‘узел’ < прап < иран.; <= коми	**Г**	сл. *гэрд*, кос. ***гэрэд***	***гэрэд***, яр. *гэрд*	*гэрд*, кез. ***гэрэд***	*гэрд*, юн. ***гэрэд***	*гэрд*	*герд*	***гöрöд***	***гöрöд***
5) дасьтыны ‘приготовить, готовить; запасти’ < прап.	**А**	***дас'тыны***	*дас'анъ*, ***дас'тънъ***	*дас'аны*	***дас'тънъ,*** *дас'анъ*	*дас'аны*	*дасяны*	***дасьтыны***	кя. ***да́с'тинö*** ‘запасать, запасти; копить’

Продолж. табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
6) ӝыты˙лбыт ~ рытылбыт ‘весь вечер, в течение всего вечера’ <= коми	**Г**	***ӝэты˙лбыт, ӝыты˙лбыт,*** *ӝы˙тбыт*	***ӝъты˙лбът, ӝъто˙лбът, ӝэты˙лбыт,*** *ӝът˙бът*	*ӝы˙тбыт*	*ӟъ˙тбът, жъ˙тбът*	*ӝы˙тбыт*	*жы́тбыт*	***рытылбыд,*** *рытбыд*	***рытывбы́т,*** кя. ***рөтөлбө˙д***
7) искылляны ‘кататься (на лыжах, салазках, коньках)’ <= коми	**Г**	сл. ***искылʼлʼаны,*** кос. *ныскылʼлʼаны*	*нъскълʼлʼанъ, ныскылʼлʼаны*	*нʼискыланы*	***искилʼлʼанъ***	*нʼискыланы*	*нискыланы,* южн. *мискылʼаны, мискылʼлʼаны*	***иславны, ыславны*** ‘кататься на санках, салазках, лыжах’	***ысла́сьны*** ‘кататься, покататься’, ***өскө˙лтнө*** ‘прокатиться; поскользнуться’
8) кад ‘грязное кочковатое место’ ? < 1. коми *кад* ? < 2. бес. *къд*	**?З**	?	*куд* ‘заболоченный лес’; глаз. ***кад*** Крылов	?	*къд* ‘болото; заболоченный лес’	*куд* ‘болото’	*куд* ‘болото’	***кад*** ‘заболоченное озеро; трясина, топь’	–

Продолж. табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
9) комбыль-скыны ‘кувыр-кнуться; опроки-нуться’ <= кз. < приб.-ф.	**Г**	–	+	+ кез.	+	–	–	*комбыль-тны* ‘вы-гнуть’, лл. *гом-был'ччыны* ‘согнуть-ся’, печ. *гумбыл'ён* ‘вихрем (крутить-ся)’	–
10) кудйзтор ‘некоторые’ <= коми	**Г**	+ сл. Тепл., Архипов	–	–	–	–	–	*тор* ‘часть, кусок, об-ломок’, *буртор* ‘нечто хорошее’	*тор* ‘часть, кусок, об-ломок’
11) кылвур ‘речь, дар речи’ <= коми	**Г**	сл. ***кыл-вур***, кос. *кыл-бур*	*кылбур*, яр. ***кыл-вур***, юк. ***кълвур***	–	*кълбур*	–	*кӱӱбур* шошм.	***кыв-вор, кыл-вор*** ‘дар речи, способ-ность говорить’, ***вор*** ‘речь’	–

Продолж. табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
12) лазъяны ‘накинуть, набросить (напр. плащ, пальто)’ < прап.	**А**	–	+	+	+	***лазйа-ны,*** *лаз'йа-ны*	*вöзъяны*	***лаз*** ‘лузан, рабочая накидка охотников с отверстием для головы’	–
13) лёк, лёкос ‘слишком, очень’ < коми	**З**	***л'ок***, *л'эк*, кос. ***л'окос,*** *л'экос*	*л'эк, л'экос*	«–»	«–»	«–»	*лек* ‘злой’, диал. ‘слишком, очень’, *лекос* ‘слишком’	***лёк*** ‘сердитый, злой; плохой’, *лек* ‘сила’, лл. ***лёк*** ‘здоровый, крепкий, проворный’	***лёк*** ‘злой; сердитый; плохой; трудный’, кя. ***л'ок*** ‘злой, сердитый’, ***л'óка*** ‘очень, весьма’
14) лыддьыны 1. ‘читать’ 2. ‘считать’ <= коми	**Г**	сл. ***лыд'д'а-ны*** ‘читать’, ‘считать’	*лыӟӟыны* ‘читать’, ‘считать’	«–»	– ***lөd'd'ᵒnө*** ‘читать, считать’ ЯзБ	*лыӟӟыны* ‘читать’, ‘считать’	*лыдӟыны* 1. ‘читать, прочитать’ 2. ‘считать, сосчитать’	***лыдь-дьыны, лыдьйыны*** ‘читать, прочитать; считать, сосчитать’	***лы́дь-дьыны*** 1. ‘читать, прочитать 2. ‘считать, сосчитать; подсчитать’

Продолж. табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
15) номыр ‘червь, гусеница’ < прап.	**А**	***номыр***	***номър***	*нымыр нумыр*	***номър;*** *питөr* ЯзБ	*нымыр нумыр*	*нумыр* (юж. *ны-мыр*, завят. ***номыр***)	***номыр*** ‘червь, червяк’	***но́мыр*** ‘червь, червяк’
16) садь 1. ‘трезвый, не пьяный’ 2. ‘бодрствующий, не спящий’ <= коми	**Г**	***сад′***	***сад′***	*саз′*	***сад′***	*саӟ, саз′*	*сазь*	***садь, сайд*** ‘сознание, чувство, память; трезвый, не пьяный’	***садь*** ‘сила; энергия, активность; сознание; трезвый, не пьяный’
17) сылыны ‘развариться (напр. об овощах)’ < прап. **sul-* < фу. **sula*	**А**	***сылыны***	***сълънъ, сылыны***	*сыл-мыны*	***сълънъ;*** *сөломө-нө* ЯзБ	*сыл-мыны*	*сылмыны*, шошм. ***сылыны***, круф. ***шъlънъ***	***сывны, сылны*** ‘таять, оттаять; плавиться; растворяться’	***сывны*** ‘таять, растаять’
18) толызь ‘месяц; луна’ < прап.	**А**	***толыз′; тӧлыз′*** Тепл.	*толэз′,* ***толыз′ толиз′,*** яр. ***тӧлыз′***	***толыз′ толиз′ толиӟ***	*толэз′*	*толэӟ-толэз′,* срв. *толиз′* ***толиӟ***	*толэзь*, юж. *толэз′*	***тӧлысь***	***тӧлісь***, кя. ***тэ́лис′***
19) тӧлызь ‘луна; месяц’ <= коми	**Г**	*толыз′;* ***тӧлыз’*** Тепл.	*толэз′, толыз′ толиз′,* яр. ***тӧлыз′***	*толыз′ толиз′ толиӟ*	*толэз′*	*толэӟ-толэз′,* срв. *толиз′ толиӟ*	*толэзь*, юж. *толэз′*	***тӧлысь***	***тӧлісь***, кя. ***тэ́лис′***

Оконч. табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
20) ченари ‘паук’ <= коми	**Г**	сл. ***чэнал'и чэн'ал'и ӟэнал'и***, кос. ***чэн'ари***	***чэнари*** *чонари* ***чэн'ари ӟэнари***	кез. деб. *чонари,* ***чэнари*** зур. *чонари*	*чонари*, юн. ***ӟэнаръ ӟэн'аръ***	*чонари*	*чонари*	***черань***	***чера́нь*** ‘паук, мизгирь’
21) шораны ‘резать, нарезать (напр. хлеб)’ < прап.	**А**	+	+	+	***шоранъ;*** *шорма-нъ* ЯзБ	*шор-маны, шор-йаны*	*шорманы*	***шӧравны*** ‘резать, нарезать (напр. хлеб); кроить’	***шӧра́вны*** ‘тж’, *нянь шӧравны* ‘нарезать хлеб’

1.4. Структурные изоглоссы

1) пуж йыр 1. эпитет для человека с взъерошенными, непричесанными волосами 2. эпитет для человека с кудрявыми волосами (= ‘решето + голова’): сч.: гл. юк. *йъръз пуж кад′*, сч.: бал. яр., вч. *йырыз пуж кад′*, бес. *йъръз пъж кад′*; гл. (Дон.) *йъръз пужэй* (*пуж кад′*) 1. ‘волосы взъерошенные, непричесанные’ 2. ‘волосы курчавые, кудрявые’, *пужа* ‘с взъерошенными, непричесанными волосами, неряшливый’ | сч. *йъръз пуж кад′, йырыз пуж кад′* фраз. о человеке непричесанном, с взъерошенными волосами; *пужйър, пужйыр* ‘кудрявый’ [Карпова 2013: 410] || кп. *пож юр* пренебр. ‘неряха (о непричесанном человеке)’ [КПРС, 352]; кз. иж. *пож юра* ‘взъерошенный, лохматый’ [ИжД., 158].

В основе приведенных выражений лежит финно-пермское слово со значением ‘решето’ [UEW, 738; КЭСК, 223]. Лексемы *пуж ~ пож* в современных пермских языках распространены повсеместно. Однако центром формирования их как образа взъерошенных, непричесанных волос были коми языки, возможно, коми-пермяцкие диалекты. В коми-зырянском в названной функции соответствие зафиксировано в самом северном диалекте – ижемском, хотя в аналогичной функции оно вполне может бытовать и в других диалектных ареалах. Так или иначе, нам представляется, что образ лексемы *пуж* как лохматых, взъерошенных волос в среднечепецком и верхнечепецком диалектах, а также в бесермянском наречии сформировался под воздействием коми-пермяцкого языка.

2) чырс ‘зонтичное растение, употребляемое в пищу’ (= ‘кислый; кислятина’):

а) сч. *чырс, чърс, ӧыжычырс, ӧъжъчърс* ‘дягиль; дудник’, сч.: бал. *уз′ыгумычырс* ‘тж’;

б) сч. вч.: кез. *гоночырс*, сч. бес. *гоночърс* ‘борщевик сибирский’, сч.: бал. *воз′чырс* ‘тж’;

в) нч. сч. вч.: кез. деб., срв. *чырс* ‘сныть (обыкновенная)’ | G *t′śi̯rs* ‘борщ, борщевик; лечебная трава (Heracleum)’ [Wichm., 286]; сч.: гл. юк. *чърс* ‘дудник; пикан; дягиль’; яр. *чырс* ‘сныть обыкновенная’; гл. юк. *гоночърс*, яр. бал. *гоночырс* ‘борщевик сибирский’ [Карпова 2013: 527, 152]; нч.: сл., сч.: яр. бал., вч. срв. (Ниж. Кивары)

чырс, сч.: гл. юк. *чърс*, яр. (Зюино) *с(ы)калчырс* ‘сныть обыкновенная’ [ДАУЯ 2014: 37].

Типологическую параллель северноудмуртских названий растений можно найти в коми диалектах, ср.: кз. вым. л. скр. сс. *азьгум*, иж. печ. уд. *азь*, вс. *азьпӧк*, вв. *азягум, гӧна азьгум*, лл. *гӧна гум* ‘борщевик сибирский’; вв. нв. скр. *азя* ‘квашеный, кислый, с закваской’; вв. нв. скр. *азь* ‘закваска для щей (приготовленная из заквашенных листьев капусты, из ячневой мякины) [ССКЗД, 10]; кп. сев. *азьгу́м* ‘борщевик’ [КПРС, 17].

Коми слова *азь, азьгум* и др. – исследователи сравнивают с удм. *узьы-гумы* ‘дягиль лесной; дягиль лекарственный’ и реконструируют общеп. **åʒ′* ‘вид съедобного растения, листья которого употребляют в качестве приправы к щам’, вторичное значение: ‘закваска для кислых щей’ [КЭСК, 30–31; Ракин 1979: 140–141].

В удмуртском языке слово *чырс* повсеместно имеет значение ‘кислый’. В срединных говорах, а также в некоторых говорах южного наречия оно выступает в качестве атрибутивного компонента в названии щавеля кислого: сред. *чырстурын, чырстурым*, южн. *чырскӯар*. В то же время в северной диалектной зоне слово *чырс*, имея также основное значение ‘кислый’, употребляется еще для номинации зонтичных растений – дягиля, борщевика, сныти. Использование слова *чырс* для обозначения вышеупомянутых видов растений в удмуртских диалектах, как нам представляется, могло произойти в результате ареальных связей северных удмуртов с коми-зырянами.

По мнению А. Н. Ракина, название борщевика некогда воспринималось как название растения с кислым вкусом, ср.: кз. *азь-гум* ‘борщевик сибирский’ и *азя* ‘квашеный, кислый, с закваской’ [Ракин [1979: 141]. Отсюда становится понятным образование северноудмуртского фитонима *чырс* ‘дягиль; дудник’ и его производных, которые в некоторых диалектах полностью вытеснили лексему *узьы-гумы* – этимологическое соответствие коми слова *азь-гум*.

3) ӟушкон ‘платок (головной)’ (= ‘полотенце’): нч.: сл. *ӟушкон, ӟуӟкон* ‘платок (головной)’ | *ѐиѐкоп* ‘полотенце, ткань для вытирания’ [Munk., 296]; *чушкон* II ‘полотенце’ [Верещ., Сл., 252]; *ӟуӟкон* сред., *ӟушиськон* юж. ‘тж’ [Борисов 1932: 335]; *ӟушкон* 1. ‘вытирание, обтирание’ 2. ‘полотенце’ [УРС 2008: 753] || кз. *чышъян, тшышъян*

‘платок’ [ССКЗД, 423]; кп. *чышья́н* ‘тж’ [КПРС, 550]; кя. *ч′өшйа́н* ‘тж’ [КЯД, 196].

Представленные выше коми слова являются производными от основы глагола *чышкыны* ‘утереть, вытереть, обтереть’, ‘мести, вымести, подмести’; ср.: *чышкӧд* ‘предмет, служащий для вытирания, обтирания’, *кичышкӧд* ‘полотенце’. Приведенный глагол исследователи ставят в родство с удм. *ӟушыны* ‘утереть, подтереть, стереть’, *ӟушкыны* ‘утереться’ [КЭСК, 314–315]. От последнего слова образовано название полотенца в удмуртском языке *ӟушкон*, диал. *ӟуӵкон*. Как отмечает Л. В. Бусыгина, «Вероятно, у слободских удмуртов значение ‘платок’ лексемы *ӟуӵкон* развито под влиянием соседей – коми, поскольку в коми языке используется слово *чышъян* ‘платок’, производное от слова *чышкыны* ‘утереть, вытереть, обтереть’ <…> Косинские удмурты до настоящего времени голову обвязывают вафельным полотенцем» [Бусыгина 2013: 38–39; 2015: 82].

Мы также считаем, что исследуемое название платка в слободском говоре возникло под влиянием коми языков. Названная типологическая инновация произошла после переселения части слободских удмуртов на р. Косу: косинские удмурты сохранили лексему *кшэт*, являющуюся вариантом слова *кышет*, используемого большинством удмуртов для обозначения головного платка. У слободских удмуртов для дифференциации понятий «платок» и «полотенце» название полотенца стало употребляться с атрибутом *бам* ‘лицо, щека’ – *бам ӟушкон* (*ӟуӵкон*).

* * *

В данном разделе исследованы структурные изоглоссные явления, которые сформировались в результате копирования удмуртскими диалектами внутренней формы коми лексем. Таких изоглоссных явлений всего – 3. С точки зрения типов заимствования, они являются кальками, или гибридными заимствованиями. В наглядном виде изоглоссные явления настоящего раздела представлены в табл. 4.

Таблица 4

Структурные изоглоссы

Языковые единицы	Г	Диалекты и языки							
		нч.	сч.	вч.	бес.	сред.	удм. лит.	кз.	кп.
1) пуж йыр 1. ‘взъерошенная голова’ 2. ‘курчавая голова’ <= коми	**Г**	–	+	+	+	–	–	иж. *пож юра* ‘взъерошенный, лохматый’	*пож юр* ‘неряха (о непричесанном человеке)’
2) чырс 1.‘кислый’ 2. зонтичное растение: а) ‘сныть обыкновенная’ б) ‘дягиль; дудник’ в) ‘борщевик сибирский’ <= коми	**Г**	*чырс* 1.‘кислый’ **2. а) ‘сныть обыкновенная’**	+	*чырс* 1.‘кислый’ **2. а) ‘сныть обыкновенная’**	*чърс* 1. ‘кислый’ **2. б) ‘дудник; дягиль’, в) ‘борщевик сибирский’**	*чырс* 1.‘кислый’, *чырстурын* ‘щавель’	*чырс* 1.‘кислый’ юдз. *чырстурым, чырскўар* ‘щавель’	***азьгум, азь, азягум* ‘борщевик сибирский’,** вв. нв. скр. *азя* ‘кашеный, кислый, с закваской’, вв. нв. скр. *азь* ‘закваска для щей’	сев. ***азьгу́м* ‘борщевик’**
ӧушкон ‘платок (головной)’ (< *ӧушкыны* ‘утереться’) <= коми	**Г**	+ сл.	*ӧушкон* ‘полотенце’ < *ӧушкыны* ‘утереться’	«–»	«–»	«–»	«–»	***чышъян* ‘платок’** < *чышкыны* ‘утереть, вытереть’	***чышья́н* ‘платок’** < *чы́шкыны* ‘вытереть, обтереть’

1.5. Классификация северноудмуртско-коми изоглосс

Анализ и интерпретация изоглосс позволяет построить классификационную схему северноудмуртско-коми параллелей по характеру их возникновения. Кроме того, нами произведена группировка изоглосс с учетом структурных вариантов лексем (лексико-семантических, фонетических, морфологических).

1.5.1. Генетические изоглоссы

а) Собственно лексические изоглоссы:

аскы сев. бес. + (шошм.)[1] ‘завтра’ | кз. *аски, аскы* ‘тж’, кп. *аш-, ас-* < прап.;

варали бес. (сч.) ‘говорун, болтун’ | кз. *варов, варол* ‘разговорчивый, говорливый’ < прап.;

велись I сдз. 1. ‘только что, лишь сейчас, наконец-то’ 2. ‘снова’ | к. *вӧлись* ‘только, только что, наконец; потом’;

ворӟемен, *борӟемен* сев. + завят. ‘верхом на лошади’ | к. *верӟьӧмӧн* ‘тж’ < прап.;

вый, *выйтурын* нч.: сл., вч.: кез. + срз. (Кульма) ‘кипрей, иван-чай’ | к. *вӧй, вӧйтурун* ‘тж’ ? < фп.;

гурдо сч. вч. ‘вид утки; кряква’ | к. *горда* < фу.;

гы вч.: кез. ‘волна’, *гыаны* сдз. ‘волноваться’ | к. *гы* ‘волна’, *гыны, гыасьны* ‘волноваться’ < фп.;

жуг нч.: кос., сч. ‘ботва (картофеля); гороховая солома’ | к. *жуг* ‘мякина, охвостье’ < прап.;

зон I сдз. 1. ‘прошлогодняя нескошенная трава’ 2. ‘луг, образовавшийся на гари’ | кз. *ӧзын, ызӧн* ‘прошлогодняя нескошенная трава’ < прап. ? < фу.;

ӟератыны сев. бес. ‘мучить, причинять муки (страдания)’ | кз. *дзерӧдны*, кп. *дзӧрӧтны* ‘дразнить, обижать; доводить до слез’ < прап. < булг.;

---

[1] В скобках указаны диалекты, по которым использованы данные из письменных источников XIX – начала XX в.; после знака + указаны сокращенные названия диалектов, представляющих островные ареалы.

ӟолё сч. бес. ‘мелкий, узкий (о глазах)’, ? сред. (Пазял) *ӟоля: ӟоля бака* ‘лягушка’ | к. *дзоля, дзӧля* ‘маленький’ < прап.;

ӟурккы вч. + бавл. ‘уставиться, пристально (смотреть)’ | кз. *дзоргыны, дзургыны* ‘смотреть в одно место, смотреть, не мигая, уставиться’ ? < фп.;

ӟыро сч. ‘мелкая дресва, смешанная с пеплом (в печи)’ | кз. *дзиридз* ‘тж’ < прап. ? **ʒ̑ir-a*;

кертым (сч.) ‘оброк’, ‘аренда’ | к. *кӧртым* ‘аренда’ < прап.;

кыз нч. сч. бес. ‘толстый’ | к. *кыз* ‘тж’ < фу. ||| ? < к.;

кылбур сев. бес. + шошм. ‘речь, дар речи’ | к. *кыввор* ‘тж’ < прап.;

кылььык бес. ‘мошонка, яичко, яички (половая железа у мальчиков)’ | к. *кольк* ‘яйцо’ < фп.;

кыр (сч.) ‘самец (животных)’: *кыр коӵыш* ‘кот’ | к. *кыр* ‘тж’, *кыр кань* ‘кот’ < ур.;

мӧлэд сев. бес. ‘тошнота, рвота (от некачественной или необычной пищи); пищевое отравление’ | кз. *мылӧд* ‘спазмы в желудке’ < прап.;

муль сч. бес.: *ыр-муль серекъяны* ‘мило улыбаться’ | к. *моль: шильмоль серамыс петӧ* ‘добродушно улыбается’, *усыс мольӧ* ‘сияет’ < прап.;

нӧрды: *нӧрдыву* нч. сч. бес. ‘сыворотка (молочная); пахта’ | кп. *нӧрзьыны* ‘свертываться (о молоке)’, кз. *нырзьыны* ‘закисать; превращаться в простоквашу (о молоке)’ ? < фп.;

нурт (сч.) ‘сани; салазки (для переноски меда)’ | к. *норт* ‘нарты’ < фп.;

озон (сч. вч. + гр.) ‘пристань, причал’, *выжанни озон* ‘паром’ | к. *ӧзын* ‘пристань, причал (для лодок)’ < прап.;

пулыны нч. (сч. бес.) + (шошм.) ‘(очень) бояться; испугаться’ | к. *повны, полны* < ур.;

пызьыны, *пӧзьыны* сев. срв. ‘онеметь (о конечностях в неудобном положении)’ | к. *позявны, позялны* ‘тж’ < фу.;

сук: *сук-гурдо* (сч.) ‘широконоска (вид утки)’ | кз. *зук* ‘тж’ < прап.;

тыртэм, *тырттэм* сдз. ‘пустой, порожний’ | кз. *тыртӧм*, кп. *тырттӧм* ‘тж’ < прап.;

чульчо (сч.) ‘песочник (вид кулика)’ | к. *тёвтя, чолча* ‘вид кулика’ < прап. ? < фу.;

ӵӧжмыны (сч.: бал.) ‘копиться, накопиться’ | кз. *чӧжсьыны*, *тшӧжсьыны* ‘тж’ < прап.;

шӧ сев. бес. ‘звук, голос, звуковой сигнал; оклик’ | к. *шы* ‘звук, голос’ < прап.;

ю, *ю-шур* (сч.) (в топон.: вч. + сред.) ‘река, речка’ | к. *ю* ‘река, речка’ < прап. < ур.;

юг нч. сч. (сред.) ‘объедки, остатки грубого сена, соломы (которые скот не поедает)’ | к. *ёг* ‘сор, мусор’ < прап.

б) Семантические изоглоссы:

велись II нч. сч. бес. ‘только что, лишь сейчас, наконец-то’ | к. *вӧлись* ‘только, только что, наконец; потом’ || др. удм. диал. *велись* ‘снова’ < прап. ‘только что, только лишь, по происшествии определенного времени’;

грезь сч. **1. ‘большой, необъятный’** 2. ‘сырой, недовареный’ | к. *гырысь, гырись* ‘крупный, большой; взрослый’ || др. удм. диал. *гырезь* ‘сырой, недоваренный; неспелый’ < прап. ‘сырой, увесистый; крупный’ ? < фп.;

зон сев. бес. ‘прошлогодняя нескошенная трава’ | кз. *ӧзын, ызӧн* ‘тж’ || др. удм. диал. *зон* ‘луг, образовавшийся на гари’ < прап. ‘прошлогодняя нескошенная трава’ ? < фу.;

куыны сев. бес. 1. ‘ткать’ **2. ‘плести (напр. лапти)’** | к. *кыны, кыйны* 1. ‘ткать’ 2. ‘вязать’ 3. ‘плести, заплетать’ 4. ‘плести (напр. лапти) ’ || др. удм. диал. *куыны* ‘ткать’ < прап. ‘ткать; плести (напр. лапти); вязать’ < фп. ‘тж’;

пу нч.: сл., сч.: яр., срз.: сп. 1. ‘дрова’ 2. ‘дерево (материал), древесина’ **3. ‘дерево (растение)’** | к. *пу* ’1. ‘дерево (растение) 2. ‘древесина’ || др. удм. диал. *пу* 1. ‘дрова’ 2. ‘древесина’ < прап. ‘1. дерево (растение)’ 2. ‘древесина’ < ур. ‘дерево’

силь нч. ‘шея’ | кз. *сьылі* ‘тж’, кя. *с'э́ли* ‘тж’ || др. удм. диал. *силь* ‘холка’ < прап. ‘шея; ? тыльная часть шеи’ < фу. ‘шея’;

тышкаськыны сч.: яр. гл. юк., вч.: зур. **‘драться, биться’**; вч.: кез., бес. 1. ‘ругаться’ 2. **‘драться’** | к. *тышкасьны* ‘драться, биться’ || др. удм. диал. *тышкаськыны* ‘ругаться, браниться; ссориться’ < прап. ‘драться, биться’ (ср. удм. *тышканы* ‘колотить, бить’);

юн нч. сч. вч.: кез., бес. **1. ‘очень, сильно’** 2. ‘крепкий, прочный; крепко, сильно, прочно’ | к. *ёна* 1. ‘сильно, крепко’ 2. ‘очень’ || др. удм. диал. ‘сильно, крепко’ < прап. ‘крепкий, сильный; крепко, сильно; очень’ ? < фп.

в) Изоглоссы фонетических и морфологических вариантов лексем:

дасьтыны нч. сч. бес. сред: мал. ‘готовить, приготовить’ | кз. *дасьтыны* ‘готовить, приготовить; припасти’, кя. *дáс'тинө* ‘запасать, запасти; копить’ < прап. **daśt-* || др. удм. диал. + сев. *дасяны* < прап. **daś*;

лазъяны сч. вч. бес. ‘накинуть, набросить (напр. плащ, пальто)’ | кз. *лаз, лоз* ‘лузан, накидка с отверстием для головы, надеваемая охотниками сверх одежды для защиты от холода, мокроты’ < прап. *лаз(-)* || удм. сред. *лазьяны* ‘натянуть (на себя)’ < *лазь(-)*;

номыр нч. сч. бес. + завят. ‘червь, червяк, гусеница’ | к. *номыр* || др. удм. диал. *нымыр, нумыр* < прап. **nǫmir* ? < ур.;

сылыны нч. сч. бес. + шошм. круф. ‘развариться (напр. об овощах)’ | кз. *сывны, сылны* ‘таять, оттаять; растворяться’; кп. *сывны* ‘таять, растаять’ || др. удм. диал. *сыл**м**ыны* ‘растворяться, растворяться; развариться, развариваться’ прап. **sȕl-* ‘таять’ < фу. **sula* ‘расплавленный, растаявший; плавиться, таять’;

тол-ызь, *тол-ӥзь* сев. срв. ‘месяц; луна’ | к. *тӧл-ысь, тӧл-ісь* ‘тж’ || др. удм. диал. *тол-эзь* < прап.**tȍl-ič́* ‘тж’ < фп.;

шор-аны сев. бес. ‘резать, нарезать (напр. хлеб)’ | к. *шӧр-авны, шӧр-алны* ‘тж’ || др. удм. диал. *шор-**м**-аны*, сред.: зятц. *шор**й**аны* < прап. **šȍr-al-* < ур.

Приведенные изоглоссы корнями восходят к общепермскому и более древним праязыковым системам – финно-пермскому, финно-угорскому и др. Отсутствие их в южной диалектной зоне (или в большей ее части) объясняется утратой или инновационной заменой другими лексемами или новыми вариантами той же самой лексемы. В случае с семантическими изоглоссами аналогичным образом происходило изменение отдельных значений слова. Названные процессы утраты и инновации в основном имели место в период обособленного развития двух ветвей пермских языков. Говоря иными словами, приведенные выше северноудмуртские лексемы, лексико-семантические, фонетические и морфологические варианты лексем являются архаизмами.

1.5.2. Ареальные изоглоссы

а) Собственно лексические ареальные изоглоссы:

бред, *йö бᵘред* сч.: гл., бес. ‘наледь, заплыв воды на льду (на реке)’ < кз. *бырöд, быред* ‘тж’;

горъяны нч.: сл. ‘петь (о петухе)’ < к.: кз. *горавны* ‘звучать, гулко раздаваться звуку’, *горзыны* ‘кричать, орать’, *петук горзö* ‘петух поет’; кп. *горáвны* ‘звучать; звенеть; петь, щебетать (о птицах)’ || др. удм. диал. *чоръяны* ‘петь (о петухе)’;

ӟиз: ӟиз мыныны, *ӟиздыны* сев. бес. ‘бежать, задрав хвост, от оводов (о коровах, телятах)’ < к.: кз. *дзизъявны, дзизъялны* ‘бегать, резвиться (о животных); лететь с жужжанием’, скр. *дзизмыны* ‘забегать, подняв хвост, от жужжания слепней (о животных)’, кп. *дзизйöтны* ‘гонять коров, крича «дзиз»’;

кыс: синкыс нч.: сл., (глаз.) ‘брови’ < к.: кз. *кыс* ‘шкура с ноги животного (лося, лошади, оленя); кп. сев. *кыс* ‘шкура с ноги животного’ || др. удм. диал. *каӵ ~ каш: синкаӵ ~ синкаш* ‘брови’;

маля нч.: сл. ‘плод’, *легезьпу маля* ‘плод шиповника’ < к.: кя. *мáл'а: рөжмáл'а, өжмáл'а* ‘жимолость’; кз. скр. *малег* ‘плоды шиповника’ || др. удм. диал. *мульы* ‘плод (с плотной оболочкой)’, *легезьпу мульы* ‘плод(ы) шиповника’ | др. к. диал. *моль* ‘пуговка, косточка, бусинка’ < фу.;

мизьганы сч.: гл. (Дон.) ‘избить, набить морду’ < кз.: вс. *мизьгöптыны*, уд. (Ваш.) *мизьгыны, мизьнитны* (др. кз. диал. *дізьгыны, дізьвартны, дызьгыны, дузьгыны, дузьнитны*) ‘ухнуть, хлопнуть, бухнуть (из ружья); ухнуть, сильно ударить’;

мыркпум сч.: яр. гл. ‘морошка’ < к.: кз. *мырпом*, кз. кп. *мырпон* ‘тж’;

мычы сч.: гл. (Пом.) ‘краса, красота’: *мычы кадь чебер* ‘красив(а) как [сама] красота’ < кп. *мич* ‘ведро; солнечная (ясная) погода; краса, красота; краска’; кз. *мич*, вс. л. *мича* ‘краса, красота’, кз. *мича*, уд. *мыча, мычча* ‘красивый, хороший, прекрасный, пригожий’;

пудмыны нч. сч. ‘уплотняться, уплотниться (от частой ходьбы или полива – о земле)’ < кп. *пýдмыны* ‘уплотняться, уплотниться, утрамбоваться, высохнуть; кз. *подмыны* ‘затвердеть, уплотниться, утоптаться (частой ходьбой, о земле)’; вс. *пôдмыны* ‘сваляться, ссесться’;

сили, *силипи* сдз. ‘цыпленок’, *сили-сили* – возглас для подзыва

цыплят < к. *сили, силипи, сильöпи* ‘цыпленок’, *силь(ö)-силь(ö)* – возглас для подзыва цыплят; кп. *си́ли* ‘гусенок’; кя. *с'и́л'өчк'и* ‘цыплята’;

сус: сускульы нч.: кос. (Сибирь) ‘шишка (напр. ели)’ < к.: кз. *сус коль* ‘кедровая шишка’, *сус: сус пу* ‘сибирский кедр’; кп. *суспу* ‘кедр’;

таллян: пыд таллян бес. ‘педаль (ткацкого станка)’ < кз. *таллян, талян* ‘подножка (в ткацком стане)’; *талявны, талялны* ‘топтать, растоптать, утоптать’; кп. *та́льны* ‘топтать; наступать’ < приб.-ф.;

тöл ныр нч. сч. вч.: кез., бес. ‘порыв ветра, вихрь’, *тöл ныр йыл* ‘наветренная сторона’ < к.: кз. *тöв ныр, тöл ныр* ‘буря, вихрь, порыв ветра’; кп. *тöв ныр* ‘сильный порыв ветра; вихрь’; кя. *тӱ˙лнөр* ‘вихрь’;

чир сч. вч.: кез. ‘мелкая частица, крупинка; соринка’ < к.: кз. *чир* ‘мельчайшая частица, кринка, зернышко чего-л.’; кп. *чир* ‘мельчайшая частица чего-л., крупица, крупинка’; кя. *ч'өр* ‘труха’ | удм. *чыры-: чыры-пыры* ‘мелочь’ < фп.;

шияны нч.: сл. ‘скандалить, буянить’ < к.: кз. уд. *шыавны* ‘издавать какие-л. звуки, звучать; голосить, кричать, орать’, лл. *шыалны* ‘говорить’; кп. *шыасьны* ‘подать голос, отозваться, откликнуться’; ср. также: кз. кп. *шы* ‘звук; голос; отклик; тон’;

эш: эш пöзь сч.: яр. (Боз.) ‘верхонки (рукавицы из холста, надеваемые поверх шерстяных варежек)’ < кз. *эш* ‘рукавица, варежка’, *эж* ‘поверхность, покров’.

Гибридные собственно лексические заимствования:

мырдъяны сч. ‘упорно предлагать выпить, заставлять выпить (спиртное) <= к.: кз. *мырдъявны* ‘отнимать; отбирать’; кп. *мырддявны*, сев. *мырддялны* ‘[неоднократно] отбирать, отнимать’ < *‘применить, применять силу’ || ср. пю.: шошм. *мырд карыны* ‘упорно предлагать выпить, заставить, заставлять выпить (спиртное)’;

омбро ‘болиголов’ < удм. **онгро(гумы)* ‘болиголов’ + к.: кз. *омра*, кз.: вс. лл., кп. *умра* ‘дудник; дягиль’ || др. удм. диал. *йыр висён гумы, йыр висён турын, гоно чысны* и др. ‘болиголов’;

синву сдз. ‘слеза, слёзы’ < удм. *синкыли* + к. *синва* ‘тж’.

Заимствование из северноудмуртских диалектов в коми языки:

чим: *чи˙м-вож, чы˙м-вож* сч. вч.: кез., бес. ‘совершенно зеленый, интенсивно-зеленый’ | кз. *чим*, вым. *чин*, иж. *чинь* ‘совсем, совершенно’, *чим гöрд* ‘совершенно красный, ярко-красный’, *чим сьöд* ‘совершенно

черный’; кп. *чим* ‘совсем, совершенно, очень’, *чим сьöд* ‘очень черный, иссиня-черный’, *дзим: дзим гöрд* ‘красный-красный’; кя. *ч'им: ч'им с'ӱд* ‘совершенно черный’ < удм. < чув. *чин, чăн* ‘самый, очень, весьма’ < кит. *t's'ɒn* / *ćin* ‘прямой; правильный; подходящий’.

б) Семантические ареальные изоглоссы:

бöрысь нч. 1. (нареч.) ‘потом, после; впоследствии’ **2. (посл.) ‘за, позади, вслед за’** < к.: кз. *бöрысь* ‘из-за кого-чего-л., за кем-чем-л.’; кп. зд. *бöрысь* в знач. посл. *сьöрын* ‘с’ || др. удм. диал.: сдз. *бöрысь* (нареч.) ‘потом, после; впоследствии’, юдз. *бöрысь ~ бöрись* ‘свадьба в доме жениха’;

бур нч. 1. ‘правый’ 2. **‘хороший; хорошо’** < к. *бур* ‘добрый, хороший; добро, доброта; хорошо’ || др. удм. диал. *бур* ‘правый’;

быз, *бызонь* сев. бес. ‘выставленный, выпирающий (зад)’ <= кп. *быз-быз мыччисьны* ‘появиться неожиданно’, кз. *бызыльтны, бызгыльтны* ‘выпучивать, выпучить; выпирать, выпереть’ || др. удм. диал.: сриж. *кöй быз* ‘толстяк’, *бы·з-быз с'ис'кыны* ‘плотно поесть, наесться досыта’, южн. *быздыны* ‘порваться по шву’;

ву нч.: сл. ‘1. вода’ **2. ‘река’** < к. *ва* 1. ‘вода’ 2. ‘река’ < прап. ‘тж’ < ур. || др. удм. диал. *ву* ‘вода’;

гуп: юбер гуп сч.: гл. ‘скворечник (скворец + дупло)’ < кз. *гупльöс* ‘глубокий, с крутыми краями (о лодке, чашке)’, уд. *гуплю* ‘крутая яма; ямка’; *дупля* (< *гуп-ыль-а*) ‘дуплистый, с дуплом; полый, внутри пустой’ || др. удм. диал. *гуп* – (изобр.) выражает гул при ударе по пустому телу или предмету;

кузьым нч. **1. ‘приданое’ 2. ‘свадебный подарок’**, сч. 1. ‘свадебный подарок’ 2. ‘подарок’ (вообще)’< кп. *кóзин* 1. ‘приданое’ 2. ‘подарок’ (чаще свадебный)’; кз. *козин, козьын*, ‘дар, подарок невесты во время свадьбы’ || др. удм. диал. *кузьым* ‘подарок, дар; гостинец’;

лек сч. бес. **1. ‘сильный, крепкий, интенсивный’ 2. ‘проворный, быстрый’ 3. ‘очень, сильно’** 4. ‘злой, сердитый’, нч. **1. ‘очень, сильно’** 2. ‘злой’, вч.: кез. 1. ‘злой’ **2. ‘очень, сильно’** < к.: кз. *лек* ‘сила’, *лека* ‘сильный, крепкий’, лл. *лёк* ‘здоровый, крепкий, проворный’; *лёк* ‘сердитый, злой; плохой’; кя. *л'óка* ‘очень, весьма’ || др. удм. диал. *лек* ‘злой, сердитый’;

лыдъяны (*лыд'д'аны*) нч.: сл. **1. ‘читать’** 2. ‘считать’ < к.: кз. *лыдьдьыны, лыдьйыны* ‘читать, прочитать; считать, сосчитать’; кп.

лы́дьдьыны 1. ‘читать, прочитать’ 2. ‘считать, сосчитать’; кя. *лөд′д′инө·* ‘считать’, *лөд′д′ө·тнө* ‘читать’ || др. удм. диал. *лыдъяны* ‘считать’.

в) Ареальные изоглоссы фонетических и морфологических вариантов лексем:

важ нч.: сл. ‘старый, устаревший’ < к. *важ* ‘старый, старинный, древний’ || удм. + нч.: сл. *вуж* ‘тж’ < фп.;

кад (глаз.) ‘грязное кочковатое место’ < кз. *кад* ‘заболоченное озеро, болотистый берег (озера); трясина, топь’ || удм. *куд* ‘болото’, сч. *куд* 1. ‘заболоченный лес’ 2. ‘болото’ ||| глаз. *кад* ? < бес. *къд* ‘низинное, влажное место, с кустарником и лиственными деревьями’;

лёк, *лёкос* нч. ‘очень, слишком’ < к.: кз. *лёк* ‘здоровый, крепкий, проворный’, ‘сердитый, злой; зло, злоба, злость’; кп. *лёк* ‘злой, злобный; сердитый’; кя. *л′о́ка* ‘очень, весьма’ || др. удм. диал. *лек* ‘злой, сердитый, гневный’.

Гибридные заимствования фонетических и морфологических вариантов лексем:

вим сдз. ‘мозг’ <= к.: кп. *вем, вим*, кз. *вем* ‘тж’ || удм. юдз. *вийым* < прап. **vẹjзт* < фу. **wiδз(-тз)*;

вур: вуре вайыны нч. сч.: яр. гл. юк., бес. ‘упоминать, упомянуть в разговоре (кого-л.)’ <= кз. *вор, кыв-вор* ‘дар речи’, *ворö вайлыны* ‘упомянуть, говорить (о ком-л.)’ || др. удм. диал. + сч. *бур: буре вайыны* ‘вспоминать добрым словом, помянуть’, *бураны: кыланы-бураны* ‘причитать; говорить красноречиво’ < прап. **vọr* ‘речь; слово’;

гер-ед нч.: кос., сч.: гл. юк. бал., вч.: кез., бес.: юн. ‘узел’ <= к. *гöрöд* ‘тж’ || др. удм. диал. *герд* < прап. **gεrd* < иран.;

ӝыт-ыл-быт нч. сч. ‘весь вечер, в течение всего вечера’ <= к. *рыт-ыл-быд, рыт-ыв-быд, рыт-ыв-быт* ‘тж’ || др. удм. диал. + нч. сч. *ӝыт-быт* < прап. **rùt bùd*;

искылляны нч.: сл., бес. ‘кататься (на лыжах, санках, коньках)’ <= к.: кз. *иславны, ыславны*, кп. *ысла́сьны*, сев. *исла́сьны* ‘тж’ || др. удм. диал. *ныскылляны, нискыланы, мискылляны, мискыляны* ? < прап.;

комбыльскыны сч.: гл. бал., вч.: кез., бес. ‘кувыркнуться; скатиться кубарем; опрокинуться’, *комбыльтыны* ‘опрокинуть, перевернуть’ < удм.: нч. сч. *конгыльскыны, конгыльтыны* + кз. *гомбыльччыны* ‘со-

гнуться, скрючиться’, *комбыльтны* ‘выгнуть (напр. шею)’ < приб.-ф. || др. удм. диал. *бекмыльскыны* ‘кувыркнуться; скатиться кубарем; опрокинуться’, *бекмыльтыны* ‘опрокинуть, перевернуть’;

кудйз-тор нч.: сл. (Сизёво) ‘некоторые’ <= кз., ср.: кз. *чöскыд-тор* ‘нечто вкусное’, *бур-тор* ‘нечто хорошее, доброе’, *небыд-тор* ‘нечто мягкое’;

кылвур: нч.: сл., сч.: яр. юк. ‘речь, дар речи’ <= кз. *кыв-вор, вор* ‘тж’ || нч.: кос., сч.: гл. юк. бал. *кылбур* ‘тж’, др. удм. диал. *кыланы-бураны* ‘причитать; говорить красноречиво’;

лыддьыны бес. 1. ‘читать’ 2. ‘считать’ <= к.: кз. *лыдьдьыны, лыдьйыны*, кп. *лы́дьдьыны* 1. ‘читать, прочитать’ 2. ‘считать, сосчитать’; кя. *лəд′д′инə·* ‘считать’, *лəд′д′ə·тнə* ‘читать’ || др. удм. диал. 1. ‘читать, прочитать’ 2. ‘считать, сосчитать’;

садь нч. сч. бес. ‘трезвый, не пьяный; бодрствующий’ <= к.: кз. *садь, сайд* ‘сознание; память; трезвый; сила, энергия’; кп. *садь* ‘сила, силы; энергия; сознание; трезвый, не пьяный’ || др. удм. диал. *сазь, саӟ* < прап. **saʒ′*;

тöлызь нч. сч.: яр. ‘месяц; луна’ <= к.: кз. *тöлысь*, вв. уд. *тöлісь*, кп. *тöлісь*, кя. *тə̊́лис′* ‘тж’ || др. удм. диал. *толэзь, толэӟ, толызь, толйзь*;

ченари сев., *ченали* нч.: сл., бес.: юн. *ӟенары* ‘паук’ <= к.: кз. *черань*, кп. *чера́нь*, кя. *ч′э́ран′* ‘тж’ || др. удм. диал. *чонари* < прап. **č̌ȯnar ~ *č̌ȯran ~ ? č̌ȯńar* (по Е. С. Гуляеву: **č′ẹ̊ran* или **č′ẹ̊nar* [КЭСК 303]).

г) Структурные изоглоссы:

пуж йыр сч. вч. бес. 1. эпитет для человека с взъерошенными, непричесанными волосами 2. эпитет для человека с кудрявыми волосами (= ‘решето + голова’) <= кп. *пож юр* пренебр. ‘неряха (о непричесанном человеке)’; кз. иж. *пож юра* ‘взъерошенный, лохматый’;

чырс сев. ‘зонтичное растение, употребляемое в пищу: дягиль; дудник; сныть; борщевик сибирский’ (= ‘кислый; кислятина’) <= к.: кз. *азьгум*, *азь*, вс. *азьпöк*, вв. *азягум, гöна азьгум* ‘борщевик сибирский’; *азя* ‘квашеный, кислый, с закваской’; *азь* ‘закваска для щей (приготовленная из заквашенных листьев капусты, из ячневой мякины); кп. сев. *азьгу́м* ‘борщевик’;

ӈушкон нч.: сл. ‘платок (головной)’ (= ‘полотенце’) <= к.: кз. *чышъян, тшышъян*, кп. *чышья́н*, кя. *ч'өшйа́н* ‘тж’ < к. *чышкыны* ‘утереть, вытереть, обтереть’.

Ареальные изоглоссы возникли после распада общепермской общности (приблизительно X–XI вв.) в результате контактов северных удмуртов с коми населением. Отграничение коми заимствований удмуртского языка от языковых явлений, возникших в прапермское время и ранее, наталкивается на серьезные трудности, поскольку фонетический облик коми заимствований раннего этапа коми-удмуртских связей ничем не отличается от лексем, возникших в предыдущие эпохи. К примеру, такие слова, как удм. сев. *вим* (кз. *вем*, кп. *вем, вим* ‘мозг’ // юж. *вийым*), *пудмыны* (кз. *подмыны*, но: кп. *пу́дмыны*) ‘уплотняться, уплотниться (от частой ходьбы или полива – о земле)’, – учитывая лишь удмуртско-коми соответствия гласных, вполне можно было бы отнести к инновациям позднего прапермского периода. Узкое территориальное употребление в удмуртском языке нам позволяет их рассматривать как коми заимствования.

Среди ареальных изоглосс мы отдельно выделили группы лексем, образовавшихся в процессе собственно интерференции – наложения материала одной языковой системы на другую, в результате чего возникли гибридные лексические единицы, а также структурные заимствования (кальки). Наличие подобных лексем в северной диалектной зоне удмуртского языка является свидетельством особых отношений северных удмуртов с носителями коми языков (см. об этом подробнее в конце главы 2).

Одно изоглоссное явление – *чим* (*чи·м-вож*) ‘совершенно зеленый, интенсивно-зеленый’ исследуемого ареала, как выяснилось в ходе исследования, сформировалось не за счет заимствования из коми диалектов, а в процессе иррадиации лексемы из северноудмуртской языковой области на территорию проживания коми населения. Тем не менее данную единицу мы оставили в настоящем списке, поскольку она имеет ограниченный ареал в удмуртском языке. Само же явление показательно в методологическом отношении: наличие большего территориального распространения в современных языках не обязательно автоматически предопределяет направление влияния в сторону меньшего ареала.

Подводя итоги данной главы, приведем результаты статистического подсчета северноудмуртско-коми параллелей (табл. 5):

Таблица 5

Статистические данные по северноудмуртско-коми изоглоссам

	Изоглоссные явления	Количество	Доля в %
1.	**Генетические изоглоссы (архаизмы)**	**46**	**50 %**
а)	Собственно лексические	32	69,6 %
б)	Семантические	8	17,4 %
в)	Изоглоссы вариантов лексем	6	13 %
2.	**Ареальные изоглоссы (заимствования)**	**46**	**50 %**
а)	Собственно лексические – Гибридные заимствования – Заимствование в коми языки	20 3 1	43,5 %
б)	Семантические	8	17, 4 %
в)	Изоглоссы вариантов лексем – Гибридные заимствования	15 12	32,6 %
г)	Структурные изоглоссы	3	6,5 %
Всего		**92**	**100 %**

Приведенные данные относятся к северноудмуртско-коми изоглоссам, которые охватывают большинство коми диалектов (по крайней мере, большинство коми-зырянских). Исследованию изоглосс, распространенных, помимо северного наречия удмуртского языка, только в южных коми диалектах (южной группе коми-зырянских диалектов, коми-пермяцком языке, включая коми-язьвинское наречие) посвящена следующая глава настоящей работы.

Глава 2

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Под термином *контактная зона пермских языков* мы понимаем ареал, охватывающий южные коми-зырянские диалекты (лузско-летский, верхнесысольский, среднесысольский), коми-пермяцкий язык, коми-язьвинское наречие, а также северное и бесермянское наречия удмуртского языка (см. Карта 4). Данный термин в известной мере является условным. Очерченный ареал следует рассматривать не столько как территорию, где осуществлялись связи между представителями пермских языков, а в первую очередь как зону распространения диалектов, в которых ощущается определенный след этих связей. В этом отношении к контактной зоне можно причислить также северную группу срединных говоров, прежде всего – средневосточные говоры.

Настоящая глава посвящена описанию и анализу языковых явлений на лексическом уровне, встречающихся в говорах северной диалектной зоны удмуртского языка и имеющих параллели хотя бы в одном из южных коми диалектов.

2.1. Собственно лексические изоглоссы контактной зоны

1) азь: азьдор: удм. сев. *азьдор* ‘безлесистая местность, нелесистая’. *Со азьдоре но нылэз уд сёт, пузы но ӧвӧл ни.* ‘Туда, в нелесистую местность, не выдашь девицу, и дров-то у них нет’ [Бор., 8]. Удмуртской лексеме в коми языке имеются следующие соответствия: лл. сс. вв. *адз* ‘пойма’ (лл. сс.), ‘прорубь’ (вв. – Дон, Мыелд.) [ССКЗД, 9]; лл. *адз*

‘долина’, л. *адз му* ‘глинистая, наносная земля’ [Лыткин 1972: 110]; L *adź* ‘луг’ [Wied., 1]; L *ad'ź* ‘хороший, сухой луг’ [SW, 2].

В КЭСК для названных пермских слов реконструируется общепермская праформа **aʒ'* ‘безлесная местность; луг’ и приводятся соответствия из эстонского и венгерского языков [КЭСК, 30]. Составители «Уральского этимологического словаря» коми слово *aʒ́* ‘пойма; прорубь; хороший, сухой луг’ относят к лексике финно-пермского или (?) финно-угорского происхождения; удмуртское *aź-* считают сопоставимым с соответствиями из коми и других языков в том случае, если слово *aź-dor* означало раньше не ‘переднее место’, а ‘луговой край, степь’ [UEW, 3].

Итак, слово *азь- ~ адз* распространено в южной группе коми-зырянских диалектов и зафиксировано в северном наречии удмуртского языка. Очерченный ареал изоглоссы является зоной консервации (архаичным ареалом).

2) быччы учкыны: нч.: сл. *быч учкыны*, бес. *бъч учкънъ*, сч.: гл. юк. *бъччъ учкънъ*, сч.: яр. гл. бал., вч. *быччы учкыны* ‘пристально смотреть (с недоверием, искоса)’ | нч. *быч учкыны* ‘тайком взглянуть’ [Тепляшина 1970а: 191]; сч. *бъччъ учкънъ, быччы учкыны, бы̆ччы̆ учкы̆ны̆* ‘пристально смотреть; смотреть, не отводя глаз (взгляда)’ [Карпова 2013: 96] || кз. вс. *будзгыльӧн*, вв. *будзгилен* ‘косо, недоверчиво, недружелюбно (о выражении глаз)’ [ССКЗД, 28]; кп. сев. *будзгыл'ас'ны* ‘смотреть угрюмо, нахмуриться’, ‘смотреть со злостью’ [Федосеева 2015: 127]; кп. *будзгылясьны* ‘смотреть зло’ [КПД, 211]. Р. М. Баталова приведенный коми-пермяцкий пример относит к словам, специфичным для северного наречия коми-пермяцкого языка.

Изоглосса *быччы ~ будз-* встречается в компактном ареале, охватывающем северную диалектную зону удмуртского языка, северное наречие коми-пермяцкого, южную группу коми-зырянских диалектов, а также некоторые другие зырянские говоры, непосредственно примыкающие к очерченному ареалу с севера. Данный ареал нужно отнести к новообразованиям с центром в области распространения коми диалектов. В коми-зырянсском языке слова с рассматриваемыми основами, по всей видимости, имели ранее более широкое употребление, но затем были вытеснены конкурирующими формами, такими как *бугзыльӧн, буткильӧн, букчыльӧн, кырышӧн* и др. [ССКЗД, 28].

В удмуртском языке широко распространены слова с корнем *быч-*, например *бычыраны* ‘прорастать, прорасти, пробиваться (о ростках, листьях)’ (см. [УРС 1983: 65]). Указанный корень, возможно, имеет общее происхождение с исследуемым словом *быч(чы)*, которое как особая лексико-семантическая единица, скорее всего, оформилась под влиянием коми диалектов.

3) гойыны ~ гойӧдны: сч.: гл. юк. *гойъны*, сч.: яр. гл. бал., вч.: кез. *гойыны* ‘громко (безудержно) смеяться’ | *гойон* I ‘нескромный смех’ [ВерещСл., 74]; сев. *гойыны* ‘смеяться нескромно’ [Бор., 76]; вч. (Стар. Сири) *гойон* ‘хохот’ [Кельмаков 1981: 87]; юж.: кркм. *гойъны* ‘смеяться, хохотать’ [Кельмаков 1977: 53]; ? пю.: кукм. *gol'ə̑nə̑* ‘тж’ [Кельмаков 2004: 96] || кз. вс. *гойӧдны* ‘дразнить’, *гой-гой* вс. (Кг.) междометие, употребляющееся при поддразнивании [ВСД, 167].

Т. И. Тепляшина коми глагол *гойӧдны* сравнивала с удм. *гойыны* ‘дразнить, надсмехаться’ [Тепляшина 1979: 122]. Основной ареал исследуемой изоглоссы охватывает северное наречие и один из самых южных коми-зырянских диалектов – верхнесысольский, в котором рассматриваемый глагол, скорее всего, образовался под влиянием удмуртских диалектов; ономатопоэтическое слово *гой-гой* имеет вторичное происхождение от основы соответствующего глагола. В северном наречии исследуемое слово является архаизмом, на что, в частности, указывает фиксация его в одном из южных говоров – кырыкмасских. Возможно, к данной же группе относится кукморское слово *gol'ə̑nə̑*, которое В. К. Кельмаков сопоставляет с к. *гильӧдны* ‘щекотать’, диал. *гильзьыны, гильскыны* ‘хихикать, смеяться; беситься, шалить <…>’. В то же время исследуемая изоглосса вряд ли может претендовать на прапермскую древность, поскольку в словах, относящихся к прапермскому периоду, коми гласному *о* первого слога в удмуртском языке аналогичный гласный – *о* может соответствовать лишь в исключительных случаях.

4) дунны улыны: сч.: гл. (Дон.) *дуннъ*: *дуннъ улънъ* ‘сидеть неподвижно, с безучастным видом, находиться в состоянии апатии’ | сч. (Дон.) *дуннъ* (изобр.): *дуннъ улънъ* ‘находиться в состоянии апатии’ [Карпова 2013: 171] || лл. *дунвидзны* ‘сидеть неподвижно’ [ЛЛД, 150]. Возможно, приведенные слова имеют связь со следующими словами:

кп. *дун: дун видзны* ‘быть хмурым, пасмурным, сумрачным (о небе)’, *дун керсьыны* ‘застыть в спокойствии (о природе)’; *дундӧтны* ‘пучить живот; (Рог.) делать, сделать неподвижным (недвижимым)’ [КПРС, 132]; кя. *дундинө·* ‘вздуться’ [КЯД, 112]; кз. *дун* ‘вздутый (о животе)’, *дундыны* ‘вздуться (о животе)’ [ССКЗД, 116].

Коми слова *дун* и *дундыны* В. И. Лыткин с некоторыми допущениями сравнивает с венгерским *dagad* ‘пухнуть, вздуваться’ [КЭСК, 98]. В UEW коми глаголы с венгерским словом также сопоставляются под вопросом, при этом наряду с *dundi̯-* дается коми-пермяцкая форма *tundi̯-* ‘вздуваться, вспучиваться’ [UEW, 530–531]. Отметим, что рассматриваемые слова имеют изобразительный характер, поэтому последнее сопоставление должно быть принято с известной долей осторожности. В отношении связи значений ‘вздуться, надуться’ с семантикой ‘стать неподвижным (мрачным, апатичным)’ можно привести русское слово *надуться*, которое имеет переносное значение ‘рассердиться, обидеться’, т. е. стать мрачным по отношению к кому-либо; ср. также: удм. сч. *ӟа·н-ӟан с'ис'кънъ* ‘наесться до отвала’ (т. е. ‘надуться, наполниться’) и *ӟа·н-ӟан (ӟо·н-ӟон) кънмънъ* ‘крепко замерзнуть’ (т. е. ‘стать неподвижным’).

Мы склонны считать, что изоглосса *дун(-)*, имеющая узкий ареал в северном наречии удмуртского языка, но достаточно широко распространенная в коми диалектах, возникла в недрах коми-пермяцкого языка. Заметим, что к удмуртской лексеме семантически ближе всего стоит лузско-летская (самый южный зырянский диалект) лексема. Для сравнения: понятие, аналогичное исследуемому, в косинском говоре нижнечепецкого диалекта передается сочетаниями *бон'н'ы пукыны* (*улыны*), *бон'-бон' пукыны* (*улыны*).

5) жагмыны: сч.: гл., бес.: юн. *жагмънъ*, сч.: бал., вч.: кез., сред.: мал. *жагмыны* ‘сильно устать, выбиться из сил, обессилеть’ | сч. *жагмънъ, жагмыны, жагмы̆ны̆* ‘тж’ [Карпова 2013: 176] || кп. *жагмыны* ‘идти (пойти) потише’ [КПРС, 139]; кз. вс. *жагмыны, джагмыны* ‘замедляться, замедлиться’ [ВСД, 170, 175]; кя. *жаг* ‘медленный, медлительный’ [КПРС, 139; КЯД, 113].

Изоглосса *жагмыны* распространена в коми-пермяцких диалектах, в отдельных говорах северной диалектной зоны удмуртского языка и в верхнесысольском диалекте коми-зырянского языка, примыкающем

с северо-запада к коми-пермяцкой языковой области. Исследуемая изоглосса, на наш взгляд, является коми-пермяцкой инновацией, которая распространилась в некоторые соседствующие с коми-пермяцким языком коми-зырянские и удмуртские диалекты.

6) ӟеп ~ дзеп: нч. сч. *ӟэп* ‘карман’ | G *d'źep* ‘тж’ [Wichm., 47]; сев. *ӟеп*, сред. юж. *кисы* ‘тж’ [Борисов 1932: 109]; сч. *ӟэп* ‘тж’ [Карпова 2013: 199]; др. удм. диал.: вч. срв. *корман*, срз. *карман*, юдз. *кисы* ‘тж’ [ДАУЯ 2010: 56, 249] || кз. лет. сс. *дзеп* ‘карман’ [ССКЗД, 130]; вс. *дзэп* (Кб.) ‘тж’ [ВСД, 177]; скр. (Вильгорт, Шошка) *дзэп* ‘тж’ [СкрД, 35]; др. кз. диал.: *зеп*, иж. *кӧрман* ‘тж’ [ССКЗД, 130]; кп. *карма́н*, сев. *зеп* [КПРС, 149]; кя. *кӧрма́н* [КЯД, 132].

Ю. Вихманн исследуемое удмуртское слово считал заимствованием, сравнивая с рус. *зепь, зеп, джеб*, а также с осм. араб. *ǧeb*, указывая наличие подобных слов в коми языке [Wichmann 1987: 47]. В. И. Лыткин полагал, что к. *зеп, дзеп*, удм. *ӟеп* заимствованы из чувашского языка, в котором такое слово в свое время существовало; допускал, что лексемы с начальным *ź* могут иметь русский источник [КЭСК, 105]. И. В. Тараканов удмуртское *ӟеп* относит к булгарским заимствованиям [Тараканов 1993: 61]. Исследуя булгаризмы, проникшие в пермяцкий язык через удмуртский, венгерские ученые К. Редеи и А. Рона-Таш отмечают, что оба варианта названия кармана пермскими языками заимствованы из русского [Rédei – Róna-Tas 1975: 43]. По мнению Р. Ш. Насибуллина, «название *ӟэп* относится к числу ранних булгарских заимствований в пермских языках, <…> Проникнув в зону контактов с булгарами, оно постепенно перемещалось во все говоры удмуртского языка и дошло до южных говоров коми-зырянского языка» [Насибуллин 2010: 249–250].

Северноудмуртское *ӟеп* вместе с коми лексемой *дзеп*, распространенной в южной группе коми-зырянских диалектов (включая южную часть присыктывкарского диалекта), образует единый компактный ареал. Соответствующее слово, но со значением ‘внутренний карман’ зафиксировано также в южной диалектной зоне удмуртского языка: в населенных пунктах Верх. Постол (Завьяловский р-н), Муважи (Алнашский р-н) УР, д. Можга (Янаульский р-н РБ).

Рассматриваемые слова (варианты), скорее всего, имеют русский источник происхождения. В первую очередь это относится к коми *зеп*,

ср. рус. *зеп, зепь* ‘карман’ [СРНГ, 264–265]. В указанном слове, как и в большинстве других русских заимствований, палатализованное *з′* передалось палатальным *з′*, ср.: кз. *зеркалӧ, зеркала* ‘зеркало’, *зять, зимогор, зимӧгор* ‘человек, забросивший хозяйство’ (< рус. *зимогор*) (примеры заимствованы из: [ССКЗД, 130, 135]).

Удмуртская лексема *ӟеп* в целом характерна для нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов северного наречия. Если считать это слово булгаризмом, отсутствие его в южной диалектной зоне вполне можно было бы объяснить заменой лексемой *кисы* в условиях сильного татарского влияния. Но вытеснение слова *ӟеп* в северной группе срединных говоров и в верхнечепецком диалекте северного наречия русским заимствованием (срз. *карман*, срв. вч. *корман*) при сохранении его в северо-западном диалектном ареале выглядит неубедительно, так как последняя группа диалектов в наибольшей степени испытала русское влияние. Можно предположить, что слово *ӟеп* на нижнюю и среднюю Чепцу занесено с нижней Камы (Заказанья) вместе с миграцией чувашского и бесермянского населения, которое в исторических документах XVI–XVII веков в составе Казанского ханства и на нижней Чепце упоминается как «чуваша арская» [Трефилов 1967: 312–314; Тепляшина 1970б: 13–19, 23–25; Гришкина, Владыкин 1982: 24–25; Напольских 1997а: 50–52; 1997б: 53]. Современные ученые названный этноним однозначно соотносят с бесермянами [Там же; Белых 2007: 46–48], хотя первоначально он мог относиться не только к бесермянам, но и к какой-либо группе чувашей [Максимов 2009а: 107–109; 2014а: 172–174; 2014б: 186–187].

Слабым местом представленной гипотезы является недоказуемость былого существования в чувашском языке соответствия удмуртскому *ӟеп*. Источником его следует считать русский язык. Поскольку употребление анлаутного *з′* для удмуртского языка нехарактерно, палатализованный сибилянт заместился аффрикатой, ср.: удм. диал. *ӟина* < рус. *Зина*, сев. *ӟэн′эл′ик* ‘стекло; стеклянный’ < рус. *зеленик*, сч.: гл. *ӟэркал* < рус. *зеркало*. Форма *дзеп* в южные коми-зырянские диалекты могла проникнуть в результате миграции отдельных групп удмуртов на север.

7) ӟуиктыны: сч. *ӟуиктънъ, ӟуик карънъ, ӟуик каръса кэс′ас′кънъ*, сч. вч. *ӟуиктыны, ӟуик карыны, ӟуик карыса кэс′ас′кыны*, сч.: бал. (Оросово) *ӟуйкэтыны* ‘визжать (о поросенке, свинье)’ | *ӟуиктыны* ‘визжать (о поросёнке)’ [УРС 1948: 106]; *ӟуиктыны* ‘визжать (о поросятах)’

[УРС 1983: 163]; сч. 1. юк. гл. *ӟуиктънъ* ‘скрипеть (о двери)’ 2. яр. гл. бал. *ӟуиктыны* ‘визжать (о поросенке, свинье)’ [Карпова 2013: 197] || кп. *дзувиктыны* ‘визжать, завизжать (о поросятах)’ [КПРС, 121]; лл. *дзиксыны* ‘визжать’, *порс'пиыс дзиксӧ* ‘поросенок визжит’ [ЛЛД, 145]. Лексема *ʒ'иксинө·* в коми-язьвинском употребляется для обозначения писка мыши [КЯД, 117]. За пределами северного наречия исследуемое слово зафиксировать не удалось, хотя в нормативных словарях глагол *ӟуиктыны* дается без указания на диалектную принадлежность.

В некоторых других диалектах удмуртского языка понятие «визжать (о поросенке, свинье)» выражается следующими сочетаниями: нч. *уик чэрэкйаны*, сред.: срв. (Сюровай) водз. *уик кэс'ас'кыны*, юж. (Стар. Бодья) *куи кэс'ас'кыны*, вч.: кез. (Ал.) *пик кэс'ас'кыны*, бес.: юн. *пиж кэс'ас'къ̈нъ*, вч.: кез. (Ал.), зур. (Кузьм.), деб. (Удм. Лем) *пиж кэс'ас'кыны*, сред.: срв. шарк. ныл. сриж. *жир кэс'ас'кыны*, юж. (Нов. Бия) *жир чэрэкйаны*, сред.: срз. (Гура, Мучи), водз. сриж. ныл., юж. (Нов. Монья) *чир кэс'ас'кыны*, гр. *чыр кэс'ас'кыны*, пю.: шошм. (Карек-Серма) *чыр-чыр чэрэ’т'аны*, вч.: кез. (Юски) *ӟир кэс'ас'кыны*, юж.: ниж. (Кузюмово) *чърэкйанъ*, ал. (Стар. Утчан) кркм. *жи(й) кэс'ас'кыны*, закам.: бт. *шийкылданы*, татш. *шийкълданъ* и др. В коми-зырянском языке рассматриваемое понятие передается словом *чирзыны*, которое употребляется не только для обозначения визга поросенка, но и для пронзительного крика вообще [РКС 1966: 60]. Последнему слову в удмуртском имеется другое соответствие – *чир: чир кесяськыны*.

Изоглосса *ӟуиктыны ~ дзувиктыны* распространена в северном наречии удмуртского языка и в коми-пермяцком языке, а также в лузсколетском диалекте коми-зырянского языка (см. Карта 11). Поскольку исследуемые слова по происхождению являются звукоподражательными, имеется вероятность их самостоятельного возникновения. По этой причине мы отделяем от рассматриваемых слов коми-язьвинскую форму, семантика которой в известной мере отличается от значений первых. Формирование исследуемой изоглоссы, по-видимому, связано с ареальными контактами трех пермских языков. Предполагаемый центр ее возникновения находился в области распространения коми-пермяцких диалектов.

8) култыртыны ~ култыртны: сч. *култъртънъ* ‘токовать (о тетереве, глухаре); ворковать (о голубе)’, *култъ·р-култъ·р* – подра-

жание токованию тетерева, глухаря, воркованию голубя; подражание звукам, издаваемым индюком, *култъртон'н'и* ‘токовище (тетеревов, глухарей)’; нч.: сл. *кутыртыны* ‘токовать (о тетереве, глухаре)’ | *култыртыны* ‘токовать (о тетереве) ’ [СистемСл., 49] || кп. сев. *култыртны* ‘токовать’ [Федосеева 2015: 141]; кп. *куты́ртны* ‘токовать’ [КПРС, 206].

В качестве сравнительного материала приведем примеры, имеющие иное происхождение, но аналогичную или близкую семантику: удм. *котканы* ‘токовать’ [РУС 1956: 1113]; *гультыр-гультыр* звукоподр. воркованию голубей ‘гуук-гуук’, *гультыръяны* ‘ворковать (о голубях)’ [УРС 2008: 171]; кз. *койтны* ‘токовать’ [ССКЗД, 169]; кп. *ко́йны* ‘токовать (о тетеревах)’ [КПРС, 178].

Слово култыртыны зафиксировано в среднечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка (в «Системно-тематический русско-удмуртский словарь» [СистемСл., 49] оно включено по нашему предложению), форма култыртны широко распространена в северном наречии коми-пермяцкого языка. Если считать, что слово *куты́ртны* образовалось в результате отпадения *л ~ в*, можно вести речь о том, что исследуемая изоглосса охватывает практически всю коми-пермяцкую языковую область. Тем не менее утверждать о том, что инновация возникла в названном ареале, по-видимому, было бы ошибочным, поскольку северноудмуртское слово, с одной стороны, имеет широкий семантический объем и производные. С другой стороны, находит поддержку в виде слов *гультыр-гультыр, гультыръяны*, связанных с воркованием голубя, фонетическая структура которых весьма близка к исследуемому удмуртскому слову, при этом типична именно для удмуртского языка, для которого характерно обилие ономатопоэтических слов с формантом *-(т)ыр* [ОбрСлУдм., 129–131], имеющим тюркское происхождение [Тараканов 1982: 162]. Возможным центром зарождения исследуемой изоглоссы явились северноудмуртские диалекты, откуда она распространилась в ареал коми-пермяцкого языка.

Аналог (фонетический вариант) исследуемых слов в слободском говоре удмуртского языка образует отдельную изоглоссу (см. **кутыртыны ~ *куты́ртны***, п. 2.3).

9) ляль карыны ~ лёльны: сч.: яр. (Ник.) бал., вч.: кез. *л'ал' карыны*, гл. (Гул. Дон. Пыб.) бес.: юн. *л'ал' карънъ* (дет.) ‘мочиться, писять, написять’ || кз. вс. (Кг.) дет. *л'ол'* ‘моча’, вс. (Уж.) дет. *л'ол'ны* ‘писять,

написять’ [ВСД., 196–197]; вс. (Кг.) дет. *лёль* [l’ol’] ‘моча’, вс. (Уж.) дет. *лёльны* [l’ol’n i̯] ‘мочиться’ [КСК I, 835].

Рассматриваемое слово распространено в отдельных говорах на севере Удмуртии, аналог которого имеется в одном из самых южных коми-зырянских диалектов. В отношении вокализма можно привести название шишки *гал′дар*, функционирующий в северной части среднечепецкого диалекта. Возможными его соответствиями в коми языках могут быть следующие лексемы: кп. *го́ли* ‘шишка’ и кз. вс. *го̂л′* [КПРС, 101; ВСД, 167; Максимов 2008: 141–142]. Поскольку речь идет об ономатопоэтической лексике, также, как и в случае с названиями шишки, не следует ожидать строго закономерного соответствия гласных.

В большинстве диалектов удмуртского языка, включая и те, в которых зафиксировано исследуемое слово, в аналогичной функции употребляется слово *чис′ карыны*. Изоглосса *ляль карыны ~ лёльны,* по-видимому, сформировалась в результате взаимодействия пермских диалектов. В удмуртском языке исследуемое слово является маргинальным – как территориально, так и функционально, поэтому можно было бы предположить его происхождение под влиянием коми языка. Однако коми-зырянское соответствие имеет весьма незначительное распространение. В связи со сказанным вопрос о направлении языкового воздействия при образовании исследуемой изоглоссы остается открытым.

10) нюжтэм: сч. вч. тыл. сриж. *н′ужтэм ~ н′уштэм*, бес.: юн. *н′ъжтэм ~ н′ъштэм* 1. сч. бес. тыл. ‘шалун (о детях); невыдержанный, ведущий себя вызывающе (о взрослых)’ 2. сч.: яр. (Байд.), вч.: кез. (Пол.) ‘неприятный, неопрятный, грязный (о пьяных, детях)’, сч.: яр. (Ник.), вч.: кез., сриж. (Бабино, Якшур) ‘нерешительный, мямля’; сч. (Дон.) *н′ужтэмйас′кънъ* ‘вести себя вызывающе; кривляться, гримасничать’ | удм. сев. *нюжтэм* ‘шалун’ [Бор., 200]; сев. *нюжтэм* ‘шалун (о детях); невыдержанный, ведущий себя вызывающе (о взрослых)’ [УРС 1948: 213]; бес. *нюжтэм* ‘тж’ [ИВПЯ, 55]; тыл. *нюжтэм* ‘тж’ [Тепл., 126] || кп. *нёштӧм* ‘некрасивый, непривлекательный, отвратительный; безобразный вид, уродство’, *нёштӧма́сьны* ‘расквакаться; кривляться, гримасничать’ [КПРС, 273]; кя. *ńúčtəm* ‘некрасивый, безобразный’ [Genetz, 23]; кя. *н′у́жтөм, н′у́штөм* ‘некрасивый’ [КЯД, 156].

Приведенные коми-пермяцкие и диалектные удмуртские слова имеют общее происхождение с коми-зырянскими *нёджъявны* ‘высматривать, выглядывать, оглядывать, осматривать’, лет. *нёдж* ‘по (такому-то образцу, способу, примеру; согласно, в соответствии с чем-л.)’, которые этимологи возводят к общеп. **n′o̯ǯ* или **n′ö̯ǯ* ‘продольный, направленный, расставленный в ряд, вдоль чего-л.; упорядоченный; размеченный; ладный; дельный’ [КЭСК, 188]. Из указанных примеров видно, что их основа в чистом виде употребляется только в коми-зырянских диалектах и, по-видимому, некогда функционировала в пермяцком и удмуртском языках, поскольку наблюдаем закономерное соответствие гласных *о* // *у*.

Изоглосса *нюжтэм* ~ *нёштöм* имеет гораздо меньшее распространение, встречаясь в коми-пермяцком языке и преимущественно в северной диалектной зоне удмуртского языка. Она представляет собой зону консервации, на что, помимо вокализма, указывает также сохранение исследуемой лексемы в небольшом островном ареале в пределах срединных говоров. Сохранению ее в северном наречии, а также возникновению / сохранению отдельных ее значений, возможно, способствовали контакты с коми-пермяцким населением.

В отношении семантики следует сказать, что если основа слова имела значение ‘продольный, расставленный в ряд; упорядоченный; ладный и т. п.’, то каритивный суффикс *-тэм* ~ *-тöм* придал слову противоположную семантику, т. е. ‘беспорядочный; сумбурный; неладный’, из чего развились его современные значения [Максимов 2015: 93–94].

11) паляка: нч. сч. вч. бес.: юн. 1. *пал′ака* ‘перепел, перепелка’ 2.: (*кöй*) *пал′ака* перен. ‘толстушка’ | G *pal′aka* ‘перепел’ [Wichm., 188]; сев. *паляка*, юж. *бöдёно* ‘перепелка’ [Бор., 214]; тыл. *паляка* ‘перепел, перепелка; болтушка (перен.)’ [Тепл., 197]; нч.: кос. *пал′ака* ‘перепелка’ [ДЭ 1977]; сл. *пал′ака* ‘тж’ [Архипов 1987: 87]; сч.: гл. бал. *пал′ака*, яр. гл. *кўат′пал′ака* ‘перепел, перепелка’ [Карпова 2013: 241, 378] || кп. *паляпа* ‘перепел’ [КПР-РКПС 222]; кз. *-палич*: вв. печ. *квайтпалич* ‘перепел, перепелка; коростель’ [ССКЗД, 150]; уд. *пал′ага* ‘болтун, пустомеля’ [УдД, 219].

Исследуемым словам в коми-зырянских диалектах, по-видимому, соответствует компонент *-палич*: *квайтпалич* ‘перепел, перепелка; ко-

ростель’, ср. сч. *кӯат'пал'ака*. Близкое по внешней форме слово *пал'ага* ‘болтун, пустомеля’ (ср. *пал'акывны* ‘болтать’) [УдД, 219] имеется в удорском диалекте, хотя оно не употребляется для обозначения названия птицы. Тем не менее последнее слово также может иметь связь с названием перепелки: для сравнения представим значения тыловайского слова *паляка* – ‘перепел, перепелка; болтушка’. Приведенные названия перепела образованы от имитации его крика, который в среднечепецких говорах передается как *кӯат'-пал'ак(а)*, в некоторых других удмуртских диалектах, по С. В. Соколову, – *кӯат'-кӯат'ак* [Соколов 1975: 167].

Изоглосса *паляка* ~ *паляпа* распространена в северном наречии и некоторых говорах бесермянского наречия, а также в коми-пермяцком языке. Считаем, что очерченный ареал является зоной консервации общепермского названия перепела. В южном наречии, в срединных говорах, а также в некоторых говорах северного наречия данный орнитоним был вытеснен словом *бӧдёно*, которое относят к булгарским заимствованиям [Тараканов 1993: 44; Соколов 1967: 193]. В коми-зырянских диалектах прежнее название перепела подверглось видоизменению по внутренним законам развития этого языка, хотя его рефлексы до сих пор сохранились в отдельных диалектах

12) туӵ-туӵ / тоӵ-тоӵ сиськыны: нч.: сл., сч.: гл. (Зол.) *туӵ-туӵ с'ис'кыны*, сч.: гл. (Дон. Труб.) *туӵ-туӵ с'ис'кънъ*, гл. (Гул.) *туш-туш с'ис'кънъ* ‘есть с аппетитом, с удовольствием’; сч.: гл. (НКуз.) *тоӵ-тоӵ с'ис'кънъ*, сч.: бал., вч. сред.: срв. ныл. сриж. *тоӵ-тоӵ с'ис'кыны* ‘тж’, гл. (Гул.) бес.: юн. *тош-тош с'ис'кънъ* ‘тж’, вч. срв. *тоӵыны* ‘тж’ | сч.: гл. (Пус. Труб.) *тоӵ-тоӵ с'ис'кънъ* ‘наесться досыта; плотно покушать’, гл. (Дон. Труб.) *туӵ-туӵ с'ис'кънъ* ‘есть с аппетитом (с удовольствием)’ [Карпова 2013: 480, 491] || кп. *ту́тшкыны-сёйны* ‘есть с аппетитом, с удовольствием’ [КПРС, 496].

Изоглосса *туӵ-туӵ* ~ *тутшкыны* распространена в компактной ареале: слободской говор нижнечепецкого диалекта, часть глазовского говора среднечепецкого диалекта северного наречия и коми-пермяцкий язык. Очерченный ареал нельзя отделять от территории, на которой распространены лексемы с гласным *о* – *тоӵ-тоӵ, тоӵыны* и др. Ареал последних занимает преимущественно северную диалектную зону. В южной зоне вместо исследуемых лексем функционируют следующие

сочетания: сред. (юж. группа), юж. *нуӧ-нуӧ с'ис'кыны*, закам.: бт. шг. *ныш-ныш с'ийис'кыны*, татш. *нӱш-нӱш с'ис'къ́нъ* ‘тж’ и др.

Вполне возможно, что центр возникновения исследуемой изоглоссы находился в пределах коми-пермяцкой языковой области. Возникнув первоначально как изобразительная основа *тотш- ~ тоӧ-*, она проникла далеко на юг удмуртского языкового ареала. Впоследствии в коми-пермяцком языке произошел звукопереход *о > у*, представляющий спорадическое фонетическое явление в изобразительной основе, ничего не имеющее общего с тотальным сужением гласного *о* первого слога в удмуртском (ср.: кз. скр. *тутш-тотш*, вв. иж. *тутш-татш* ‘стук-стук’ [ССКЗД, 383]). Вновь образованная основа *тутш- ~ туӧ-* распространилась лишь в отдельные говоры северного наречия удмуртского языка.

Также имеется определенная вероятность того, что фонетический процесс *тоӧ- > туӧ-* (*туш-*) в слободском и глазовском говорах мог произойти независимо от коми-пермяцкого языка под влиянием изобразительно-ономатопоэтических слов с иной семантикой (функцией), но с близким фонетическим обликом, ср. удм. *туӧ: туӧ шуккыны* ‘ударить, вызвав глухой стук’; ср. также: сев. *туӧӧы* (*тоӧӧы*) *пукыны* ‘сидеть, ничего не делая, сидеть сиднем’.

13) тоӧӧы / туӧӧы пукыны: сч.: яр. бал., вч.: кез. *тоӧӧы пукыны*, сч.: гл. *туӧӧъ пукъ́нъ*, сч.: юк., бес. *тошшъ пукъ́нъ* ‘сидеть, ничего не делая, сидеть сиднем’; ср.: юж. (Нов. Бия) *вуӧ пукыны* ‘тж’, закам.: бт. шг. *выш-выш пукыны* ‘тж’ | сч.: яр. *тоӧ-тоӧ (тош-тош) пукыны* ‘сидеть, ничего не делая; сидеть сиднем’, яр. *тоӧӧы пукыны*, юк. *тошшъ пукъ́нъ*, гл. *туӧӧъ пукъ́нъ* ‘сидеть без дела; сидеть сиднем’ [Карпова 2013: 480] || кз. вс. л. сс. *тотш-: тотшвидзны* ‘сидеть неподвижно’ [ССКЗД, 373]; сс. *тутшвидзны* ‘сидеть неподвижно, молча’ [ССД, 184].

Изобразительные слова с основой *тоӧ- ~ тотш-*, имеющие распространение на компактной территории – в южной группе коми-зырянских диалектов, некоторых говорах северного наречия и бесермянском наречии удмуртского языка, сформировали изоглоссное явление в результате ареальных отношений коми-зырян с удмуртами. Центром возникновения исследуемой изоглоссы следует считать коми-зырянские диалекты.

14) ӧыжы (чырс): сч.: яр. *ӧыжы*, гл. (НКуз.) юк. *ӧъжъ*, бес.: юн. *чъжъ*, сч.: яр. (сев. часть), гл. бал. *ӧыжы чырс*, гл. *ӧъжъ чърс*, гл. (Гул.)

ӧъжъ гумъ, яр. (Оз.) *ӧыжы кӯар* ‘дягиль; дудник’, яр. (Ник.) *гоноӧыжы* ‘борщевик сибирский’ | сч. (Дёбы) *ӧъжъ гумы* ‘борщевик сибирский’ [ДЭ 1977а]; сч.: гл. юк. *ӧъжъ*, яр. *ӧыжы*, гл. *ӧъжъчърс*, яр. гл. бал. *ӧыжычырс* ‘дудник; пикан; дягиль’ [Карпова 2013: 539] || кп. сев. *чижи: чижи турун* ‘крапива’ [КПД, 211]; лл. *чижмыны* ‘становиться, стать терпким, острокислым’ (др. кз. диал. *чизырмыны, дзигыльмыны, загыльччыны, кодзмыны, кучмыны, шоммыны* и др.), лл. *чижмӧм* ‘терпкий, острокислый (о пиве, квасе)’ (др. кз. диал. *чизыр ~ чигыр шома, дзигиль ~ загыль шома, кодзмӧм шома, кучыр, чикылибук ~ кичилибук шома* и др.) [ССКЗД, 410].

Происхождение рассматриваемых слов не совсем ясно. Соответствие удмуртского велярного *ӵ* (*č*) коми палатальному *ч* (*č́*) можно объяснить диссимиляцией велярной аффрикаты в коми словах перед щипящим *ж*. В этом случае устраняется несоответствие консонантизма, и связь этимологическая связь пермских слов становится более вероятной. Схожие слова имеются также в марийском языке, ср. *цыж: цыж манеш* ‘отдает горечью, кислотой’ [МРС, 383], но данное слово сравнивают с коми *чизыр* ‘очень кислый, перекисший, острый (напр. пиво); резкий, пронизывающий (ветер)’ [КЭСК, 305].

Исследуемые лексемы *ӧыжы, чижи* относятся к лексико-семантической группе дескриптивных (изобразительных) слов, на что указывает обилие диалектных дублетов коми-зырянских лексем (см. выше) и фонетический облик некоторых из них (*дзигиль, загыль, чизыр, чикылибук*). В связи с этим, а также из-за несоответствия начального марийского согласного *ц* удмуртскому *ӵ* (марийское начальное *ц* должно соответствовать удмуртскому *ч*) мы отделяем марийское слово *цыж: цыж манеш* от удмуртского *ӧыжы* и коми *чижи*.

Изоглосса *ӧыжы ~ чижи* (*чиж-*) распространена в компактном ареале, охватывающем отдельные говоры северного и бесермянского наречий удмуртского языка, северное наречие коми-пермяцкого и самый южный диалект коми-зырянского языка – лузско-летский. Полагаем, что изобразительная основа **ӵиж* (> *чиж*) первоначально возникла в коми-пермяцком языке и обозначала остро-кислый вкус. Северноудмуртский фитоним *ӧыжы(чырс)*, как и название зонтичного растения *чырс*, сформировался вследствие ареальных связей северных удмуртов с коми (в первую очередь с коми-пермяками).

Данные об изоглоссах настоящего раздела наглядно представлены в табл. 6.

Таблица 6

Собственно лексические изоглоссы контактной зоны

Языковые единицы	А/З/Г	Диалекты и языки							
		нч.	сч.	вч.	бес.	сред.	юж.	кз.	кп.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1) азь: азьдор ‘безлесная местность; пойменн. луг’ < фп. / фу.	**А**	–	сев. *азьдор* Бор.	–	–	–	–	лл. сс. *адз* ‘пойма’, лл. ‘долина’, л. ‘луг’, вв. прорубь’	–
2) быччы учкыны ‘пристально, с недоверием (смотреть)’ <= коми	**Г**	*быч учкыны*	+	+	*бъч учкънъ*	–	–	вс. *будзгыльён*, вв. *будзгилен* ‘косо, недоверчиво (о выражении глаз)’	сев. *будзгыляськы* ‘смотреть зло’; ‘смотреть угрюмо, нахмуриться’
3) гойыны ~ гойёдны ‘громко смеяться, хохотать’ удм. >	**З >**	–	*гойъны, гойыны* ‘громко (безудержно) смеяться’	кез. *гойыны* ‘громко (безудержно) смеяться’	?	–	+ крк.	вс. *гойёдны* ‘дразнить’, *гой-гой* межд., употр. при поддразнивании	–

Продолж. табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
4) дунны улыны ‘сидеть неподвижно, находиться в состоянии апатии’ < коми	**З**	–	+ гл. (Дон.)	–	–	–	–	–	*дун* ‘вздутый (о животе)’, *дундыны* ‘вздуться (о животе)’, лл. *дунвидзны* ‘сидеть неподвижно’
5) жагмыны ‘сильно устать, выбиться из сил’ < кп.	**З**	–	+	+ кез.	+ юн.	–	–	вс. *жагмыны, джагмыны* ‘замедляться, замедлиться’	*жагмыны* ‘идти (пойти) потише’, кя. *жаг* ‘медленный, медлительный’
6) ӟеп ~ дзеп ‘карман’ рус. > удм. > коми	**З** >	+	+	–	+ юн.	–	– (+)	*зеп* (< рус.), вс. лет. сс. *дзеп* (< удм.)	сев. *зеп* (< рус.)
7) ӟуиктыны ‘визжать (о поросенке, свинье)’ < кп.	**З**	–	+	+	–	–	–	лл. *дзиксыны* ‘визжать’, *порс'пиыс дзиксӧ* ‘поросенок визжит’	*дзувиктыны* ‘визжать (о поросятах)’, кя. *ʒ'иксинө·* пищать (о мыши)’

Продолж. табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
8) култыртыны ~ култыртны ‘токовать (о тетереве, глухаре)’ удм. > кп.	**З >**	сл. *кутыртыны*	*култъртънъ, култыртыны*	?	–	–	–	–	*кутыртны*, сев. *култыртны*
9) ляль карыны ~ лёльны (дет.) ‘мочиться’ удм. > < к.	**Г ? > <**	–	+	+ кез.	+ юн.	–	–	вс. (дет.) *л'ол'* ‘моча’, вс. (дет.) *л'ол'ны* ‘писять, написять’	–
10) нюжтэм ‘шалун; ведущий себя вызывающе; неприятный на вид’ < прап.; <= кп.	**А Г**	–	+	кез. *н'уштэм* ‘нерешительный, мямля’	*н'ъжтэм* ‘ведущий себя вызывающе; неприятный’	(+)	–	*нёджъявны* ‘высматривать, оглядывать’, лет. *нёдж* ‘по (такому-то образцу); в соответствии с чем-л.’	*нёштӧм* ‘некрасивый, отвратительный’, кя. *н'ýжтӧм, н'ýштӧм* ‘некрасивый’
11) паляка ‘перепел, перепёлка’ < прап.	**А**	+	+	+	+ юн.	+ тыл.	–	*-палич: квайтпалич* вв. печ. ‘перепел; коростель’, уд. *пал'ага* ‘болтун, пустомеля’	*паляпа* ‘перепел’

Оконч. табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
12) туӧ-туӧ / тоӧ-тоӧ сиськыны ‘есть с аппетитом, с удовольствием’ удм. < кп.	**З**	сл. *туӧ-туӧ с'ис'-кыны*	*тоӧ-тоӧ с'ис'кыны*, гл. *туӧ-туӧ с'ис'кънъ*	*тоӧ-тоӧ с'ис'кы-ны*	*тош-тош с'ис'-кънъ*	(+) –	–	–	*ту́тшкыны-сёйны*
13) тоӧӧы / туӧӧы пукыны ‘сидеть без дела’ удм. < кз.	**З**	–	яр. бал. *тоӧӧы пукыны*, юк. *тошшъ пукънъ*, гл. *туӧӧъ пукънъ*	кез. *тоӧӧы пукыны*	*тошшъ пукънъ*	–	–	юж. (вс. л.сс.) *тотшвидзны*, сс. *тутшвид-зны* ‘сидеть неподвижно’	–
14) ӧыжы (чырс) ‘дягиль; дудник’ < кп.	**З**	–	*ӧыжы, ӧъжъ чърс, ӧъжъ гумы, ӧыжы кӯар*	–	*чъжъ*	–	–	лл. *чижмыны* ‘стать терпким, острокислым (о пиве, квасе)’	сев. *чижи ту-рун* ‘крапива’

2.2. Семантические изоглоссы контактной зоны

1) нырос(ки) ~ нырöс ‘часть крепления лыж, куда вдевается нога’: нч. вч.: кез. тыл. *нырос*, сч.: яр. бал., вч.: кез. *нырoски*, сч.: гл. *нъроски* 1. нч. сч. вч.: кез. тыл. ‘часть крепления лыж, куда вдевается нога’ 2. нч. сч. вч.: тыл. ‘намордник (для телят)’; бес. *нърос, нъроски* ‘намордник (для телят)’ | сч.: гл. *нъроски*, яр. гл. бал. *нырoски* 1. ‘крепление для лыж, куда вдевается нога’ 2. ‘намордник для телят’ [Карпова 2013: 346]. Соответствующее слово в других удмуртских диалектах имеет следующие значения: M J *nị̆ros*, U *nị̂ros* ‘намордник’ [Wichm., 170]; закам.: бт. *nị̆ros* ‘носки’, ‘приспособление в виде уздечки к сосунку-теленку, чтобы он не сосал корову’ [Нас., 145]; *нырос* 1. ‘намордник, рогатка (напр. для телят)’ 2. ‘носок; носки’ [УРС 1983: 307]; *нырос* 1. ‘намордник, рогатка (напр. для телят)’ 2. ‘носок (напр. носка, чулка)’ [УРС 2008: 474].

Семантические параллели исследуемого слова мы находим в коми диалектах: зд. кб. *нырöс* ‘веревочка для привязывания ноги к лыже’ (зд.); ‘место в лыжах, куда вдевается нога’ (кб.) [Лыткин 1974: 251]. Помимо указанных говоров, лексема *нырöс* зафиксирована в удорском диалекте, но она там обозначает ‘намордник (на морду теленка)’ [ССКЗД, 422]. Названное значение, как было указано выше, присуще и общеудмуртскому *нырос* (*нырoски*). В других коми диалектах для обозначения понятия «намордник» употребляются следующие лексемы: кз. *чуш*, иж. кп. *нырдом* [ССКЗД, 42; КПРС, 280].

Удмуртское *нырос(ки)* и коми *нырöс* образованы от слова *ныр* ‘нос’, которое относится к древнему уральскому пласту исконной лексики [UEW, 303], а лексема *чуш*, имеющая распространение в коми-зырянских диалектах, по всей вероятности, возникла как переосмысление прилагательного *чуш* ‘колючий’; последнее считается словом общепермского происхождения [КЭСК, 314]. Из двух лексем для обозначения намордника более древним и претендующим на былое общепермское распространение должнен быть термин *нырос ~ нырöс*, на что указывает употребление его в одном из самых архаичных коми диалектов – удорском. Значение ‘часть крепления лыж, в которую вдевается нога’ характерно для компактной тер-

ритории, охватывающей некоторые говоры северной диалектной зоны удмуртского языка, зюздинское наречие и кобринский говор верхнесысолького диалекта. По-видимому, данный ареал сформировался в результате семантического новообразования в речи северных удмуртов, откуда оно могло проникнуть в соседствующие говоры зюздинских (верхнекамских) пермяков, а также верхнесысольских коми-зырян.

2) пызьыртыны ~ пыдзрасьны ‘постирать, выстирать (быстренько)’: сч.: гл. *пъз'ъртънъ* 1. ‘выжать, отжать’ 2. ‘постирать, выстирать (быстренько)’, гл. (Дон.) *ва·-ка носкидэ ӝогак гинэ пъз'ърто.* ‘Давай-ка носки [твои] быстренько постираю’ | сч. *пъз'ъртънъ, пыз'ыртыны, пы̆з'ы̆ртыны̆* 1. ‘выжать, отжать’ 2. гл. (Дон.) юк. (ВУн.) *пъз'ъртънъ* ‘постирать, выстирать (быстренько)’ [Карпова 2013: 416] || кз. лл. *пыдзрас'ны* ‘стирать, заниматься стиркой’, *пыдзралны* лл. ‘стирать, выстирать’ [ЛЛД, 214].

В коми диалектах, в том числе и лузско-летском, повсеместно *пыдзрасьны* означает ‘заниматься выжиманием, выжимать (напр. белье)’, *пыдзравны, пыдзралны* – ‘выжимать’ [ССКЗД, 311]. Общеудмуртское значение слова *пызьыртыны* – ‘выжать, отжать (напр. белье)’, *пызьыраны* ‘сочиться, течь, струиться’ [Wichm., 202; УРС 1983: 371]. Описываемые пермские слова исследователи относят к финно-угорскому лексическому пласту (см.: [UEW, 397; КЭСК, 235]).

Диалектные значения ‘(по)стирать, выстирать’ пермских глаголов *пызьыртыны, пыдзрасьны* являются новообразованиями, которые зафиксированы в самом южном коми-зырянском диалекте – лузско-летском и в отдельных говорах нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов северного наречия удмуртского языка. Образование упомянутых значений можно бы было объяснить поздними ареальными связями двух пермских языков. Отсутствие более точных границ рассматриваемой изосемы, а также ее ограниченное территориальное распространение не позволяет сделать выводы о направлении языкового влияния. Также нельзя исключать параллельного развития семантики в разных пермских языках.

3) ӟыжаськыны ~ тшужъясьны ‘бить хвостом (о рыбе)’: сч.: гл. *ӟыжас'кънъ* 1. ‘лягаться, пинаться’ 2. ‘бить хвостом (о рыбе); бить-

ся об лед, землю (о рыбе)’ || кз. лл. *тшужйысьны* ‘ударить хвостом (о рыбе)’, лет. *тшужъясьны*, л. *чужъясьны* ‘бить хвостом (о рыбе)’ [ССКЗД, 418].

В других коми-зырянских диалектах глаголы *чужйысьны, тшужъясьны* (в том числе и в лузско-летском диалекте) имеют значения ‘лягнуть, пнуть’, *чужъясьны, тшужъясьны* ‘пинаться, лягаться’ [Там же]; кп. *чужьясьны* 1. ‘пинаться’ 2. ‘лягаться, брыкаться [КПРС, 545]. В удмуртско-русских словарях 1983 и 2008 годов издания (с. 490, 754) значение ‘бить хвостом (о рыбе)’ у слова *ӧыжаськыны* отсутствует, что говорит о его узкодиалектном бытовании. Е. Гуляев общепермским значением коми *чужъявны* и удмуртского *ӧыжаны* считает ‘пинать’; к названным пермским словам он приводит соответствия из других финно-угорских языков [КЭСК, 312], с чем составители UEW, по-видимому, не согласны.

Ареал изосемы *ӧыжаськыны ~ тшужъясьны* ‘бить хвостом (о рыбе)’, зафиксированной в лузско-летском диалекте коми-зырянского языка и в глазовском говоре среднечепецкого диалекта удмуртского языка, мог образоваться за счет ареальных связей пермских народов. Как и в предыдущем случае, из-за невыявленности границ описываемого явления нельзя установить центр инновации. Также следует допустить возможность параллельного развития семантики исследуемых слов.

Данные об изоглоссах настоящего раздела наглядно представлены в табл. 7.

Таблица 7

Семантические изоглоссы контактной зоны

Языковые единицы	А/З/Г	Диалекты и языки							
		нч.	сч.	вч.	бес.	сред.	юж.	кз.	кп.
1) нырос(ки) ~ нырӧс 1. ‘намордник (для телят)’ **2. ‘часть крепления лыж, куда вдевается нога’** удм. > коми	**З >**	+	+	+ кез. деб.	‘намордник’	«–»	«–» закам. ‘носки’	вс. (кб.) *нырӧс* **‘место в лыжах, куда вдевается нога’**, уд. ‘намордник для телят)’	зд. *нырӧс* **‘веревочка для привязывания ноги к лыже’**
2) пызьыртыны ~ пыдзрасьны 1. ‘выжать, отжать (напр. белье)’ **2. ‘постирать, выстирать (быстренько)’** удм. > < коми	**? Г > <**	+ кос.	+ гл. юк.	‘выжать, отжать (напр. белье)’	«–»	«–»	«–»	*пыдзрас'ны* 1. ‘выжимать (напр. белье)’ **2. лл. ‘стирать, заниматься стиркой’**	‘выжимать (напр. белье)’
3) ӵыжаськыны ~ тшужъясьны 1. ‘лягаться, пинаться’ **2. ‘бить хвостом (о рыбе)’** удм. > < коми	**? Г > <**	‘лягаться, пинаться’	+ гл.	‘лягаться, пинаться’	«–»	«–»	«–»	*чужъясьны*, *тшужъясьны* 1. ‘лягаться, пинаться’ **2. лл. ‘бить хвостом (о рыбе)’**	‘лягаться, пинаться’

2.3. Изоглоссы фонетических вариантов лексем контактной зоны

1) кутыртыны ~ кутыртны: нч.: сл. *кутыртыны* ‘токовать (о тетереве, глухаре)’; сч. *култъртънъ, култыртыны* ‘токовать (о тетереве, глухаре); ворковать (о голубе)’, *култъ·р-култъ·р* – подражание токованию тетерева, глухаря, воркованию голубя; подражание звукам, издаваемым индюком || кп. *кутыртны* ‘токовать’ [КПРС, 206]; кп. сев. *култыртны* ‘токовать’ [Федосеева 2015: 141].

Глагол *кутыртыны* в удмуртском языке зафиксирован только в слободском говоре северного наречия. Похожее слово *култыртыны* функционирует в среднечепецком диалекте, а форма *култыртны* широко распространена в северном наречии коми-пермяцкого языка. Если предположить, что слово *кутыртны* образовалось в результате отпадения *л* ~ *в*, можно вести речь о том, что исследуемая изоглосса охватывает практически весь коми-пермяцкий языковой ареал. Однако центром возникновения приведенных глаголов всё же мы считаем удмуртский язык (см. об этом: **култыртыны ~ култыртны**, п. 2.1).

Внутри очерченного ареала глаголы без инлаутного *л* образуют отдельную изоглоссу, охватывающую слободской говор удмуртского языка и коми-пермяцкий язык, в котором *кутыртны* ныне, по-видимому, распространен только в южном наречии. Глагол *кутыртыны* в слободской говор, скорее всего, проник из коми-пермяцого языка и является вариантом предыдущего слова.

2) тырттэм ~ тырттӧм: сч. *тырттэм*, нч.: сл., сч. вч. срв. *тырттэм* ‘пустой, порожний’; нч.: кос., сч: яр. (юж. часть) *тыртэм*, бес. *тыртэм* ‘тж’ | *тырътемъ* (*tiṛtem. – С. М.*) ‘простой, пустой’ [Мог., 278]; В *tị̂rttem* ‘пустой’ [Wichm., 263]; удм. *тырттэм*, южн. *буш* ‘пусто, пустой’; сев. *тырттэммыны*, южн. *бушаны* ‘опустеть, сделаться пустым’ [Бор., 293]; тыл. *тырттэм* ‘пустой; пусто’ [Тепл., 181]; сч.: яр. *tiṛtem* ‘пустой’ [UdMur., 158]; сч. *тырттэм, тырттэм, тыртэм* ‘пустой, порожний; пусто’ [Карпова 2013: 492–493]; бес. *tөrtem* ‘пустой’ [СлБес., 424] || кз. *тыртӧм*, вв. иж. *тыртэм* ‘пустой, порожний; тощий, неплодородный’ [ССКЗД, 391]; кп. *тырттӧм* ‘порожний, пустой’ [Рог., 166].

Изоглосса *тыртэм* (*тырттэм*) ~ *тыртӧм* (*тырттӧм*) распространена в северной диалектной зоне удмуртского языка и в коми диалектах.

Очерченный ареал является архаичным. Он противопоставлен южной диалектной зоне, в которой функционирует татарское заимствование *буш* (см. также: **тыртэм (тырттэм)** п. 1.1).

В современных коми-пермяцких диалектах понятие «пустой» в первую очередь передается русскими заимствованиями, хотя употребительны также исконные слова: *пустӧй, простӧй, прос, куш, ты́ртӧм* [КПРС-РКС, 235; ССПЯ, 183], – которые с точки зрения коммуникации являются более удобными, так как устраняют (квази)антонимию, ср.: кп. *тыртӧм: лымыӧн тыртӧм* ‘двор, занесенный снегом’, *тыртӧм план* ‘выполненный план’ [КПРС, 501]. Последнее является причастием от слова *тыртны* ‘наполнять, наполнить, заполнить’.

Форма с двумя *т* в середине исследуемых слов – *тырттэм* зафиксирована в большей части северной диалектной (исключая некоторые северо-западные говоры, в которых употребительно *тыртэм* < *тырттэм*), а также отдельные коми-пермяцкие диалекты (*тырттӧм*). Названный вариант является новообразованием по отношению к форме *тыртэм* ~ *тыртӧм* (с одним *т* в сочетании *-рт-*).

Из анализа материала можно прийти к заключению, что слово *тыртэм* могло быть прапермской лексической единицей, выражающей понятие «пустой». В период самостоятельного развития в коми-пермяцком языке для устранения омонимии по отношению к причастию *тыртӧм* ‘наполненный, заполненный; выполненный’ в исследуемом слове произошло удвоение согласного *т* – *тырттӧм.* Вновь образованная форма проникла в северную диалектную зону удмуртского языка.

В некоторых диалектах северо-западного ареала: в косинском и ярском (южная часть) говорах, а также бесермянском наречии – более архаичная форма с одним *т* – *тыртэм* сохранилась / вновь оформилась благодаря поздней миграции удмуртского населения с нижней вятки на Чепцу, в результате чего в языке указанных диалектов бассейна Чепцы, как и в завятских говорах, общеудмуртская консонантная группа *-ртт-* реализуется в негеминированном варианте *-рт-: быртты*ны > *быртыны* ‘вдеть; прицепить, приколоть’, *кэрттыны* > *кэртыны* ‘вязать, связать’, *тыртпэм* > *тыртэм* ‘пустой, порожний’.

Данные об изоглоссах настоящего раздела наглядно представлены в табл. 8.

Таблица 8

Изоглоссы фонетических вариантов лексем контактной зоны

Языковые единицы	**А/З/Г**	**Диалекты и языки**							
		нч.	**сч.**	**вч.**	**бес.**	**сред.**	**юж.**	**кз.**	**кп.**
1) кутыртыны ‘токовать (о тетереве, глухаре)’ < кп.	**З**	сл. ***кутыр-тыны***	*култър-тънъ, култыр-тыны*	?	–	–	–	–	***кутыртны***, сев. *култыр-тны*
2) тырттэм ~ тырттӧм ‘пустой, порожний’ < кп.	**З**	сл. ***тыр-ттэм***, кос. *тыр-тэм*	***тър-ттэм, тыр-ттэм***, яр. *тыр-тэм*	***тыр-ттэм***	*тър-тэм*	срв. ***тыр-ттэм*** – юдз.	–	*тыртӧм*, вв. иж. *тыр-тэм* ‘пустой, порожний; неплодородный’	***тырттӧм***

2.4. Структурные изоглоссы контактной зоны

1) гудыри-сяська ~ гора-дзуль ‘купальница (европейская)’: сч.: гл. *гудърис'ас'ка ~ гудрис'ас'ка*, бал. (Андрейшур) *гудырис'ас'ка*, бес.: лекм. *гъдъръс'ас'ка* 1. ‘калужница (болотная)’ 2. ‘купальница (европейская)’ || кз. сс. *горадзуль*, вс. *горадзоль* ‘желтоцвет (луговое растение с ярко-желтыми махровыми цветами)’ [ССКЗД, 83]; вс. *гора дзоль* ‘купальница европейская’, сс. вс. *гора дзуль* ‘колокольчик круглолистный’, ‘купальница европейская’ [КБот., 14]; кп. *горадзу́ль* бот. ‘купальница’ [КПРС, 101]; кп. сев. *горадзуль* ‘тж’ [Федосеева 2015: 29].

Исследуемая лексема состоит из двух компонентов: *гудыри* ‘гром’ и *с'ас'ка* ‘цветок’. Является общеудмуртским наименованием ‘калужницы’. Мотивационной базой для номинации фитонима послужило народное поверье в то, что если сорвать цветы калужницы, может поразить молнией (удм. *гудыри ӵашъёз* ‘гром поразит’). Данное слово ранее могло служить общим наименованием лютиковых: калужницы, купальницы, видов лютика (см. об этом также: [ДАУЯ 2014: 119–120]). Впоследствии в большинстве диалектов удмуртского языка купальницу стали именовать татарским (старотатарским) заимствованием *италмас*, а лютик – русским – *купанча*.

В коми-пермяцком языке, а также некоторых южных диалектах коми-зырянского языка купальницу именуют словом *горадзуль* (*горадзоль*), состоящим из компонентов *гора* ‘звонкий, звучный, гулкий, громкий, раскатистый’ [ССКЗД, 83] и *дзуль* (*дзоль*) ‘цветок’, ‘шар, шарик’, первоначально обозначавший мелкие предметы, используемые в качестве игрушки [КЭСК, 91–92]. В печорском диалекте *горадзуль* (*горадзоль*) обозначает ‘бубенчик, бубенцы (на шею лошади)’ [ССКЗД, 83]; метафорическая связь с названным предметом послужила номинационной базой для колокольчика круглолистного. Обозначению купальницы данными словами, по-видимому, способствовало народное поверье, аналогичное удмуртскому, при этом слово *гора* ассоциировалось с раскатами грома, ср. кп. *го́ра-гыма кымӧр* ‘грозовая туча’ [КПРС, 101]. В большинстве коми-зырянских диалектов купальницу называют совершенно иными наименованиями: печ. *булля чачей*, вс. *гаддя купальнича*, нв. *колля чача*, сс. *кольк турун*, иж. *мича турун* [КБот., 60].

Исследуемые названия растений в ограниченном ареале пермских диалектов имеют типологически сходный принцип номинации: удм. сч.: гл., бес. ‘гром-цветок’, кп. кз. юж. ‘звонкий, громкий цветок’. Полагаем, что упомянутое выше поверье, связанное с лютиковыми, является архаичным, возможно, восходящим к общепермскому периоду. Современные названия купальницы возникли в более поздний период. Нельзя также исключать, что типологическая изоглосса в номинировании (назывании) купальницы сформировалась в результате вторичных контактов коми-пермяцкого населения с северными удмуртами.

2) ял-дор-губи ~ мыр-дор-тшак ‘опенок (настоящий)’ (‘пень-возле-гриб’): нч.: сл., сч.: гл. бал. (Кур.) *йалдоргуби*, гл. (Гул.) *йалдъргуби* ‘опенок настоящий’; сч.: яр. *йалгуби*, бал. *лийалгуби* ‘тж’ | сл. *йалдоргуби* ‘луговой опенок’ [Архипов 1987: 89]; сч. (Чурашур, Подб.) *йалдоргуби* ‘опенок настоящий’ [Вахрушев 1987: 78]; сч.: гл. яр. (Оз.) *йалдоргуби* ‘опенок (гриб)’ [Карпова 2013: 211] || кп. *мырдортшак* ‘опенок’ [КПРС, 261]; кз. лет. вс. сс. *мыр дін тшак*, сс. *мыр бок тшак* ‘опенок осенний (летний)’ [КБот., 65].

Исследуемая лексема состоит из трех отдельных компонентов: *йал* ‘пень’, *дор* ‘возле, у, около (кого-чего-л.)’, *губи* ‘гриб’. Соответствующим способом в коми-пермяцком языке образовано слово *мырдортшак* ‘опенок’, отдельные компоненты которого имеют значения, аналогичные или близкие составным частям удмуртского миконима. В названиях опенка *мыр дін тшак, мыр бок тшак,* употребляющихся в южной группе коми-зырянских диалектов (см. Карта 12), вторые компоненты *дін, бок* также представляют собой основу послелогов со значением ‘возле, у, около, рядом’, при этом *бок(-)* в зависимости от контекста может также обозначать ‘край, сторона, бок’.

В коми-зырянском сочетании *мыр выв тшак*, употребляющемся в присыктывкарском диалекте для обозначения опенка [ССКЗД, 384], второй компонент имеет значение ‘поверхность, верх’, а в удорском названии *мыр пом тшак* ‘опенок’ [Там же], слово *пом* означает ‘конец’. Для сравнения можно привести также другие коми-зырянские названия опенка: сс. *понтшак, бабапель тшак*, вс. *чикылибук* [КБот., 65].

В удмуртском языке наиболее распространенными являются следующие названия опенка: *лїялгуби, мырккуби, ялгуби.* Приведенные

слова состоят из двух компонентов: *лїял, мырк, ял* ‘пень’ и *губи* ‘гриб’. Кроме перечисленных выше лексем, известны также следующие наименования: *опонька, опонькагуби, мырк выжы губи, вож йыло губи* и др. [Вахрушев 1987: 78; БиолКБ, 106]. В среднечепецком диалекте Л. Л. Карповой дополнительно зафиксированы следующие миконимы со значением ‘опенок’: *йалвылгуби, опйа·та, опйэ·та* [Карпова 2013: 211, 369].

Из приведенного анализа названий опенка в пермских языках выясняется, что однотипная внутренняя форма данного миконима ‘пень-возле, у, около, рядом / край-гриб’ распространена на ограниченной компактной территории, охватывающей коми-пермяцкие диалекты, южную группу коми-зырянских диалектов, слободской говор нижнечепецкого диалекта и часть говоров среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Полагаем, что очерченный ареал сформировался в результате ареальных контактов трех пермских народов. Центром образования упомянутой структуры следует считать коми-пермяцкий язык. Заметим, что компонент *дор* в коми-пермяцком языке в первую очередь обозначает ‘край, кромку чего-л.’, прямым соответствием которого в удмуртском является слово *дур*. В процессе проникновения заимствуемый компонент ассоциировался с удм. *дор(-)* ‘место вблизи чего-л.’, основа послелога со значением ‘возле, у, около, рядом’, поэтому он не подвергся фонетической адаптации, точнее говоря, не был калькирован.

Наименование опенка *йал-выл-губи*, зафиксированное в юго-западной части Балезинского района УР, находит типологическую параллель в облике коми-зырянского слова *мыр выв тшак*. Разорванность ареала, незначительная территориальная распространенность в обоих языках указывают на несвязанное развитие. Данные названия, зафиксированные в пограничной зоне исследуемой изоглоссы и двухкомпонентных миконимов, сформировались в зонах затухания коми-пермяцкого влияния. Хотя в названных зонах трехкомпонентность лексем сохранилась, второй компонент *дор* (*дін, бок*) ‘возле, рядом’ был заменен на более «правильную» основу – *выл* ‘верх, на’: опята больше предпочитают расти на самом пне, а не возле него.

Данные об изоглоссах настоящего раздела наглядно представлены в табл. 9.

Таблица 9

Структурные изоглоссы контактной зоны

Языковые единицы	А/Г	Диалекты и языки							
		нч.	сч.	вч.	бес.	сред.	юж.	кз.	кп.
1) гудырисяська ~ гора-дзуль ‘купальница европейск.’ (= ‘гром-цветок’) < прап.; ? удм. => к.	**А ? Г =>**	*кико-кукы* (= ‘ку-кушка’)	***гудъри-с'ас'ка,*** *итал-мас* (заим.)	*итал-мас* (заим.)	***гъдъръ-с'ас'ка***	*итал-мас* (заим.)	*италмас* (заим.)	печ. *булля чач-ей* (= ‘пузырчатый цветок’), сс. *кольк турун* (= ‘яйцо-трава’), иж. *мича турун* (= ‘красивая трава’), **сс. *горадзуль*, вс. *горадзоль***	***горадзу́ль***
2) ял-дор-губи ~ мыр-дортшак ‘опе-нок настоящий’ (= ‘пень-возле-гриб’) удм. <= кп.	**Г <=**	***йал-дор-губи*** (= ‘пень-возле-гриб’)	***йал-дор-губи,*** *йалгуби*, бал. *лийал-губи* (= ‘пень-гриб’)	*лийал-губи* (‘пень-гриб’)	*н'ийал-гиби* (= ‘пень-гриб’)	*ли(й)ал-губи* (= ‘пень-гриб’)	*лийал-губи, мырк-губи* (= ‘пень-гриб’)	**лет. вс. сс. *мыр дін тшак*, сс. *мыр бок тшак***, скр. *мыр выв тшак* (= ‘пень-верх-гриб’), уд. *мыр пом тшак* (= ‘пень-конец-гриб’)	***мыр-дор-тшак*** ‘пень-край/возле-гриб’

2.5. Классификация изоглосс контактной зоны

Анализ и интерпретация изоглосс позволяет построить классификационную схему сепаратных параллелей контактной зоны пермских языков по характеру их возникновения. В целом она составлена по тем же принципам, что и в разделе 1.5.

2.5.1. Генетические изоглоссы контактной зоны

а) Собственно лексические изоглоссы:

азь: азьдор удм. (сев.) ‘безлесная местность; пойменный луг’ | кз. юж. *адз* ‘пойма; луг’ < фп. / фу.;

нюжтэм сч. вч. бес. + сред. ‘шалун; ведущий себя вызывающе; неприятный, отвратительный’ | кп. *нёштӧм* ‘некрасивый, безобразный’ < общеп. ||| удм. <= ? кп.;

паляка сев. бес.: юн. ‘перепел, перепелка’ | кп. *паляпа* < прап.

г) Структурные изоглоссы:

гудыри-сяська сч.: гл. бал., бес. ~ **гора-дзуль** кз. юж., кп. ‘купальница (европейская)’ (= ‘гром-цветок’) < прап. ||| к. ? <= удм.

Генетические изоглоссы восходят корнями к общепермскому или более древним праязыковым состояниям. Впоследствии во многих пермских диалектах они были утрачены или заменены новообразованиями, распространявшимися как с южноудмуртского, так и с коми-зырянского центров. Утрате исконных слов способствовало, наряду с иными факторами, взаимодействие пермских диалектов с другими этносами. В частности, изоглосса *паляка ~ паляпа* сократила свои позиции в удмуртском за счет проникновения булгарского орнитонима *бӧдёно*. Заимствование названия купальницы *италмас* из древнетатарского было продиктовано необходимостью дифференциации названий лютиковых, для которых использовался общий термин *гудырисяська.* Обращает на себя внимание низкая доля (примерно пятая часть) генетических изоглосс по сравнению с ареальными; при этом для происхождения большинства из них можно найти иную возможную причину, наряду с архаизацией / консервацией. Так, слово *нюжтэм* могло возникнуть в результате позднего коми-пермяцкого влияния, а коми название купальницы *гора-дзуль* – под воздействием удмуртских диалектов.

2.5.2. Ареальные изоглоссы контактной зоны

а) Собственно лексические изоглоссы

I. (удм. < коми):

быччы учкыны сев., бес. ‘смотреть пристально, с недоверием, искоса’ <= к.: кп. *будзгылясьны* ‘смотреть тайком’, кз. юж. *будзгыльӧн* ‘косо, недоверчиво (о глазах)’;

дунны: дунны улыны сч.: гл. (Дон.) ‘сидеть неподвижно, с безучастным видом, находиться в состоянии апатии’ < к.: кз. лл. *дунвидзны* ‘сидеть неподвижно’, кп. *дун: дун видзны* ‘быть хмурым, сумрачным (о небе)’, *дундӧтны* ‘делать, сделать неподвижным’ || ср. удм. нч.: кос. *бон'н'ы пукыны* (*улыны*), *бон'-бон' пукыны* (*улыны*) ‘сидеть неподвижно, с безучастным видом, находиться в состоянии апатии’;

жагмыны сч.: гл. бал., вч.: кез., бес.: юн., сред.: мал. ‘сильно устать, выбиться из сил, обессилеть’ < кп. *жагмыны* ‘замедляться; идти (пойти) потише’; кз. вс. *жагмыны, джагмыны* ‘замедляться, замедлиться’; кя. *жаг* ‘медленный, медлительный’;

ӟуиктыны сч. вч. ‘визжать (о поросенке, свинье)’ < кп. *дзувиктыны* ‘тж’;

туӧ-туӧ / тоӧ-тоӧ сиськыны сч. вч. сред. ‘есть с аппетитом, с удовольствием’ < кп. *ту́тшкыны-сёйны* ‘есть с аппетитом, с удовольствием’;

тоӧӧы / туӧӧы пукыны сч. вч.: кез., бес. ‘сидеть без дела’ < кз.: вс. л. сс. *тотшвидзны* ‘сидеть неподвижно’, сс. *тутшвидзны* ‘сидеть неподвижно, молча’;

ӧыжы (чырс) сч. бес.: юн. ‘дягиль; дудник; борщевик’ < к.: кп. сев. *чижи: чижи турун* ‘крапива’; кз. лл. *чижмыны* ‘становиться терпким, острокислым’;

II. (удм > коми):

гойыны ~ гойӧдны: сч. вч.: кез. + юж: кркм. *гойыны* ‘громко смеяться, хохотать’ > кз. вс. *гойӧдны* ‘дразнить’;

ӟеп ~ дзеп ‘карман’: нч. сч. *ӟеп* > кз. юж. *дзеп* (рус. > удм. > кз.);

култыртыны ~ култыртны: сч. *култыртыны* ‘токовать (о тетереве, глухаре); ворковать (о голубе)’ > кп. *култыртны* ‘токовать’;

III. (удм. > < коми):

ляль карыны ~ лёльны (дет.) ‘мочиться, писять, написять’: сч. вч.: кез., бес.: юн. *ляль карыны* > < кз.: вс. *лёльны*.

б) Семантические изоглоссы:

II. (удм > коми):

нырос(ки) ~ нырӧс ‘часть крепления лыж, куда вдевается нога’: удм. сев. *нырос, нырoски* 1. ‘намордник (для телят)’ 2. ‘часть крепления лыж, в которую вдевается нога’ > зд. вс. *нырӧс* ‘место в лыжах, куда вдевается нога’ || др. удм. диал. *нырос* 1) ‘намордник (для телят) 2) ‘носок (напр. чулок); носки’ | кз. уд. *нырӧс* ‘тж’ < общеп. ‘намордник (для телят)’;

III. (удм. > < коми):

пызьыртыны ~ пыдзрасьны ‘постирать, выстирать (быстренько)’: сч. *пызьыртыны* 1. ‘выжать, отжать’ 2. ‘постирать, выстирать (быстренько)’ > < кз. лл. *пыдзрасьны* 1. ‘заниматься выжиманием, выжимать (напр. белье)’ 2. ‘стирать, заниматься стиркой’ || др. удм. диал. *пызьыртыны* ‘выжать, отжать’ | др. к. диал. *пыдзрасьны* ‘заниматься выжиманием, выжимать (напр. белье)’;

ӈыжаськыны ~ тшужъясьны ‘бить хвостом (о рыбе)’: сч.: гл. *ӈыжаськыны* 1. ‘лягаться, пинаться’ 2. ‘бить хвостом (о рыбе); биться об лед, землю (о рыбе)’ > < кз. лл. *чужъясьны*, *тшужъясьны* 1. ‘пинаться, лягаться’ 2. ‘бить хвостом (о рыбе)’ || др. удм. диал. *ӈыжаськыны* ‘лягаться, пинаться’ | др. к. диал. *чужъясьны, чужясьны, тшужъясьны* ‘тж’.

в) Изоглоссы фонетических вариантов лексем:

I. (удм. < коми):

кутыртыны нч.: сл. ‘токовать (о тетереве, глухаре)’ < кп. *кутыртны* ‘тж’ || удм. сч. *култыртыны*, кп. сев. *култыртны* ‘тж’;

тырттэм сдз. ‘пустой, порожний’ < кп. **тырттӧм** ‘тж’ || кз. **тыртӧм** < прап. *tür-tɛm*;

г) Структурные изоглоссы:

I. (удм. <= коми):

ял-дор-губи нч. сч. ‘опенок (настоящий)’ (= ‘пень-возле-гриб’) <= кп. *мыр-дор-тшак* (‘пень-край-гриб’), кз. юж. *мыр-дін-тшак* (= ‘пень-близ/возле-гриб’) || др. удм. диал. *лӥял-губи, мырк-губи* (= ‘пень-гриб’) | др. кз. диал. *мыр-выв-тшак* (= ‘пень-верх/на-гриб’).

Большая часть (10 – 59 %) ареальных изоглосс контактной зоны возникла в результате заимствования северными удмуртами лексических

единиц, семантики слов, а также внутренней формы слова из языка коми-пермяков. Иррадиация названных изоглосс из коми-пермяцкого инновационного центра на современную территорию проживания южных зырян могла происходить как в результате ареально-генетических отношений в рамках общекоми общности, так и в более позднее время – за счет заимствования из одного коми диалекта в другой. Их распространению способствовали миграционные процессы.

Около четверти изоглосс (4 – 23,5 %) сформировалось в процессе воздействия северноудмуртских диалектов на коми-пермяцкие и южнозырянские диалекты. У трех изоглосс, в силу их ограниченного распространения как в удмуртских, так и коми диалектах, центр возникновения и направление иррадиации установить не удалось.

Результаты статистического подсчета изоглосс контактной зоны пермских языков имеют следующий вид:

Таблица 10

Статистические данные по изоглоссам контактной зоны

	Изоглоссные явления	**Количество**	**Доля в %**
1.	**Генетические изоглоссы (архаизмы)**	**4**	**19 %**
а)	Собственно лексические	3	75 %
г)	Структурные изоглоссы	1	15 %
2.	**Ареальные изоглоссы (заимствования)**	**17**	**81 %**
а)	Собственно лексические	11	64,7 %
	I. удм. < коми	*7*	
	II. удм > коми	*3*	
	III. удм > < коми	*1*	
б)	Семантические	3	17,6 %
	II. удм > коми	*1*	
	III. удм > < коми	*2*	
в)	Изоглоссы вариантов лексем	2	11,8 %
	I. удм. < коми	*2*	
г)	Структурные изоглоссы	1	5,9 %
	I. удм. <= коми	1	
	I. удм. < коми	**10**	**59 %**
	II. удм > коми	**4**	**23,5 %**
	III. удм > < коми	**3**	**17,5 %**
Всего		**21**	**100 %**

2.6. Выводы по главам 1 и 2

В двух главах рассмотрены лексическо-семантические изоглоссы. Суммируя цифровые данные по изоглоссным явлениям этих глав, получим общую статистическую картину северноудмуртско-коми лексико-семантических параллелей, которая представлена в табл. 11.

Таблица 11

Таблица суммарных величин изоглоссных явлений

Изоглоссные явления	**Северноудмуртско-коми ареал**	**Контактная зона**	**Общее количество**	
			Колич.	**%**
Генетические	46	4	50	44,2 %
Ареальные	46	17	63	55,8 %
I. удм. < коми	*45*	*10*	*55*	*87,3 %*
II. удм > коми	*1*	*4*	*5*	*7,9 %*
III. удм > < коми	*–*	*3*	*3*	*4,8 %*
Суммарная величина	**92**	**21**	**113**	**100 %**

Приведенные статистические данные показывают, что лексические единицы северного наречия (или северной диалектной зоны) удмуртского языка, отсутствующие в его южном наречии (или южной диалектной зоне) имеют разные причины происхождения. Немногим меньше половины (44,2 %) из названных единиц – это архаизмы. Генезис другой группы северноудмуртских лексем (55,8 %), имеющих параллели только в коми языках, объясняется контактами северных удмуртов с носителями коми диалектов. Большинство изоглосс сформировалось вследствие заимствования языковых единиц северными удмуртами и бесермянами из коми диалектов (87,3 %).

Незначительное количество изоглоссных явлений (7,9 %) сформировалось вследствие заимствования коми диалектами языкового материала из северноудмуртских диалектов. Направление заимствования нескольких слов (3) выявить не удалось.

Помимо классификации изоглоссных явлений на основе их происхождения, значительный интерес представляет их дистрибуция (распределение) по отдельным диалектам и комбинациям диалектов. Нами

была составлена табл. 12, в которой диалекты и комбинации диалектов расположены по территориальному принципу – с запада на восток и с севера на юг. Наиболее значимые цифровые величины и диалекты выделены полужирным шрифтом. Рейтинг отдельных диалектов и комбинаций диалектов в соответствии с количеством изоглосс представлен в таблицах 13 и 14.

Таблица 12

Дистрибуция изоглосс по диалектным группам

№	Комбинации диалектов	Архаизмы		Заим-ствования		Общее количество	
		Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
1.	**нч.**	**2**	**4 %**	**15**	**24 %**	**17**	**15 %**
	сл.			*10*	*15,9 %*	*10*	
	кос.			*1*		*1*	
2.	нч. сч.	1	2 %	**7**	**11,1 %**	**8**	**7,1 %**
3.	нч. сч. + сред.	2	4 %	–	–	2	1,75 %
4.	нч. бес.	–	–	1	1,6 %	1	0,9 %
5.	нч. сч. бес.	4	8 %	3	4,7 %	**7**	**6,2 %**
6.	нч. сч. бес. + др. диал.	3	6 %	–	–	2	1,75 %
7.	нч. вч. + сред.	1	2 %	–	–	1	0,9 %
8.	**сч.**	**9**	**18 %**	**10**	**15,9 %**	**19**	**16,8 %**
9.	сч. бес.	3	6 %	3	4,7 %	**6**	**5,3 %**
10.	сч. бес. вч.	2	4 %	5	7,9 %	**7**	**6,2 %**
11.	сч. бес. вч. + др. диал.	–	–	1	1,6 %	1	0,9 %
12.	сч. вч.	4	8 %	3	4,7 %	**7**	**6,2 %**
13.	сч. вч. + др. диал.	–	–	1	1,6 %	1	0,9 %
14.	бес.	2	4 %	2	3,2 %	4	3,5 %
15.	вч.: кез.	1	2 %	–	–	1	0,9 %
16.	вч. + др. диал.	1	2 %	–	–	1	0,9 %
17.	сев. (= нч. сч. вч.)	1	2 %	2	3,2 %	3	2,6 %
18.	**сев. (= нч. сч. вч.) бес.**	**8**	**16 %**	**7**	**11,1 %**	**15**	**13,3 %**
19.	сев. бес. + др. диал.	1	2 %	–	–	2	1,75 %
20.	сев. срв.	2	4 %	–	–	2	1,75 %
21.	сдз. (= сев. бес. срв.)	3	6 %	3	4,7 %	**6**	**5,3 %**
Всего		**50**	**100 %**	**63**	**100 %**	**113**	**100 %**

Таблица 13

Рейтинг комбинаций диалектов
по количеству генетических (архаичных) изоглосс

№ п/п	Комбинации диалектов	Ко-лич.	%	№ п/п	Комбинации диалектов	Ко-лич.	%
1.	сч.	9	18 %	11.	бес.	2	4 %
2.	сев. (= нч. сч. вч.) бес.	8	16 %	12.	сев. срв.	2	4 %
3.	нч. сч. бес.	4	8 %	13.	сев. бес. + др. диал.	1	2 %
4.	сч. вч.	4	8 %	14.	нч. сч.	1	2 %
5.	сч. бес.	3	6 %	15.	нч. вч. + сред.	1	2 %
6.	сдз. (= сев. бес. срв.)	3	6 %	16.	вч.: кез.	1	2 %
7.	нч. сч. бес. + др. диал.	3	6 %	17.	вч. + др. диал.	1	2 %
8.	нч.	2	4 %	18.	сев. (= нч. сч. вч.)	1	2 %
9.	нч. сч. + сред.	2	4 %				
10.	сч. бес. вч.	2	4 %	**Всего**		**50**	**100 %**

Таблица 14

Рейтинг комбинаций диалектов
по количеству ареальных изоглосс (заимствований)

№ п/п	Комбинации диалектов	Ко-лич.	%	№ п/п	Комбинации диалектов	Ко-лич.	%
1.	нч. сл.	15 10	24 % 15,9	9.	сдз. (= сев. бес. срв.)	3	4,7 %
2.	сч.	10	15,9 %	10.	бес.	2	3,2 %
3.	нч. сч.	7	11,1 %	11.	сев. (= нч. сч. вч.)	2	3,2 %
4.	сев. (= нч. сч. вч.) бес.	7	11,1 %	12.	нч. бес.	1	1,6 %
5.	сч. бес. вч.	5	7,9 %	13.	сч. бес. вч.+ др. диал.	1	1,6 %
6.	нч. сч. бес.	3	4,7 %	14.	сч. вч. + др. диал.	1	1,6 %
7.	сч. бес.	3	4,7 %				
8.	сч. вч.	3	4,7 %	**Всего**		**63**	**100 %**

В соответствии с данными, представленными в трех таблицах, наибольшее число генетических изоглосс (9 – 18 %), общих с коми языками, насчитывается в среднечепецком диалекте северноудмуртского наречия. На втором месте по архаичным изоглоссам (8 – 16 %) –

комбинация северного (нижнечепецкий, среднечепецкий, верхнечепецкий диалекты вместе) и бесермянского наречий. В остальных диалектах и комбинациях диалектов удмуртско-коми сепаратных изоглосс содержится незначительное количество. Неожиданным является наличие весьма малого количество архаичных изоглосс в нижнечепецком диалекте, взятом в отдельности, – всего 2 изоглоссы – 4 %, хотя в удмуртском языкознании традиционно бытует мнение, что нижнечепецкий диалект является самым архаичным диалектом удмуртского языка.

Наибольшее количество сепаратных ареальных изоглосс представлено в нижнечепецком диалекте – 15 (24 %), далее следует среднечепецкий диалект – 10 (15,9 %). Число изоглосс, выявленных только в нижнечепецком и среднечепецком диалектах, вместе взятых, составляет 7 единиц (11,1 %). Такое же количество представлено в комбинации двух наречий – северного и бесермянского. Остальные показатели занимают незначительную долю. Ареальные изоглоссы возникли в процессе взаимодействия удмуртов с коми населением.

Глава 3

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Как уже отмечалось ранее, исследований, затрагивающих территориального распространения отдельных явлений в удмуртском, коми и коми-пермяцком языках сравнительно не много. Бóльшая часть этих работ посвящена изучению языковых параллелей на лексическом уровне, хотя Т. И. Тепляшина в одной из своих статей «Нижнечепецкие говоры северно-удмуртского наречия» не раз отмечает о наличии в описываемых говорах специфических фонетических черт, имеющих аналоги только в коми языках [Тепляшина 1970а: 156–196]. Фонетические и морфологические схождения территориально смежных коми и удмуртских диалектов освещены в работах С. Белых «Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках» [Белых 1995] и «Проблема распада прапермкой этноязыковой общности» [Белых 2009: 79–88]. Вопросы общих особенностей фонемной синтагматики согласных удмуртского и коми-пермяцкого языков, а также общих тенденций развития вокализма непервого слога в пермских языках рассматривались В. К. Кельмаковым [Кельмаков 2000; 2001; 2004: 261–269; Kel'makov 2000]. В частности, ученый отмечает, что тенденция к распространению огубленных гласных в непервые слоги имеет в пермской языковой области ареальный характер: ею охвачены преимущественно удмуртский и коми-пермяцкий языки [Кельмаков 2001: 72]. Поднятая проблема, безусловно, требует дальнейшей, более детальной разработки. Настоящая глава посвящена характеристике северноудмуртско-коми изоглоссных явлений в области фонетики.

3.1. Изофоны гласных *ӧ* (*ę*) и *э* (*е*)

1. Дистрибуция гласных среднего подъема среднерядного *ӧ* и переднерядного э в отдельных говорах северной диалектной зоны отличается от других удмуртских диалектов, но находит аналоги в коми языках. В удмуртском языке в отличие от других пермских языков гласный *ӧ* ограничивается употреблением только в пределах первого слога, за исключением пары деэтимологизированных слов – *ӧвӧл* ‘нет; не имеется’ и *ӧйтӧд* ~ *ӧйтӧт* ‘неизвестно, не знай (разг.); вряд ли’.

Описывая нижнечепецкие говоры, Т. И. Тепляшина отмечает, что в данных говорах звук *ӧ* употребляется гораздо чаще, чем в литературном языке [Тепляшина 1970а: 164]. Приведенный ею материал можно разбить на несколько групп.

1) Нч. *ӧ* ~ лит. *о* в первом слоге: *трӧс* ~ лит. *трос* ‘много’; *пӧчи* ~ лит. *пичи, покчи* ‘маленький’; *гӧрд* ~ лит. *горд* ‘красный’; *зӧр* ~ лит. *зор* ‘дождь’; *рӧд* ~ лит. *урод* ‘плохой’; *лӧбаны* ~ лит. *лобаны* ‘летать’; *тӧлызь* ~ лит. *толэзь* ‘месяц’; *вӧльыт* ~ лит. *вольыт* ‘гладкий, ровный’; *ӧстӧр* ~ лит. *ӧстор* (< *ӧс дор*) ‘место в избе около порога’; *тӧдыны* ~ лит. *тодыны* ‘знать, узнать’; *ӧй инь тӧд* ‘уже не узнала я’.

2) Русское *о* нередко передается через *ӧ*: *пӧяс* < *пояс, гӧснеч* < *гостинец, гӧршӧк* < *горшок, скӧр* ‘сердитый’, *рӧдня* < *родня* ‘родственники, родня’, *рӧдина* < *Родина, прӧч* < *прочь* ‘совсем, совершенно, абсолютно’; *прӧч уг кылы та* ‘он совершенно не слышит’.

3) Севернорусский суффикс прилагательных *-ой* усваивается через *-ӧй*: *бакорливӧй* < *бахорливой* ‘разговорчивый, словоотхотливый’; *бумажнӧй* < *бумажной* ‘бумажный’; *веселӧй* < *веселой* ‘веселый’; *вольнӧй* < *вольной* ‘вольный, свободный’; *городскӧй* ‘городской, интеллигентный’; *дошлӧй* < *дошлой* ‘дошлый, надоедливый, дотошный’; *здоровӧй* < *здоровой* ‘здоровый, крепкий’; *советскӧй* < *советской* ‘советский’; *строевӧй ӵаӵӵа* ‘строевой лес’ [Тепляшина 1970а: 170]; *толковӧй* ‘толковый’, *разнӧй* ‘разный’ [Там же. С. 189].

2. При исследовании фонетической синтагматики нижнечепецкого диалекта Л. Л. Карповой выявлено большое количество слов, звуковой состав которых не совпадает по говорам. Из внутридиалектных / междиалектных корреспонденций в области вокализма в данном случае представляет интерес следующий вид – э ~ *ӧ* // *ö* // (*о*). Исследователь отмечает, что «В качестве рефлекса праудмуртского **ę* в некоторых

словах косинского говора наблюдается гласный э (в альтернации с *ӧ*, реже с *о*), в слободском – *ӧ*, в то время как в среднечепецком и верхнечепецком диалектах в данном случае чаще всего выступает *о*»: кос. *зэр ~ зӧр* // сл. *зӧр* // сч. вч. *зор* ‘дождь’; кос. *лэбаны ~ лӧбаны* // сл. *лӧбаны* // сч. вч. *лобаны* ‘летать’; кос. *чэрыг ~ чӧрыг* // сл. *чӧрыг* // сч. вч. *чорыг* ‘рыба’; кос. *ӟэргыл'и ~ ӟӧргыл'и* // сл. *ӟӧргыл'и* // сч. вч. *ӟол'гыри* ‘воробей’; кос. *тэдыны ~ тӧдыны* // сл. *тӧдыны* // сч. вч. *тодыны* ‘знать’; кос. *вӧл'ит ~ вӧл'ыт* // сл. *вӧл'ыт* // сч. *вол'ыт ~ вӧл'ът*, вч. *вол'ыт* ‘гладкий; гладко’; кос. *тэлыз' ~ тӧлыз' ~ толыз'* // сч. *толиз' ~ толыз'*, вч. *толыз'* ‘луна; месяц’; сл. *трӧс* // сч. вч. *трос* ‘много’ [Карпова 2016а: 30–31].

Из представленного выше материала видно, что в отдельных словах на месте общеудмуртского *о* выступает гласный *ӧ* также в среднечепецком диалекте северного наречия. Кроме пары форм сч. *вол'ыт ~ вӧл'ът*, вч. *вол'ыт* ‘гладкий; гладко’ можно привести следующие примеры: сч. *подъл'л'ас'кънъ ~ пӧдъл'л'ас'кънъ* ‘привередничать, быть разборчивым в еде (пище)’, сч. *под'и ~ пӧд'и* ‘вероятно, пожалуй. может’, сч. *пойас ~ пӧйас* ‘ремень, поясок’, сч. *понна ~ пӧнна* послелог ‘за; из-за’ (др. диал. *понна*), сч. *починка ~ пӧчинка* ‘починок’ (др. диал. *починка*), сч. *толиз' ~ толъз' ~ толэз' ~ тӧлыз'* ‘луна; месяц (часть года)’ (др. диал. *толэз' ~ толиз'*) (примеры из: [Карпова 2013: 394–395, 398, 402, 479; см. также: Вахрушев 1959: 230]).

3. Отдельным ареалом, где дистрибуция гласного *ӧ* отличается от большинства удмуртских диалектов, являются средневосточные говоры. По данным С. К. Бушмакина, в шарканском говоре в первом слоге определенной группы слов вместо литературного *о* выступает *ę*, например:

шарк. *pęnna*, як.-бод. сосн. виш. *ponna*, лит. *понна* ‘для, за, ради (послелог)’;

шарк. *ęskaltin(i)*, як.-бод. сосн. виш. *oskaltin(i)*, лит. *оскалтыны* ‘(по)пробовать’;

шарк. *tędko*, як.-бод. сосн. виш. *todko*, лит. *тодйсько* ‘знаю’;

шарк. *čęrik*, як.-бод. сосн. виш. *čorik*, лит. *чорыг* ‘рыба’;

шарк. *nękinlen*, як.-бод. сосн. виш. *nokinlen*, лит. *нокинлэн ~ некинлэн* ‘ни у кого’; и т. д. [Бушмакин 1971а: 70]. Исследователь пишет, что «приведенные здесь слова с гласным *ӧ* ни в одном из других удмуртских диалектов в такой форме не употребляются. Гласный *ӧ*, как известно, в любом положении может стоять в коми языках» [Там же].

Помимо первого слога, во всех средневосточных говорах звук *ӧ* встречается во втором слоге ряда стяженных слов, что произошло в результате

ассимиляции непервого слога предыдущим гласным *ę*: *mon* ‘я’ – *męęm* (< *męim* ~ *męnim*) ‘у меня’, *ton* ‘ты’ – *tęęd* (< *tę(n)id*) ‘у тебя’, *kęęn* (лит. *kęlęn*) ‘у жернова (что-то есть, имеется)’, *kęęś* (лит. *kęleś*) ‘у жернова что-то отнимается, откалывается, отщепляется’ [Там же. С. 70, 165].

4. По вопросу происхождения междиалектной корреспонденции *ö* // *ö* ~ э // *o* в удмуртском языке мнения ученых несколько расходятся. Так, В. И. Лыткин отмечал, что в некоторых словах слободского говора вместо общеудмуртского *o* выступает *e*: *c'erig* ‘рыба’, *zer-* ‘идти дождю’, *śet-* ‘дать’. По мнению ученого, это может указывать на неравномерность процессов перехода *e* в *o*, и в некоторых случаях сохранились архаичные формы [Лыткин 1964: 131]. Как было представлено ранее, Т. И. Тепляшина в нижнечепецких говорах фиксирует употребление гласного *ö* как в приведенных выше корнях слов, так и в других примерах, включая позицию непервого слога. Ученый не раз сравнивает схожесть дистрибуции названного гласного с аналогичным гласным в коми языках.

В работе, посвященной исследованию одного из праудмуртских гласных, В. К. Кельмаков отмечает, что отклонения в репрезенатации праудм. *X* > *o* в современных диалектах могли бы оказать существенную помощь в определении качества гласного, однако в том случае, если речь идет об архаизмах. В случае с нижнечепецкими говорами такие отклонения, по его мнению, «представляют собой относительно поздние инновации, возникшие в этих говорах под влиянием коми диалектов» [Кельмаков 1978: 25–26; 2004: 81–82].

5. Исследование дистрибуции гласного *ö* (~ э) показывает, что отдельные изофоны лексем с данным звуком (звуками) в удмуртском языке ограничены несколькими группами говоров, но находят продолжение в коми языках. Нам представляется, что формирование исследуемого ареала первоначально связано со смешением коми населения в среде нижнечепецких удмуртов, вследствие чего возникло параллельное употребление форм с различной огласовкой: *зэр* // *зор* ‘дождь’, *лэбаны* // *лобаны* ‘летать’, *чэри* ~ *чэрыг* // *чорыг* ‘рыба’ и др. Первые варианты проникли из коми языков, ср.: к. *зэр, лэбавны, чэри*, вторые – представляли собой исконно удмуртские формы. В дальнейшем началось выравнивание гласных по ряду (появление форм с гласным *ö* – промежуточным между э и *o*): *зэр* ~ *зöр, лэбаны* ~ *лöбаны, чэрыг* ~ *чöрыг*, – чему способствовало также наличие таких пар, как *тöдыны* (< *тöдны*) // *тодыны* ‘знать’; *тöлыз'* (< к. *тöлысь*) // *толыз'* ‘луна; месяц’; *гöрд* (< к. *гöрд*) // *горд* ‘красный’.

После переселения части нижнечепецких удмуртов на р. Косу процесс выравнивания в двух разных диалектных группах протекал в иных направлениях. В косинском говоре звук *э* (а также *ӧ*) появился и в тех случаях, в которых соответствующего звука изначально не было ни в удмуртском, ни в коми языках: кос. *тэдыны ~ тӧдыны*, ср.: к. *тӧдны* // удм. *тодыны* ‘знать’; кос. *тэлыз′ ~ тӧлыз′ ~ толыз′*, ср.: к. *тӧлысь*, удм. диал. *толэз′ ~ толыз′* ‘луна; месяц’; кос. *вӧл′ит ~ вӧл′ыт* // сл. *вӧл′ыт* // сч. *вол′ыт ~ вӧл′ът*, др. диал. *вол′ыт* ‘гладкий; гладко’. У слободских удмуртов выравнивание проходило в пользу звука *ӧ*, в результате он стал употребляться и в тех словах, соответствия которых отсутствуют в коми языках: сл. *ӟӧргыл′и* // др. диал. *ӟол′гыри* ‘воробей’; сл. *трӧс* // др. диал. *трос* ‘много’, ср. также: сл. *вӧл′ыт* ‘гладкий; гладко’. Толчком для такого развития, возможно, послужило проникновение русских слов через язык коми-зырянского типа: *пӧяс* < *пояс, гӧснеч* < *гостинец, рӧдня* < *родня* и т. д.

Нет сомнения, что слова с гласным *ӧ* (на месте *о* других диалектов) в среднечепецкий диалект были привнесены с нижней Чепцы. Однако несколько сложнее дело обстоит со средневосточными говорами, которые находятся на значительном отдалении от среднечепецких и нижнечепецких говоров, при этом ареал средневосточных говоров отделен от первых широкой полосой говоров, в которых дистрибуция *ӧ* мало отличается от большинства удмуртских диалектов. Тем не менее можно сделать предположение, что изофоны дистрибуции гласного *ӧ* в средневосточных говорах связаны с удмуртским населением нижней Чепцы. На это указывает история заселения территории средневосточных говоров. Освоение названной территории осуществлялось удмуртами с запада, северо-запада по реке Чепце и ее притокам, в северо-восточном направлении по р. Кильмези, а также с южных районов [Бушмакин 1971а: 18–22, 39–40]. Также следует подчеркнуть, что в средневосточных говорах представлено множество северноудмуртских лексических маркеров, например: сев. срв. *бэн* // южн. *бон* ‘да’ (частица); нч. сч. срв. *мачкыны* ~ вч. *мад′ис′кыны, мад′ыны* // юдз. *вэраны* ‘рассказывать’; нч. сч. *пый* (*пъй*) ~ вч. срв. *пӧй* ‘я (мы) мол; я думаю, мы думаем’ (в южной диалектной зоне эквивалент отсутствует); сев. срв. *удморт* // юдз. *удмурт* – самоназвание народа; сев. бес. срв. *ус′сэ* // юдз. *ӵуказ′э ул(ы)са, ӵуказ′э бэрэ* ‘послезавтра’. Имеются общие морфологические и акцентуационные изоглоссы.

3.2. Консонантный кластер *кв-* (*ква-, кви-*) анлаута слова

В большинстве диалектов удмуртского языка после анлаутного глухого *к* перед *а* и в одном слове перед *и* (*кўин′* ‘три’) произносится *ў* (*u̯* – неслоговой *у*). В отдельных говорах на месте данного звука выступает звук *в*, что находит определенные аналоги в коми языках.

Употребление звука *в* в сочетании с начальным *к*, по-видимому, впервые было замечено в северноудмуртских (среднечепецких. – *С. М.*) говорах В. М. Вахрушевым, зафиксировавшим слово *квинь* ‘три’ [Вахрушев 1959: 231]. Позднее Т. И. Тепляшиной выявлено, что в нижнечепецких говорах после согласного *к* начала слова этот звук появляется систематически. В результате специального исследования ею установлено, что «звук *в* возникает только в положении между начальным *к* и последующим гласным *а* или *и*, ср.: *ква* вм. лит. *куа* ‘древний шалаш из бревен или досок’; *квазь* ‘небо’ ~ лит. *куазь* ‘погода’; *квака* ~ лит. *куака* ‘ворона’; *квар* ~ лит. *куар* ‘лист (дерева)’; *квать* ~ лит. *куать* ‘шесть’; *квинь* ~ лит. *куинь* ‘три’ и т. д. [Тепляшина 1970а: 163].

В соответствии с новейшими данными, представленными в работе Л. Л. Карповой, употребление *в* вместо неслогового *ў* после *к* в позиции перед гласными *а* и *и* является спецификой косинской группы говоров нижнечепецкого диалекта: *кват′* (< *кўат′*) ‘шесть’, *квамын* (< *кўамын*) ‘тридцать’, *квара* (< *кўара*) ‘звук, голос’, *квин′* (< *кўин′*) ‘три’. Она отмечает, что в современном слободском говоре в аналогичной позиции систематически выступает неслоговой *ў*. Тем не менее, принимая в учет материалы Т. И. Тепляшиной, она считает, что в прошлом данное явление в нижнечепецком ареале должно было иметь более широкое распространение [Карпова 2016а: 31–32].

Спорадическое замещение неслогового *ў* звуком *в* после *к* в позиции перед гласными *а* и *и* Л. Л. Карповой выявлено также в южной части дебёсского говора верхнечепецкого диалекта: *кват′* (< *кўат′*) ‘шесть’, *квамын* (< *кўамын*) ‘тридцать’, *квара* (< *кўара*) ‘звук, голос’, *квин′* (< *кўин′*) ‘три’ [Карпова 2015: 52]. Из других удмуртских диалектов описываемое явление отмечено в отдельных срединных говорах [Кельмаков 2006: 85]. Таким говором является, в частности, шарканский, относящийся к группе средневосточных говоров и примыкающий с юга к дебёсскому говору (тыловайскому подговору), образуя с последним единый ареал со спорадическим употреблением сочетания *кв-*.

Сочетание *ква-* в начале слова, как считал Д. В. Бубрих, возникло в древнепермский период из *ко-*. Вставочный звук *в*, по его мнению, развился по той причине, что *к* перед *о* в прошлом имел некоторую степень огубленности. Когда гласный *о* в определенных условиях перешло в *а*, предшествующий *к* не утратил огубленности, а выделил определенный «пазвук», который далее развился в *в* [Бубрих 1948: 79]. Аналогичного мнения по поводу происхождения вставочного *в* в сочетании *ква-* придерживаются И. В. Тараканов [1964: 78] и Т. И. Тепляшина [1970а: 164].

Раскрывая этимологию к. *квайт*, удм. *куать* ‘шесть’, В. И. Лыткин пишет, что в общепермский период после *k-* выработалось лабиализованное *w* (*u̯*), под влиянием которого последующий гласный расширился: **kute-* > **kwute-* > **kwat′* [КЭСК, 119]. Первичность *ў* как в словах на анлаутное *ўа-* // *ва-*, так и в сочетаниях *кўа-* // *ква-* (*кўи-* // *кви-*) предполагает также В. К. Кельмаков [2006: 84–85].

История развития ареалов функционирования консонантного сочетания *кв-* нам представляется следующим образом. В конце общепермского периода (X–XI вв.) под влиянием тюркских (булгарских) племен артикуляция смычного согласного *k-* могла отодвинуться назад, в связи с чем в определенных сочетаниях с гласными выработалась огубленность, в частности в соседстве с заднерядными гласными. Рефлексом такого огубленного призвука в современных коми языках является звук *в* в названиях числительного ‘шесть’ – кз. *квайт*, кп. *квать* (и их производных), образовавшихся из формы **kwat′*. В удмуртском языке, испытавшем более длительное и интенсивное тюркское влияние, слов с начальным *кўа-* образовалось в значительно большей степени.

Звукопереход *ў* > *в* в коми языках в названиях приведенного числительного, а также в некоторых других словах произошел после начала контактов коми с русским населением. Из русского языка проникли слова, содержащие звукосочетания *хва-* (*ква-*), ср.: кз. *квастайтны*, кп. *квастáйтны* < рус. *хвастать*, кз. *кватайтны, кватлавны*, кп. *кватáйтны* ‘хватать, нахватать, расхватать’ < рус. *хватать*; кз. *кватитны*, кп. *кватúтны* ‘схватить, захватить’ < рус. *схватить* и т. д. [КРК 2000: 265; КПРС, 168].

Следует сказать, что согласный *в*, будучи субститутом прафинно-угорского билабиального **w*, в прапермский период употреблялся только

в анлауте, поскольку в инлауте этот согласный исчез [ОФУЯ 1974: 142–143; Rédei 1988: 352–354]. В результате появления заимствованных слов с нетипичным для коми языков фонотаксисом был нарушен общепермский закон дистрибуции согласного *в*: данный звук проник за пределы анлаута и начал употребляться, в частности, в сочетании *ква-*, при этом не только в русских заимствованиях, но и исконных словах на месте *кўа-*. Примечательно, что в коми-язьвинском наречии, находящемся под сильным влиянием русского языка, согласный *в* развился и в сочетании *кўи-*: кя. *квим* ‘три’, *квимна́нним* ‘мы все трое’, *кви́мна́нним* ‘мы трое’ [КЯД, 60, 124–125], ср. кз. кп. *куим*.

Описанная инновация в коми фонотаксисе вместе с переселенческими группами проникла к нижнечепецким удмуртам (на территорию проживания современных слободских удмуртов). С нижней Чепцы данное явление распространилось на р. Косу, а также на среднюю и даже верхнюю Чепцу, по ее притокам – вплоть до территории проживания срединных удмуртов. Указанное направление переселенческой волны, в числе прочих, подтверждается этнографическими данными. К примеру, М. Г. Атаманов на основе распространения воршудно-родовых групп приходит к выводу, что на территории современного Дебёсского района Удмуртии переселенцами являлись удмурты с нижней и средней Чепцы, с кезско-балезинского куста и из центральной Удмуртии [Атаманов 2005: 49]. Исследуя особенности языка дебёсских удмуртов, Л. Л. Карпова [2015: 49] приходит к выводу, что «Количественно превалирующее нижнечепецкое и среднечепецкое население определило язык дебёсских удмуртов как язык северноудмуртского типа, хотя другие группы удмуртов также внесли в него свои особенности».

Привнесенное извне через коми язык сочетание *ква-*, чуждое для удмуртского языка, вступило в противоречие с его фонотаксисом (ср.: сч. *кўашн'а* < рус. *квашня*, удм. диал. *кўарт'ира* < рус. *квартира*), поэтому в большинстве говоров произошло выравнивание в пользу неслогового *ў* (*кўа-*), в том числе в слободском говоре нижнечепецкого диалекта. В тыловайском (под)говоре верхнечепецкого диалекта, а также в соседствующем шарканском срединном говоре употребление консонантного ряда *кв-* находится на стадии затухания. Особняком в этом отношении стоит только косинский говор нижнечепецкого диалекта, в котором стимулом для сохранения исследуемого звукосочетания, по-видимому, послужило сильное русское влияние.

3.3. О палатальных *с′, з′* (*š̑, ž̑*) в среднечепецком диалекте

При освещении некоторых черт глазовского диалекта удмуртского языка В. И. Лыткин и Т. И. Тепляшина к одной из особенностей данного диалекта отнесли наличие мягких шепелявых *с′, з′*, тождественных аналогичным звукам коми-зырянского языка. Соответствующие звуки других удмуртских диалектов ими определялись как полушепелявые *с, з*, «представляющие по своей палатализации нечто среднее между коми-зырянским шепелявым, палатальным свистящим и русским литературным» [Лыткин, Тепляшина 1959: 220]. С другой стороны, в отношении шепелявости исследуемые глазовские палатальные Т. И. Тепляшиной сравниваются с бесермянскими *s′, z′*, которые в этом плане также отличаются от большинства удмуртских диалектов [Тепляшина 1970б: 96].

На основе публикаций Т. И. Тепляшиной по удмуртской диалектологии термин «глазовский диалект» в общих чертах можно соотнести с говорами современного среднечепецкого диалекта (за исключением балезинского говора). В формировании названного диалекта, особенно некоторых его говоров, определенная роль принадлежит бесермянскому наречию [Карпова 1998; 2010; 2016а: 24; 2018б: 22, 25, 39]. В частности, под влиянием языка бесермян, в фонетической системе которого на месте литературного *ы* употребляется преимущественно гласный заднего ряда средне-нижнего подъема ъ, в отдельных говорах изменились произносительные нормы среднерядного гласного звука *ы* (отодвижка артикуляции назад) [Атаманов 2000: 19–20; Атаманов-Эграпи 2010: 311–313]. Полагаем, что шепелявость глазовских (среднечепецких) палатальных сибилянтов *с′, з′* обязана своему возникновению также языку бесермян. В исследуемом вопросе нельзя полностью исключать и вероятность воздействия коми языка. Правда, в этом случае шепелявое произношение *с′, з′* в первую очередь должно было наблюдаться в нижнечепецком диалекте. С другой стороны, особенности артикуляции исследуемых сибилянтов в названном говоре могли исчезнуть под влиянием русского языка.

3.4. Изоглоссные явления в области акцентуации

Проблема места ударения в прауральском и прафинно-угорском языках окончательно до сих пор не решена. Достаточно популярным является мнение Э. Итконена, считавшим, что в праязыках ударным был первый слог. Однако существуют и альтернативные точки зрения, в соответствии с которыми, ударение было подвижным или же свободным [ОФУЯ 1974: 212–213; Хайду 1985: 216]. Имеется предположение, что ударение в пермском языке-основе было свободным [ОФУЯ 1976: 135]. Большинство ученых придерживаются мнения о том, что прапермский язык характеризовался фиксацией ударения на первом слоге [Кельмаков 1986: 124–128; 1993: 31–32]. Новейшие исследования в области акцентуации позволили отдельным исследователям вести речь о существовании подвижного ударения в общепермском праязыке; полагают, что такой тип акцентуации возможно реконструировать и для финно-угорского праязыка [Норманская 2009: 261].

Современные пермские языки и диалекты отличаются разными типами ударения. В коми-зырянском ударение имеет тенденцию падать на первый слог, хотя в большинстве диалектов оно в значительной мере свободное (нефиксированное). В коми-пермяцком языке ударение квалифицируется как осново-разноместное: оно фиксировано на какой-либо морфеме в пределах основы слова. Ударение в значительной степени морфологизировано: одни морфемы всегда ударны, другие безударны, третьи перетягивают ударение или на себя, или на предшествующий слог [Лыткин 1961: 33; ОФУЯ 1976: 135–136].

Коми-язьвинский диалект имеет качественно-вокальное ударение. Место ударения в нем зависит от качества гласного: оно падает на первый слог или на корень, если в его составе имеются гласные нижнего и среднего подъема *а, о, е, ӧ* (*ə̊*), которые практически всегда удерживают ударение на себе при словоизменении и словообразовании; гласные верхнего подъема *и, у, ӱ* удерживают на себе ударение, если в других коми диалектах им соответствуют более широкие звуки; гласный *ө* никогда не удерживает на себе ударения [Лыткин 1961: 33; ОФУЯ 1976: 135–136]. Качественно-вокальное ударение также характерно для нижнеиньвенского и оньковского диалектов коми-пермяцкого языка [Баталова 1975б: 90–96; ОФУЯ 1976: 113–114].

Удмуртский язык характеризуется подвижным фиксированным типом словесного ударения, которое чаще всего падает на последний

слог слова, хотя имеется значительное количество отклонений от этого правила. В первую очередь это касается определенных глагольных и наречных форм, а также отдельных разрядов местоимений. Акцентуационная система современного удмуртского, по мнению большинства ученых, сложилась в первую очередь под влиянием татарского языка [Лыткин 1957: 106; ГСУЯ 1962: 47–49; Тараканов 1982: 171; Денисов 1986: 21; Кельмаков 2006: 74; Карпова 2018а: 123–124]. Диалекты удмуртского языка в отношении акцентуации проявляют большее разнообразие, чем литературный язык. В данном разделе рассмотрим несколько случаев постановки ударения, которые характерны для северного наречия или северной диалектной зоны и находят продолжение в коми языках.

3.4.1. Заударный маркер компаратива – удм. нч. *-ӝсык* (*-ʒi̯k*) // к. *-джык* (*-ʒi̯k*), *-жык* (*-ži̯k*), *-джиг* (*-ʒig*)

В нижнечепецком диалекте северного наречия и средневосточных говорах удмуртского языка в качестве одного из маркеров сравнительной степени функционирует показатель *-ӝсык*. В нижнечепецких говорах, по данным Т. И.Тепляшиной, эта морфема является безударной, ср.: *лы́зӝсык* ‘более синий’, *ӝо́гӝсык* ‘быстрее’, *чебе́рӝсык* ‘более красиво, более красивый’, *чебергéзӝсык* ‘очень красиво, самый красивый’, *ӵе́мӝсык* ‘чаще, довольно часто’ [Тепляшина 1970а: 166–167]. Наличие данного явления подтверждается исследованиями говоров нижнечепецкого диалекта Л. Л. Карповой: *чэбэ·рӝсык* ‘красивее, более красивый’, *умо·йӝсык* ‘лучше’, *куз′гэ·мӝсык* ~ *куз′гэ·сӝсык* ‘длиннее’. В словах с данным суффиксом ударение обычно падает на предшествующий ему слог [Карпова 2017б: 98–99].

Аналог постановки ударения наблюдается в коми диалектах: суффикс сравнительной степени *жык* (*джык*) является безударным во всех коми-пермяцких диалектах, коми-язьвинском наречии, а также в самых южных диалектах коми-зырянского языка – верхнесысольском и летском, при этом ударение закономерно падает на предшествующий ему слог, например: кп. *га́жа – гажа́жык* ‘весело – веселее’, *ми́ча – мича́жык* ‘ясно – яснее (о погоде)’, вс. *эташа́жык* ‘меньше’, лет. *дона́джыг* ‘дороже, более дорогой’, *донӧ́нжык* ‘дороже, по более дорогой цене’ [Лыткин 1961: 58; Баталова 1982: 125–126; Жилина 1975: 58; 1985: 35].

По мнению Л. Л. Карповой, описанное явление в нижнечепецких говорах могло возникнуть под влиянием коми диалектов [Карпова 2017б: 99]. В данном вопросе мы полностью солидарны с озвученным мнением.

3.4.2. Ударный суффикс с собирательной семантикой – удм. сдз. *-на·* // к. *-на·н*

В определенных удмуртских диалектных группах морфема *-на·* почти всегда несет на себе ударение. Такими диалектами являются северное и бесермянское наречия, а также средневосточные говоры, примыкающие с юга к северному наречию (см.: [Тепляшина 1970а: 173–174, 178; 1970б: 211; Карпова 1997: 63, 116; 2008а: 946; 2017б: 98; 2018а: 239, 272–273; Бушмакин 1971а: 264–265; Люкина 2016: 47].

В соответствии с данными ведущего удмуртского диалектолога В. К. Кельмакова, в собирательных числительных с суффиксом *-на* в кукморском говоре ударение падает на первый, а в отдельных южных говорах – на последний слог слова, напр.: *кӱ·н'намъ* ‘мы втроем, мы трое’ // нч. *квин'на́нным* ‘нами троими’, сч. *кӱин'на·мъ* (*кӱин'намъ*), сред. *кӱин'намы*, бес. *кӱин'на·мъ* // отд. юж. *кӱин'намы, кун'намъ* ‘мы втроем, мы трое’ [Kel’makov, Saarinen 1994: 55; Кельмаков 2006: 77].

В исследуемой группе слов ударение на первый слог падает также в татышлинском говоре, ср.: татш. *kи̇·n'-n'atə̑* ‘мы втроем’, *kи̇·n'-n'adə̑* ‘вы втроем’, *kи̇·n'-n'azə̑* ‘они втроем’ [Байдуллина 2003: 69]. По нашим наблюдениям, аналогична постановка ударения и в некоторых других закамских говорах, в частности в ташкичинском и шагиртско-гондырском: ташк. *къ·кназъ* ‘они вдвоем’, *кӱ·н'надъ* ‘вы втроем’, *н'ъ·л'надълъ* ‘вам четверым’; татш. *н'и·л'л'адълъ* ‘вам четверым’, *кӱ·н'н'адълэс'* ‘у вас у троих (напр. взять что-л.)’; шг. *кы·кнамы* ‘мы вдвоем’, *кӱ·н'надылэн* ‘у вас у троих’, *н'ы·л'надылы* ‘вам четверым’. В дополнение отметим, что в западной и южной группе срединных говоров, а также собственно южном диалекте (по неполным данным) ударение в исследуемой группе слов ставится на последний слог.

Из приведенных данных следует, что в отношении постановки ударения в словах с морфемой *-на-* северная диалектная зона удмуртского языка противопоставлена южной диалектной зоне, однако при этом испытывает общность с диалектами коми языков, в первую

очередь с коми-пермяцкими. В коми-пермяцком языке ударным является словообразовательный суффикс числительных *-нан-* со значением собирательности, ср.: к.-и. *куимна́н во́ныс* ‘все три брата’, *витна́нныт ве́ватö?* ‘вы (все) пятеро сходите?’, коч. *кыкна́н ки́нас* ‘обеими руками’, *витна́нныс* ‘все пятеро’, м.-л. *н′ол′-на·н-ныс* ‘(они) все четверо’ [Баталова 1975б: 83, 100, 107, 110; Пономарева 2002: 52]. Аналогична постановка ударения в одном из самых южных диалектов коми-зырянского языка – верхнесысольском, ср.: вс. *кыкна́ным* ‘мы оба’, *кыкна́ныд* ‘вы оба’, *кыкна́ныс* ‘они оба’ [Жилина 1975: 56–58]. Интересно отметить, что суффиксы совместных числительных (*-нан, -на-*) коми-язьвинского наречия являются всегда ударными, даже в том случае, если гласный корня относится к звукам, удерживающим ударение[1], напр.: *ӧтна́м* или *ӱтна́м* ‘я один’, *квимна́нним* ‘мы все трое’, *н′ул′на́нним* ‘мы все четверо’. При употреблении с другими суффиксами числительные (*ӓ̊тик, квим, н′ул′*) сохраняют ударение на корне слова [Лыткин 1961: 60].

Исследуемая морфема несет на себе ударение в компактном ареале, охватывающем северную диалектную зону удмуртского языка и южную группу коми диалектов: коми-пермяцкие диалекты, коми-язьвинское наречие, а также самые южные коми-зырянские говоры. Можно предположить, что мы имеем дело с инновационным ареалом, центром которого являются коми-пермяцкие говоры. Однако против такого предположения выступают данные периферийно-южного диалекта удмуртского языка. Мы полагаем, что ударение на первом слоге в словах с суффиксом *-на* является рефлексом того, что данная морфема ранее несла на себе ударение. В определенный момент развития удмуртского языка в целом произошло перемещение ударения на последний слог. В языке, по-видимому, существовали морфемы, имеющие особую значимость в грамматической системе и выделялись акцентуационно. Ударение в середине слова в целом вступало в противоречие с вновь сформировавшейся акцентуационной системой, однако необходимость выделения значимой морфемы реализовалось переносом лексического ударения на первый слог, что в общих чертах нашло внешнюю поддержку в акцентуационной системе контактирующего татарского языка.

Следовательно, напрашивается вывод, что *-на* является одним из суффиксов, который в прапермский период представлял из себя пример

[1] О системе ударения в коми-язьвинском наречии см. выше (п. 3.4).

морфологизированного ударения. В большинстве диалектов коми-зырянского языка данная морфема стала безударной в результате влияния прибалтийско-финских языков, а в удмуртских диалектах – татарского языка. Сохранению ударения на данной морфеме в северной диалектной зоне способствовали поздние контакты с коми-пермяцкими диалектами. (Морфологические изоглоссы *-на·(-)* // к. *-на·н(-)* достаточно подробно описаны в следующей главе, п. 4.5).

3.4.3. Суффикс порядковых числительных с ударным гласным – удм. *-э·ти ~ -э·т'и* // кп. *-ӧ·т* ~ кя. *-ө·д* ~ кз. диал. *-ӧ·д*

В порядковых числительных, а также образованных от них отнумеральных наречиях со значением места в отдельных удмуртских диалектных группах ударение ставится не на последний слог, а на первый гласный суффикса – э. Названная особенность была подмечена еще финским исследователем Юрьё Вихманном, ср.: *kị̂ktè·t'i* G B, *kị·keti* M, *kị̆keti* J MU, *kị̆kteti* J, *kị̂kte·ti* U ‘второй’ [Wichmann 1987: 109]. Из приведенных примеров следует, что суффикс *-эти* был ударяемым в глазовском (совр. среднечепецком) и бесермянском диалектах, а также в уфимском диалекте (совр. буйско-таныпский говор). Интересно отметить, что в малмыжском диалекте (совр. селтинский говор: среднезападные говоры) ударение падало на первый слог числительного. Аналогичная постановка ударения по диалектам также у других порядковых числительных, в частности у числительного «седьмой» [Там же. С. 237].

По данным Т. И. Тепляшиной, в нижнечепецких говорах в качестве порядковых числительных употребляются русские заимствования, но в соответствующих отнумеральных наречиях ударение падает на первый слог исследуемой морфемы: нч. *ньылéти* ‘в четырех местах’, *дасэ́ти* ‘в десяти местах’ [Тепляшина 1970а: 174]. Аналогичная постановка ударения наблюдается в порядковых числительных верхнечепецкого диалекта, напр.: *вит'э́ти* ‘пятый’, *с'уэ́ти* ‘сотый’ [Алашеева 1982: 93], среднечепецкого диалекта: *vit'e·t'i* ‘пятый’, *dase·t'i* ‘десятый’ [Карпова 1997: 62], бесермянского наречия: *вит'э·т'и* ‘пятый’, *кӱамынэ·т'и* ‘тридцатый’ [Кельмаков 1992: 79]. В средневосточных говорах в исследуемой категории слов ударение варьируется: обычно падает на последний слог, но при выделении порядка предметов ударение переносится на первый

слог суффикса [Бушмакин 1971а: 265–266]. Исследователь северного наречия Л. Л. Карпова отмечает, что в порядковых числительных ударение во всех северноудмуртских диалектах обычно падает на первый гласный суффикса *-эт'и* ~ *-эти* [Карпова 2008: 945; 2018а: 126–127].

В кукморском [Кельмаков 2006: 77], кырыкмасском [Кельмаков 1977: 46] и граховском [Атаманов 2005а: 169] говорах отнумеральные наречия имеют ударение на первом слоге и тем самым различаются от соответствующих порядковых числительных. В одном из закамских говоров – татышлинском, как порядковые числительные, так и отнумеральные наречия несут ударение на первом гласном суффикса *-eti*: *kə̑ke·ti, kə̑kte·ti* ‘второй; в двух местах’, *kṅn'e·ti, kṅn'me·ti* ‘третий; в трех местах’; *tatis'en kə̑ke·ti korkan peres' äbi ule.* ‘Во втором отсюда доме живет старая бабушка’ [Байдуллина 2003: 68].

Суффикс порядковых числительных *-э·ти* ~ *-э·т'и* с ударением на первом гласном занимает определенный ареал, охватывающий северное и бесермянское наречия, к которым примыкают средневосточные говоры. Вдали от очерченного ареала, в Закамье (РБ), расположен татышлинский говор. Отдельные южноудмуртские говоры с аналогичным ударением в отнумеральных наречиях также образуют островной ареал.

Прямой аналог исследуемой морфемы имеет место в коми диалектах, в первую очередь в коми-пермяцких, в которых порядковые числительные различаются постановкой ударения от соответствующих количественных в переходном падеже: *куимо̋т* ‘третий’ – *куи́мöт* ‘через три’, *вито̋т* ‘пятый’ – *ви́töт* ‘через пять’, м.-л. *куйм-ö·т* ~ *куим-ö·т* ‘третий’ [Баталова 1975б: 119; Пономарева 2002: 52]. Похожая ситуация наблюдается в самых южных коми-зырянских диалектах – верхнесысольском и летском, в которых суффикс *-öд* всегда является ударным, ср.: вс. *куймо̋д* ‘третий’, *кват'о̋д* ‘шестой’, лет. *коймо̋д* ‘третий’, *вито̋д* ‘пятый’ [Жилина 1975: 58; 1985: 34; Попова, Сажина 2014: 45]. В коми-язьвинском наречии, а также в оньковском диалекте коми-пермяцкого языка, в которых система ударения является качественно-вокальной, исследуемая морфема всегда несет на себе ударение, независимо от качества гласного корня слова, ср.: кя. *квимо́т* ‘третий’, *н'ул'о́т* ‘четвертый’, оньк. *н'ёльо́т* ‘четвертый’ [Лыткин 1961: 60; Баталова 1975б: 226].

Таким образом, следует констатировать, что удмуртский суффикс порядковых числительных *-э·ти* является еще одной морфемой, которая несет на себе ударение с прапермского периода.

3.5. Выводы по главе

В данной главе было рассмотрено 6 изоглоссных явлений в области фонетики, три из которых связаны с акцентуацией. Формирование изоглосс и их ареалов происходило по разным причинам. Некоторые из них представляют собой результат консервации общепермского явления. К таковым относятся: ударный суффикс с собирательной семантикой – удм. сдз. *-на·* // к. *-на·н* (ср. удм. *кӯин'на·мы* ‘мы все трое’), а также суффикс порядковых числительных с удареным гласным – удм. *-э·ти* ~ *-э·т'и* // кп. *-ӧ·т* ~ кя. *-ө·д* ~ кз. диал. *-ӧ·д* (ср. удм. *вит'э·т'и* ~ *вит'э·т'и* ‘пятый; в пяти местах’).

К заимствованиям из диалектов коми-пермяцкого типа следует отнести заударный маркер компаратива *-жык* нижнечепецкого диалекта. Вместе с суффиксом была перенесена система постановки ударения, связанная с ним: ударение всегда падает на слог, предшествующий данному суффиксу: нч. *чэбэ·ржык* ‘красивее, более красивый’, ср. кп. *га́жа – гажа́жык* ‘весело – веселее’.

Несколько общих изоглоссных явлений возникли в результате влияния коми языков на удмуртский. Таковыми являются изофоны *ӧ* (*ɵ*) и э (*е*), иначе говоря, употребление данных гласных на месте *о* большинства удмуртских диалектов, ср.: нч. *гӧрд* ‘красный’ // др. удм. диал. *горд*, к. *гӧрд*; нч. *зӧр* ~ *зэр* ‘дождь’ // др. удм. диал. *зор*, к. *зэр*. Сочетание согласных *кв-* (*ква-, кви-*) в начале слова вместо *кӯ-* (*кӯа-, кӯи-*) также формировалось в процессе языкового взаимодействия с коми населением, ср.: нч. *кват'* ‘шесть’ // др. удм. диал. *кӯат'*, кз. *квайт*, кп. *квать*. Шепелявое произношение палатальных сибилянтов *с', з'* (*ś, ź*) в среднечепецком диалекте, возможно, также возникло в результате контактов с коми диалектами. Однако на данном этапе исследования в этом вопросе мы в большей степени склоняемся к предположению о бесермянском влиянии.

Причины формирования фонетических изоглосс распределились следующим образом: архаизмы – 2; заимствования из коми языков – 1; результат интерференции – 2 (? +1).

Глава 4

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Настоящая глава посвящена характеристике северноудмуртско-коми изоглоссных явлений в области морфологии.

4.1. Жилищно-местные падежи удмуртских диалектов и локализация DOMUS пермских языков

1. Современные пермские языки и их диалекты характеризуются разным количеством падежей. Говоры северноудмуртской диалектной зоны и коми-пермяцкие говоры отличаются тем, что в них, помимо основных падежей, выработались вторичные пространственные падежи. Увеличение количества падежей в диалектах коми-пермяцкого языка происходит за счет разрушения системы серийных послелогов с основой на *выл-, дын-, орд-* и трансформации их в падежные форманты. Это явление достаточно подробно описано Р. М. Баталовой, а также Г. А. Некрасовой [Баталова 1975: 129–143; Некрасова 2016].

Дополнительные падежи северной диалектной зоны удмуртского языка прежде всего отличаются тем, что в составе падежных аффиксов у них содержится элемент *-н'-*, например: (1) сев. (Котнырево) *zẹ̑k ku̯ala mikonjos**n'ə̑n** və̑lem.* ‘Большая куала была у [семьи] Микона’ [Kel’makov, Saarinen 1994: 170]; (2) бес. (Ворца) *гужэм кӧуаз'эн ос'ъппи**н'ис'эн** тъл потиз но назарпиослэн корка палазъ кошкиз.* ‘Летом в доме потомков («сына») Осипа возник пожар, переметнулся на дом потомков («сына») Назара’ [Федотов 1982: 118]; (3) бес. (Еж.) *kənolə pᵒrim ti**n'n'ad**.* ‘Мы зашли в гости к вам’ [Тепляшина 1970б: 171].

Большинство ученых, занимавшихся (или занимающихся) изучением северного и / или бесермянского наречий удмуртского языка или же их морфологией, в своих трудах не оставили без внимания словоформы / падежные формы с элементом *-н′-* (*-ń-*). К их числу относятся работы Ю. Вихманна [Wichmann 1954: 50], Д. Фокоша-Фукса (см. [Wichmann 1954: 135, 136]), Б. А. Серебренникова [Серебренников 1963: 78–82], В. И. Лыткина и Т. И. Тепляшиной [Лыткин, Тепляшина 1959: 224], В. М. Вахрушева [Вахрушев 1959: 236], Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1970а: 169–176; 1970б: 167; 1981: 285–292], В. К. Кельмакова [Кельмаков 1981: 34; 1995: 13–17], В. К. Кельмакова, С. Сааринен [Kel'makov, Saarinen 1994: 98–99; 104–107], А. А. Алашеевой [Алашеева 1992: 18]; С. А. Максимова [Максимов 1999а]; М. Н. Усачёвой [Усачева 2011: 121, 124]; М. Н. Усачёвой, Н. В. Сердобольской [Усачева, Сердобольская 2015: 372]; Н. М. Люкиной [Люкина 2016: 72–74, 81–83]; М. Усачевой, Т. Архангельского [Usačeva, Archangelískij 2017] и др.

Описание вторичных пространственных падежей с показателем *-н′-* нашло отражение практически в десятке трудов исследователя северного наречия удмуртского языка Л. Л. Карповой [1990: 68; 1997: 85–89; 2005: 60–63; 2013: 40–42; 2016а: 109–110; 2016б: 210–211; 2017: 10–11]. В частности, в одной из ее работ достаточно подробно освещаются специфические явления в системе словоизменения имени существительного. Помимо выявления количественного состава падежей, проводится анализ функционирования серии вторичных местных падежей с показателем *-н′-*. Отмечаются особенности фонетического оформления и семантики употребления отдельных падежей. Проводится последовательное сравнение языковых фактов нижнечепецких говоров с аналогичными явлениями других северных диалектов и других удмуртских говоров [Карпова 2016а].

Из указанных выше работ исследуемой проблеме специально посвящены статьи Т. И. Тепляшиной и С. А. Максимова [Тепляшина 1981; Максимов 1999а]. Информативна в этом плане также публикация Л. Л. Карповой, Н. В. Кондратьевой «Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты» [2014], в которой пространственные падежи литературного языка рассматриваются в сравнении с употреблением соответствующих грамматических единиц в диалектах; значительное место отведено описанию вторичных пространственных падежей. Подробному осве-

щению проблемы функционирования и грамматикализации новых пространственных падежей в бесермянском диалекте посвящена новейшая работа М. Усачёвой, Т. Архангельского [Usačeva, Archangelískij 2017].

2.1. Предшествующими учеными делалась попытка выяснения значения и функции падежных форм, содержащих элемент *-н′-*. Д. Фокош-Фукс показатель *-ńi̯n* именует адессивом II, а *-ńε* аллативом II [Wichmann 1954: 135, 136]. Б. А. Серебренников [1963: 78–80] относит слова с суффиксом *-ńin* к адессиву, а формы с показателем *-ńe*, как и А. И. Емельянов [1927: 123], – к иллативу. Т. И. Тепляшина отмечает, что в северноудмуртских диалектах реально употребляется 6 падежей, в состав которых входит показатель *ń*, и называет их термином «приблизительно-местные падежи». «В отличие от суффиксов обычных местных падежей, сложные падежные окончания приблизительно-местных падежей наделены собственным (определенным) значением <...>» [Тепляшина 1981: 285–287]. Далее ею указывается, что «наблюдается разграничение простых падежных форм от приблизительно-местных в соответствии с категорией живого (человека, животного) и неживого (вещи, предмета) <...>». Отмечается, что с именами существительными, обозначающими пространственно широкое понятие, применяются послелоги с основой *dor: šur doriś́* ‘с места возле реки; от реки’ [Тепляшина 1981: 290–291]. Несколько иных взглядов по вопросу употребления вторичных падежей придерживается В. К. Кельмаков [1995: 14], который считает, что по ним «как правило, склоняются имена существительные и местоимения, семантически ориентированные преимущественно на человека (лицо)».

Отметим, что вторичные пространственные падежи действительно имеют собственное значение. Оно отличается как от семантики соответствующих первичных падежей, так и от серийных послелогов (по другой терминологии – реляционных имен) с основой на *дор-*, а именно: они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-)либо и т. д., а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо и т. д. Поэтому наименование «приблизительно-местные падежи» не раскрывает сути вторичных пространственных падежей удмуртского языка. В связи с чем нами предложен термин «жилищно-местные падежи» [Максимов

1999а: 195]; названия отдельных падежей образованы путем прибавления компонента «жилищно-» к названию соотносимого первичного падежа (см. табл. 15).

Таблица 15

Сравнительная таблица форм вторичных пространственных падежей и послеложных конструкций

Падежи	Падежные форманты и примеры
1. Местный Жилищно-местный Послеложная конструкция	*-ын, -н* (диал. *-ън, -н*) *сос'эд'н'ън* ‘у соседа (дома), в доме, жилище соседа’ *сос'эд дорън* ‘около соседа, у соседа’
2. Входной Жилищно-входной Послеложная конструкция	*-э, -е,-ы* (диал. *-э, -йэ, -ъ*) *сос'эд'н'э* ‘к соседу (домой), в дом, жилище соседа’ *сос'эд доръ* ‘к соседу’
3. Исходный Жилищно-исходный Послеложная конструкция	*-ысь, -сь* (диал. *-ъс', -с'*) *сос'эд'н'ъс'* ‘из дома, жилища соседа’ *сос'эд доръс'* ‘от соседа’ (отойти, уйти)
4. Отдалительный Жилищно-отдалительный Послеложная конструкция	*-ысен, -сен* (диал. *-ъс'эн, -с'эн*) *сос'эд'н'ъс'эн* ‘от (с) дома, жилища соседа’ *сос'эд доръс'эн* ‘от соседа’ (начать действие)
5. Переходный Жилищно-переходный Послеложная конструкция	*-этӥ, -тӥ* (диал. *-ът'и, -ъки, т'и, -ки, -эт'и*) *сос'эд'н'ът'и* (*сос'эд'н'ъки*) ‘через усадьбу, двор соседа, по двору соседа; (пройти,) заглянув к соседу (домой)’ *сос'эд дорът'и* (*доръки*) ‘мимо, возле соседа’
6. Предельный Жилищно-предельный Послеложная конструкция	*-озь, -ёзь* (диал. *-оз'*) *сос'эд'н'оз'* ‘до дома, жилища соседа’ *сос'эд дороз'* ‘до соседа’

2.2. Значения вторичных пространственных падежей, выражающих понятие, связанное с домашним очагом (жилищем), находят прямое подтверждение и в диалектных текстах, например: (4) сев. (Котегово) *ta gurtəśen kə̑źi ке opet' as**ńaz** vuiz.* ‘Из этой деревни он опять как-то вернулся [к себе] домой’ [Kel'makov, Saarinen 1994: 182]; (5) в словаре В. Д. Крылова: *ас**ня**з* ‘(он) к себе в дом’ (см. [Тепляшина 1981: 285]).

Анализируя опубликованный диалектный материал предшествующих исследователей, можно отметить, что в абсолютном большинстве случаев слова, стоящие в какой-либо форме вторичного падежа

с показателем *н′* выражают значение, связанное с домом (жилищем). В некоторых случаях, несмотря на то что в переводах не фигурирует слово «дом» или другое слово, выражающее понятие «жилище», по контексту оно угадывается: (6) нч. *buskel′**ńi̯ś** soos ber potiːzi̯*. ‘От соседа они вышли поздно’ [Тепляшина 1981: 285]; (7) бес. *lị̂ktem bere pị̂ro kị̂do͡i̯ez**ńe***. ‘После прибытия заходят к свату’ [Wichmann 1901: 181]; (8) бес. (М. Юнда) *anajez**ńe** gurtanə ləktem*. ‘Она приехала в гости к матери’ [Тепляшина 1970б: 172].

В одной из своих работ В. К. Кельмаковым отмечается, что основы падежных формантов на *-н′-* в основном связаны с человеком, за исключением слова *кэчн′э* ‘к зайцу’. По поводу местоимения *соосн′э*, который в приведенных цитатах соотносится с животными, ученый справедливо замечает, что «употребление *-н′*-евого падежа в данном случае оправдано тем, что по законам сказочного жанра эти животные персонифицированы» [Кельмаков 1995: 15]. Действительно, одним из условий употребления вторичных пространственных падежей с названиями животных является их персонификация. Однако основным условием является то, чтобы действие было связано с домашним очагом (жилищем), которым обладает данное животное. Если название животного (или какое-нибудь другое слово), имеющее показатель *-н′-*, вырвано из контекста, мы не можем судить о его персонификации, например, в случае со словом *кечне* ‘к зайцу’ (пример из: [Лыткин, Тепляшина 1959: 224; Кельмаков 1995: 15, 17]). Следующие словоформы: *школане* ‘к школе’ [Тепляшина 1970а: 167], *ludńe* ‘к полю, около поля’ [Тепляшина 1970б: 170], следует признать ошибочными. По-видимому, не является случайным то обстоятельство, что названные слова не имеют контекста. Сам же автор в последующих трудах их не приводит в качестве примеров.

Вторичные пространственные падежи удмуртских диалектов употребляются с существительными и местоимениями, связанными с категорией лица (человек или персонифицированное животное). Тем не менее мы не считаем правомерным выделение лексико-семантического разряда лица / не-лица на основе функционирования данных падежей в соответствующих диалектах (о названной категории см.: [Кельмаков 1995; 2006: 124–125; Люкина 2016: 70]). Отправной точкой употребления вторичных падежей является желание / необходимость выразить понятие «домашний очаг». В ином случае с лицами (как и с не-лицами, в том числе с неодушевленными предметами) употребля-

ется послелог с основой на *дор-*, независимо оттого, о каком характере локализации идет речь – ADUP (нахождение около кого-либо, чего-либо) или DOMUS (нахождение в чьем-либо домашнем очаге).

Из приведенной выше таблицы (табл. 15) видно, что в определенной группе диалектов северноудмуртского языкового ареала с существительными, обозначающими лицо, могут употребляться как вторичные пространственные падежи, так и послеложные конструкции (в других диалектах вместо данных падежных форм употребляются послелоги *дорын / дин'ын, доры / дин'э, дорыс' / дин'ыс'* и т. д.), причем семантика их в известной степени отличается. Так, в выражении *vračńe pi̯ralo* ‘зайду к врачу’ – нч. [Тепляшина 1981: 285] речь должна идти о том, что информант намеревается пойти домой к врачу / фельдшеру (например, в случае экстренной необходимости). Если человек собирается посетить врача на месте его работы (в фельдшерско-акушерском пункте, больнице), употребляются послеложные конструкции; в данном случае мысль была бы выражена следующим образом: *врач доры пырало*.

Вторичные пространственные падежи удмуртских диалектов в целом выражают отношения, связанные с домом, домашним очагом, принадлежащим кому-либо (см. табл. 16).

Таблица 16

Семантика жилищно-местных падежей

Названия падежей	Маркер[1]	Семантика
Жилищно-местный	*-н'ын*	Нахождение у кого-либо дома, в жилище (в доме, квартире, усадьбе)
Жилищно-входной	*-н'э*	Направление движения к кому-либо домой, в жилище
Жилищно-исходный	*-н'ыс'*	Направление движения из дома, жилища кого-либо
Жилищно-отдалительный	*-н'ыс'эн*	Направление движения, начала действия от (с) дома, жилища кого-либо
Жилищно-переходный	*-н'ыт'и, -н'ыки, вч. -н'ыти, -н'ити*	Движение через усадьбу, двор, по усадьбе, двору кого-либо; движение с посещением дома кого-либо, с заходом (по пути) к кому-либо домой, в жилище
Жилищно-предельный	*-н'оз'*	Направление движения до дома, жилища кого-либо

[1] Показатели падежей представлены без учета разных произносительных норм гласной *ы*.

Как отмечает Г. А. Некрасова [2012: 8], данные падежи (падежи послеложного образования) выражают не просто пространственные, а пространственно-посессивные отношения. Похожая картина наблюдается в употреблении двух альтернативных падежных формантов в диалектах венгерского языка, где показатель *-nyi* (*-ni*) обозначает движение в сторону дома (семьи) кого-либо, а формант *-ho* показывает приближение вообще, например, *bírónyi* ‘к сельскому старосте (и к членам его семьи), на (в) квартиру сельского старосты’, но *bíróho* ‘к сельскому старосте (на работу в служебное учреждение, помещение)’ [Kálmán 1994: 51, 135]. Семантика исследуемых удмуртских падежей связана с понятием «дом, домашний очаг», отражающим денотат (реалию), которым может обладать только человек. Отсюда следует, что данные падежи имплицитно соотносятся с категорией лица.

3. В публикациях, касающихся описываемой проблемы, выделяется, как правило, шесть вторичных падежей [Тепляшина 1981: 285–286; Кельмаков 1995: 15–16; Карпова 2005: 60–63; 2013: 40–42; 2016а: 109–110; 2016б: 210–211; 2017: 10–11; Люкина 2016: 72–74, 81–83]. Все они имеют сходную парадигму склонения, если не учитывать некоторые фонетические варианты, в основном связанные с жилищно-переходным падежом: нч. *-н'ит'и*, сч. *-н'ыт'и ~ -н'ът'и, -н'ыки ~ -н'ъки*, бес. *-н'ът'и ~ -н'ит'и*, вч. *-н'ыти ~ н'ити*), а также с жилщно-исходным и жилищно-отдалительным падежами, где вместо гласной ъ в бесермянском наречии спорадически может употребляться гласная *и: -н'ъс' ~ -н'ис', -н'ъс'эн ~ -н'ис'эн.* Из шести описываемых падежей наиболее редким является жилищно-предельный (*-н'оз'*), который в нижнечепецких говорах обычно заменяется жилищно-входным (*-н'э*) или послелогом *дороз'*. В среднечепецком диалекте данный падеж употребителен в основном во множественном числе (ассоциативная множественность), например: *сос'эд'йосн'оз'* ‘до дома соседа, до семьи соседа’.

Сходная картина наблюдается и в употреблении венгерского направительного падежа с показателем *-ni* (*-nyi*): ареал употребления его с именами во множественном числе (*-ékni*) перекрывает территорию употребления в единственном числе, то есть имеются такие говоры, в которых этот падеж употребляется только во множественном числе [Kálmán 1994: 135]. Как уже было сказано выше, значение названного падежа в основном совпадает с жилищно-входным падежом.

Причина употребления описываемых падежей преимущественно со множественным числом личных имен, а также некоторых местоимений кроется в том, что человек в своем доме (жилище), обычно проживает не один, а с членами своей семьи.

Помимо существительных, описываемые падежи употребительны почти со всеми разрядами местоимений, за исключением притяжательных. Возможно употребление данных падежей с количественными и порядковыми числительными, а также с прилагательными, имеющими выделительный аффикс *-эз* (*-ез*), например: (9) сч. (Дон.) *къкэз**н'э** эшэ**н'э** пърай, кӯин'мэ·т'ийэз**н'э** ӧй н'и ву.* ‘К двоим из друзей заходил, а к третьему не успел уже’.

4. Кроме перечисленных выше категорий слов, в северном и бесермянском наречиях наблюдается необычное явление употребления вторичных пространственных падежей с названиями деревень, оканчивающимися на *-пи*, с такими как Быдыпи, Шалкипи (Шалкопи), Шӧмпи (Пусошур) и др. Подобные наименования деревень являются характерной особенностью топонимии бассейна Чепцы [Тепляшина 1967: 224].

В удмуртском языке слово *пи* имеет значения ‘сын; мальчик; детеныш’. Для объяснения эволюции данного слова в топоформант приведем цитату Т. И. Тепляшиной: «В настоящее время *пи* может присоединяться к собственным именам для обозначения родственных отношений, т. е. для указания на сыновей, происходивших из одного рода <...>. С течением времени (по мере расселения людей) обозначение принадлежности рода закрепилось за названием того или иного определенного населенного пункта с локальным значением» [Тепляшина 1967: 218].

Образование подобных топонимов наглядно иллюстрирует следующий пример: (10) вч. *с'ириыс' лыктэм т'итпиэ китлэн пиэс. со тырыс'эн китпи шуи'л'ам. а со т'ит, с'ириын улыкуз, пизэ ыстэм починка уччан аслыс.* ‘Из Сири пришел в Титпи сын Тита. С этого времени деревня стала называться Титпи. Тит, когда жил в Сири, заставил сына найти для себя выселок’ [Алашеева 1982: 99–100]. Приведем еще пример по бесермянскому наречию: (11) бес. (Ворца) *гавриловйос фча·ксъ прокор**пин'ъс'** вэлӟикил'л'ам, одигйоссэ прокорпийос шуил'л'ам, мукэтйоссэ – с'этпийос.* ‘Гавриловы же распространились из рода сына Прохора, одних стали называть детьми (‘сыновьями’) Прохора, других – детьми (‘сыновьями’) Чёрного’ [Федотов 1982:122].

Приведенный выше пример и цитата 2 иллюстрируют употребление показателя *-н'-* со словами, оканчивающимися на *-пи*. В данных двух примерах этот формант обозначает ‘род, родовое гнездо’. После возникновения новых починков / выселков название принадлежности к роду могло закрепиться за названием этих населенных пунктов, которые первоначально состояли из одного хозяйства (усадьбы). Наименование подобного населенного пункта в сознании жителей окружающих деревень отождествлялось с именем хозяина (хозяев) усадьбы. Поэтому жилищно-местные падежи стали употребляться и с названиями населенных пунктов на *-пи* (см. табл. 17).

Таблица 17

Склонение названия деревни Шалкопи по местным падежам (среднечепецкий диалект)

Названия падежей	Падежные формы
Местный	*шалкипи-н'ын* ‘в (деревне) Шалкопи’
Входной	*шалкипи-н'э* ‘в (деревню) Шалкопи’
Исходный	*шалкипи-н'ыс'* ‘из (деревни) Шалкопи’
Отдалительный	*шалкипи-н'ыс'эн* ‘с / от (деревни) Шалкопи’
Переходный	*шалкипи-н'ыт'и* ‘по (деревне) Шалкопи’
Предельный	*шалкипи-н'оз'* ‘до (деревни) Шалкопи’

Из данной парадигмы видно, что склонение названия деревень с формантом *-пи* формально совпадает с жилищно-местными падежами, но в отличие от последних семантика падежных аффиксов, содержащих показатель *-н'-* в данных названиях ничем не отличается от соответствующих первичных местных падежей. В субъектно-объектных падежах этот показатель отсутствует. Точное распространение употребления элемента *-н'-* с названиями деревень нам неизвестно. Но можно сделать предположение, что это явление, в целом совпадая с ареалом вторичных местных падежей, может отсутствовать в тех говорах, где в ближайшем окружении нет названий деревень с топоформантом *-пи*.

5. Семантические аналоги удмуртских падежей послеложного образования встречаются не настолько редко, хотя DOMUS отсутствует в списке локализаций, предложенном И. А. Мельчуком в «Курсе общей морфологии», 1988 (см. об этом: [Усачева 2011: 124, 128]). Тем не менее элемент *ń* вторичных пространственных падежей бесермянского и северного наречий удмуртского языка исследователи отнесли к средствам

выражения локализации DOMUS [Усачева 2011: 124; 2012: 17; Усачева, Сердобольская 2015: 372]. В соответствии с другими исследованиями, выявлено 29 генеалогически и географически различных языков (из 100 обследованных), в грамматических описаниях которых были обнаружены средства выражения личной локативности [Жигульская 2015: 29]. Однако морфемы, выражающие только локализацию DOMUS, в языках мира встречаются крайне редко; бесспорным случаем такой морфемы, как отмечают исследователи, является только багвалинский[1] суффикс (см. [Daniel 2003]), хотя лично-местный падеж имеется также в южноселькупских диалектах (см. [Беккер и др. 1995: 224–229]).

Следовательно, удмуртский морфемный элемент *-н′-* (*-ń-*), наряду с багвалинским суффиксом *-La:* и показателем лично-местного падежа *-nan* южноселькупских диалектов, можно отнести к редчайшим случаям специализированного способа выражения локализации DOMUS, а серию вторичных падежей удмуртских диалектов в этом отношении – уникальным феноменом.

В связи с рассматриваемой локализацией нам бы хотелось обратиться к работе Л. В. Чесноковой, посвященной описанию немецкого концепта Heim (дом, домашний очаг). Исследователь отмечает, что «Дом, домашний очаг – это концепт, который присутствует у всех европейских народов. Он означает место, где я укоренен и которому я принадлежу. Интересно, что во многих европейских языках существует различие двух слов: *house – home* (англ.), *Haus – Heim* (нем.), *maison – chezsoi* (фр.) – то есть просто дом как здание и дом как “домашний очаг”, “неприкосновенное, уютное личное пространство” – значение, которое отсутствует в русском языке» [Чеснокова 2014: 720]. Уточняя приведенную цитату, отметим, что речь нужно вести не об отсутствии указанного значения, а об отсутствии отдельного обозначения для него. Возможно, из-за этого для исследуемых падежей с формантом *-н′-*, сконцентрировавшим семантику ‘место, где я (ты, он,..) укоренен и которому я принадлежу’, имеются определенные сложности с нахождением подходящего термина.

В отношении наименований вторичных пространственных падежей следует сказать, что название «приблизительноместные падежи» в удмуртском языке Т. И. Тепляшиной было дано по аналогии с назва-

[1] Багвалинский язык распространен в Дагестане.

ниями вторичных падежей в коми-пермяцком. Данный термин впоследствии нашел отражение в трудах Л. Л. Карповой, В. К. Кельмакова и Н. М. Люкиной. В действительности же система новых удмуртских падежей функционально и семантически отличается от приблизительно-местных падежей как в коми-пермяцком языке, образованных от послеложных основ на *дын-* и *орд-* (см. [Баталова 1975: 138–141]), так и в коми-зырянском языке, оформленных с помощью маркера *-лань-* (см.: [Некрасова 2002: 111; Кузнецов 2012: 165–175]).

Г. А. Некрасова [2009, 2012], занимавшаяся исследованием терминологии вторичных пространственных падежей в удмуртском и других финно-угорских языках, отмечает, что «элементы *приблизительный* и *приблизительно-* в русских названиях падежей коми и удмуртского языков могут вызывать ложные ассоциации о семантической идентичности падежей послеложного образования удмуртских диалектов и падежей с коаффиксом *-лан′* коми диалектов, тем самым дезориентировать пользователей терминосистемой». По мнению исследователя, терминоэлемент *жилищный* точнее отражает семантику локализации «место проживания лица», однако этот элемент сохраняет коннотацию общеупотребительного слова [Некрасова 2012: 7–8].

Г. А. Некрасова указывает на возможность использования латинских терминов, предлагая в качестве терминоэлемента сегмент *домус*, обозначающий пространственный концепт «дом»: домус-иллатив, домус-инессив, домус-элатив и т. д.; при этом отмечает, что «название группы падежей необходимо оставить прежним – *жилищно-местные*» [Там же. С. 8]. Поскольку исследуемые удмуртские падежи выражают пространственно-посессивные отношения, более приемлемым терминоэлементом, по ее мнению, должен быть *посс-домус*: посс-домус-иллатив, посс-домус-инессив, посс-домус-элатив и т. д. Однако в этом случае термины получаются громоздкими, поэтому исследователь предлагает один из ярлыков опустить, оставив или *посс*, или *домус* [Там же. С. 8–9].

Предложенные варианты терминов Г. А. Некрасова обсудила с удмуртскими лингвистами, которыми элемент *домус* был оценен как сложный для термина, а *посс* – как возможный терминоэлемент [Там же. С. 9]. С данным мнением своих коллег мы не можем согласиться, так как в этом случае в названиях не отражается наиболее существенный и в то же время специфический аспект значения падежей.

Категория посессивности «насквозь» пронизывает систему удмуртского языка, поэтому элемент *посс* (< посессивность) может ассоциироваться с разными образованиями, в частности с такими наречными и послеложными словоформами, как *дорам* 1) ‘около меня; ко мне’ 2) ‘у меня дома; ко мне домой’; *бордам* 1) ‘рядом со мной (в непосредственном соприкосновении); ко мне рядом (вплотную со мной); за меня (взявшись, схватившись)’ 2) ‘с собой; (вместе) со мной’ и т. д. В связи со сказанным считаем, что для вторичных пространственных падежей, распространенных в удмуртских диалектах, более подходящими будут названия с терминоэлементом *домус*.

Вслед за Г. А. Некрасовой мы предлагаем оставить названия падежей с элементом «жилищно-», хотя он несет оттенок общеупотребительного слова, а жилищем в отличие от дома, домашнего очага может обладать не только человек, но и животное. Альтернативным вариантом названия мог бы быть термин «лично-местные падежи» («personal local cases») (см. [Usačeva, Archangelískij 2017: 1, 48]), однако в этом случае возникают проблемы с образованием наименований для отдельных падежей.

6.1. Большинство исследователей, касавшихся вопроса о происхождении вторичных падежей в удмуртском языке, приходят к мнению, что они возникли путем трансформации серии послелогов с основой *дин'-* . К их числу относятся Ю. Вихманн, Д. Фокош-Фукс, В. М. Вахрушев, Т. И. Тепляшина и др. (см. указанные работы). А. И. Емельянов [1927: 123] форму *-ńε* ошибочно считал остатком слова *iń* ‘место’ в иллативе.

Несмотря на почти единодушное мнение исследователей, считающих показатель *-н'-* элементом падежных аффиксов, возникает вопрос о том, не является ли он словообразовательным суффиксом. Выше нами уже было сказано, что описываемый показатель присоединяется только к лексемам определенных семантических групп и лишь при наличии некоторых условий, в то время как падежные аффиксы чаще употребляются с большинством слов или даже со всеми словами, относящимися к той или иной части речи, обладающей грамматической категорией падежа. Против выдвинутой версии говорит тот факт, что этот элемент отсутствует у слов, стоящих в начальной форме.

Следует различать словоформы во вторичных пространственных падежах и формы слов с суффиксом *-н'и* в обычных падежах, таких как *турнан'н'ын* (< *турнан'н'иын*) ‘на месте косьбы, на покосе’, ср. *турнан'н'и* ‘место косьбы, покос’; *кӧлан'н'э* (< *кӧлан'н'ийэ*) ‘в спальню’,

ср. *кӧлан'н'и* ‘спальня’; и т. д. Слова с суффиксом *-н'и*, образованным от самостоятельного слова *ин* ‘место’, склоняются по всем первичным падежам и обычно выражают значение какого-либо места. Но семантика домашнего очага в них отсутствует (см. об этом ниже: п. 4.2).

Ничего общего, кроме внешнего сходства показателей, не имеют с существаительными с суффиксом *-н'и* и такие словоформы, как *мин'н'ам* ‘у нас [дома]; к нам [домой]’ (< *ми* ‘мы’), *тин'н'ад* ‘у вас [дома]; к вам [домой]’ (< *ти* ‘вы’), – в которых удвоение *-н'-* произошло по аналогии с формами местоимений *мон'н'ам* (< *мон-н'ам*) ‘у меня [дома]; ко мне [домой]’, *тон'н'ад* (< *тон-н'ад*) ‘у тебя [дома]; к тебе [домой]’ (см. об этом также: [Тепляшина 1981: 289]).

6.2. Описывая внешнеместные падежи в коми-пермяцких диалектах, Р. М. Баталова отмечает, что существует разница в лексическом значении слов, склоняющихся по названным падежам, с одной стороны, и по первичным падежам, – с другой, например: вступ. *туйӧ* ‘в дорогу’, внешнемест.-вступ. *туйлӧ* ‘на дорогу’ [Баталова 1975: 137]. Внешнеместные падежи в коми-пермяцких диалектах образованы за счет разрушения системы серийных послелогов с основой *выл-,* имеющей значение ‘поверхность’ [Там же. С. 129–136]. При трансформации послелогов в падежные форманты в целом последние сохранили семантику названной основы.

Причина отличия значений вторичных пространственных падежей в удмуртских диалектах от соответствующих послелогов с основой на *дин'-* также кроется в первоначальной семантике этой основы. Основу удмуртских послелогов *дин'-* возводят к общепермскому **dĵń* ‘комель’, который сравнивается с мар. *тӱҥ* ‘основание, основа, комель’, мокш. *тей-: тейса* ‘у’, *теиста* ‘от’ и т. д., ф. *tyvi* ‘комель’, венг. *tő ~ töve-* ‘ствол, низ, корень’. Допермская форма **tüŋe* сопоставляется также с праалтайским **tüŋe* ‘комель, толстый конец’ [КЭСК, 94].

В современном удмуртском языке слово *динь* I имеет значения ‘комель; основание, фундамент’; *динь* II – ‘край, сторона; родина, родной дом’, также является основой послелогов на *динь-,* считается диалектным [УРС 1983: 124, 126]. Соответствующие приведенным выше удмуртским словам коми-пермяцкое *дын* I и коми-зырянское *діп* I имеют значение ‘комель’. Соответственно *дын* II и *діп* II в обоих коми языках обозначают ‘место, прилегающее к чему-либо’, являются основами послелогов на *дын- ~ діп-* [КПРС 1985: 133; КРС 1961: 198–199].

Из данных примеров видно, что семантика коми *дын* II и *діп* II несколько ýже удмуртского диалектного *динь,* у которого имеются дополнительные значения ‘край, сторона; родина, родной дом’.

7. Употребление в диалектах слова *динь* со значением ‘родной дом, домашний очаг’ в его начальной форме в настоящее время нам не известно. В закамских говорах, в частности в шагиртско-гондырском, ныне употребительно слово *диŋ,* имеющее несколько иную семантику – ‘отчий (родительский) дом, родовой дом; род’; ср.: шг. (д. Гожан) – (12) *сос одиг диŋыс′ потэмын.* ‘Они с одного рода’; (13) *сос исак диŋн′ос.* ‘Они из рода Исака, они потомки Исака’; (14) *мынам диŋы шагырт ӟӱчын.* ‘Мой отчий дом в Старом Шагирте; я родом из Старого Шагирта’.

Аналоги искомого слова можно найти в памятниках письменности. Так, в первой грамматике удмуртского языка (1775 г.), а также в рукописном словаре Дамаскина (Д. Семёнова-Руднёва) 1785 года зафиксировано слово *дынь* ‘двор’ [Сочинения 1775: 29; Тепляшина 1965: 166]. Возможно, значение данного слова передано не совсем точно, но так или иначе оно приближается к таким понятиям, как ‘усадьба, хозяйство’. Указанное слово имеется еще в письменном памятнике, обнаруженном исследователем истории удмуртов В. С. Чураковым, – в торжественной речи по случаю коронации великого государя, императора и самодержца Всероссийского Александра I, напечатанной в 1801 г. в сборнике, подготовленном сотрудниками и учениками Казанской духовной академии: (15) *мѝ Воця̀хъ лудѐнъ но,* ***дынѝнъ*** *но,* <…> Мы все на полях, и **в домех**, <…> [Чураков 2017: 66–68].

Из контекста можно понять, что слово *дынь* ‘дом’ здесь противопоставляется слову *луд* ‘поле’, которое часто выступает как обозначение дикого, неосвоенного человеком пространства, следовательно, *дынь* – это не строение, здание, а домашний очаг.

Наречные формы *diń̇ε, diń̇az* ‘домой’ зафиксированы Ю. Вихманном в малмыжско-уржумском диалекте (совр. шошминский говор периферийно-южного диалекта. – *С. М.*) [Wichmann 1954: 50]. Словоформа *дин′э* ‘домой’ в шошминском говоре употребительна и ныне [Овчинникова 1996: 9]. В словаре Т. Борисова также имеется аналогичная форма слова, ср.: *дине* сев. сред., *доре* юж. ‘домой к тебе, к себе в дом’ [Борисов 1991: 86].

Об употреблении послелогов с основой на *дин′-* в верхнечепецком говоре как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными

сообщает А. А. Алашеева [1992: 19], например: *эшэ дин'ын* ‘у друга’, *с'ик дин'э* ‘к лесу’. В итинском (тыловайском) и средневосточном диалектах, как отмечает Т. И. Тепляшина [1981: 290–291], весьма употребительны послелоги на *diń-*. Но здесь, как и в предыдущем случае, их значения необязательно связаны с понятием «домашний очаг», хотя в средневосточных говорах они используются лишь применительно к именам существительным одушевленным. Южнее средневосточных говоров словоформы с основой *diń-*, за исключением шошминского говора, не употребительны [Тепляшина 1981: 291].

Ареал функционирования вторичных пространственных падежей ограничивается нижнечепецким диалектом (слободской, косинский говоры) [Тепляшина 1970а: 167; 1981: 285–286], среднечепецким диалектом и говорами северо-запада Кезского района [Карпова 1997: 86–88; 2016а: 210–211; Максимов 1999а: 201]. В верхнечепецких говорах аналогичные падежные формы отсутствуют (за исключением говоров северо-запада Кезского района): им соответствуют конструкции с послелогами на основу *дин'-* ‘у, около, возле, при’ (*эшэ дин'э*) ‘к своему другу’, *эшэ дин'ыс'* ‘от своего друга’) [Карпова 2016а: 210–211].

В южной диалектной зоне вместо вторичных пространственных падежей и послелогов на *дин'-* распространены послелоги с основой *дор-* ‘край, сторона; родина, родной дом’. В данном ареале названная основа может употребляться в качестве самостоятельного слова со значением ‘домашний очаг, родина, родной дом’. Хотя серия послелогов с основой *дор-* употребляется практически повсеместно, в северной диалектной зоне в качестве отдельной лексемы она не функционирует.

В диалектах северного и бесермянского наречий в указанной функции употреблялось слово *дин'*, которое, как и послелоги с данной основой, вышло из употребления после образования новых падежей [Тепляшина 1981: 290]. В шестидесятые годы прошлого века Т. И. Тепляшина в бесермянском наречии зафиксировала целую серию таких послелогов: *d'in'-* ‘к, ко’ [Тепляшина 1970а: 60], *d'in'e*, лит. *дӥне* ‘к’, *d'in'oz'* ‘до’, *d'in't'i* ‘мимо, возле’, *d'in'өn* ‘возле, около’, *d'in'өs'en* ‘от; с…’ [Там же. С. 79]. В наши дни Н. М. Люкиной удалось записать в юндинском говоре бесермян единственную форму *din'e*. Она отмечает, что в речи бесермян функционируют послелоги с основой на *dor-* [Люкина 2016: 138]. Исследуемые словоформы в конце прошлого века зафиксированы также в понинском подговоре глазовского говора

среднечепецского диалекта, ср.: (16) сч. (с. Понино) – *olo·kin kal′ dińam vuə̑lem*. ‘Кто-то сейчас ко мне, оказывается, приходил’ [Карпова 1997: 129–130]. Однако, как констатирует Л. Л. Карпова, полные формы послелогов на *diń-* в изучаемом диалекте встречаются довольно редко, что связано с переходом «указанных послелогов в падежеобразные суффиксы» [Там же. С. 165]. Полноценное параллельное функционирование жилищно-местных падежей и послелогов на *дин′-* (а также на *дор-*) ныне наблюдается лишь в северной части Кезского района – на крайней восточной границе распространения вторичных пространственных падежей.

8. В настоящее время количество падежей в литературных языках пермских народов не совпадает: в удмуртском литературном языке насчитывается 15 падежей, в коми-зырянском – 16, в коми-пермяцком – 17. В диалектах эта разница выражена еще в большей степени: в красноуфимском говоре насчитывается всего 12 падежей [Насибуллин 1978: 96], в других южноудмуртских говорах употребляется, как правило, 13 падежей [Kel’makov, Saarinen 1974: 97–98; Кельмаков 2006: 116]. В северной диалектной зоне их количество доходит до 21. В территориальном отношении близких к северному наречию удмуртского языка южных коми-зырянских говорах в отличие от литературного языка насчитывается 17 падежей [Сорвачева 1961: 465]. Максимальное их количество наблюдается в коми-пермяцких диалектах, в которых насчитывается от 17 до 28 падежей [Баталова 1975: 141]. Процесс образования новых падежей в последних продолжается и в настоящее время.

Вторичные пространственные падежи в финно-угорских языках ныне известны в удмуртском, коми-пермяцком, венгерском [Kálmán 1994: 51, 135; Майтинская 1955: 133], в мордовских [Тепляшина 1981: 291, 292]. Само собой встает вопрос о генетических связях вторичных падежей в названных родственных языках. По исследованиям К. Е. Майтинской [1981: 170–176], формирование категории послелогов в финно-угорских языках является поздним явлением, которое нельзя относить к финно-угорскому языку-основе. При этом ею отмечается, что в пермском праязыке существовала уже полноценная категория послелога. Следовательно, образование вторичных падежей в удмуртском языке не может иметь генетических связей с подобным явлением в венгерском и мордовском языках.

Теоретически такая связь возможна лишь между близкородственными удмуртским и коми языками. Однако исследователи считают, что вто-

ричные пространственные падежи в пермских языках сложились в период самостоятельного развития каждого из пермских языков [Некрасова 2002: 103–111; Кондратьева 2011: 23]. Анализ процессов формирования вторичных падежей в названных языках подтверждает приведенную выше мысль. Хотя приблизительно-местные падежи в коми-пермяцком и жилищно-местные падежи в удмуртском образованы от послелогов, восходящих к единой основе *дын- ~ дин′-*, падежные показатели характеризуются, во-первых, существенными различиями в формальных показателях, ср.: кп. *-дын* (< *дынын*) // удм. *-н′ын* (< *-дин′ын*), кп. *-дö* (< *дынö*) // удм. *-н′э* (< *дин′э*), кп. *-дöдз* (< *дынöдз*) // удм. *-н′оз′* (< *дин′оз′*) и т. д. Во-вторых, они имеют семантические различия: в отличие от удмуртских вторичных падежей, обозначающих место прохождения действия, связанное с понятием дома (домашнего очага), жилища, коми-пермяцкие приблизительно-местные падежи указывают на близкую дистанцию места прохождения действия (см. [Баталова 1975: 138–141]).

8.1. Признавая тезис о том, что вторичные падежи в пермских языках сложились в период самостоятельного развития, нельзя не обратить внимания на факт увеличения количества падежей в коми языках и отдельных диалектах северной диалектной зоны удмуртского языка, – с одной стороны, и тенденцию уменьшения количества падежей в южноудмуртском наречии – с другой. Указанный тренд развития в языке южных удмуртов, безусловно, был задан тюркскими языками[1], под влиянием которых в современном марийском языке употребляется всего семь падежей, в отличие от пермских, а также мордовских и прибалтийско-финских языков, падежные системы которых насчитывают более десяти единиц [ОФУЯ 1975: 55, 59–62, 289–290; 1976: 44]. В отношении формирования новых падежей в северной диалектной зоне удмуртского языка Т. И. Тепляшиной было сделано предположение, что северноудмуртские говоры были вовлечены в общий процесс образования падежей на смежной территории, в которой во внутренней системе местных диалектов действует тенденция к укорочению языковых средств, выражающих отношения, связанные с местом [Тепляшина 1981: 291]

В целом соглашаясь с мнением Т. И. Тепляшиной, нам бы хотелось изложить свой взгляд, уточняющий причины и процессы возникнове-

[1] В чувашском языке функционируют 8 падежей, не считая притяжательного; в татарском – 6 [Левитская 1976: 17–27; Сафиуллина 2000: 57].

ния вторичных пространственных падежей в удмуртском языке. На формирование новых падежей могли повлиять несколько факторов.

В качестве первого фактора можно назвать миграцию удмуртского населения с территории правобережья нижней Камы на нижнюю Чепцу, что подтверждается как историческими и этнографическими, так и лингвистическими данными [Чураков 2007: 87–88; 2008: 12; Атаманов-Эграпи 2010: 123; Максимов 2013: 97; 2014б: 182; 2014в: 211]. При этом бóльшая часть упомянутого населения говорила на диалекте шошминского типа, в котором, как и в современном шошминском говоре, должна была употребляться лексема *diń* (*дин′* < **диŋ*) со значением ‘дом, домашний очаг’. Данная лексическая единица послужила фундаментом для будущих падежей, выражающих локализацию DOMUS (POSS-DOMUS).

Вторым фактором могло быть взаимодействие нижнечепецких удмуртов с коми населением, в результате чего по аналогии с послелогами коми языков с основой *din-/diŋ-* (*дин-/дын-*) ‘у, около’ (общее значение близости), возникла серия послелогов на *diń-* (*дин′-*), которые в отличие от аналогичных коми послелогов, а также удмуртских послелогов на *dor-* (*дор-*) с общей семантикой близости, приближения: *дорын* ‘у, около’, *доры* ‘к, ко’, *дорыс′* ‘от’ и т. д. – имели значение близости у домашнего очага, приближения к дому, домашнему очагу: *дин′ын* ‘у, около кого-л. (дома, домашнего очага кого-л.)’, *дин′э* ‘к кому-л. (к дому, домашнему очагу кого-л.)’, *дин′ыс′* ‘от кого-л. (из дома, домашнего очага кого-л.)’ и т. д. На такую специализацию послелогов могла повлиять не только первоначальная сема основы *дин′(-)* ‘домашний очаг’, но и функционирование в коми языке (языках) послелогов с основой *ord-* (*орд-*) с локализацией DOMUS.

Третьим фактором, в результате воздействия которого послелоги трансформировались до падежных морфем, могло послужить влияние аналогичных фонетических процессов в коми-пермяцких диалектах. Однако, как нам представляется, определенную роль в этом явлении сыграла также коми-зырянская модель локализации, в которой DOMUS выражается не только с помощью послелогов на *орд-*, но и с помощью первичных падежей, ср.: (17) ***Ыджыд мамöяс-ын*** (INESS) *яя шыдöн вердісны* (ÖKK 81)[1] ‘[Дома] у бабушки (букв. в бабушках) накормили

[1] ÖKK – Öнія коми кыв. Морфология. Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2000.

мясным супом’; (18) *Бисиныс корасьны мӧдӧдас бать-мамсӧ* ***Машаяс-ӧ*** (ILL) (ÖKK 83) ‘Бисин отправляет отца с матерью свататься к семье / в дом к Маше (букв. в Маши)’; (19) ***Сава Сандра-ын*** (INESS), *тыдалӧ, войпукисны жӧ, эз на узьны* (Попов 2008: 315)[1] ‘У Сава Сандры (букв. в Сава Сандре), видно, тоже еще не спали’ [Кузнецов 2012: 125–126]. После трансформации послелогов в новые падежи названные значения сконцентрировались в показателе *-н′-*, с помощью которого они формально различаются от соответствующих первичных местных падежей.

Описанные процессы вместе с миграционными волнами удмуртов и бесермян с нижней Чепцы распространялись на среднюю Чепцу, а оттуда на верхнюю Чепцу и даже до территории современных средневосточных говоров, о чем можно судить по употреблению послелога с основой *дин′-*. Трансформация послеложных конструкций в падежные форманты произошла, безусловно, позднее, а потому исследуемые падежи успели распространиться только до средней Чепцы.

4.2. Словообразовательный суффикс существительных с локальным значением – удм. сдз. *-н′и* (*-ни, -н′иг*) // к. *-ин*

1. Суффикс *-н′и* (*-ńi*) в удмуртском языке присоединяется к отглагольным существительным на *-(о)н*, образуя лексико-семантическую группу слов с локальным значением. При этом конечный звук *-н* основы подвергается палатализации под влиянием палатального звука присоединяемой морфемы. В качестве примера можно привести следующие лексемы: *аран′н′и* ‘место жатвы’ (< *аран* ‘жатва’ < *араны* ‘жать’), *ӟаӟэг с′ийон′н′и* ‘место, где приносят в жертву гуся’ (< *ӟаӟэг с′ийон* ‘[жертвенное] поедание гуся’ < *ӟаӟэг с′ийыны* ‘есть, поедать гуся’), *йыр ӵышкон′н′и* ‘парикмахерская’ (< *йыр ӵышкон* ‘стрижка, постригание волос’ < *йыр ӵышкыны* ‘стричь, постригать волосы’), *мис′тас′кон′н′и* ‘место, где стирают (полощут) белье’ (< *мис′тас′кон* ‘стирка [белья]’ < *мис′тас′кыны* ‘стирать белье’) и т. д.

[1] *Попов А.* Грезд: Повесьтъяс да висьтъяс. Сыктывкар: Анбур, 2008.

В коми языках удмуртскому суффиксу функционально соответствует формант *-ин* (*-ін*), ср.: *olanin* ‘жилище, место жилья’, *вунданін* ‘место жатвы’, *дзебанін* ‘кладбище, место захоронения’ [Кривощекова-Гантман 1967: 117; Федюнева 1985: 93].

2. Одна из первых публикаций, где имеется слово с суффиксом *-н′и*, это словарь Ф. Видеманна, ср. *vyžanni: vyžanni ozon* ‘паром’ [Wiedemann 1880: 510]. В словаре Б. Мункачи, изданном в 1896 году, в частности, представлено слово *ulon-ńi* ‘место жительства, место пребывания’, зафиксированное в глазовском диалекте [Munkácsi 1896: 106–107]. Слова с тем же суффиксом можно найти у Ю. Вихманна в книге «Wotjakische Sprachprobe» [Wichmann 1901], например по глазовскому диалекту: *kęlonńi kunoka* ‘хозяин ночлега’ (с. 159); *kurbon śotońńaz vi̯dem i̯źi̯ni̯*. ‘После того как совершил жертвоприношение, он лег спать (в лесу)’ (с. 140); по бесермянскому диалекту: *śiiśkońńàzi̯ li̯ktiz tęl-kęš.* ‘Когда они ели, сюда пришел вихрь’ (с. 164). А в словарь Т. К. Борисова 1932 года, по подсчетам Р. Ш. Насибуллина, включено 35 слов с суффиксом *-н′и*, с указанием их принадлежности к северному наречию [Насибуллин 1972в: 193].

Со второй половины прошлого века данный суффикс становится объектом внимания местных ученых, посвятивших работы исследованию диалектов северной диалектной зоны. Так, В. М. Вахрушевым [Вахрушев 1959: 235] отмечается, что наличие особого словообразовательного суффикса *-ни* (*-н′и. – С. М.*) является характерной особенностью северного диалекта. Т. И. Тепляшиной слова с суффиксом *-н′и* зафиксированы в нижнечепецких говорах северного наречия [Тепляшина 1970а: 168]. Употребление словообразовательного суффикса *-н′и* А. А. Алашеева выделяет в числе других морфологических особенностей верхнечепецкого диалекта северного наречия и приводит несколько примеров: *с′ис′кон′н′и* (лит. *сиськон инты*) ‘место, где кушают’, *эмэз′ан′н′и* (лит. *эмезян инты*) ‘место, где собирают малину’ и др. [Алашеева 1982: 92].

Некоторые особенности функционирования специфических словообразовательных суффиксов имен существительных *-ti* и *-ni* со *значением* ‘место действия’ в средневосточных говорах раскрыты С. К. Бушмакиным. Ученый указывает, что суффикс *-ni* характерен для шарканского говора и восточной части сосновского подговора, ср.: як.-бод. виш. *uǯanti* (< *uǯan* + *inti*), сосн. шарк. *uǯanni* (< *uǯan* +

inti) ‘место работы, рабочее место’, як.-бод. виш. *aranti*, сосн. шарк. *aranni* ‘место жатвы’; як.-бод. виш. *turnanti*, сосн. шарк. *turnanni* ‘покос; участок, отведенный или предназначенный для косьбы’; як.-бод. виш. *vetlonti*, сосн. шарк. *vetlonni* ‘место, предназначенное для прихода, встреч; путь’ [Бушмакин 1969: 61–62].

Описание суффикса *-н′и* в нижнечепецком, среднечепецком и верхнечепецком диалектах нашло отражение в многочисленных трудах исследователя северного наречия удмуртского языка Л. Л. Карповой [Карпова 1990: 68; 1991: 163; 1997: 99–100; 2005: 65–66; 2016а: 111–112; 2016б: 216–217; и др.]. В частности она отмечает, что «В кезском говоре верхнечепецкого диалекта, наряду с формами на *-н′и*, в той же функции спорадически встречается словообразовательный элемент *-ти*, идентичный по значению суффиксу *-н′и* <…>. Дебёсскому говору верхнечепецкого диалекта для выражения места действия свойственно использование только синтаксической конструкции – отглагольное существительное + *мэста* (< рус. *место*): *улон мэста* ‘место жительства’, *аран мэста* ‘место жатвы’» [Карпова 2016в: 216–217].

Две словоформы с показателем *-н′и* В. К. Кельмаковым зафиксированы также в кукморском говоре: *vandoń-ńi* ‘место, где перерезано горло животного при убое’, *ȯsoń-ńi: ȯsońńijam koškiz* ‘меня затошнило’, досл. ‘пошло в мое рвотное место’ (*ȯson* ‘рвота’) [Кельмаков 1970: 283]. В конце прошлого века в названном говоре нам удалось записать лишь одно слово с суффиксом *-н′и – вандон′н′и* ‘атлант, атлас – первый шейный позвонок, на котором сидит череп’ (букв. ‘место, где режут, перерезают’). В относительно новых публикациях, где идет речь об описываемом суффиксе, В. К. Кельмаковым кукморский материал не приводится (см. напр.: [Kelmakov – Saarinen 1994: 107; Кельмаков 2006: 126–127]).

Как было указано выше, из диалектов северо-востока Удмуртской Республики суффикс *-н′и* не употребляется в дебёсских говорах, расположенных между кезским и шарканским говорами, для которых характерно функционирование исследуемой морфемы или ее вариантов. Данное положение не вполне вписывается в логику распространения языковых явлений современных удмуртских диалектов, в связи чем мы обратились к материалам диссертации Т. И. Тепляшиной, посвященной исследованию тыловайского диалекта, распространенного в южной части Дебёсского района и на сопредельных территориях других районов [Тепляшина 1955а].

Автор описывает в тыловайском говоре словоформы с элементом *-н-*, которые она относит к падежным формам: «*ужаннын* ‘на работе’, *ужаннысь* ‘с работы’, *ужаннэ* ‘на место работы’, *ужаннысен* ‘с места работы’ <…> от *ужан* (букв. ‘работание’) ‘работа’. Данные формы образуются только от отглагольных существительных с суффиксом *-он/-ён, -н* и употребляются в местном значении» [Там же. С. 159–160].

По мнению Т. И. Тепляшиной, рассмотренные падежные формы произошли из послеложной конструкции типа **кӧлон инын* (лит. *кӧлон интыын*) ‘на месте ночевки (спанья)’, где *ин-* является местным послелогом, происшедшим из существительного *ин* ‘место’. [Там же. С. 161]. Она отмечает, что в подобных послеложных конструкциях гласный послелога *и* выпал, вследствие чего они перестали восприниматься как послеложные конструкции: **кӧлон инын* > *кӧлоннын* ‘на месте ночевки’. Предполагает, что послеложной конструкции могло предшествовать сочетание самостоятельных слов: *кӧлон ин* ‘ночевки место’ [Там же. С. 162].

По нашему мнению, описанные выше формы восходят к группе слов с конечным *-ни* (*-пі*), у которых в результате выпадения гласной *и* суффикса перед падежными показателями начальная форма утрачена. Аналогом может послужить среднечепецкий диалект, в котором в словах с конечным *-н'и* почти во всех местных падежах перед падежным аффиксом происходит выпадение гласной *и*, ср.: им. п. *пу коран'н'и* ‘место, где рубят дрова; делянка’, но: мест. п. *пу коран'н'ын* ‘на делянке’. В направительном падеже, в котором данная группа существительных употребляется редко, выпадения конечной гласной не происходит – так же, как и в субъектно-объектных падежах. В винительном и творительном падежах гласная может выпадать или сохраняться, например, в творительном, наряду с формой *пу коран'н'ийэн* ‘с делянкой’, может употребляться форма без *и* – *пу коран'н'эн*. Причиной сокращения полнокровного функционирования описываемой лексико-семантической группы слов в тыловайском диалекте могли послужить не только и не столько фонетические явления, сколько процессы междиалектного смешения, связанные с историей заселения территории.

В бесермянском наречии исследуемый суффикс функционирует в нескольких вариантах. Так, в монографии, посвященной описанию названного наречия, Т. И. Тепляшина отмечает, что в языке бесермян имеется суффикс *-ńig*, который образует существительные от глаголов

с указанием места: *arańńig* ‘место жатвы’, *turnańńig* ‘место косьбы’; он бытует параллельно с суффиксом *-ńi* [Тепляшина 1970б: 177–178]. В одной из работ В. К. Кельмакова, посвященной бесермянскому наречию, приводится слово *аран'н'иг* ‘место жатвы’, а также *турнан'н'ик* ‘место косьбы’ – с глухим согласным в конце словообразовательной морфемы [Кельмаков 1992: 96, 100].

Указанный суффикс и деепричастная форма на *-(o)ńńiga-* достаточно подробно описаны в одной из статей московских лингвистов М. Н. Усачёвой и Н. В. Сердобольской, в которой авторы отмечают, что, помимо формы на *-ńig-*, от некоторых носителей бесермянского диалекта зафиксирован его вариант *-ńik-* [Усачева, Сердобольская 2015: 371].

В монографии Н. М. Люкиной, в которой описывается фонетика и морфология бесермян на современном этапе, представлена информация о том, что морфема *-ńig* (*-ńik*) со значением места совершения (какого-либо) действия функционирует в лекминском и ворцинском говорах бесермян, а для юндинского говора в аналогичной функции характерен суффикс *-ńi*, который спорадически употребляется и в речи лекминских информантов [Люкина 2016: 83–84].

3.1. По поводу происхождения описываемого суффикса мнения ученых несколько расходятся. Большинство исследователей [Вахрушев 1959: 235; Лыткин, Тепляшина 1959: 169; Бушмакин 1969: 62; Кривощекова-Гантман 1967: 117–118; Тепляшина 1970а: 168; Кельмаков 1970: 283; Федюнева 1985: 95; Карпова 1990: 68; 1991: 163] считают, что он образовался от самостоятельного слова *инты* ‘место’.

Исследуя суффикс *-in* (*-ni*) в пермских языках, Б. А. Серебренников отмечает, что «суффикс *-in* употребляется в языке коми для образования имен существительных от причастий на *-an* и прилагательных со значением места, где происходит действие или что-либо находится, например: *olan-in* ‘место жилья, жилище’, *puvja-in* ‘место, где растет брусника’, *kozja-in* ‘ельник’. В удмуртском языке этот суффикс имеет форму *-ni*, например: *aran-ni* ‘место жатвы’ (*arany* ‘жать’). Суффикс восходит к самостоятельному слову “*место*”, ср. коми-зыр. *in* ‘место’» [Серебренников 1963: 147]. Аналогичное предположение еще до Б. А. Серебренникова высказывала Т. И. Тепляшина, правда, только в отношении происхождения тыловайских форм на *-н-* (см. выше). По мнению Л. Л. Карповой [Карпова 1997: 99–100; 2005: 65–66;

2016б: 111–112; 2016в: 216–217], изложенная выше версия вероятна в большей степени, чем предыдущая.

3.2. Из двух точек зрения в отношении происхождения описываемого суффикса мы придерживаемся второй. Возможно, первоначально слово *ин* в качестве самостоятельной лексемы употреблялось в праудмуртских диалектах не только с *н*-овыми отглагольными образованиями, но и с другой категорией слов, допустим, с прилагательными, как в современных коми-зырянском и коми-пермяцком языках, или с *м*-овыми причастиями. К примеру, в буйско-таныпском говоре[1], по сведениям Р. Ш. Насибуллина, соответствующим образом с помощью суффикса *-ti* образуются существительные с локальным значением как от отглагольных существительных на *-n*, так от причастий на *-m* и прилагательных с морфемой *-tem*: *čǐgem-ti* ‘перелом, слом’, *vutem-ti* ‘безводная местность’ [Насибуллин 1972в: 195–196].

Аналогичным образом в праудмуртских диалектах могли употребляться сочетания слов типа **kiz̧o in* ‘ельник’, **čǐgem in* ‘сломанное место’, *vutem in* ‘безводная местность’. Однако из подобных сочетаний суффиксы не сформировались, по-видимому, по той причине, что слово *инты* (**инти*) вытеснило из употребления лексему *ин.* Последнее сохранилось лишь в отдельных выражениях, таких как *инэ басьтыны* ‘принять во внимание (к сведению), учесть’, *иназ кошкыны* (*мынынь*) ‘пойти (идти) на пользу’ [УРС 1983: 167]. До выхода из самостоятельного употребления слово *ин* слилось с отглагольными существительными на *-(о)н*, в результате чего образовался суффикс *-н'и* (< *-ни*). Протеканию данного процесса могло способствовать наличие двух одинаковых носовых согласных, отделенных лишь узкой гласной *и*, которая испытала метатезу: **ужан ин* > *ужан-ин* > *ужан-ни* > *ужан-н'и* > *ужан'н'и* ‘место работы’; ср.: сев. сч. (Дон.) *н̥наз'э* ~ *нъназ'э* < *нуназ'э* ‘днем’, юж. (Стар. Утчан) *н̥наз'э* ~ *ынназ'э* < *нынназ'э* < *нуназ'э* ‘тж’, срз. (Удугчин) *ынаӟэ* < *ын(н)аӟэ* < *нынаӟэ* < *нунаӟэ* ‘тж’.

3.3. По внешнему облику и в некоторой мере по значению бесермянский суффикс *-н'иг* (*-н'ик*) приближается к русской морфеме *-ник,*

---

[1] В работе речь ведется о закамских говорах, на самом же деле, исходя из указанных административных единиц, автор в статье оперирует материалами буйско-таныпского говора – одного из пяти закамских говоров (= удмуртских диалектов Закамья).

ср.: *малинник, земляничник, березник* и т. д. Как известно, даже такие русские флексии (суффиксы), как *-ой, -ей, -ск-ой, -н-ой* и т. п. – в удмуртском языке не являются продуктивными, хотя имеется огромное количество русских заимствований с соответствующими концовками. Учитывая вышесказанное и принимая во внимание то, что суффиксы из одного языка в другой заимствуются сравнительно редко, мы полагаем, что суффикс *-н'иг* является вариантом морфемы *-н'и.* Русский язык в данном случае, по-видимому, способствовал лишь появлению конечной согласной.

Принимая версию о русском источнике конечного согласного бесермянского суффикса, безусловно, предметом дискуссии становится вопрос о его озвончении. Имеются разные мнения о причинах вариативности глухих и звонких согласных в бесермянском наречии. Но следует отметить, что спорадическое озвончение наблюдается во многих удмуртских диалектах, в том числе в соседствующих с бесермянскими среднечепецких говорах. В результате наших наблюдений над данным явлением мы пришли к выводу, что в большинстве случаев озвончение / корреспонденция согласных зависит от фонетического окружения или связно с языком-донором. В данном случае мы предполагаем русский источник, поэтому приведем несколько примеров русских заимствований, в которых наблюдается варьирование ауслаута: бес. *погрэб, погрэг, погрэд, погрэк* ‘погреб’ [Кельмаков 1992: 99] < рус. погреб, сч.: гл. *жук ~ жуг* ‘жук’ < рус. жук, сч.: гл. *копот' ~ копод'* ‘пыль’ < рус. копоть. Как известно, в абсолютном конце слова русские звонкие согласные оглушаются, хотя в иных благоприятных для того позициях они остаются звонкими. Конечные оглушенные согласные в удмуртском языке в большинстве случаев осваиваются как звонкие. Как видно из примеров, по аналогии со звонкими согласными ауслаута в удмуртских диалектах звонкими могут восприниматься и изначально глухие согласные. Считаем, что подобная гиперкоррекция произошла и в бесермянском суффиксе *-н'иг* (см. об этом также в специальной работе по исследуемой теме: [Максимов 1998]).

М. Н. Усачёва и Н. В. Сердобольская выдвигают гипотезу, в соответствии с которой, возможно сопоставление суффикса *-ńig* с коми-зырянским конвербом *-ig-(en)* (< прап. *-*i̯ki̯*), имеющим то же значение, что и *-ńig* в деепричастной функции. Исследователи считают, что в этом случае *-ńig* исторически членится на элементы *ń* и *ig*. Элемент *ń* возво-

дят к маркеру вторичных пространственных падежей бесермянского и северного наречий, который является суффиксом, имеющим «значение нахождения в чьем-либо жилище (являющийся средством выражения локализации DOMUS)» [Усачева, Сердобольская 2015: 371–372].

Приведенная гипотеза у нас вызывает определенные сомнения, поскольку соответствием показателя коми-зырянского деепричастия на *-ig-(en)* в бесермянском является *-къ* (*-kө/-kə̑*) [Тепляшина 1970б: 212, 267, 279; Люкина 2016: 131–132], аналогом которого в литературном и большинстве других удмуртских диалектов выступает морфема *-ку* (диал. *-кы, -къ*). В соответствии с новейшими исследованиями, под влиянием северноудмуртских говоров возникла свободная альтернация *-kə̑* и *-ku* [Люкина 2016: 132]. Авторами неоднократно утверждается отсутствие деепричастий с указанным суффиксом в бесермянском наречии [Усачева, Сердобольская 2015: 371, 389–390]. Также малоубедительным выглядит возведение элемента *ń* к морфеме, имеющей узкую семантику ‘жилье, домашний очаг’, а не к суффиксу *-н'и* (< *in* ‘место’) с локальным значением.

4.1. Практически во всех имеющихся публикациях исследователи у слов с суффиксом *-н'и* выделяют только локальное значение. Отмечается, что словоформам с суффиксом *-н'и* в большинстве диалектов и литературном языке соответствуют сочетания со словом инты (диал. *мэста*) ‘место’. Однако следует сказать, что подобные сочетания далеко не всегда тождественны первым, которые, помимо значения места действия, могут обозначать конкретные объекты, например, *йыр ӈышкон'н'и* может обозначать: 1) место где-нибудь, уголок в доме, квартире, где периодически кого-то постригают (≈[1] *йыр ӈышкон инты* / *мэста*); 2) отдельный салон (предприятие), где производят стрижку (и т. п.) – парикмахерская (= *парикма̇хэрской*). Соответствующим образом *пыдкук тупат'т'ан'н'и* может обозначать не просто место, где ремонтируют обувь, а обувную мастерскую; *дис' мис'кон'н'и* – не только место, где стирают (полощут) белье, но и комнату (постирочную), а также предприятие (прачечную). Имеются и названия анатомических органов: *н'ылон'н'и* ‘горло’ (< ‘место, через которое глотают’ < *н'ылыны* ‘глотать, проглотить’), *кыз'ан'н'и* ‘половой орган’ (< ‘место, через которое мочатся’ < *кыз'аны* ‘мочиться’).

[1] (≈) – приблизительное равенство; (=) – эквивалентное равенство.

4.2. Из первоначального локального значения у существительных, стоящих в местных падежах и имеющих показатель *-н'(и)-* / *-н-*, развились дополнительные смысловые оттенки, которые можно назвать морфологическими значениями: 1) процесс, действие и коллектив, задействованный в этом процессе (одновременно актуализируется и локальное значение); 2) степень действия или ситуация, в которой оказался или мог бы оказаться субъект или объект; 3) временно-процессуальное значение; 4) выражение причины (см. подробнее: [Максимов 1998: 42–44]).

5. По поводу коми суффикса *-ин* (*-in*) многие исследователи придерживаются мнения, что из вторичных формантов коми языка он меньше всего продвинулся по пути превращения в суффикс, не случайно конструкции с *-ин* (*-in*) некоторые ученые считают сложными словами [Бубрих 1949: 64; Кривощекова-Гантман 1967: 117; Федюнева 1985: 93].

Г. В. Федюнёва отмечает, что элемент *-ин* находится на ранней стадии грамматикализации и в современном коми языке функционирует как полусуффиксальный элемент. С одной стороны, он выступает как компонент сложных слов или даже устойчивых словосочетаний в своем прямом лексическом значении. «С другой стороны, в коми языке имеются случаи суффиксального использования элемента *-ин* (*-in*). Во всяком случае, его превращение в суффикс уже началось, о чем свидетельствует не только регулярность в образовании однотипных словообразовательных связей, но и наличие явного сдвига в сторону грамматикализации <…>»: *сьыланінысь дугдісны* ‘перестали петь’ (= ‘из пения перестали’), *куланінысь лолзис* ‘был при смерти, но выжил’ (= ‘из процесса умирания ожил’). В подобных примерах из коми языка возможно выделение общего грамматического значения элемента *-ин* – абстрактное выражение процесса действия [Федюнева 1985: 94].

Интересно привести параллели данным конструкциям из удмуртского языка. В литературном языке и диалектах им будет соответствовать образование с *-(э)м*-овым причастием: *кырӟам-ысь дугдӥзы* ‘перестали петь’, *кулэм-ысь улӟиз* ‘был при смерти, но выжил’. Синонимом последнего примера в северном наречии может выступать и конструкция с показателем *-н'и*: *кулон'н'ыс'тыз султиз* ‘был при смерти, но встал’.

Г. В. Федюнёва приводит также примеры, позаимствованные у Ф. Й. Видеманна, где основное значение суффикса – временное: *tölys'töm-in* ‘безлунное время’, *zörtöm-in* ‘время без дождя, не дождли-

вое время’, а также обобщенно-абстрактное: *vöžörtöm-in* = *vöžörtöm-lun* ‘безрассудство, нецелесообразность’[1]. Далее представляет подобные образования из присыктывкарского диалекта: *ныв сетанін* ‘свадьба’, *ворсанін* ‘вечеринка, посиделки’; а также из словаря Н. Рогова: *вериттöмін* ‘безверие’ < *вериттöм* ‘безверный’, нештöмі*н* ‘безобразие’ < *нештöм* ‘безобразный’. Но в отношении последних примеров пишет, что, в соответствии с утверждением А. С. Кривощековой-Гантман, в современном коми-пермяцком языке таких слов нет [Там же. С. 94–95].

В целом можно констатировать, что рассматриваемый элемент *-ин* в коми языках еще не прошел стадию трансформации в полноценный суффикс, хотя в некоторых случаях налицо его грамматикализация. В соответствии с данными письменных источников, последнее явление было характерно и для коми-пермяцкого языка, но впоследствии этот процесс по неизвестным причинам прервался, хотя конструкции с локальным значением употребительны до сих пор: *кöзъяин* ‘ельник’, *волькытін* ‘гладь, равнина’, *чегöмин* ‘место разлома’, *пыдынін* ‘глубокое место’ [Кривощекова-Гантман 1967: 117; 1985: 602]. В подобных словах коми-пермяцкое *-ин* функционально ближе всего стоит к суффиксу, «поскольку в этом языке самостоятельное слово *ин* заменено русским словом *места* и поэтому нет соотносительных словосочетаний с компонентом *-ин*» [Кривощекова-Гантман 1967: 117].

В говоре кольских коми (ижемский диалект), наряду с суффиксом *-ин*, бытует его вариант *-нин*, ср.: *чэри кыйаннин* ‘место лова рыбы’, *Иванлэн оланнин* ‘жилье, жилище Ивана’, *с′ойаннин* ‘место или помещение, где едят’ [Сахарова, Сельков 1976: 57]. Вновь образованную модификацию также можно рассматривать как полноценную морфему, поскольку ассоциативная связь элемента *-нин* с существительным *ин* уже не осуществляется или ослаблена.

6. Обзор публикаций, проведенный выше, позволяет достаточно четко очертить ареал функционирования исследуемого объекта в удмуртском языке: а) северное наречие: нижнечепецкий и среднечепецкий диалекты (*-н′и*), верхнечепецкий диалект – кезский говор (*-н′и* ~ *-ти*), дебёсский говор, включая тыловайский (под)говор – (рефлекс *-н-*); б) средневосточные говоры: шарканский говор (*-ни*); в) бесермянское наречие (*-н′иг/-н′ик* ~ *-н′и*) – внутри среднечепецкого ареала; в) кук-

[1] Переводы с немецкого – автора.

морский говор периферийно-южного диалекта (непродуктивный суфф. *-н′и*) – образует островной ареал. Таким образом, можно констатировать, что основной ареал морфемы *-н′и* (*-ни, -н′иг*) почти полностью располагается в бассейне р. Чепцы, в пределах Удмуртии – это северные и северо-восточные районы, также отдельные районы Кировской области на нижней Чепце. Островной ареал располагается на севере Республики Татарстан (Кукморский район).

На основе публикаций [Бушмакин 1969: 61–62; Насибуллин 1972в: 193–194; Загуляева 1980: 106; Карпова 1991: 162–163; 2016в: 216–217; Кельмаков 2006: 127], а также нашего собственного наблюдения над удмуртскими диалектами в настоящее время также возможно обрисовать ареал употребления суффикса *-ти*, являющегося функциональным аналогом *-н′и*: северная группа срединных говоров – среднезападные и средневосточные говоры (в последнем якшур-бодьинский говор и западная часть шарканского говора), северное наречие: крайний юг глазовского говора и кезский говор (спорадически, помимо *-н′и*); кроме того, отдельным островком употребляется на юго-западе срединных говоров – так называемый омгинский говор (север Кизнерского р-на и соседние удмуртские деревни Вятскополянского и Малмыжского р-нов Кировской обл.). Отдельный ареал образуют закамские говоры: шагиртско-гондырский (Куединский р-н, Пермский край), буйско-танынский, татышлинский, ташкичинский и канлинский (северо-запад РБ).

Большинство исследователей [Кривощекова-Гантман 1967: 117–118; Бушмакин 1969: 62; Федюнева 1985: 95], с нашей точки зрения, справедливо считают, что он образовался от самостоятельного слова *инты* ‘место’ (*inti* – по С. К. Бушмакину). Некоторые ученые происхождение этого суффикса связывают с формой переходного падежа, ср.: *kiti* ‘по какому месту’, *ta-ti* ‘по этому месту’ [Серебренников 1963: 147–148; Насибуллин 1972в: 194].

Как видно из описания, сделанного выше, исследуемые суффиксы в пределах удмуртской языковой территории распределены неравномерно, при этом в большинстве говоров южной диалектной зоны они совершенно отсутствуют. Для выяснения причины современного состояния исследуемого объекта предложим реконструкцию развития и распространения обоих суффиксов.

Удмуртский суффикс *-н′и* вместе с коми *-ин* восходит к прапермской лексеме *in* ‘место’, которая, возможно, имеет соответствие в венгерском

языке, ср. венг. *епу* (< **еп*) ‘место укрытия от дождя’, ‘укрытие (от неблагоприятной погоды)’ [КЭСК, 109; UEW, 592–593]. Однако общепермским суффиксом его считать нельзя. Еще в праудмуртском, как и в прапермском языке, могли употребляться устойчивые сочетания [имя / причастие + *ин*], но как было показано выше, результаты развития подобных конструкций в современных пермских языках и диалектах совершенно разные. Полагаем, что уже в определенных диалектах праудмуртского языка в некоторых видах сочетаний начались преобразования на стыке основ, например, следующего типа: *вэтлон+ин* > *вэтлон'ᵘн-* > *вэтлон'н'и* ‘место, где ходят, тропинка’, *турнан+ин* > *турнан'ᵘн-* > *турнан'н'и* ‘место, участок, где косят, покос’, *вандон+ин* > *вандон'ᵘн-* > *вандон'н'и* ‘место, где отрезают голову животному, атлант, атлас’. Подобные формы употреблялись параллельно, при этом слово с формантом *-н'и*, по-видимому, осознавался как вариант сложного слова / словосочетания на ин с соответствующей основой. Процесс возникновения полнокровного суффикса и лексико-семантической группы с общей семантикой ‘место действия’, на наш взгляд, был приостановлен образованием новой лексемы **инти* (**inti*) ‘место’. Возможно, форма переходного падежа (пролатива) **ин-ти* ‘по какому-либо месту’ обобщилась как лексема со значением ‘место; местность (вообще)’, ср.: *кытӥ* (*kɨ̣ti*) ‘где, по какому месту’, *татӥ* (*ta-ti*) ‘здесь, по этому месту’, *та *инти* (*ta *inti*) ‘по этому месту’ (< *та *ин* / *ta *in* ‘это место’) > *та *инти* (*ta *inti*) ‘это место’ > **инти* (**inti*) ‘место’.

Причиной возникновения нового слова могло быть омонимическое отталкивание: ин ‘место’ // *ин* ‘небо’; ср.: к. *ин* ‘место’ // *ен* ‘небо’, ‘бог’ > *ен* ‘бог’, но *енэж* ‘небо’. С другой стороны, возможно, ощущалось давление со стороны фонетической структуры языка, поскольку в современном удмуртском языке односложными являются преимущественно служебные слова и некоторые наречные формы, а среди односложных знаменательных слов распространены структуры CVC (согласный-гласный-согласный), в то же время двусложные слова, как и в финно-угорском языке-основе, занимают наибольшую долю – 30.4 % (см. [Насибуллин, Дудоров 1992: 243]) от всей лексики удмуртского языка (для сравнения: доля трехсложных – 29,5 %, односложных – 10 %), при этом процент двусложных существительных от общего количества единиц, принадлежащих данной части речи, может быть значительно выше.

Вновь возникшая лексема **инти* ‘место’ вытеснила из языка слово ин со значением ‘место’, вследствие чего развитие суффиксального элемента, по нашему предположению, пошло в трех направлениях.

1) В одних диалектных группах вместо устойчивых сочетаний [имя / причастие + *ин*] стали употребляться сочетания [имя / причастие + *инти*], например: **вэтлон ин* > *вэтлон инти* ‘место, где ходят’, **чигэм ин* > *чигэм инти* ‘сломанное место; перелом’ и т. д.

2) В других диалектных группах произошел аналогичный процесс, но некоторые формы успели лексикализоваться, ср., пю.: кукм. *vandoń-ńi* ‘место, где перерезают горло животного при убое’, *ȯsoń-ńi: ȯsońńijam koškiz* ‘меня затошнило’, букв. ‘пошло в мое рвотное место’ (*ȯson* ‘рвота’) [Кельмаков 1970: 283]. Данные примеры фактически не имеют отношения к локальности, к тому же лексема *vandońńi*, возможно, служила сакральным термином – «место перерезания горла жертвенному животному». Слово *ȯsońńi* (сев. *öскон'н'и*) букв. ‘место, через которое извергаются рвотные массы’ также связано с физиологией организма и далеко отошло от первоначальной семантики локальности. Подобных производных могло быть и больше, при этом они обозначали конкретный объект (предмет), а потому их формант (суффиксоид) не был заменен словом **инти.*

3) В третьей группе диалектов, где грамматикализация морфемы *ин* зашла гораздо глубже, но не завершилась, начался иной процесс: ***вэтлон+ин > вэтлонᵘн- > вэтлонни ~ вэтлон + *инти*** > *вэтлонᵘнти* > *вэтлон(н)ти* > *вэтлонти* ‘место, где ходят, тропинка’; ***турнан+ин > турнанᵘн- > турнанни ~ турнан + *инти*** > *турнанᵘнти* > *турнан(н)ти* > *турнанти* ‘место, участок, где косят, покос’. Иначе говоря, появилась новая морфема на основе трансформации слова со значением ‘место’.

Судьба описываемых суффиксов связана с расселением удмуртов по территории современного обитания. В формировании северных удмуртов и бесермян могли принять участие те диалектные группы, в языке которых процесс образования суффикса *-н'и* стал затухать, но сохранялось определенное количество лексикализованных форм. Почему же именно на нижней и средней Чепце этот суффикс стал наиболее продуктивным? Мы полагаем, что причину названного явления необходимо искать в контактах северных удмуртов (и бесермян) с коми населением. Импульсом для реанимации суффикса *-н'и* могли

стать устойчивые сочетания слов с компонентом *ин*, в целом имеющие локальное значение. В ходе расселения удмуртов вверх по Чепце и ее притокам, эта морфема проникла на северо-восток современной Удмуртии и несколько южнее – вплоть до некоторых срединных говоров (Шарканский р-н).

Фонетическая структура исследуемых слов вступила в противоречие с фонетическими процессами северо-восточных и срединных говоров, для которых регрессивная ассимиляция по палатальности не характерна. В названном случае невозможны или маловероятны следующие процессы: ***-н + -н'и*** > *-н'-н'и;* ***-н + -йа-*** > *-н'* + *-йа-* > *-н'* + *н'а-* > *-н'-н'а-*. Вместо этого произошла прогрессивная ассимиляция по велярности: ***-н + -н'и*** > *-н-ни;* ***-н + -н'а-*** > *-н-на-*, ср.: сосн. шарк. *aranni* ‘место жатвы’, *turnanni* ‘покос; участок для косьбы’; сред. *аранназы* ‘на жатве’ (примеры см. выше).

Диалектные группы третьего типа (с морфемой *-ти*) заселяли территорию Удмуртии по р. Кильмези и ее притокам – вплоть до юга Удмуртии, кроме того, принимали активное участие в формировании диалектов Закамья. Но впоследствии в южную половину Удмуртии начало проникать население, в языке которого локальный суффикс не сформировался, чем можно объяснить отсутствие такой морфемы на указанной территории. В дополнение отметим, что конечный гласный лексемы **инти* (**inti*) ‘место’ претерпел изменение, по-видимому, вследствие аналогии, поскольку большинство двусложных существительных с узким гласным в ауслауте имеют огласовку *ы* (ъ), а не *и*.

7. Подчеркнем основные мысли об исследуемом объекте. Условия для возникновения суффикса с локальной семантикой *-ńi* // *-in* существовали еще в прапермском языке, в котором употреблялось самостоятельное слово *in* ‘место’. Процесс превращения его в отдельную морфему более интенсивно протекал в праудмуртских диалектах, что было обусловлено фонетической трансформацией на стыке основ отглагольных существительных на *-(о)н* и лексемы *ин*. Однако данный процесс приостановился, поскольку лексема *ин* была вытеснена вновь образовавшимся словом с семантикой места **инти* (**inti*) (< *in* + *-ti*). Далее суффиксообразование приобрело разные векторы. В одних диалектных группах оно полностью остановилось; в других в него было вовлечено слово **инти*, в результате возник суффикс с локальными значением *-ti*. В диалектах северных удмуртов (бассейн

р. Чепцы) процесс грамматикализации *ин* (> *-н′и*) был реанимирован благодаря контактам с коми населением, в языке которых для выражения объектов с локальным значением употреблялись сочетания имен со словом *ин*.

Суффикс *-н′и* с первоначальным значением места действия в дальнейшем приобрел разные семантические оттенки, при этом не всегда связанные с местом. В коми языках грамматикализация компонента *ин* в целом осталась незавершенной, что связано в первую очередь с функционированием в языке соотносимого знаменательного слова со значением ‘место’. С другой стороны, функция выражения абстрактного, временного и других значений прекратилась развиваться, не выдержав конкуренции с другими морфемами, а также, возможно, из-за иноязычного влияния, которое привело к изменению когнитивных установок.

4.3. Маркер компаратива – удм. нч. срв. *-ӝык* // к. *-джык, -жык, -джиг*

В удмуртских диалектах в качестве суффикса сравнительной степени функционирует показатель *-гэс* (реже *-гэм*). В отдельных ареалах, наряду с указанными маркерами, в качестве показателя компаратива может выступать *-ӝык*. Типичными представителями такого ареала являются нижнечепецкие говоры (слободской и косинский) северного наречия, ср.: *трӧс* ‘много’ – *трӧзӝык* ‘больше’, *чебер* ‘красивый’ – *чебе́рӝык* ‘красивее’, *чеберге́зӝык* ‘очень красиво, самый красивый’, *бур* ‘хорошо’ – *бу́рӝык* ‘больше’ [Тепляшина 1970а: 167, 169, 183–184]. Исследуемый суффикс, как указывает Т. И. Тепляшина [1964: 144; 1970а: 184], может употребляться самостоятельно: *со ӝо́гӝык ужа* и *со ӝык ӝог ужа* ‘он работает быстрее’.

Современные исследования Л. Л. Карповой также подтверждают функционирование компаративного суффикса *-ӝык* в говорах нижнечепецкого диалекта: *умо·йӝык* ‘более лучше’, *трӧ·зӝык* ‘больше’, *ӧрӧ·дӝык* ‘более хуже’. Данный показатель употребляется с прилагательными, характеризующими предмет по качеству [Карпова 2008б: 369; 2016в: 167, 169; 2017: 12]. Согласно материалам Т. И. Тепляшиной

и Л. Л. Карповой, суффикс *-ӝык* может сочетаться с другими показателями сравнительной степени – *-гэс* и *-гэм*, усиливая компаративное значение, при этом обычно занимает положение после указанных суффиксов [Тепляшина 1970а: 214; Карпова 2017: 12].

Другим удмуртским диалектным ареалом, в лингвистическом арсенале которого имеется суффикс *-ӝык* и частица *ӝык*, являются средневосточные говоры. Как и в нижнечепецком диалекте, в названных говорах исследуемый суффикс употребляется совместно с одним из показателей компаратива *-ges* или *-gem* для усиления степени качества (признака): *baʒǯǯingezǯik* ‘более взрослый (большой)’, *ćebergezǯik* ‘более красивый’. Употребляясь с другой категорией слов (в которых отсутствуют суффиксы *-ges, -gem, -ǯik*), *ǯik* выполняет функцию усилительной частицы со значением ‘же, ведь’, например: *śuruez iskal ǯik jǥlu-a ug luᵢu?* ‘Рогатая корова ведь тоже бывает молочной (рогатая корова разве не бывает молочной)?’ [Бушмакин 1969: 64; 1971а: 245–247; см. также: 1965: 23–24].

К данному диалектному ареалу необходимо отнести также чутырский говор (южная часть Игринского р-на), поскольку частица *ӝык* встречается в одном из произведений писателя Г. Перевозчикова, уроженца д. Верх-Нязь Игринского района: *Колхоз парткомын ужамын ке,* ***ӝык****, куинь-ньыль толэзьскын гинэ ваньзэ тодыса-валаса вуод-а?* (с. 6). ‘**Ведь** если в парткоме колхоза работал, неужели за три-четыре месяца всё успеешь понять?’ [Ушаков 1990: 135].

Помимо указанных двух диалектных групп, усилительная частица *ӝык* встречается также в шошминском говоре, на что указывают исследования Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1964: 141], а также современные полевые данные, ср.: шошм. (Карек-Серма) *ӧ°т′ид кэ но, лыктоз-а ма* ***ӝык****.* ‘Даже если позовешь, придет что ли **[разве]**’. Кроме этого, данная частица в варианте *жык ~ жък* употребительна в закамских говорах (РБ, Пермский край), например: шг. (Гожан) *чэбэр бон* ***жык****!* ‘ах, какой красивый’ (букв. ‘красивый же **ведь**’); татш. (Уразгильды) *тон* ***жък*** *оз′ъ карид эс′.* ‘Ты **тоже** так сделал ведь’.

По имеющимся данным можно очертить ареал исследуемого явления: отдельные диалектные группы северной диалектной зоны – нижнечепецкий диалект северного наречия, средневосточные говоры, включая чутырский говор (суфф. *-ӝык* и част. *ӝык*); условно – отдельные говоры периферийно-южного диалекта: шошминский говор (част.

ӝык) и закамские говоры: шагиртско-гондырский, буйско-таныпский (част. *жык*), татышлинский (*жък*). Разные фонетические варианты суффикса сравнительной степени *-джык* представлены во всем коми диалектном континууме: кз. *-джык, -джик, -джыг, -жык*, кп. *-жык, -джык*, кя. *-джик, -джиг* [ССКЗД, 474; Лыткин 1961: 40; Баталова 1975б: 167–168; 1982: 122–126].

Венгерский ученый Д. Р. Фокош-Фукс считал, что суффикс сравнительной степени коми языка идентичен с наречием *ḍʒ̑i̯k, ʒ̑i̯k: te ʒ̑i̯k vɛ̨t'ś* ‘mache mehr!; делай больше!’; *sijɛ̨ oz ʒ̑i̯k kuž* ‘er kann nicht besser!; он не может лучше!’ Коми наречие он сравнивал с удмуртским словом *ḍʒ̑ik-ḍʒ̑ik* ‘аккуратно, опрятно’ [Fokos-Fuchs 1949: 166]. Б. А. Серебренников [1963: 161–162] исследуемый суффикс возводит к наречию *ǯyk*, означавшему ‘очень’. Мнения о происхождении описываемого суффикса на базе самостоятельного слова с усилительным значением придерживается большинство финно-угроведов (см. [Лудыкова 2014: 88]). Выявление суффикса сравнительной степени *-ӝык* (*-dʒ̑i̯k*), а также соответствующего усилительного слова в некоторых диалектах удмуртского языка дали основание считать этот показатель компаратива общепермским [Тепляшина 1964: 142, 144; Бушмакин 1965: 25; Лудыкова 2014: 87].

Наши исследования привели нас к несколько иному выводу. Считаем, что лексический элемент *ǯik* возник в прапермский период как изобразительное слово, ср.: удм. *ӝик-ӝик* ‘крепко-накрепко; туго-натуго’, *ӝик-ӝик керттыны* ‘завязать туго-натуго’ [УРС 1983: 144]. На базе указанной семантики впоследствии развилось значение ‘аккуратно’, проявляющееся также в производных, к примеру, в слове *ӝикыт* ‘аккуратный, опрятный, чистый; аккуратно, опрятно, чисто’ [Там же]. В то же время *ǯik*, будучи синонимичным словам *зол* ‘крепкий; крепко’, *юн* ‘крепкий, прочный; крепко, прочно’, выполнял роль усилительного слова. Однако преобразование его в суффикс сравнительной степени в коми диалектах произошло уже в период их обособленного (от удмуртского языка) развития. В северо-западных (нижнечепецких) говорах компаративный суффикс *-ӝык* появился в результате поздних контактов местных удмуртов с коми населением. Позднее, в ходе миграции удмуртского населения вверх по Чепце и ее притокам, данный суффикс проник в средневосточные говоры. На такую мысль наталкивают наши ареальные исследования уд-

муртских диалектов, в том числе изучение территориального распространения *-жӧык*. Дополнительным аргументом в пользу позднего возникновения компаративного суффикса *-жӧык* может послужить тот факт, что он при совместном употреблении с общеудмуртскими показателями сравнительной степени *-гес* и *-гем*, как правило, занимает позицию после них.

Попутно выскажем также наши соображения по поводу спорного вопроса о корреспонденции согласных в исследуемом суффиксе – 1) анлаутного *дж-* // *ж-* и 2) ауслаутного *-к* // *-г*.

Варианты как с аффрикатой *дж-*, так и с фрикативным согласным *ж-* в коми диалектном континууме представлены широко, употребляясь чересполосно или параллельно в одном и том же диалекте (говоре). При этом в коми-пермяцких диалектах преимущественно распространена модификация *-жык*. Учитывая тенденцию перехода фрикативного звука анлаута в аффрикату (*-жык* > *-джык*), Р. М. Баталова [1982: 124–125] считает, что первичными должны быть формы с фрикативным звуком в начале слова.

Однако данное высказывание не находит поддержки в удмуртском языке. Формы *жык* (*жък*) в закамских говорах имеют вторичное происхождение. В большинстве говоров Закамья велярная аффриката исчезла в фонетической системе, а в шагиртско-гондырском говоре сохранилась лишь при дистантно следующем фрикативном *ж*, ср.: шг. *жӧужыт* ‘высокий’, но – *жыт* ‘вечер’ (подробнее об этом: [Максимов и др. 2002: 313, 317]). В то же время Д. Р. Фокош-Фукс приводит два разных фонетических варианта коми наречия – *ḍ̣ẓ̌i̯k, ži̯k* (см. выше). Следовательно, в определенный период в коми диалектах произошла деаффрикатизация в исследуемой лексеме, от которой образовался компаративный суффикс в соответствующем фонетическом облике. Причина деаффрикатизации не вполне ясна. Возможно, она кроется в особенностях лексико-семантической группы слов, относящихся к наречно-изобразительным и звукоподражательным словам. В подобных словах в коми языке иногда наблюдается корреспонденция начального согласного звука: уд. *джива-джавакывны* // л. *жывакывны* ‘щебетать (о птицах)’ [ССКЗД, 100]; вс. *джагмыны* // вс. *жагмыны* ‘замедляться, замедлиться’, кп. *жагмыны* ‘идти (пойти) потише’, кя. *жаг* ‘медленный, медлительный’ [Жилина 1975: 170, 175; КПРС, 139; Лыткин 1961: 113].

В отношении первичности конечного согласного *-к* // *-г* в исследуемой морфеме имеются прямо противоположные мнения, а многие исследователи испытывают затруднения в решении этого вопроса (см. [Баталова 1982: 122–124]). На основе данных древнепермского (собственно, древнекоми) языка, а также коми-язьвинского диалекта и других источников, в которых представлен вариант со звонким конечным согласным *-джиг* (*-ǯig*), В. И. Лыткин [1961: 58] предполагал первичность звонкого согласного. На самом деле картина может быть аналогична предыдущей. Конечным согласным, скорее всего, был звук *к*. Спорадическое озвончение произошло на почве коми диалектов. В качестве примера можно привести коми слово *джагыд* ‘застревающий в горле, труднопроглатываемый’, для которого приводят удмуртское соответствие *ӵакыт* ‘безвкусный, суховатый’ и реконструируют общеп. **čakit* [КЭСК, 88]. Данные древнепермского языка и коми-язьвинского диалекта в рассматриваемом случае не могут быть непоколебимым доказательством первичности *г* (*g*), поскольку древнепермский язык представляет ограниченный коми диалектный ареал, а факт хорошей сохранности некоторых гласных не может быть аргументом в пользу тотальной архаичности коми-язьвинского наречия. Единственным однокоренным словом в удмуртском языке, в котором выступает звонкий *g*, является *džigi̧ttem* ‘неопрятный, неаккуратный’, извлеченный из словаря Т. Борисова [Тепляшина 1964: 145]. Однако в приведенном слове спорадическое озвончение могло произойти по аналогии с *dži**g**-džik* ‘очень аккуратно, опрятно’ или под влиянием начального звонкого согласного *ӝ* (*ǯ*).

4.4. Числительные с формантом – удм. сл. *-дас* ~ *-тас* // к. *-дас*

1. Среди числительных особый интерес представляют названия, образованные с помощью компонента *-дас* / *-тас*, которые известны не во всех диалектах пермских языков, а распространены в определенном ареале, пересекающем языковые границы, что исследователями уже давно подмечено. Так, Т. И. Тепляшина, описывая числительные нижнечепецкого диалекта, территориально занимающего крайнее северо-

западное положение по отношению к другим удмуртским диалектам, отмечает: «Названия от сорока до ста в (нижнечепецких. – *С. М.*) говорах отличны от литературных форм. Такие формы в других современных удмуртских диалектах не известны. В прошлом, по-видимому, были такие диалекты пермских языков, в которых счет велся так, как ныне ведется он в нижнечепецких говорах. В памятниках коми-пермяцкого языка начала XIX века зафиксировано числительное *кыкдас* ‘двадцать’. <…> В своей древней форме коми-пермяцкие числительные зафиксированы и в словарях Н. Рогова» [Тепляшина 1970: 171–172].

Коми-пермяцкий диалектолог Р. М. Баталова, исследуя ареальные явления в коми языках, указывает на употребление в южной группе зырянских диалектов названия числительных ‘40’, ‘50’, ‘60’ (а в среднесысольском – также ‘30’) как образующихся с помощью компонента *-дас* (*-тас*) (параллельно с числительными на *-мын*), которые в других коми-зырянских диалектах не встречаются. Она отмечает, что «десятки на *-дас* – черта коми-пермяцкая. Она свойственна и языку кировских пермяков». Далее, резюмируя, исследователь пишет, что десятки на *-дас* употребительны на определенной территории: изоглосса данного явления с Прикамья тянется к северо-западу – на Сысолу и Летку» [Баталова 1982: 136]. Однако о функционировании подобных числительных в нижнечепецком диалекте (точнее, в слободском говоре названного диалекта), умалчивает.

2. Проблема возникновения современного ареала функционирования исследуемой группы числительных далеко не проста, как может показаться на первый взгляд. Для ее решения необходимо рассмотреть формирование системы счета и происхождение названий десятков свыше ‘20’.

В пермских языках из названий десятков, кроме слова *дас* ‘10’, являющегося иранским заимствованием, и слова *кызь* ‘20’ финно-угорского (по мнению В. В. Напольских [Napol’skich 2003: 53] – уральского) происхождения, общепермским является только название числа ‘30’ (удм. *куамын*, к. *комын*) [КЭСК 1999: 87, 132, 150; UEW 1986–1991: 224]. Далее названия десятков происходят в удмуртском языке от названий единиц путем прибавления форманта *-дон* / *-тон: ньыльдон* ‘40’, *витьтон* ‘50’, *куатьтон* ‘60’ и т. д. Лишь в слободском говоре нижнечепецкого диалекта северного наречия, распространенном

к северо-востоку от г. Кирова, в составе соответствующих числительных присутствует компонент *-дас* / *-тас: н'ыл'дас* ‘40’, *вит'тас* ‘50’, *кўат'тас* ‘60’ и т. д.

В большинстве диалектов коми-зырянского языка числительные ‘40’ (*нелямын*), ‘50’ (*ветымын*), ‘60’ (*квайтымын*) образованы с помощью компонента *-мын*, а начиная с ‘70’, – повсеместно с помощью форманта *-дас*. Но в южной группе зырянских диалектов (лузско-летском, верхнесысольском, среднесысольском) встречаются названия десятков ‘40’, ‘50’, ‘60’, также оформленные указанным компонентом: *н'ол'дас, виддас, кват'дас*. А в среднесысольском диалекте (в селах Куратово и Палауз) зафиксировано даже числительное *куимдас* ‘30’ вместо ожидаемого *комын* [ССКЗД, 47, 151, 163, 238; Жилина 1975: 60; 1985: 99, 205; Колегова, Бараксанов 1980: 40].

В коми-пермяцком языке формант *-дас* представлен во всех названиях десятков, включая и число ‘20’ – *кыкда́с*, вместо числительного *кызь*, употребляемого в других пермских языках. Необходимо отметить, что мы оперируем данными письменных источников, поскольку в коми-пермяцком ныне все названия десятков вытеснены русскими заимствованиями. Исконные числительные зафиксированы в частности в Пермяцко-русском и русско-пермяцком словаре Н. Рогова (1869). Кроме того, они представлены в грамматиках и словарях, изданных в прошлом веке [Майшев 1940; КПРС 1985; и др.]. Тем не менее в некоторых пермяцких диалектах исконные числительные продолжают функционировать; например, в самом северном, мысовско-лупьинском говоре, в котором названия чисел, включая десятки, тождественны коми-зырянским (см. [Федосеева 2015: 130, 139, 141]) (см. табл. 18).

3. Из описания видно, что в разных диалектах пермских языков исследуемая группа числительных образована разными способами. В связи с этим само собой возникает вопрос: умели ли прапермяне вести счет свыше ‘20’–‘30’?

В своей работе «Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen» Л. Хонти при описании числительных в пермских языках отмечает: наверно, едва ли будет преувеличением утверждение того, что все или, по крайней мере, часть десятков свыше двадцати как латентно-мультипликативные числительные с элементом **-тзпз* (> прап. **mi̯n. – С. М.*) существовали уже в прафинно-угорском языке. Далее, ссылаясь на

Ростека (1937, 114), ученый отмечает, что на появление десятков, образованных другим способом, повлияло то обстоятельство, что ранее окказионально возникшие структуры типа **kiḱjamiṣ-miṇ* ‘80’, *ȯkmiṣ-miṇ* ‘90’ для лучшего звучания были заменены таковыми с элементом *das* (или *don* – в удмуртском в период самостоятельного развития); и высказывает мнение, что в первую очередь это могло произойти в числительном ‘70’ [Honti 1993: 159–160].

Наличие счета выше ‘30’ в прапермском языке не должно вызывать сомнения, поскольку в этих языках функционируют числительные для обозначения ‘100’, являющиеся древнеарийским заимствованием финно-угорского периода, а также числительное *сюрс* ‘1000’, проникшее из арийских языков в общепермский период, а возможно, еще раньше [КЭСК, 252, 275; UEW, 446–467]. Вполне логично, что в прапермском языке могла уже существовать стройная система десятков с конечным элементом *-miṇ*, но впоследствии в отдельных диалектах он был заменен формантом *дас*, заимствованным из иранских языков. Но если согласиться с изложенным выше мнением, что причиной замены явилось более подходящее звучание, то возникает вопрос, почему, в частности, в зырянском он появился в названиях десятков от ‘70’ до ‘90’, но числительные низкого порядка остались без изменения?

Нам представляется, что разнобой в названной группе числительных возник ввиду того, что в прапермский период система счета свыше ‘50’–‘60’ еще не сформировалась окончательно.

Для уральского праязыка, в котором были только числительные ‘1’, ‘2’, ‘5’ и ‘20’, В. Напольских для первого и второго десятка реконструирует схему счета, которая велась путем арифметических действий: сложения и умножения существующих десятков [Napol’skich 2003: 52–53]. Для финно-угорского праязыка функционирование десятков, кроме ‘10’, в отличие от Л. Хонти, он не предполагает, хотя известно, что в финно-угорском праязыке употреблялось древнеарийское заимствование для числа ‘100’. В данном случае также не исключено, что счет до ста мог вестись с помощью арифметических действий, как и в прапермском языке, в котором, наряду с использованием при счете десятков свыше ‘30’, а в позднепрапермском – свыше ‘50’–‘60’, образованных с помощью форманта *-мын* (< ф-у. **-тзпз* ‘10’, ? ‘количество, много’ < ? ностр. [UEW, 279–280; Napol’skich 2003: 52]), счет

мог осуществляться путем сложения по схеме: 50 + 10 = 60; 50 + 20 = 70; 50 + 30 = 80 и далее.

4. Таким образом, еще раз отметим, что в прапермском языке, кроме числа ‘30’, более или менее устоявшимися были также ‘40’, ‘50’, ‘60’, названия которых в большинстве коми-зырянских диалектов имеют компонент *-мын*. У предков коми названия десятков окончательно сложились после заимствования из иранских языков слова *дас* ‘10’. При этом аналогичная система десятков должна была функционировать и в коми-пермяцком языке, в котором, по данным исследователей, числительные с элементом *-мын* существовали еще, по крайней мере, в первой половине XIX века (см. [Honti 1993: 153]).

У предков удмуртов, имевших более развитые торговые отношения с южными соседями, утвердилась система десятков с формантом *-дон* / *-тон*, этимологически восходящим к праудмуртскому **don* (< прап. **dǫn* ‘цена, стоимость’; > удм. *дун*, к. *дон* ‘цена’) [Тепляшина, Лыткин 1976: 158; Кельмаков 1984: 20; Honti 1993: 161–162]. Предполагают, что поскольку в праудмуртском языке или уже в прапермское время это слово приобрело значение ‘цена, равная десяти беличьим шкуркам’, оно могло трансформироваться в суффикс названий десятков [Honti 1993: 161–162; Тепляшина, Лыткин 1976: 158]. Торговля в прошлом, была, пожалуй, важнейшей областью функционирования системы счета и числительных, так что названное обстоятельство зачастую могло в той или иной мере повлиять на формирование числительных. Наглядным примером может послужить русское числительное *сорок* с первоначальным значением ‘связка сорока соболиных шкур’, полностью вытеснившее из системы десятков праславянское *četyre desęte* ‘40’ [Honti 1993: 161–23]. В связи с этим резонно предположить, что в праудмуртский период компонент *-дон* / *-тон* участвовал в оформлении уже существующих числительных, вытеснив первоначальный элемент *-мын*.

В коми-пермяцком языке (в связи с частым употреблением русских числительных) исконные слова стали забываться, но в случае необходимости парадигма десятков восстанавливалась. Это могло происходить следующим способом: по аналогии с названиями более высоких десятков, например *ӧкмысдас* ‘девяносто’ и др., конечный формант *-дас* стал употребляться и в более низких десятках, вытеснив непонятный для говорящего элемент *-мын*. Но более вероятна иная схема возникновения

новой системы десятков: от более низких числительных, точнее, числа *дас* ‘10’, путем имплицитной мультипликации (умножения): 2 х 10 = 20 – *кыкдас*, 3 х 10 = 30 – *куимдас* и т. д.

Коми-пермяцкая система названий десятков вместе с миграционной волной проникла в южные зырянские диалекты, а также в слободской говор удмуртского языка, в котором она не архаична, как полагают некоторые исследователи, а представляет собой суперстратное заимствование, что могло иметь место в XVII веке в результате миграции коми на юг (см. [Жеребцов 1982: 70, 99]). К этому времени часть слободских удмуртов должна была уже переселиться по р. Чепце на ее приток Косу. Наличие удмуртских поселений по р. Косе, на территории современных Унинского, Зуевского, Фаленского, Богородского районов Кировской области, зафиксировано в переписных материалах за 1678 г. [Документы 1958: 272–274]. По мнению М. Г. Атаманова, косинская группа удмуртов начала формироваться с конца XVII века [Атаманов 2005: 67]. Судя по языковым данным, их переселение началось еще раньше, поскольку в косинском говоре нижнечепецкого диалекта функционирует система счета, аналогичная общеудмуртской, но отличная от таковой в слободском говоре. При этом в говоре косинцев, как и слободских удмуртов, присутствуют определенные черты, имеющие параллели в коми языках, но отсутствующие в других удмуртских диалектах [Максимов 2001: 181; Кельмаков 2004: 81; Карпова 2016а: 31]. Последнее обстоятельство может говорить о том, что инфильтрация коми (зырянского и пермяцкого) населения на нижнюю Чепцу не являлась единовременным актом.

Следует указать, что «Одна форма – *н'ӱл'дас* ‘сорок’ – во фразеологическом сочетании *н'ӱл'дас ӱй* ‘сороковины, сорочины’ зафиксирована и в кукморском диалекте» [Кельмаков 1984: 19], находящемся в Республике Татарстан, вдали от территории проживания слободских удмуртов и коми. В связи со значительной территориальной разобщенностью целесообразно считать, что данное слово возникло в названном говоре самостоятельно – для удобства подсчета наступления сороковин не по дням, а по десяткам дней. Для сравнения можно упомянуть такой факт, что в нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия сороковины называются термином *кўат' арн'а* букв. ‘шесть недель’, и подсчет их наступления ведется по неделям.

Таблица 18

Сравнительная таблица названий десятков и числа ‘100’ в пермских языках

Числа	Удм.	Удм. сл.	Кз.	Кз. юж.	Кп.	Кп. мыс.-луп.
20	*кызь*	*кыз'*	*кызь*	*кыз'*	*кык-**да́с***	*кыз'*
30	*куамын*	*кўамын, квамын*	*комын*	вс. *ко̂мын* сс. (Курат.) *куим-**дас***	*куим-**да́с***	*комын*
40	*ньыль-дон*	*н'ыл'-**дас***	*неля-мын*	сс. (Курат.) *н'ол'-**дас*** вс. (Кб.) *н'о̂л'-**дас*** лл. *н'эл'а-мын* л. (Пор.) *сöрöк*	*нёль-**да́с***	*н'эл'а-мын*
50	*вить-тон*	*вит'-**тас***	*веты-мын*	сс. (Курат.) *вид-**дас*** вс. (Кб.) лл. *вит-**дас***	*вит-**да́с***	*вэты-мын*
60	*куать-тон*	*кўат'-**тас**, кват'-**тас***	*квайты-мын*	сс.(Курат.) вс.(Кб.) лл. *кват'-**дас***	*квать-**да́с***	Данные отсутствуют
70	*сизьым-дон*	*с'из'ым-**дас***	*сизим-**дас***	*с'из'им-**дас***	*сизим-**да́с***	–
80	*тямыс-тон*	*кйамыс-**тас***	*кökъямыс-**дас***	*кökйамыс-**дас***	*кыкьямыс-**да́с***	–
90	*укмыс-тон*	*укмыс-**тас***	*öкмыс-**дас***	*öкмыс-**дас***	*öкмыс-**да́с***	–
100	*сю*	*с'у*	*сё*	*с'о*	*сё*, сев. *дас**дас***	–

4.5. Суффикс с собирательной семантикой – удм. *-на(-), -нан-* // к. *-нан(-)*

1. В пермских языках имеется категория слов, образованных от числительных с помощью суффикса *-на(-) ~ -нан(-)*. Они получили различные названия. В коми-зырянском языке – счетно-личные местоимения (*-нан*-Рх[1]), собирательные числительные (*-нан*) [ÖКК 2000: 146–147]; в коми-пермяцком языке – обобщительные (*-нан*) и лично-обобщительные числительные (*-нан*-Рх) [Кривощекова-Гантман 2006: 36], числительные со значением собирательности (*-нан-*) [Баталова 1975б: 83, 100, 107, 110]; в коми-язьвинском диалекте – совместные числительные (*-нан*-Рх, *-на*-Рх) [Лыткин 1961: 60, 125]; в удмуртском языке – собирательно-личные числительные (*-на*-Рх) [ГСУЯ 1962: 160], собирательно-личные числительные (*-на*-Рх, *-на*) [Тепляшина 1970б: 211–212], счетно-личные числительные (*-на*-Рх) [Бушмакин 1971а: 264], счетно-личные местоимения (*-на*-Рх) [Алатырев 1983: 575; Стрелкова 2013: 103–107], собирательные числительные (*-па-* / *-на-*) [Kel'makov–Saarinen 1994: 55; Кельмаков 2006: 77], собирательные числительные (*-на, -наиз*) [Стрелкова 2013: 107–109].

2. Исследуемый суффикс, по-видимому, восходит к финно-угорской общности: схожие морфемы собирательных (обобщительных) числительных имеются во многих родственных удмуртскому языках: венг. *kett-en* 'вдвоем', *harm-an* 'втроем', фин. *kahd-en* 'вдвоем', *kolm-en* 'втроем', манс. *kit-an* 'вдвоем', *ḥarm-an* 'втроем', хант. *ńəl-na* 'вчетвером', *xot-na* 'вшестером' [Серебренников 1963: 229].

Для нашего исследования важно провести классификацию категории рассматриваемых слов, без которой невозможно правильно определить ареалы изоглоссных явлений. С нашей точки зрения, слова с суффиксом *-на(-) ~ -нан(-)* в удмуртском языке можно разделить на несколько групп.

1) Счетно-личные местоимения, например: *кыкнамы* (= *кыкмы ик*) 'мы оба', *куиньнады* (= *куиньды ик*) 'вы все трое', *ныльназы* (= *ныльзы ик*) 'они все четверо' и т. д.

2) Собирательные числительные: а) *кыкна: кыкна киыным* '(я) обеими руками', *нььльна: нььльна пыдыныз* '(он) всеми четырьмя ногами';

[1] Символ посессивного суффикса.

б) *кыкнаиз* (= *кыкез ик*) ‘оба (о совокупности двух предметов, но не о лицах)’: *кыкнаиз киыз* ‘обе руки’, *ньыльнаиз* (= *ньылез ик*): *ньыльнаиз пыдыз* ‘все четыре ноги’.

3) Собирательно-личные местоимения / числительные: а) *кыкнамы* (= *ми / асьмеос кык кузя, ≈ кык мурт*) ‘мы / нас двое’, *куиньнады* (= *тӥ куинь кузя, ≈ куинь мурт*) ‘вы / вас трое’, *ныльназы* (= *соос ныль кузя, ≈ ньыль мурт*) ‘они / их четверо’ и т. д.; б) в функции отнумеральных наречий: *кыкнамы* (= *ми / асьмеос кык кузя*) ‘мы вдвоем’, *куиньнады* (= *тӥ куинь кузя*) ‘вы втроем’, *ныльназы* (= *соос ныль кузя*) ‘они вчетвером’.

Местоимения, образованные не от числительных.

4) Обобщительно-личные (обобщительно-определительные) местоимения: нч. *вычна́мы* (лит. *ваньмы*) ‘мы все’, *вычна́ды* (лит. *ваньды*) ‘вы все’, *вычна́зы* (лит. *ваньзы*) ‘они все’, *с'она́мы* ‘все (вместе)’ [Тепляшина 1970а: 178, 180]; деб. *с'она·зы* ‘они все’, *чистона·мы* ‘все мы’ [Карпова 2015: 53].

5) Обобщительно-собирательные местоимения: нч. *ӧоӧенна́мы* ‘мы оба (обе), мы совместно вдвоем’, *ӧоӧенна́ды* ‘вы оба (обе), вы совместно вдвоем’, *ӧоӧенна́зы* ‘они оба (обе), они совместно вдвоем’ [Тепляшина 1970а: 178].

В соответствии с нашими исследованиями, можно вычленить несколько типов изоглосс, связанных с морфемой *-на(-)* ~ *-нан-*, которые имеют параллели в коми языках:

1) сев. нч. *-нан*-Рх – суффикс счетно-личных местоимений // кп. *-нан*-Рх;

2) сев. сч. вч. *-на* – суффикс собирательных числительных // к. *-нан*;

3) сдз. *-на*-Рх – семантика счетно-личных местоимений // к. *-нан*-Рх;

4) сдз. *-на·*(-Рх) – ударяемая морфема // к. *-на·н*(-Рх).

Ниже представим описание данных изоглосс. Изоглосса, связанная с ударением, рассмотрена в предыдущей главе (п. 3.4.2).

4.5.1. Счетно-личные местоимения с суффиксом – удм. нч. *-нан*-Рх // кп. *-нан*-Рх

В нижнечепецких говорах в склонении счетно-личных (по Т. И. Тепляшиной, собирательно-личных) местоимений выявлена своеобразная форма *-на́н-* + притяжательный аффикс:

1-е лицо:
кык-на́н-ым[1] (лит. *кык-на-мы-ен*) ‘нами двоими’,
квинь-на́н-ым (лит. *куинь-на-мы-ен*) ‘нами троими’,
дас-на́н-ым (лит. *дас-на-мы-ен*) ‘нами десятерыми’.
2-е лицо:
кык-на́н-ыт (лит. *кык-на-ды-ен*) ‘вами двоими’,
квинь-на́н-ыт (лит. *куинь-на-ды-ен*) ‘вами троими’,
дас-на́н-ыт (лит. *дас-на-ды-ен*) ‘вами десятерыми’.
3-е лицо:
кык-на́н-ызы (лит. *кык-на-зы-ен*) ‘ими двоими’,
квинь-на́н-ызы (лит. *куинь-на-зы-ен*) ‘ими троими’,
дас-на́н-ызы (лит. *дас-на-зы-ен*) ‘ими десятерыми’.
[Тепляшина 1970а: 173–174].

Как отмечает Т. И. Тепляшина, представленные формы творительного падежа напоминают счетно-личные местоимения коми-пермяцкого языка [Там же. С. 174].

Кроме того, необычными являются формы творительного падежа обобщительно-личных (по Т. И. Тепляшиной, обобщительно-определительных): *выч-на́н-ым* ‘всеми нами’, *выч-на́н-ыд* ‘всеми вами’, *выч-на́н-ызы* ‘всеми ими’, – а также обобщительно-собирательных местоимений: *ӧӧен-на́н-ым* ‘нами обоими вместе’, *ӧӧен-на́н-ыд* ‘вами обоими вместе’, *ӧӧен-на́н-ызы* ‘ими обоими вместе’ [Тепляшина 1970а: 178]. Приведенные формы, отсутствующие в других диалектах удмуртского языка, сравниваются со счетно-личными местоимениями, употребительными в коми-пермяцком языке: *кык-на́н-ным* ‘мы оба’, *кык-на́н-ныт* ‘вы оба’, *кык-на́н-ныс* ‘они оба’ [Там же].

В настоящее время счетно-личные местоимения нижнечепецкого диалекта в творительном падеже употребляются в ином облике: корень + *-на·-* + падежный формант *-ин-* (< *-эн-*) + лично-притяжательный суффикс: *кык-на·-ин-ым(ы)* ~ *кы-на·-ин-ым(ы)* ‘нами двоими’, *кык-на·-ин-ыд(ы)* ~ *кы-на·-ин-ыд(ы)* ‘вами двоими’, *кык-на·-ин-ыз(ы)* ~ *кы-на·-ин-ыз(ы)* ‘ими двоими’, *дас-на·-ин-ым(ы)* ‘нами десятерыми’, *дас-на·-ин-ыд(ы)* ‘вами десятерыми’, *дас-на·-ин-ыз(ы)* ‘ими десятерыми’ и т. д. [Карпова 2018а: 273].

---

[1] Морфемное членение в данном пункте – наше. – *С. А. Максимов*

В отдельных счетно-личных местоимениях коми языка, таких как *õt-na-m* ‘я один’, *õt-na-nym* ‘мы одни’ – исследуемый суффикс выступает в «чистом» виде. Имеется предположение, что конечное *-n* суффикса *-nan* представляет собой эмфатическую частицу (см. [Серебренников 1963: 229]). По мнению В. И. Лыткина, конечный *-н* суффикса *-нан-* в коми языке перешел из притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа *-ным, -ныт, -ныс* [Лыткин 1995: 50].

Принимая в учет глухой ауслаут притяжательного суффикса второго лица, а также ударный характер исследуемой морфемы, следует считать необычные формы творительного падежа счетно-личных местоимений нижнечепецких говоров (собственно, слободского говора) северноудмуртского наречия проникновением из коми-пермяцких диалектов, ср.: нч. *кык-на́н-ыт* ‘вами двоими’ / кп. *кык-на́н-ныт* ‘вы оба’ // кз. *кык-нан-ныд* ‘вы оба’ (коми-зырянский пример из: [КРК 2000: 331]).

4.5.2. Собирательные числительные с суффиксом – удм. сдз. *-на* // к. *-нан*

Собирательные числительные выражают грамматическое значение совместности. В среднечепецком диалекте северного наречия, по нашим наблюдениям, собирательные (совместные) числительные с суффиксом *-на* могут употребляться без притяжательных суффиксов, например: *къкна·: къкна· киънъм* ‘(я) обеими руками’; *н'ъл'на·: н'ъл'на· пъдънъз* ‘(он) всеми четырьмя ногами’, *парс'пи н'ъл'на· пъдънъз тус'э пъриз.* ‘Поросенок всеми четырьмя ногами залез в корыто’ [Максимов 1999в: 129]. В подобных словах ударение не просто падает на исследуемую морфему[1], она является акцентуационной вершиной всей синтагмы (словосочетания).

Соответствующая форма также зафиксирована Т. И. Тепляшиной в бесермянском наречии, ср. бес. ***t'amөsna*** *valen vui·zө* ‘приехали на восьми лошадях’ [Тепляшина 1970б: 212]. В соответствии с полевыми исследованиями Л. Л. Карповой, в северноудмуртских диалектах собирательные числительные образуются от количественных посредством

[1] В соответствии с акцентуационной системой удмуртского языка, в большинстве случаев ударение падает на конечный слог слова.

присоединения суффиксов *-на-* и *-из*, последний из которых представляет собой выделительно-указательный суффикс, ударение при этом всегда падает на суффикс *-на-*. В среднечепецком и верхнечепецком диалектах собирательные числительные могут употребляться и без выделительно-указательного суффикса *-из*, ср.: сч.: гл. *монэ аӟӟъса, со* ***кыкна*** *киыныз ик шаназ мыным.* ‘Увидев меня, он **обеими** руками помахал мне’; вч.: деб. ***н'ыл'на*** *сэрэгйосмэ паз'ай со свйатой вуэн.* ‘**Все четыре** угла своего [дома] побрызгала той святой водой’ [Карпова 2018а: 239].

По данным О. Б. Стрелковой, собирательные числительные, образованные с помощью аффикса *-на* без притяжательных суффиксов встречаются в произведениях художественной литературы: *Арамаетӥ гинэ ӧвӧл, нюлэстӥ но утчазы,* ***кыкна*** *тыосты сӥсъяса потӥзы* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 85). ‘Не только в роще, но и в лесу поискали, прочесали оба озера’. *Клава нош ик горд палэзь кадь луиз,* ***кыкна*** *киыныз мӧля бордаз кутӥськыса, берлань чигназ, велосипедэз сюрес вылэ пограз* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 56). ‘Клава снова покраснела, как рябина, прижав обе руки к груди, попятилась назад, велосипед ее упал на дорогу’. *Вашкала ӵушкон вылын кечат-вамат гожъёс,* ***кыкна*** *пумаз но чукъёс* (Р. Валишин. Инвожо уйшоре но пиштэ. 13). ‘На старинном полотенце полосы крест-накрест, на обоих концах кисточки’ [Стрелкова 2013: 107].

Авторы двух из приведенных цитат являются уроженцами Башкортостана. Ф. Пукроков – носитель татышлинского говора, Р. Валишин – буйско-таныпского. Подобных форм в соответствующих говорах нам зафиксировать не удалось. К примеру, сочетание *кыкна киыныз* ‘обеими руками’ в татышлинском говоре передается выражением *кък (къкэнъз ик) киънъз*, а *ньыльна пыдыныз* ‘(всеми) четырьмя ногами’ – *н'ил' пъдънъз.* Г. Перевощиков – уроженец юга Игринского района, носитель чутырского говора, который, в соответствии с нашей классификацией, стоит ближе к средневосточным говорам, хотя имеет признаки переходности к верхнечепецкому диалекту северного наречия. В средневосточных говорах собирательные числительные без посессивного суффикса ныне также не функционируют. Для наглядности приведем следующие примеры: срв. *мил'ам* ***н'ыл' пыдыныз ик*** *парс'пи тус'э пырэ, йакэ* ***н'ыл'ыныз ик****.* ‘У нас **всеми четырьмя ногами** (*н'ыл' пыдыныз ик*) поросенок в корыто залезает, или **четырьмя же** (*н'ыл'ыныз ик*)’; ***кык киыныз ик*** *кутиз* ~ ***кыкэныз ик*** *киосыныз кутиз*. ‘Обеими / двумя руками же взял. ~ Обеими / двумя же руками взял’.

В большинстве диалектов, а также в литературном языке словоформы, содержащие суффикс *-на-*, употребительны лишь с притяжательными суффиксами, например: *кыкнамы* ‘мы двое; мы вдвоем; мы оба’, *кыкнады* ‘вы двое; вы вдвоем; вы оба’, *кыкназы* ‘вы двое; они вдвоем; они оба’. Подобно среднечепецким и верхнечепецким формам, бытование слов с суффиксом *-нан* без притяжательных суффиксов наблюдается в коми диалектах, например: кз. *кыкнан* (повс.) ‘оба, обе’ [ССКЗД, 186]; кп. коч. *кыкна́н ки́нас* ‘обеими руками’ [Баталова 1975б: 100]; кя. *кӧкна́н кок* ‘обе ноги’, *квимна́н машинаис* ‘все три машины’ [Лыткин 1961: 60].

Из описания, сделанного выше, можно заключить, что собирательные числительные с формантом *-на*, без последующего посессивного суффиса, ныне функционируют только в отдельных диалектах северной диалектной зоны – в срднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия и бесермянском наречии. Полагаем, что данный ареал является зоной консервации, иначе говоря, архаичным ареалом. Можно также предположить, что консервации способствовали в какой-то степени поздние связи среднечепецких удмуртов с коми-пермяками, однако прямые вторичные заимствования в данном случае, по-видимому, следует исключить, поскольку описываемые формы отсутствуют в нижнечепецком диалекте, в наибольшей степени испытавшем влияние со стороны коми языков.

4.5.3. Семантика счетно-личных местоимений с суффиксом – удм. сдз. *-на*-Рх // к. *-нан*-Рх

Как было изложено выше, в определении категории слов, образованных от числительных с помощью суффикса *-на(-) ~ -нан(-)*, среди исследователей нет единства. На наш взгляд, одной из причин разногласия является многозначность / многофункциональность одних и тех же лексико-семантических групп. Остановимся на описании счетно-личных местоимений, образованных от числительных с помощью суффикса *-на* и последующего присоединения притяжательных аффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа, таких как:

кыкнамы ‘1. мы оба 2. мы двое 3. мы вдвоем’, *кыкнады* ‘1. вы оба 2. вы двое 3. вы вдвоем’, *кыкназы* ‘1. они оба 2. они двое 3. они вдвоем’;

куиньнамы ‘1. мы все трое 2. мы / нас трое 3. мы втроем’, *куиньнады* ‘1. вы все трое 2. вы / вас трое 3. вы втроем’, *куиньназы* ‘1. они все трое 2. они / их трое 3. они втроем’ и т. д.

Семантический объем приведенных примеров представляет собой совокупность значений соответствующих лексем, распространенных в разных диалектных ареалах. По нашим наблюдениям, первое значение исследуемой категории слов в первую очередь присуще для северной диалектной зоны, второе и третье значения характерны для южной диалектной зоны.

Так, в диссертации Л. Л. Карповой можно найти следующие примеры счетно-личных местоимений, функционирующих в диалектах северного наречия удмуртского языка (ударение при этом падает на формант *-на*): сч. нч. *кыкна·мы* (~ *кына·мы*), вч. *кыкна·мы* ‘мы оба’, сч. нч. *кыкна·ды* (~ *кына·ды*), вч. *кыкна·ды* ‘вы оба’, сч. нч. *кыкна·зы* (~ *кына·зы*), вч. *кыкна·зы* ‘они оба’; сев. *вит'на·мы* ‘мы все пятеро’; сев. *вит'на·ды* ‘вы все пятеро’; сев. *вит'на·зы* ‘они все пятеро’ и т. д. Примеры: сч.: гл. ***кына·мъ*** *кал' тубом карэ.* ‘**Мы оба** сейчас пойдем в город [Глазов]’; вч.: зур. *школаын но ко·т'ку ӧош вал соос, ал'и но* ***кыкна·зы*** *ун'ивэрс'ит'этын дышэтско.* ‘И в школе они всегда вместе были, и сейчас **они оба** в университете учатся’; нч.: кос. *ти* ***кӱин'на·ды*** *туннэ скал воз'маны мыно·ды.* ‘**Вы все трое** сегодня коров пастушить пойдете’ [Карпова 2018а: 272–273].

Бесермянские отнумеральные слова *kөknamө* (*kөknámө. – С. М.*) ‘мы вдвоем’, *kөknádө* ‘вы вдвоем’, *kөnázө* ‘они вдвоем’, с вариантами *kөnámө, kөnádө, kөnázө*, Т. И. Тепляшина [1970б: 211] называет собирательно-личными числительными. Однако в представленных ею предложениях они имеют иную семантику: (Еж.) *kөnamө* (*kөnámө. – С. М.*) *dөšeč'ᵒkómө zaoč'no.* ‘Мы обе будем учиться заочно’; (Шам.) *kөnádө pөrale min'n'am.* ‘Вы оба заходите к нам’; (Жув.) *kөnázө koskízө puden.* ‘Они оба отправились пешком’ [Там же]. Следовательно, группа лексем с суффиксом *-na* бесермянского наречия в действительности – это счетно-личные местоимения с семантикой, совпадающей с соответствующей категорией слов соседних северноудмуртских говоров.

Лексико-семантическая группа слов, названных счетно-личными числительными, семантически и функционально соответствующих счетно-личным местоимениям северного наречия, функционирует в средневосточных говорах [Бушмакин 1971а: 264].

В южной диалектной зоне исследуемая категория слов многозначна. Употребляясь в функции, аналогичной в северной диалектной зоне,

обычно они выступают совместно с усилительной частицей *ик*, при этом нередко параллельно без морфемы *-на: кыкнамы ик ~ кыкмы ик* ‘мы оба’, *куиньнады ик ~ куиньды ик* ‘вы все трое’, *ныльназы ~ ныльзы ик* ‘они все четверо’ и т. д. Примеры на употребление счетно-личных местоимений с частицей *ик* можно найти в исследовании О. Б. Стрелковой: ***Кыкназы ик*** *пегӟиллям но татчы асьме палъёсы лыктӥллям* (М. Петров. Вуж Мултан. 13). ‘Оба они сбежали, оказывается, и пришли сюда в наши края’. *Вече син учкимы но* ***кыкнамы ик*** *марлэсь ке возьдаськимы* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 314). ‘Мы посмотрели друг другу в глаза, и оба чего-то постеснялись’. ***Ньыльназы ик*** *со уе чырым но öз каре, куашкам юртлэн укноетӥз учкизы пеймытэ* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 47). ‘Все четверо в ту ночь и глаз не сомкнули, из окна развалившегося дома смотрели в темноту’ [Стрелкова 2013: 100–101]. Все три писателя, произведения которых процитированы, являлись носителями южного наречия. Показательно, что в примере, заимствованном из произведения Г. Перевощикова, уроженца юга Игринского района (ареал, переходный от срединных говоров к северному наречию), интересуемая нас лексема использована без усилительного суффикса: ***Кыкнадэс*** *сю пол чупасько. Гожтэттэс но, асьтэды но витисько* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 75) [Там же. С. 101].

Другой особенностью рассматриваемых слов в южной диалектной зоне является их семантика собирательности: *кыкнамы* ‘мы / нас двое’, *куиньнады* ‘вы / вас трое’, *ныльназы* ‘они / их четверо’ и т. д., например: *Ми татын куиньнамы.* ‘Нас тут трое’, – а также семантика совместности, соответственно: *кыкнамы* ‘мы вдвоем’, *куиньнады* ‘вы втроем’, *ныльназы* ‘они вчетвером’ и т. д., например: *Соос ныльназы отчы мынӥзы.* ‘Они вчетвером туда пошли’. В последнем случае наблюдается адвербиальное употребление исследуемых слов. Последние две функции актуализируют семантику числительных, при этом в большей степени, чем у собственно счетно-личных местоимений. В то же время, принимая притяжательные суффиксы, они прономинализируются. Следовательно, нет необходимости выделять отдельные группы собирательно-личных и совместо-личных числительных или соответствующих местоимений. Считаем, что более целесообразно их рассматривать как единый разряд счетно-личных местоимений, обладающих различными функциями.

В северной диалектной зоне для выражения двух последних значений вместо счетно-личных числительных употребляются конструкции, представляющие числительные или количественные слова с послело-

гами *кузя* и *ӧошэн*, например: *ми* / *асьмеос кык кузя* ‘мы / нас двое’ вм. *кыкнамы*, *тӥ куинь кузя* ‘вы / вас трое’ вм. *куиньнады*, *соос ныль кузя* ‘они / их четверо’ вм. *ныльназы*.

На основе личных полевых материалов и исследований других ученых Л. Л. Карпова делает заключение, что в ареале распространения северных диалектов собирательные числительные больше всего выражаются аналитическим способом. Конструкции с послелогом *ӧошэн* (~ *ӧоӧэн* ~ *т′ошэн*) характерны также для бесермянского наречия, кукморского и шошминского южноудмуртских говоров. В большинстве удмуртских диалектов семантика собирательности выражается конструкциями с послелогом *куз′а* [Карпова 2018а: 240–241].

Имеющийся в наличии материал позволяет сделать вывод, что семантика счетно-личных местоимений с морфемой *-на-* северной диалектной зоны (северное и бесермянское наречия, средневосточные говоры) у́же, чем у соответствующей категории слов в южной диалектной зоне. Данная особенность находит аналогию в языках коми, ср.: кз. *кыкнанныд* ‘вы оба’, *кыкнанным* ‘мы оба’, *кыкнанныс* ‘они оба’, но *кыкӧн* ‘вдвоем’; *куимнан* ‘все три’, но *куимӧн* ‘втроем’ [КРК 2000: 314, 331]; кп. *кыкна́нным* ‘мы оба’, *кыкна́нныт* ‘вы оба’, *кыкна́нныс* ‘они оба’, но *кы́кӧн* ‘вдвоем’; *куимна́н* ‘все три’, *куимна́нным* ‘мы [все] трое’, но *куимӧн* ‘втроем, в количестве трех’ [КПРС 1985: 199, 210]. Полагаем, что семантика исследуемой категории слов в северной диалектной зоне удмуртского языка и в коми языках восходит к прапермскому периоду (является архаичной). Дополнительные значения в южной диалектной зоне удмуртского языка следует считать инновациями.

4.6. Глагольный суффикс с уменьшительной семантикой – удм. сл., к. *-(ы)шт*

В слободском говоре нижнечепецкого диалекта северного наречия нами зафиксировано несколько глаголов с суффиксом *-(ы)шт*, основное значение которых – выражение уменьшительности (малой меры действия), ср.: сл. *с′ийыштыны* ‘немного поесть’, *йуыштыны* ‘немного выпить’, *вурзыштыны* ‘пошить (немного); быстренько заштопать (пришить, прошить)’, *лусйыштыны* ‘чуть-чуть стесать; быстренько стесать’.

В Обратном словаре удмуртского языка мы насчитали 17 глаголов, образованных с помощью данного суффикса и имеющих сему моментативности (мгновенности), например: *копыштыны* ‘копнуть’, *ӵабыштыны* ‘царапнуть’, *шапыштыны* ‘капнуть’. Также представлено несколько глаголов, семантика мгновенности которых несколько затемнена, хотя однократность действия в них проявляется отчетливо, особенно в сравнении с итеративной (кратной) парой, к примеру: *куштыны* ‘бросить’ – *куяны* ‘бросать’ (см. [ОбрСлУдм., 193]). В большинстве диалектов данный суффикс является непродуктивным или малопродуктивным, хотя в среднечепецком диалекте северного наречия, помимо слов, приведенных в вышеупомянутом словаре, дополнительно зафиксировано несколько глаголов, образованых с помощью исследуемой морфемы, например: *коръштънъ* ‘зарубить, напр. курицу’, *туйъштънъ* ~ *туйыштыны* ‘засунуть, просунуть, затолкать, толкать’ [Карпова 2013: 260, 485]. Однако приведенные слободские глаголы, можно сказать, являются чуждыми для абсолютного большинства носителей удмуртского языка.

Аналоги исследуемых диалектных слов обнаруживаются в коми языках, ср.: кз. *вурыштны* (уменьш. однокр.) ‘пошить (немного), зашить; пришить (одну пуговицу)’, ‘сделать стежок’, *сёйыштны* (уменьш.) ‘поесть, покушать; закусить’, *сёйыштны-юыштны* (уменьш.) ‘поесть, попить-поесть’, *юыштны* (уменьш.) ‘попить, немножко выпить’; кп. *сёйы́штны* (уменьш. от *сёйны*) ‘[немного, чуть-чуть] поесть’ [КРК 2000: 129, 585, 781; КПРС, 90, 425, 591].

Суффикс *-yšt-* в коми языке, как отмечает Б. А. Серебренников, имеет довольно широкое распространение; основная его функция – выражение малой меры или недостаточной интенсивности действия. В русском языке данному суффиксу больше всего соответствуют глаголы с приставкой *по-*, хотя сфера употребления коми глаголов намного шире русских аналогов, ср. *Gižny kužyšta* ‘Писать умею, но не вполне’. Соответствия коми суффикса имеются в саамском и прибалтийско-финском языках. В финском языке суффикс *-ahta* / *-ähtä* обозначает мгновенное действие, напр.: *naurahtaa* ‘усмехнуться’ (*nauraa* ‘смеяться’). Расширение семантики коми суффикса представляет собой позднее явление. Ученый полагает, что сильное уменьшение сферы действия суффикса *-yšt-* в удмуртском языке может быть результатом татарского влияния [Серебренников 1963: 330–331].

Известный исследователь коми языка Е. А. Цыпанов в отношении суффикса *-ышт* (алломорфы *-шт, -шты, -ш*) пишет, что он образует

уменьшительный способ глагольного действия, с базовыми грамматическими значениями – уменьшительное и мгновенное (перфективное). В диахронном плане второе значение должно быть первичное, в пользу чего говорит семантика удмуртских глаголов с формантом *-ышт* (*-шт*). В коми языке произошло расширение значения, при этом чаще всего данный суффикс выступает для выражения уменьшительности. В коми-пермяцких диалектах и литературном языке разные функции суффикса выделяются с помощью ударения: в глаголах с уменьшительным значением ударение падает на первый слог, а в глаголах с мгновенным значением оно переходит на гласный суффикса [Цыпанов 1998: 10, 14–15].

В отношении особенностей функционирования исследуемого суффикса в слободском говоре северного наречия следует сказать, что мы имеем дело с поздней инновацией, возникшей под влиянием коми диалектов.

4.7. Глагольный суффикс с уменьшительной семантикой – удм. сдз. *-алт* // к. *-овт* ~ *-олт* ~ *-ӧвт* ~ *-ӧлт* ~ кя. *-өлт*

В северной диалектной зоне удмуртского языка глагольный суффикс *-алт* отличается большей продуктивностью по сравнению другими диалектными группами, присоединяясь не только к глаголам на основу *-а* (*-я*) но и к глаголам с основой на *-ы*, например: нч.: кос., сч. вч. *вурӟалтыны*, сч. бес. *вурӟалтънъ* ‘быстренько заштопать (пришить, прошить)’ < *вурӟыны* ‘(быстренько) зашить (пришить, прошить)’; нч.: кос., сч. вч. *лусйалтыны*, сч. бес. *лусйалтънъ* ‘быстренько стесать; чуть-чуть стесать’ < *лусйыны* ‘тесать, стесать’; нч.: кос., сч. вч. срв. *посалтыны*, сч. бес. *посалтънъ* ‘быстренько промассажировать; провести пальцем’, сч.: гл. (НКузь.) *посалтънъ* ‘быстренько постирать’ < *посыны* ‘мять, измять, комкать’, ‘стирать белье’; нч.: кос., сч. вч. *с'ис'калтыны*, сч. бес. *с'ис'калтънъ* ‘немного поесть, перекусить’ < *с'ис'кыны* ‘есть, принимать пищу’; сч. *курччалтънъ, курччалтыны* ‘немного поесть, перекусить’ < *курччыны* ‘укусить; откусить; перекусить’, сч.: гл. (Пус.) *йуалтӥнӥ* ‘немного выпить’ < *йуӥнӥ* ‘пить, выпить’; нч. сч. *ут'алтыны*, сч. *ут'алтънъ* ‘взглянуть, бросить взгляд’ < **ут'ыны* ‘смотреть, посмотреть’ (ср. закам.: бт. *ӱт'ᵘыны* ‘смотреть, посмотреть’); нч. сч. *учкалтыны*, сч. *учкалтънъ* ‘взглянуть, бросить взгляд;

быстренько посмотреть’ < *учкыны* ‘смотреть’; сч. вч. срв. *ӧужалтыны*, сч. *ӧужалтънъ*, нч. *ӧыжалтыны*, бес. *чъжалтънъ* ‘быстренько подмести’ < *ӧужыны* ‘подметать, подмести’.

В соответствии с наблюдениями Л. Л. Карповой, в диалектах северноудмуртского ареала проявляется некоторая специфика в семантике суффикса *-алт-*. В глазовском говоре среднечепецкого диалекта глаголы с данной морфемой обозначают моментальность и/или малую меру действия в зависимости от конкретного контекста: *мис'к-алт-ыны* ‘быстренько помыть, вымыть’, *вурӟ-алт-ыны* ‘быстренько заштопать (пришить, прошить)’, *сис'к-алт-ыны* ‘быстренько / немного поесть, перекусить’. В балезинском говоре среднечепецкого диалекта и кезском говоре верхнечепецкого диалекта актуализируется оттенок неполноты действия, а также значение видимости, фиктивности действия: бал. *учк-алт-ыны*, кез. *учк-алт-ын* ‘просмотреть; сделать вид, что посмотрел’; бал. *мис'к-алт-ыны*, кез. *мис'к-алт-ын* ‘простирнуть; сделать вид, что постирал’, бал. *вит'-алт-ыны*, кез. *вит'-алт-ын* ‘чуть-чуть подождать; сделать вид, что подождал’ [Карпова 2018а: 366–367].

Из более 60 удмуртских глаголов, образованных с помощью суффикса *-алт* (или *-лт*) (см. [ОбрСлУдм., 190–191]), по-видимому, только *ӧушалтыны* ‘вытереть, утереть, смахнуть’ и *ӧужалтыны* ‘(быстренько) подмести’ являются примерами дериватов от основы на *-ы*, имеющих широкое территориальное распространение. Однако, как было представлено выше, подобные глаголы употребительны в северном и бесермянском наречиях, в меньшей мере – в средневосточных говорах.

Соответствиями описываемого суффикса в коми диалектах являются малопродуктивные морфемы *-овт, -олт, -ӧвт, -ӧлт*, кя. *-өлт.* Высокой продуктивностью суффикс *-олт* (*-овт*) отличается в самом южном коми-зырянском диалекте – лузско-летском, в котором он выражает длительность и интенсивность действия (в других диалектах – однократность), например, лл. *Кок вӧрз'ӧдли да кӧкйамыс н'эд'эл' чотолти.* ‘Я ногу вывихнула и хромала восемь недель’ [Жилина 1985: 85]. Небольшое число глаголов с данным суффиксом имеет семантику однократного (однократно-мгновенного действия), ср.: лл. *вожмолтны, вожмовтны* ‘перешагнуть через что-л.’, *шагмолтны, шагмовтны* ‘шагнуть, ступить; перешагнуть’, *ӧлтолтны* ‘махнуть, взмахнуть’ [Там же. С. 86].

Исследователи считают, что суффикс *-alt* сложный по своему составу: элемент *-l* имеет значение однократности и мгновенности,

-t – однократности действия, происхождение элемента *-а* неясно [Серебренников 1963: 328]. Также предполагают родство коми суффикса *-lt* с финской морфемой *-(a)lt(a)* / *-(ä)lt(ä)*, которая выступает, в частности, в глаголе *puhaltaa* ‘дунуть’. Также не исключают генетического родства удмуртского *-alt* с марийским суффиксом *-alt* с однократным значением [Серебренников 1963: 328; Галкин 1966: 126–129].

Опираясь на предшествующие исследования, можно заключить, что глагольный суффикс *-лт* представляет из себя древнюю морфему, а гласный *-а* в удмуртском восходит к глагольной основе. В отношении некоторых глаголов, в первую очередь распространенных в северной диалектной зоне, следует сказать, что элемент *-а* их морфемы является органической частью суффикса, и следует вести речь о морфеме *-алт*. Причину увеличения продуктивности данного суффикса мы видим во взаимодействии северных удмуртов с коми населением, в языке которых глаголы с уменьшительным и мгновенным значением способа глагольного действия во многих случаях довольно отчетливо противопоставлены глаголам с нейтральным значением. Глаголы названной категории в коми диалектах образуются не столько с помощью морфемы *-овт* ~ *-олт* (и т. д.), являющейся этимологическим соответствием удмуртского *-алт*, а посредством суффикса *-ышт*, о чем речь велась в предыдущем параграфе. Нельзя исключать, что продуктивность суффикса *-олт* ~ *-овт* в лузско-летском диалекте коми языка, в свою очередь, возросла благодаря влиянию северноудмуртских говоров.

4.8. Двойные суффиксы многократного вида глагола – удм. нч. сч. *-лляля, -лыл(ы)* // к. *-лывл(ы), -вл(ы)*

В удмуртском языке при характеристике способа глагольного действия выделяются глаголы однократного и многократного вида. Глаголы многократного вида образуются с помощью формообразовательного суффикса *-л(ы)* (от глаголов с основой на *-ы*) и *-л'л'я* (от глагольной основы на *-а/-я*) [УКК 2011: 221–224]. Отдельные ареалы северной диалектной зоны характеризуются тем, что в них глаголы могут употребляться с двойным показателем многократности. В частности, такой пример можно найти в газете «Азьлань», выходившем в городе Глазове в 1925–26

годах: *Татсы озьы-ик кышноос но люкаськы**лыл**изы* [Азьлань. 1925. 10 июля] ‘Сюда также и женщины собирались [многократно]’.

Об употреблении двойного суффикса *-лля-* для подчеркивания повторяемости действия в нижнечепецких говорах констатировала Т. И. Тепляшина: *кора-лля-лля-ны* ‘рубить’, *ужа-лля-лля-ны* ‘работать’, *пыра-лля-лля-ны* ‘заходить’ и т. д. [Тепляшина 1970а: 180]. Она отмечала, что форма с одним *-лля-* выражает действие, которое совершается постоянно, занятие, которым занимаются постоянно (*кора-лля-ны* от *кораны* ‘рубить’); в то же время глагол с двойным суффиксом, например в предложении *мон пу коралляллляй* ‘я рубил лес’, означает «[неоднократно, часто; может быть, временами] занимался рубкой леса». В данном случае указывается на многократное действие, т. е. на неоднократную работу на рубке леса [Там же. С. 180].

В соответствии с полевыми исследованиям Л. Л. Карповой, редуплицированная форма суффикса многократного вида *-л'л'ал'л'а-* употребительна в речи носителей нижнечепецкого и среднечепецкого диалектов, например: сч.: гл. *мон пут'ын но трос **ужал'л'ал'л'ай***. ‘Я на железной дороге также **работала (неоднократно)**’; нч.: сл. *йэрмол'эн шыдыса вэтлылыли·зы, **кырӟал'л'ал'л'а·зы**, эктылыли·зы ка·ждой домын.* ‘На гармошке играя ходили (неоднократно), **пели (неоднократно)**’, плясали в каждом доме’. По мнению исследователя: «Различие в употреблении в вышеуказанных диалектах двух суффиксов проявляется в том, что глаголы с суффиксом *-л'л'ал'л'а-* выражают действие, совершающееся (совершившееся) неоднократно и непостоянно (с перерывами), а с суффиксом *-л'л'а-* обозначают действие, которое происходит (происходило) многократно и постоянно» [Карпова 2018а: 341].

Примеры употребления глаголов с двойным суффиксом многократного вида можно найти в монографии «Язык бесермян»: *Ogn'am mon ju kaban wal'l'o l'uka**l'l'al'l'a**j val.* ‘Я один скирдовал раньше хлеба’ [Тепляшина 1970б: 255]. Функционирование описываемой морфемы в бесермянском наречии зафиксировано и в настоящее время [Люкина 2016: 127].

В нижнечепецких и среднечепецких диалектах северного наречия, а также в бесермянском наречии, наряду с *-лляллля*, употребляется двойной суффикс многократности *-лыл(ы)*, например: нч. *вэтты**лыл**им*, сч. *вэтлы**лыл**и·м(ы), вэтлъ**лъл**и·м(ъ)*, бес. *вэл'тъ**лъл**и·м(ъ)* ‘мы ходили [неоднократно]’; нч. сч. *мад'ы**лыл**и·м(ы)*, сч. бес. *мад'ъ**лъл**и·м(ъ)* ‘мы пели [неоднократно]’; сч. *пър оццъ губийанъ вэтлъ**лъл**и·м(ъ).* ‘Всегда мы туда

грибы собирать ходили’. Подобные глаголы в северном наречии зафиксированы также Л. Л. Карповой (см. пример по слободскому говору выше).

Пару словоформ с удвоенным суффиксом *-л′л′а* нам удалось записать в с. Бол. Гондырь Куединского района Пермского края, ср.: *вэра-л′л′а-л′л′а-й* ‘я говорил [неоднократно]’, *кырӟа-л′л′а-л′л′а-мы* ‘мы пели [неоднократно]’; *аз′ло тырлы гӱйӥосыз кырӟа-л′л′а-л′л′а-мы.* ‘Раньше мы разные мелодии пели [неоднократно]’. Однако информанты отмечают, что подобные формы используются весьма редко.

В большинстве диалектов удмуртского языка употребление двойных суффиксов многократности не зафиксировано. В коми диалектах известны разные варианты суффиксов с компонентом *л* (*в*), в том числе с двойной и даже тройной редупликацией: *-л, -ыл, -ыв, -лл, -ылл, -ывл, -лыл, -лыв, лылл, лывл, -ал, -ав, -лал, -лав*. Их семантика варьируется в зависимости от материального состава, а также от конкретного диалекта. Например, в присыктывкарском диалекте коми-зырянского языка зафиксированы следующие значения морфемы *-л*: а) кратковременность действия: *овлыны* ‘побыть’ (*овны* ‘жить; быть, находиться’); б) многократность действия: *лыйлыны* ‘стрелять, расстрелять; кидать, бросать’ (*лыйны* ‘выстрелить; кинуть, бросить’); в) действие, рассредоточенное во времени и пространстве; г) действие, которое совершалось давно или сравнительно давно: *Сийа коксӧ* ***чэглис*** *да коктӧм* ‘Он ногу сломал, сейчас не ходит’ (*чэгны* ‘сломать’) [Жилина, Бараксанов 1971: 137–138]. Отмечается также, что суффикс *-ыв* (*-ыл*) обозначает кратковременное действие: *Нырсӧ оз* ***мытчыв*** ‘Носа не покажет’ (*мытчыны* ‘подать; высунуть’; а морфемы *-лывл, -ывл* выражают многократность действия: *овлывлыны* ‘бывать’ (*овны* ‘быть, находиться’) [Там же. С. 138–139]. Аналогичная картина функционирования суффиксов с компонентом *л* (*в*) наблюдается в других коми диалектах (см. напр.: [Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966: 104; Жилина 1975: 123–124; 1985: 84–86; Колегова, Бараксанов 1980: 52; Баталова 1975б: 192–193; Лыткин 1961: 70; и др.]).

По поводу происхождения исследуемых суффиксов мнения ученых разнятся, однако предполагается, что элемент **l* восходит к уральскому / финно-угорскому периоду со значением многократности [Серебренников 1966: 163; ОФУЯ 1974: 367–368].

Полисемантичностью одни и те же *л*-овые морфемы характеризуются не только в коми языках. В современном удмуртском литературном языке выявлено семь разных значений глаголов, образованных с помощью

суффиксов *-лля* и *-л(ы)* [УКК 2011: 226–228]. По нашим наблюдениям, суффикс *-л(ы)* в большинстве удмуртских диалектов, за исключением (?) периферийно-южного, выражает не только многократность, но и кратковременность, по другой терминологии – однократно-рикошетное значение (см. [Цыпанов 1998: 11]). В качестве иллюстративного материала приведем следующие предложения: сред.: ныл. *мон кн'игадэ пукон вылэ* ***поныли***. ‘Я книгу [твою] на стул клал [на какое-то время])’; юж. (Нов. Бия) *вудэ шунды шоры* ***пуктыли****, шуныт н'и.* ‘Я ведро с водой (= воду твою) на солнце ставила [на какое-то время], теплая уже’. Пример подобного употребления исследуемолго суффикса в бесермянском наречии зафиксировано Т. И. Тепляшиной: (Б. Юнда) *Užəs' ləkti po* ***umtes'kəli***. ‘Я вернулся с работы и прилег на минутку (букв. заснул недолго)’ [Тепляшина 1970б: 259]. Биполярность *л*-овых морфем учеными отмечалась неоднократно, что приводило к абсолютизации одного базового значения «или к трактовке разных значений в качестве носителей отдельных видов» [Цыпанов 1998: 22]. По мнению А. Е. Цыпанова, «кажущая противоположность, полярность базовых значений вполне сводима к единой функции СГД (способа глагольного действия. – *С. М.*) – выражению кратности действия как одноактного, или регулярно-кратного» [Там же].

Следовательно, многозначность удмуртских суффиксов с компонентом *-л* исторически имеет древние корни. При этом в отдельных диалектах северного наречия морфемы *-л'л'я* и *-л(ы)* стали обозначать действие, происходящее многократно и постоянно, что видимо, следует рассматривать как однократно-кратный СГД. Кроме того, наши наблюдения показывают, что в нижнечепецком и среднечепецком диалектах, а также в бесермянском наречии глаголы с укзанными суффиксами могут выражать давнопрошедшее время, к примеру: сч. *магаз'инъс' шуъса тайэ* ***бас'йал'л'ай*** *но, номърлъ но макэ уг пъ·ръ*. ‘Из-за того что промышленное (= из магазина) эту вещь (= это) **я покупала [было]**, но оказалась так себе (= ни к чему чего-то не годится)’; бес. ***вэрал'л'ай*** *н'и солъ ойиг пол но, проч уг къ·лзикъ*. ‘**Говорила / сказала [было]** уже ему один раз, но совсем не слушается’. В приведенных примерах словоформа *бас'йал'л'ай* синонимична конструкции *басьтӥ вал* букв. ‘купил(а) было’, а форма *вэрал'л'ай* – конструкции *верай вал* букв. ‘сказал(а) было’. Расширение семантики исследуемых морфем привело к затуханию их функции выражения действия, многократно происходящего время от времени, иначе говоря, регулярно-кратного

СГД. По-видимому, именно названное обстоятельство послужило причиной возникновения редуплицированных форм *-лляля, -лыл(ы)*, которые стали однозначно передавать многократность.

Описание исследуемых морфем дает возможность понять, что направление их развития находит прямые аналоги в коми языках. Мы полагаем, что такая тенденция в нижнечепецком и среднечепецком диалектах возникла в результате вторичных контактов с коми диалектами. Функционирование описываемых морфем в бесермянском наречии объясняется, по мнению Л. Л. Карповой, влиянием северноудмуртских говоров [Карпова 2018а: 341]. В свою очередь, появление словоформ с двойным показателем многократности в шагиртско-гондырском говоре можно объяснить переселением северных удмуртов в Закамье. Отметим, что в указанном говоре имеется ряд черт, характерных для речи северных и срединных удмуртов [Насибуллин 1973: 4; Максимов и др. 2002: 310].

4.9. Выводы по главе

В настоящей главе мы рассмотрели 10 изоглоссных явлений в области морфологии. Как и изоглоссы других языковых уровней (лексические, фонетические), они возникли в результате влияния разных факторов. Так, суффикс собирательных числительных *-на* в среднечепецком и верхнечепецком диалектах северногоо наречия, а также в бесермянском наречии, как и коми соответствие *-нан*, может выступать без притяжательного аффикса (*кыкна киыныз* ‘обеими руками’). Данную черту следует считать архаичной. Семантика счетно-личных местоимений с суффиксом *-на-* (+ посессивный аффикс) намного уже, чем в южной диалектной зоне. Например, слово *кыкнамы* имеет следующие значения: ‘1. мы оба 2. мы двое 3. мы вдвоем’. Из трех значений в северной диалектной зоне, как и в соответствующей категории слов в коми языках, употребляется лишь первое. Считаем, что расширение семантики счетно-личных местоимений в южной диалектной зоне является поздней инновацией.

Прямые заимствования из коми языков также образуют незначительную долю. К таковым можно отнести маркер компаратива *-жык* нижнечепецкого диалекта северного наречия и средневосточных

говоров. Судя по его заударной позиции в слове (в нижнечепецком диалекте), можно предположить, что в удмуртский язык он проник из диалектов коми-пермяцкого типа. Другой заимствованной морфемой является маркер счетно-личных местоимениий *-на·н-* нижнечепецкого диалекта (нч. *кык-на́н-ыт* ‘вами двоими’ / кп. *кык-на́н-ныт* ‘вы оба’). Формант числительных *-дас* ~ *-тас*, с помощью которого оформляются десятки в слободском говоре нижнечепецкого диалекта, при *-дон* ~ *-тон* других диалектов, следует считать еще одной заимствованной морфемой. Источником указанного форманта, как и двух предыдущих морфем, должны быть диалекты коми-пермяцкого типа.

Чаще общие явления в удмуртском и коми языках возникали в результате воздействия коми языков на северноудмуртские диалекты. Так, сформировались следующие изоглоссы: словообразовательный суффикс существительных с локальным значением: удм. сдз. *-н'и* // к. *-ин*; глагольный суффикс с уменьшительной семантикой: удм. сл., к. *-(ы)шт* (сл. *с'ийыштыны* ‘немного поесть’, *йуыштыны* ‘немного выпить’); глагольный суффикс с уменьшительной семантикой: удм. сдз. *-алт* // к. *-овт* ~ *-олт* ~ *-ӧвт* ~ - *ӧлт* ~ кя. *-өлт* (сдз. *с'ис'калтыны* ‘немного поесть, перекусить’, сч. *курччалтыны* ‘немного поесть, перекусить’); удвоенные суффиксы многократного вида глагола: удм. сев: *-лляля, -лыл(ы)* // к. *-лывл(ы), -вл(ы)* (*вэр-л'л'а-л'л'а-й* ‘я говорил [неоднократно]’, *вэтлы-лыл-и·мы* ‘мы ходили [неоднократно]’). В результате сложных процессов взаимодействия северноудмуртских и коми диалектов сформировалась серия вторичных пространственных (жилищно-местных) падежей, семантика которых связана с нахождением в домашнем очаге, ср.: *врач-н'э пырало* ‘зайду к врачу домой’ и *врач доры пырало* ‘зайду к врачу (на место работы – в фельдшерско-акушерский пункт, больницу)’.

Интересно отметить, что морфема с собирательной семантикой *-на(-)*, в зависимости от фонетических, семантических, функциональных и акцентуационных особенностей, образует четыре отдельных изоглоссных явления, каждому из которых присущ свой ареал, территориально ограниченный в удмуртских диалектах, но находящий продолжение в среде коми диалектов.

Причины формирования морфологических изоглосс распределись следующим образом: архаизмы – 2; заимствования из коми языков – 3; результат интерференции – 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Удмуртский язык вместе с коми-зырянским и коми-пермяцким являются близкородственными языками, относящимися к пермской ветви финно-угорской группы уральской семьи языков. Близость пермских языков обнаруживается не в отдельных элементах, а на всех языковых уровнях. Данное обстоятельство создает особые проблемы для изучения языковых контактов между пермскими народами, поскольку отделить заимствованные элементы от праязыковых форм представляет собой весьма трудную, а порой невыполнимую задачу. С целью более эффективного решения данной проблемы мы обратились к методам ареальной лингвистики. Детальный анализ северноудмуртско-коми изоглосс в сопоставлении с историческими и археологическими данными нам позволил сделать определенные выводы.

1. По поводу происхождения общих северноудмуртско-коми черт, отсутствующих в других диалектах удмуртского языка, мнения ученых-пермистов расходятся. Одни исследователи такие черты рассматривают как архаизмы, не сохранившиеся в южной диалектной зоне. Другие объясняют их контактами северных удмуртов с коми. Третьи считают особую близость северноудмуртского наречия к коми языкам результатом ареально-генетических связей прапермских диалектов. Наши исследования показывают, что северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели возникли по двум основным причинам. Так, анализ лексических изоглосс позволил выявить, что из общего количества лексических единиц северной диалектной зоны удмуртского языка, отсутствующих в его южной диалектной зоне, немногим меньше половины (50 – 44,2 %) являются архаизмами, в силу ряда причин утраченные в большинстве диалектов. Генезис другой группы северноудмуртских лексем (63 – 55,8 %), имеющих параллели только в коми языках, объясняется контактами северных удмуртов с носителями

коми диалектов. Абсолютное большинство изоглосс сформировалось вследствие заимствований языкового материала северными удмуртами и бесермянами из коми диалектов (55 – 87,3 %). Интересно отметить, что среди комиизмов удмуртского языка имеется две единицы, проникшие из прибалтийско-финских языков: *комбыльскыны* сч. вч. бес. ‘кувыркнуться; скатиться кубарем; опрокинуться’, *таллян: пыд таллян* бес. ‘педаль (ткацкого станка)’. На настоящий момент это единственные достоверно выявленные прибалтийско-финские заимствования (хотя и опосредованные) в удмуртском языке, если не брать в расчет слово *ӟуч* ‘русский’, которое вместе с к. *роч* считается общепермским заимствованием из прибалтийско-финских языков (общеп. **ro̯č′* < приб.-ф. **rōtsi*), обозначавшего жителя Скандинавии, ср. ф. *ruotsi* ‘швед’ [КЭСК, 243].

Незначительное количество изоглоссных явлений (5 – 7,9 %) сформировалось вследствие заимствования коми диалектами языкового материала из северноудмуртских говоров. Среди данной категории изоглосс две единицы, в свою очередь, сами являются иноязычными проникновениями. К таковым мы отнесли лексему для обозначения кармана *ӟеп*, имеющую русский источник происхождения (рус. *зеп, зепь* > удм. нч. сч. *ӟеп* > кз. юж. *дзеп*), а также препозиту *чим: чим-вож* сч. вч. бес. ‘совершенно зеленый, интенсивно-зеленый’ (кз. *чим, чин, чинь* ‘совсем, совершенно’), через чувашское *чин* ‘самый, очень, весьма’ восходящую к китайскому языку: *ćin* ‘прямой; правильный; подходящий’.

Следует подчеркнуть, что ареально-генетические изоглоссы, которыми мы оперировали в прежних работах, последующие исследования позволили квалифицировать как ареальные или – реже – генетические, иначе говоря, заимствования или архаизмы.

2. Помимо классификации изоглоссных явлений на основе их происхождения, значительный интерес представляет их дистрибуция (распределение) по отдельным диалектам и комбинациям диалектов. В соответствии с нашими данными, наибольшее число генетических лексических изоглосс (9 – 18 %), общих с коми языками, насчитывается в среднечепецком диалекте северноудмуртского наречия. На втором месте по архаичным изоглоссам (8 – 16 %) – комбинация северного (нижнечепецкие, среднечепецкие, верхнечепецкие диалекты вместе) и бесермянского наречий. В остальных диалектах и комбинациях диа-

лектов удмуртско-коми сепаратных изоглосс содержится незначительное количество. Неожиданным оказалось весьма малое количество архаичных изоглосс в нижнечепецком диалекте, взятом в отдельности, – всего 2 единицы (4 %). В удмуртском языкознании традиционно бытует мнение, что нижнечепецкий диалект является самым архаичным среди удмуртских диалектов. Названное утверждение обычно основывается на констатации наличия определенного количества лексических, а также некоторых фонетических и морфологических черт, общих для данного диалекта и коми языков, которые отсутствуют в других удмуртских диалектах. Наши исследования опровергают сложившийся стереотип.

Следует отметить, что в соответствии с лингвистическими и историческими данными, в формировании среднечепецкого диалекта значительную роль сыграло удмуртское население, переселившееся с нижней Чепцы в XVI–XVII веках [Карпова 2018а: 59]. Однако современный среднечепецкий диалект в сравнении с нижнечепецким диалектом проявляет больше архаичных черт, что связано, с нашей точки зрения, с интеграцией пришлым нижнечепецким населением в свою социальную и языковую среду аборигенного населения – носителей чепецкой культуры. Возможными примерами субстратных лексических элементов могут быть, в частности, термины, связанные с природой и охотой: *гурдо* сч. вч. ‘вид дикой утки; кряква’ (кз. *горда*); *сук: сук-гурдо* глаз. ‘широконоска (утка)’ (кз. *зук*); *чульчо* глаз. ‘песочник (кулик)’ (к. *чолча, тёвтя*); *култыртыны* сч. ‘токовать (о тетереве, глухаре)’ (кп. *култыртны*); *кад* глаз. ‘грязное кочковатое место’ (кз. *кад* ‘заболоченное озеро, болотистый берег озера); *Ю* – название ручьев в северной и центральной Удмуртии; глаз. обращение в молитвах: *ю-шур-мумыос!* ‘вы матери-реки!’ (к. *ю* ‘река, речка’).

Не исключено, что следующие лексические единицы среднечепецкий диалект также наследует от населения чепецкой культуры: *гальдар* сч. ‘шишка (хвойного дерева)’, ср.: кп. *голи*, кз. вс. *гôл′* ‘тж’ (данные из: [КПРС, 101; ВСД, 167]); *ӟолё, ӟольы* сч. бес. ‘мелкий (о глазах)’, ср.: к. *дзоля, дзöля* ‘маленький’; *ӟыро* гл. ‘мелкая дресва, смешанная с пеплом (в печи)’, ср. кз. *дзиридз* ‘тж’; *кыр* сев. (яр.) ‘самец (животных)’: *кыр коӵыш* ‘кот’, ср.: к. *кыр* ‘самец’, *кыр кань* ‘кот’; *нюжтэм* сч. вч. бес. + сред. ‘шалун; ведущий себя вызывающе; неприятный, отвратительный’ (кп. *нёштöм* ‘некрасивый, безобразный’); *пудмыны* нч. сч. ‘уплотниться, уплотняться от ходьбы или полива (о земле)’

(кп. *пу́дмыны*, кз. *подмыны* ‘тж’). Удмуртскому *ӧ* в коми языках закономерно соответствует гласный *о* или же э. В отдельных случаях наблюдается соответствие *ӧ* // *ӧ*, в частности в слове *ӵӧжмыны* сч. ‘копиться, накопиться’ (кз. *чӧжсьыны*, *тшӧжсьыны* ‘тж’). Вполне возможно, что причиной нетривиального соответствия в данном случае послужил субстратный компонент чепецкой культуры.

Наибольшее количество сепаратных ареальных изоглосс представлено в нижнечепецком диалекте – 15 (24 %), далее следует среднечепецкий диалект – 10 (15,9 %). Число изоглосс, выявленных только в нижнечепецком и среднечепецком диалектах, вместе взятых, составляет 7 единиц (11,1 %). Такое же количество представлено в комбинации двух наречий – северного и бесермянского. Остальные показатели занимают незначительную долю.

Ареальные изоглоссы возникли в процессе взаимодействия удмуртов с коми населением. Существование условий для взаимодействия можно предположить, в частности, для верхневятских удмуртов. Согласно данным переписных книг XVII века, нижнечепецкие удмурты в начале XVII века проживали в Каринском стане Хлыновского уезда, в Шестаковском уезде, также по верхнему течению р. Вятки в Сырьяновском, Холуницком и Лужановском станах [Документы 1958: 192–207]. Земли верхневятских удмуртов находились в непосредственной близости от территории проживания коми населения.

Другим фактором, способствовавшим взаимодействию северных удмуртов с коми, служили перемещения носителей современных пермских диалектов на территории проживания соседей. К примеру, переселение части коми населения Лузкой Пермцы в XVII веке на Вятку, Верхнюю Каму и в Казань засвидетельствован письменными источниками (см. [Жеребцов 1982: 70, 99]).

3. Наши исследования подтверждают былые тесные языковые связи удмуртов со своими северными соседями. В этом плане особый интерес представляют гибридные заимствования. В качестве примера подобных заимствований можно привести следующие лексические единицы: *вим* сдз. ‘мозг’ < кп. *вем, вим*, кз. *вем* ‘тж’ (удм. юдз. *вийым*); *ӝыт-ыл-быт* нч. сч. ‘весь вечер’ < к. *рыт-ыл-быд, рыт-ыв-быд, рыт-ыв-быт* ‘тж’ (др. удм. диал. + нч. сч. *ӝыт-быт*); *комбыльскыны* сч. вч. бес. ‘кувыркнуться; скатиться кубарем; опрокинуться’ < удм. *конгыльскыны* + кз. *гомбыльччыны* ‘согнуться, скрючиться’ (др. удм.

диал. *бекмыльскыны* ‘кувыркнуться; скатиться кубарем’); *кудйз-тор* нч.: сл. ‘некоторые’ < кз., ср.: кз. *чöскыд-тор* ‘нечто вкусное’, *бур-тор* ‘нечто хорошее, доброе’, *небыд-тор* ‘нечто мягкое’.

К гибридным заимствованиям примыкает тип структурных заимствований, образованных в результате калькирования внутренней формы слова или словосочетания: *пуж йыр* сч. вч. бес. – эпитет для человека с взъерошенными, непричесанными волосами (= ‘решето + голова’) < кп. *пож юр* ‘неряха (о непричесанном человеке)’, кз. *пож юра* ‘взъерошенный, лохматый’; *чырс* сев. ‘дягиль; дудник; сныть; борщевик сибирский’ (= ‘кислый; кислятина’) < к. *азьгум*, *азь* ‘борщевик сибирский’, *азя* ‘квашеный, кислый, с закваской’; *ял-дор-губи* нч. сч. ‘опенок’ (= ‘пень-возле-гриб’) < кп. *мыр-дор-тшак* (= ‘пень-край/возле-гриб’), кз. юж. *мыр-дін-тшак* (= ‘пень-возле-гриб’) (др. удм. диал. *лйял-губи, мырк-губи* = ‘пень-гриб’). Подобные лексические единицы произошли в процессе интерференции структур двух языковых систем, что, на наш взгляд, маловероятно при эпизодических межареальных контактах.

Как известно, языковые единицы чаще всего заимствуются для восполнения тех элементов, которые отсутствуют в заимствующем языке. Анализ лексических коми заимствований в удмуртском языке показывает, что в большинстве случаев проникновение их произошло вопреки наличию аналогичных лексем в заимствующих диалектах. С точки зрения лексической системы языка выглядят избыточными в соответствующих диалектах такие слова, как: *важ* нч.: сл. ‘старый, устаревший’ < к. *важ* ‘тж’ (ср. удм. + нч.: сл. *вуж* ‘тж’); *горъяны* нч.: сл. ‘петь (о петухе)’ < кз. *горавны* ‘звучать, гулко раздаваться звуку’ (ср. удм. + сл. *чоръяны* ‘петь – о петухе’); *лёк* нч. ‘очень, слишком’ < кз. *лёк* ‘крепкий, проворный’, ‘сердитый, злой’, кя. *л′óка* ‘очень, весьма’ (ср. удм. *лек* ‘злой, сердитый’, нч. ‘очень, слишком’). Лексема *лёк* употребляется в нижнечепецком диалекте параллельно с общеудмуртским вариантом *лек*. Оба варианта в указанном диалекте имеют тождественные значения. Употребление в одном и том же диалекте разных фонетических вариантов одного и того же слова при тождественном их значении говорит об относительно недавнем происхождении одного из них. В связи с этим мы предполагаем, что модификации *важ, горъяны, лёк, маля* (общеудм. *мульы*) ‘плод’ и т. д., занимающие аналогичное описанному выше положение в лексической системе нижнечепецкого диалекта, а также многие гибридные и структурные заимствования

могут иметь суперстратное коми происхождение. Условия для их образования создались, по-видимому, в результате переселения группы южных коми-зырян на нижнюю Чепцу, где они вступили в тесные связи с местным удмуртским населением и впоследствии полностью растворились в их среде через стадию двуязычия. Следует отметить, что при полевых исследованиях нижнечепецкого диалекта в конце прошлого – начале текущего столетия такие лексические единицы, как *важ, горъяны, кудйзтор, бур* – в значении ‘хороший; хорошо’ (ср.: к. *бур* ‘тж’, удм. ‘правый’), *бӧрысь* – в функции посл. ‘за, позади, вслед за’ (ср.: к. *бӧрысь* ‘тж’, удм. ‘потом, впоследствии’) – нам зафиксировать больше не удалось. По всей вероятности, указанные суперстратные элементы не вписались в лексическую систему диалекта.

4. Говоря о том, что наибольшее количество заимствованной коми лексики выявлено в речи нижнечепецких удмуртов, хотелось бы отметить еще одно обстоятельство. В других говорах северной диалектной зоны, в первую очередь в среднечепецких, имеются коми заимствования, не зафиксированные в нижнечепецком диалекте (около 18 единиц). Представим несколько примеров: *дунны: дунны улыны* сч. ‘сидеть неподвижно, с безучастным видом, находиться в состоянии апатии’ < кз. лл. *дунвидзны* ‘сидеть неподвижно’, кп. *дун: дун видзны* ‘быть хмурым, сумрачным (о небе)’; *жагмыны* сч. вч. бес. ‘сильно устать, выбиться из сил, обессилеть’ < кп. *жагмыны* ‘замедляться; идти (пойти) потише’, кз. вс. *жагмыны, джагмыны* ‘замедляться, замедлиться’; *ӟуиктыны* сч. вч. ‘визжать (о поросенке, свинье)’ < кп. *дзувиктыны* ‘тж’; *мычы* сч.: *мычы кадь чебер* ‘красив(а) как [сама] красота’ < кп. *мич* ‘ведро; солнечная (ясная) погода; краса, красота’; кз. *мич*, вс. л. *мича* ‘краса, красота’.

Территория расселения среднечепецких и верхнечепецких удмуртов до недавнего времени смыкалась с областью проживания коми-пермяков, о чем, в частности, говорит гидронимия коми происхождения на севере Удмуртской Республики и в сопредельной зоне: Сёва, Черяшер, Томызь, Ичашер и др. (о взаимодействии удмуртов и коми-пермяков в Верхокамье на основе топонии см.: [Корольских 2011: 133]), а по краеведческим данным, в д. Самки современного Глазовского района проживали коми-пермяки-старообрядцы, которые в начале XX века записались русскими [Глазовский район 2011: 266]. Следовательно, в районе водораздела р. Чепцы и верхней Камы до недавнего времени существовали условия для удмуртско-коми контактов. Потенциальным

источником большей части коми заимствований в удмуртских говорах северной Удмуртии должны быть диалекты пермяцкого типа, однако некоторые из комиизмов фонетически стоят ближе к зырянским словам, или же аналоги в коми-пермяцком языке отсутствуют. Названное обстоятельство говорит о том, что носители среднечепецкого (отчасти верхнечепецкого) диалекта в прошлом могли иметь контакты не только с проживавшими на смежных территориях коми-пермяками, но и с коми-зырянами.

5. Несколько северноудмуртско-коми изоглоссных явлений выявлено в области фонетики, часть из которых – изоглоссы, связанные с акцентуацией. Как известно, в удмуртском языке ударение обычно падает на последний слог, хотя имеются достаточно много отклонений от данной нормы. В северной диалектной зоне отклонений наблюдается намного чаще. Некоторые из таких случаев восходят к прапермской акцентуационной системе: ударный суффикс с собирательной семантикой – удм. сдз. *-на·* // к. *-на·н* (ср. удм. *кӯин'на·мы* ‘мы все трое’), а также суффикс порядковых числительных с ударением на гласном э – удм. *-э·ти* ~ *-э·т'и* // кп. *-ӧ·т* ~ кя. *-ө·д* ~ кз. диал. *-ӧ·д* (ср. удм. *вит'э·т'и* ~ *вит'э·т'и* ‘пятый; в пяти местах’).

К заимствованиям из диалектов коми-пермяцкого типа следует отнести заударный маркер компаратива *-ӝык* нижнечепецкого диалекта северного наречия. Вместе с суффиксом была пернесена система постановки ударения, связанная с ним: ударение всегда падает на слог, предшествующий данному суффиксу: нч. *чэбэ·рӝык* ‘красивее, более красивый’, ср. кп. *га́жа – гажа́жык* ‘весело – веселее’.

Некоторое количество общих параллелей в удмуртских диалектах возникли в результате влияния коми языков. Таковыми являются изофоны *ӧ* (*ᵉ*) и э (*е*), иначе говоря, употребление данных гласных на месте *о* большинства удмуртских диалектов, ср.: нч. *гӧрд* ‘красный’ // др. удм. диал. *горд*, к. *гӧрд*; нч. *зӧр* ~ *зэр* ‘дождь’ // др. удм. диал. *зор*, к. *зэр*. Сочетание согласных *кв-* (*ква-, кви-*) в начале слова вместо *кӯ-* (*кӯа-, кӯи-*) также формировалось в процессе языкового взаимодействия с коми населением, ср.: нч. *кват'* ‘шесть’ // др. удм. диал. *кӯат'*, кз. *квайт*, кп. *квать*.

Дистрибуция гласных *ӧ* и э в нижнечепецком отличается от других удмуртских диалектов, в то же время не повторяет распределения данных гласных в коми языках. Она могла сформироваться в процессе

смешения удмуртов с носителями коми языков, в результате чего произошла интерференция двух языковых систем.

Сочетание согласных *кв-*, чуждое для большинства удмуртских диалектов и отсутствовавшее в пермском праязыке, в нижнечепецкий диалект проникло из коми говоров. Спорадическое употребление данного консонантного кластера в тыловайском говоре верхнечепецкого диалекта и в средневосточных говорах мы связываем с переселенческой волной с нижней Чепцы. Сочетание согласных *кв-* в коми языках могло возникнуть под интенсивным влиянием русского языка. Если наше предположение имеет под собой основание, рассматриваемое явление следует считать еще одним свидетельством достаточно поздних удмуртско-коми связей.

В области морфологии выявлено 10 изоглоссных явлений. Как и изоглоссы других языковых уровней (лексические, фонетические), они возникли в результате влияния разных факторов. Так, суффикс собирательных числительных *-на* в среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия, а также в бесермянском наречии, как и коми соответствие *-нан*, может выступать без притяжательного аффикса (*кыкна киыныз* ‘обеими руками’). Данную черту следует считать архаичной. Семантика счетно-личных местоимений с суффиксом *-на-* (+ посессивный аффикс) намного уже, чем в южной диалектной зоне. Например, слово *кыкнамы* имеет следующие значения: ‘1. мы оба 2. мы двое 3. мы вдвоем’. Из трех значений в северной диалектной зоне, как и в соответствующей категории слов в коми языках, употребляется лишь первое. Считаем, что расширение семантики счетно-личных местоимений в южной диалектной зоне является поздней инновацией.

Прямые заимствования из коми языков также образуют незначительную долю. К таковым можно отнести маркер компаратива *-жык* нижнечепецкого диалекта северного наречия и средневосточных говоров. Судя по его заударной позиции в слове (в нижнечепецком диалекте), можно предположить, что в удмуртские говоры он проник из диалектов коми-пермяцкого типа. Другой заимствованной морфемой является маркер счетно-личных местоимениий *-на·н-* нижнечепецкого диалекта (нч. *кык-на́н-ыт* ‘вами двоими’ / кп. *кык-на́н-ныт* ‘вы оба’). Формант числительных *-дас* ~ *-тас*, с помощью которого оформляются десятки в слободском говоре нижнечепецкого диалекта, при *-дон* ~ *-тон* других диалектов, следует считать еще одной заимствованной мор-

фемой. Источником указанного форманта, как и двух предыдущих морфем, должны быть диалекты коми-пермяцкого типа.

Чаще общие явления в удмуртском и коми языках возникали в результате воздействия коми языков на северноудмуртские диалекты. Так сформировались следующие изоглоссы: словообразовательный суффикс существительных с локальным значением: удм. сдз. *-н'и* // к. *-ин*; глагольный суффикс с уменьшительной семантикой: удм. сл., к. *-(ы)шт* (сл. *с'ийыштыны* ‘немного поесть’, *йуыштыны* ‘немного выпить’); глагольный суффикс с уменьшительной семантикой: удм. сдз. *-алт* // к. *-овт* ~ *-олт* ~ *-ӧвт* ~ - *ӧлт* ~ кя. *-ӧлт* (сдз. *с'ис'калтыны* ‘немного поесть, перекусить’, сч. *курччалтыны* ‘немного поесть, перекусить’); удвоенные суффиксы многократного вида глагола: удм. сев.: *-лляля, -лыл(ы)* // к. *-лывл(ы), -вл(ы)* (*вэр-л'л'а-л'л'а-й* ‘я говорил [неоднократно]’, *вэтлы-лыл-имы* ‘мы ходили [неоднократно]’). В результате сложных процессов взаимодействия северноудмуртских и коми диалектов сформировалась серия вторичных пространственных (жилищно-местных) падежей, семантика которых связана с нахождением в домашнем очаге, ср.: *врач-н'э пырало* ‘зайду к врачу домой’ и *врач доры пырало* ‘зайду к врачу (на место работы – в фельдшерско-акушерский пункт, больницу) ’.

* * *

Среди лингвистов давно утвердился взгляд на проблему распада общепермской этноязыковой общности. Суть его в общих чертах сводится к следующему. В VIII веке в Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье начинают проникать тюркоязычные булгарские племена, а в X веке они создают раннефеодальное государство Волжскую Булгарию, которое оказало заметное культурное и языковое влияние на предков пермских народов. Однако это влияние отразилось неравномерно: в коми языках обнаружено 20–30 лексических булгаризмов, а в удмуртском, в соответствии с данными разных авторов, – от 150 до более 400 [Wichmann 1903; Лыткин 1957: 24–25; 1967: 132–138; Федотов 1965: 22; Rédei, Róna-Tas 1972: 282–288; 1975: 31–43; Тараканов 1982: 30] (см. об этом также: [Насибуллин 1992: 81; 2014: 77–78; Белых 1998а: 32–33; 2009: 37–39]). Разницу в количестве булгарских заимствований финский финно-угровед Ю. Вихманн еще в начале XX века

объяснял тем, что булгаризмы коми языка были заимствованы в общепермский праязык. В дальнейшем предки коми начали переселяться на север, и булгарские (чувашские) заимствования к ним перестали попадать [Wichmann 1903: 145].

В качестве альтернативы миграционной теории Р. Ш. Насибуллиным была выдвинута гипотеза, в соответствии с которой, распад общепермского праязыка произошел не из-за локального разобщения пермских племен «в результате ухода коми на север или удмуртов на юг, а в неравномерном развитии отдельных диалектов и звеньев общепермского языка-основы в течение всего общепермского периода» <…> [Насибуллин 1992: 86; 2014: 85]. Опираясь на данные археологии, он утверждает, что задолго до прихода булгар в Среднее Поволжье пермские племена занимали обширную территорию от устья реки Уфы до Мезени. С приходом булгар коми и удмуртский языковой континуум (непрерывность) не был разрушен. По мнению исследователя, заимствованные у булгар южными удмуртами слова вместе с реалиями брали курс на север и по этому континууму перемещались на территорию проживания коми вплоть до Полярного круга и Северного Ледовитого океана. Существенная разница между количеством булгарских заимствований в удмуртском и коми языках им объясняется тем, что «с конца XI – начала XII века свободные клетки коми языка стали заполняться русскими словами, с этого момента потребности коми языка в новых словах для обозначения новых понятий стали удовлетворять русские заимствования: в конечном итоге отпала надобность усваивать булгаризмы, пришедшие к коми земле через удмуртов <…>» [Насибуллин 1992: 85–86; 2014: 81–83].

Изложенной выше гипотезе о распаде общепермской этноязыковой общности близки взгляды историка С. К. Белых, который для булгарского периода также постулирует общепермский праязыковой континуум, протянувшийся от Нижней Камы до Вычегды и Печоры на севере. В решении данной проблемы он опирается на модель дивергенции финно-угорских языков, предложенную Е. А. Хелимским, которая в известной мере отличается от общераспространенного генеалогического дерева. Данная модель предполагает, что в составе праязыка соседствующие диалекты находятся в тесных взаимосвязях и сохраняют взаимопонимание, хотя территориально отдаленные диалекты могут значительно отличаться друг от друга. «Особые отношения» соседних диалектов праязыка он именует ареально-генетическими

связями, которые приводят к возникновению параллелей, охвативших лишь ограниченные ареалы прапермских диалектов [Белых 2009: 77–78; Хелимский 1982: 24–26]. Причину дезинтеграции общепермского массива С. К. Белых видит в том, что с начала II тыс. н. э. предки удмуртов и коми стали всё больше тяготеть в культурном, политическом и экономическом отношениях к разным центрам: пракоми – к Руси, а праудмурты – к тюркскому миру. Завершающим этапом распада прапермского единства исследователь считает христианизацию предков коми-зырян и коми-пермяков в конце XIV–XV веках [Белых 2009: 117–118].

Приведенные две концепции распада общепермского праязыка, на наш взгляд, возникли под влиянием волновой теории Иоганна Шмидта (см. об этом: п. 0.3), хотя в своих работах авторы об этом не упоминают. Названная теория, созданная в первую очередь на основе изучения индоевропейских языков, была механически перенесена в условия восточной и северо-восточной части европейской России без учета местной демографической, языковой и политической ситуации. Результаты наших собственных исследований, а также новейших изысканий других ученых в области языка и истории пермских народов могут служить доказательством несостоятельности приведенных концепций.

Как показывают наши исследования, среди современных пермских диалектов между удмуртским и коми языками отсутствуют переходные говоры. В качестве переходных ранее рассматривались диалекты северного наречия, в первую очередь нижнечепецкий диалект. Выше нами уже указывалось, что большинство коми черт северноудмуртских диалектов возникли в результате поздних вторичных контактов, другая же часть параллелей является генетическими изоглоссами, иначе говоря, архаизмами, и также не может быть свидетельством ареально-генетических связей прапермского времени.

Большинство исследователей тюркское влияние в коми языках видят только в двух-трех десятках лексических булгаризмов. На самом же деле названное влияние проявляется также на грамматическом и фонетическом уровнях. Интересные наблюдения в этом отношении содержатся в одной из работ коми языковеда Е. А. Цыпанова [Цыпанов 2014]. Важным моментом для нашей работы является актуализация ученым взглядов на коми лингвогенез, изложенный венгерским финно-угроведом Г. Берецки в своей работе «Türkische Züge in der Struktur des syrjänischen und ihr Ursprung» («Тюркские черты в структуре коми

языка и их происхождение») [Bereczki 1992: 72–74]. В ней исследователь обращает внимание на то, что, кроме выявленных ранее другими учеными около 22 общепермских булгарских заимствованных лексем, в структуре коми языка существует много типично тюркских языковых черт, например: 1) деепричастный суффикс *-са*, 2) изафетные конструкции, 3) наличие неочевидного прошедшего времени и др. [Bereczki 1992: 72–74; Цыпанов 2014: 27]

Следует также обратить внимание на тот факт, что по сравнению с другими финно-угорскими языками пермские языки испытали коренные преобразования в фонетической системе. При этом такие изменения от допермского состояния происходили скачкообразно. Фонетическую систему коми языков условно можно назвать первой ступенью трансформации, фонетику удмуртского языка, испытавшую дальнейшие коренные преобразования, – второй ступенью. Для возникновения скачкообразных преобразований следует предположить внешнюю причину, которая в первую очередь может быть связана с контактирующими языками. Одним из таких внешних факторов могло послужить влияние булгарского языка. Так, при сравнительном исследовании изменения вокализма первого слога коми и чувашского языков выявлены как определенные отличия между ними, так и значительное сходство общих тенденций развития [Понарядов 2012: 154].

Теоретически можно представить, что лексические булгаризмы вместе с реалиями проникали на север от одного пермоязычного населенного пункта к другому или даже через булгарских купцов. Однако возникновение булгарско-чувашского образа мышления, что нашло отражение в грамматических категориях коми языков, а также трансформация коми (прапермского) вокализма, имеющая явные параллели с современным чувашским языком, возможны только в процессе весьма тесного взаимодействия между этническими группами. Единственный способ дальнейшего распространения результатов указанных языковых преобразований в данном случае – это переселение самих носителей языка с одного места на другое. Изложенная система наших взглядов в целом согласуется с исследованиями В. С. Чуракова по проблеме расселения пермских народов в конце I – начале II тысячелетия н. э. (см. напр.: [Чураков 2007, 2008]).

Несколько слов о времени распада прапермской этнолингвистической общности. Исследователи-лингвисты данное событие датируют

концом I тыс. н. э.: VIII–XI века (Ю. Вихманн), VIII–IX или IX–X века (В. И. Лыткин), VIII в. (П. Хайду) [Wichmann 1903: 145; Лыткин 1957: 24; 1967: 136; Хайду 1985: 49].

Датировка связывается с началом проникновения в VII–VIII веках в Среднее Поволжье булгарских племен, оказавших заметное влияние не только на предков удмуртов, но и на предков коми. Верхнюю дату переселения Ю. Вихманн определяет, ссылаясь на исторические источники, которые в XI веке фиксируют коми на Вычегде [Wichmann 1903: 147]. На основе глоттохронологического исследования времени распада общепермской общности историк С. К. Белых начало данного процесса относит к промежутку между рубежом X–XI веков и первыми десятилетиями XII века, а окончательное завершение – к XIV–XV векам [Белых 1998а: 122; 2009: 54, 118].

Последняя датировка базируется на времени христианизации коми, а также на заселении русскими зоны соприкосновения коми и удмуртов. Данная датировка не может считаться временем распада общепермской общности, поскольку эта общность как этнолингвистическое единство уже распалась до указанного момента. Однако несколько позднее начались вторичные контакты между пермскими народами. Подтверждением продолжения подобных связей после появления русского населения в контактной зоне пермских языков (по Л. Н. Жеребцову [1982: 118–119], в XV–XVII веках) является фиксация в языке северных удмуртов специальных этнонимов для обозначения коми народа, например, в речи слободских удмуртов: *комик* ‘коми’, *комикка* ‘коми (женщина)’ [Архипов 1990: 6]. По словам наших информантов, у глазовских удмуртов еще в начале XX века существовали связи с коми-пермяками, которых они называли этнонимом *з'уз'д'ак* или *коми*.

В отношении первой датировки (промежуток между X–XI и XII веками) следует отметить, что С. К. Белых при расчетах пользовался словарями литературных пермских языков, в которых лексические единицы могут восходить к живой речи второй половины и конца XIX века. Внеся корректировку в расчеты, получим следующие возможные цифры – 1038, 1062, 944, иначе говоря, наиболее вероятное время распада пермских языков – X–XI века. Данная датировка практически совпадает с глоттохронологическими расчетами В. В. Понарядова – примерно середина X века (см. об этом: [Цыпанов 2014: 34]).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

анат. – анатомический термин
бот. – ботанический термин
букв. – буквальный перевод
груб. – грубый стиль
дет. – детская речь
досл. – дословно
диал. – диалектное, диалекты
звукоподр. – звукоподражательное слово, звукоподражание
мест. п. – местный падеж
межд. – междометие
им. п. – именительный падеж
изобр. – наречно-изобразительное слово
инф. – инфинитив
нареч. – наречие
однокр. – однократный вид
офиц. – официальное (название)
перен. – переносное значение
повс. – повсеместно
подр. = звукоподр.
посл. – послелог
РБ – Республика Башкортостан
ред. – редко употребляемое слово
РТ – Республика Татарстан
рч. – ручей
совр. – современный
суфф. – суффикс
ткац. – термин ткачества
топон. – топоним
уменьш. – уменьшительное

употр. – употребляется
УР – Удмуртская Республика
уст. – устарелое
уст. сообщ. – устное сообщение
фраз. – фразеологический оборот, фразеологизм
част. – частица

ADUP – грамматическая локализация, связанная с нахождением поблизости, около, возле
DOMUS – грамматическая локализация, связанная с домашним очагом
ILL – иллатив (входной падеж)
INESS – инессив (местный падеж)
POSS – грамматическая локализация, выражающая посессивность, притяжательность

Сокращенные названия языков и диалектов

ал. – алнашские говоры: южное наречие (говоры удмуртов западной и центральной части Алнашск. р-на)
англ. – английский язык
араб. – арабский язык
бавл. – бавлинский говор: периферийно-южный диалект (удм.)
бал. – балезинский говор: среднечепецкий диалект северного наречия (удм.)
бес. – бесермянское наречие (удм.)
б-коч. – большекочёвский говор: кочёвский диалект (кп.)
бт. – буйско-таныпский говор: периферийно-южный диалект (удм.)
булг. – булгарский язык
в. – венгерский язык
вв. – верхневычегодский диалект (кз.)
венг. – венгерский язык
вепс. – вепсский язык
виш. – вишурский подговор: средневосточные говоры (удм.)
водз. – водзимоньинский говор: срединные говоры (говор удмуртов западной части Вавожск. р-на)
вкм. – верхнекамское наречие = зюздинский диалект (кп.)
вл. – верхнелупьинский говор: мысовско-лупьинский диалект (кп.)
вост.-иран. – восточно-иранские языки
вс. – верхнесысольский диалект (кз.)

вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия (удм.)
вым. – вымский диалект (кз.)
гл. – глазовский говор: среднечепецкий диалект северного наречия (удм.)
глаз. – глазовское наречие, глазовский диалект (по письменным источникам)
гр. – граховские говоры: южное наречие (удм.)
деб. – дебёсский говор: верхнечепецкий диалект северного наречия (удм.)
завят. – завятские говоры (кукморский и шошминский): периферийно-южный диалект (удм.)
закам. – закамские говоры (буйско-таныпский, канлинский, шагиртско-гондырский, татышлинский, ташкичинский): периферийно-южный диалект (удм.)
зд. – зюздинский диалект = верхнекамское наречие (кп.)
зур. – зуринский говор: верхнечепецкий диалект северного наречия (удм.)
зятц. – зятцинский говор: среднезападные говоры (удм.)
иж. – ижемский диалект (кз.)
иран. – иранские языки
к. – коми языки (коми-зырянский, коми-пермяцкий + коми-язьвинское наречие)
к. юж. – южная группа коми диалектов (южная группа коми-зырянских диалектов и коми-пермяцкие диалекты)
канл. – канлинский говор: периферийно-южный диалект (удм.)
кар. – карельский язык
кб. – кобринский говор: верхнесысольский диалект (кз.)
кез. – кезский говор: верхнечепецкий диалект северного наречия (удм.)
кз. – коми-зырянский язык
кз. юж. – южная группа коми-зырянских диалектов
к.-и. – кудымкарско-иньвенский диалект (кп.)
кизн. – кизнерские говоры: южное наречие (говоры удмуртов центральной части Кизнерск. р-на)
килм. – прикильмезские говоры: среднезападные говоры (удм.)
кит. – китайский язык
кп. – коми-пермяцкий язык
кр. юж. – крайне-южный (= периферийно-южный) диалект (удм.)
кркм. – кырыкмасские говоры: южное наречие (удм.)
круф. – красноуфимский говор: периферийно-южный диалект (удм.)
кос. – косинский говор: нижнечепецкий диалект северного наречия (удм.)

коч. – кочёвский диалект (кп.)
кукм. – кукморский говор: периферийно-южный диалект (удм.)
кя. – коми-язьвинское наречие
л. – лузский говор: лузско-летский диалект (кз.)
лекм. – лекминский говор бесермянского наречия (удм.)
лет. – летский говор: лузско-летский диалект (кз.)
лл. – лузско-летский диалект (кз.)
луп. – лупьинский говор: мысовско-лупьинский диалект (кп.)
люд. – людиковское наречие карельского языка
мал. – малягуртский подговор (куст): среднезападные говоры (удм.)
мыс. – мысовский говор (кп.)
мыс.-луп. – мысовско-лупьинские говоры = мысовско-лупьинский диалект (кп.)
нв. – нижневычегодский диалект (кз.)
нем. – немецкий язык
нерд. – нердвинский диалект (кп.)
ни. – нижнеиньвенский диалект (кп.)
ниж. – нижнеижские говоры: южное наречие (говоры удмуртов Киясовск. и Алнашского р-нов УР, Агрызск. р-на РТ)
ностр. – ностратический язык
нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия (удм.)
ныл. – ныльгинский говор: срединные говоры (удм.)
общеп. – общепермский язык-основа
омг. – омгинский говор: срединные говоры (говор удмуртов Кизнерск. р-на УР, Малмыжск., Вятско-Полянск. р-нов Кировск. обл.)
оньк. – оньковский диалект (кп.)
осм. – османский (турецкий) язык
перм. – пермские областные говоры
перс. – персидский язык
печ. – печорский диалект (кз.)
прап. – прапермский язык
праудм. – праудмуртский язык
приб.-ф. – прибалтийско-финские языки
пю. – периферийно-южный диалект (удм.)
рус. – русский язык
сдз. – северная диалектная зона
сев. – северное наречие (удм.); северное

селт. – селтинский говор: среднезападные говоры (удм.)
скр. – присыктывкарский диалект (кз.)
сл. – слободской говор: нижнечепецкий диалект северного наречия (удм.)
сосн. – сосновский подговор: средневосточные говоры (удм.)
сп. – сурвайско-поломский говор: среднезападные говоры (удм.)
срв. – средневосточные говоры (удм.)
сред. – срединные говоры (удм.)
срз. – среднезападные говоры (удм.)
сриж. – среднеижские говоры (удм.)
сс. – среднесысольский диалект (кз.)
сю. – среднеюжные говоры: южное наречие (удм.)
тат. – татарский язык
татш. – татышлинский говор: периферийно-южный диалект (удм.)
ташк. – ташкичинский говор: периферийно-южный диалект (удм.)
тыл. – тыловайский (= итинский) говор: верхнечепецкий диалект северного наречия (удм.)
ув. – увинский говор: среднезападные говоры (удм.)
уд. – удорский диалект (кз.)
удм. – удмуртский язык
ур. – прауральский язык
урс. – урсыгуртский говор: бавлинский говор периферийно-южного диалекта (удм.)
ф., фин. – финский язык
фр. – французский язык
фу. – прафинно-угорский язык
фп. – прафинно-пермский язык
чув. – чувашский язык
чут. – чутырский говор: средневосточные говоры (удм.)
шг. – шагиртско-гондырский говор: периферийно-южный диалект (удм.)
шошм. – шошминский говор: периферийно-южный диалект (удм.)
юдз. – южная диалектная зона
юж. – собственно южный диалект (удм.); южное
южн. – южное наречие (удм.)
юк. – юкаменский говор: среднечепецкий диалект северного наречия (удм.)
юн. – юндинский говор бесермянского наречия (удм.)
як.-бод. – якшур-бодьинский говор: средневосточные говоры (удм.)
яр. – ярский говор: среднечепецкий диалект северного наречия (удм.)

Названия удмуртских диалектов в трудах Ю. Вихманна

B – бесермянский
K – казанский
S – сарапульский
G – глазовский
M – малмыжский
U – уфимский
J, JI – елабужский
MU – малмыжско-уржумский

Названия удмуртских диалектов в трудах Б. Мункачи

Glaz. – глазовский
Kaz. – казанский
Sar. – сарапульский
Jel. – елабужский
Mal. – малмыжский
Uf. – уфимский

Название удмуртских диалектов в словаре И. В. Яковлева

г – глазовский диалект
к – казанский диалект
с – сарапульский диалект

Название коми диалектов в трудах зарубежных ученых

L – лузский
Le – летский
P – коми-пермяцкие диалекты
PO – коми-язьвинский
S – сысольский диалект
U – удорский
V – вычегодский (средневычегодский)
Vm – вымский

Сокращенные названия населенных пунктов

Ал. – с. Александрово (Кезский р-н)
Бог. – с. Богородск
Быд. – д. Быдыпи (Балезинский р-н)
ВНязь – д. Верх-Нязь (Игринский р-н)
ВПар. – с. Верхние Парзи (Глазовский р-н)
ВУн. – д. Верхние Уни (Юкаменский р-н)
Гул. – д. Гулёково (Глазовский р-н)
Гыя – д. Старя Гыя (Кезский район)
Дон. – д. Дондыкар (Глазовский р-н)
Еж. – с. Ежево (Юкаменский р-н)
Ер. – д. Ертем (Юкаменский р-н)
Жув. – д. Жувам (Юкаменский р-н)
Ис. – д. Исаково (Балезинский р-н)
Кб. – с. Кобра
Кож. – д. Кожиль (Глазовский р-н)
Кг. – с. Кайгородок
Коч. – д. Кочишево (Глазовский р-н)

Крч. – с. Керчемья
Куз. – д. Кузьмино (Ярский р-н)
Кузьм. – д. Кузьмовыр (Игринский р-н)
Курат. – с. Куратово (и Палауз)
Мос. – д. Мосеево (Ярский р-н)
Мыелд. – с. Мыелдин
Мыр. – д. Мыртыково (Глазовский р-н)
Наг. – д. Наговицыно (Балезинский р-н)
Ник. – с. Никольское (Ярский р-н)
НКеч. – д. Нижнее Кечёво (Малопургинский р-н)
НКуз. – д. Нижняя Кузьма (Глазовский р-н)
НУнт. – д. Новый Унтем (Кезский р-н)
Об. – с. Объячево
Оз. – д. Озёрки (Ярский р-н)
От. – д. Отогурт (Глазовский р-н)
Подб. – д. Подборново (Балезинский р-н)
Пол. – с. Полом (Кезский р-н)
Пом. – д. Помаяг (Глазовский р-н)
Пон. – с. Понино (Глазовский р-н)
Пор. – с. Поруб
Пыб. – д. Пыбья (Балезинский р-н)
Пуж. – д. Пужмесь (Кезский р-н)
Пус. – д. Пусошур (Глазовский р-н)
СБез. – д. Старый Безум (Юкаменский р-н)
Труб. – д. Трубашур (Глазовский р-н)
Уж. – с. Ужга
Ук. – с. Укан (Ярский р-н)
Уш. – д. Ушур (Балезинский р-н)
Шам. – д. Шамардан (Юкаменский р-н)
Штан. – д. Штанигурт (Глазовский р-н)
Юн. – с. Юнда (Балезинский р-н)

Сокращения научной периодики и других изданий

JSFOu – Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki)
LSFU – Lexica Societatis Fenno-Ugricae (Helsinki)
MSFOu – Mémories de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki)

Сокращения научных учреждений и издательств

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

ГИИНС – Государственное издательство иностранных и национальных словарей

ГИС – Государственное издательство словарей

Ин-т ЯЛИ – Институт языка, литературы и истории

НИИ при Сов. Мин. УАССР – научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики

НЦ – научный центр

РАН – Российская академия наук

УдГУ – Удмуртский государственный университет

УдНИИ ИЯЛ – Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

УдмФИЦ – Удмуртский федеральный исследовательский центр

УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы

УрО (РАН) – Уральское отделение (Российской академии наук)

ИСТОЧНИКИ

Азьлань: Газета. Глазов, 1925–1926.

БиолКБ — *Соколов С. В., Туганаев В. В.* Биологической нимкылъёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / Под общ. ред. С. В. Соколова; Иллюстрации Н. Вахрушевой. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 144 с.: вкл.

Бор. — *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15 000 слов / АН СССР. УрО. УИИЯЛ. – Ижевск, 1991. – 396 с.

Борисов — *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. – Ижевск: Удгиз, 1932. – 373 с.

Бушм. — Бушмакин 1971б

ВВД — Сорвачёва, Сахарова, Гуляев 1966

Верещ. — Верещагин 2006

ВСД — Жилина 1975

ДопКЭСК — Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка // Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / Под. ред. В. И. Лыткина. Переизд. с доп. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – С. 387–429.

ДХПЯ — Лыткин 1955

ДЭ 1977а — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Красногорский р-н УР

ДЭ 1977б — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Унинский р-н, Кировск. обл.

ДЭ 1980 — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Зуевский р-н, Кировск. обл.

ДЭ 1984 — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Кильмезский р-н, Кировск. обл.

ДЭ 1986 — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Кезский р-н УР

ДЭЛЛ — Материалы диалектологических экспедиций Лаборатории лингвистики УдГУ

ИВПЯ — Лыткин 1964

ИжД — Сахарова, Сельков 1976

КБот. — Ракин 1989

Кельм. — Кельмаков 1969б

КПД — Баталова 1975б

КПР-РКПС — Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь: Для общеобразовательных школ / Сост. Г. И. Немитова, В. В. Федосеева, Л. Ф. Яркова; Ред. В. Н. Коколева. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1993. – 288 с.

КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27 000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман; АН СССР. Ин-т языкознания; Перм. гос. пед. ин-т. – М.: Рус. яз., 1985. – 624 с.

КРК 2000 — *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-роч кывчукӧр (= Коми-русский словарь): Ок. 31 000; под ред. Л. М. Безносиковой; Ин-т ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 816 с.

Кротов З. Удмуртско-русский словарь (= Краткой Вотской Словарь съ россійскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ 1785 года): Ок. 5 000 слов / РАН. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1995. – XX + 285 с.

КРС 1961 — Коми-русский словарь: Ок. 25 000 / Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова; Под ред. В. И. Лыткина. – М.: ГИИНС, 1961. – 923 с.

Крылов В. Д. Вотско-русский словарь Глазовского наречия вотяков. – Вятка, 1919. – 48 с.

КСК — Коми сёрнисикас кывчукӧр (= Словарь диалектов коми языка): в 2-х т. / Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева; под ред. Л. М. Безносиковой; Ин-т ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2012. – Т. I.: А–О. – 1096 с.; – Т. II.: Ӧ–Я. – 888 с., ил.

КЭСК — Лыткин, Гуляев 1970, 1999

КЯД — Лыткин 1961

ЛЛД — Жилина 1985

Мог. — *Тепляшина Т. И.* Рукописная грамматика Михаила Могилина [Мышкина] // Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкознания. Вып. I . – М., 1966. – С. 234–293.

Могилин [*Мышкин*] М. Краткой отяцкія грамматики опытъ / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1998. –201, [2] с.: факс. – (Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие).

МокшРС — Мокшанско-русский словарь: Ок. 41 000 слов / Н. С. Алямкин, Р. В. Бабушкина, В. М. Имярекова и др.; под. ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова; Ин-т языка, лит., ист. и экон. при Прав-ве Республики Мордовия. – М.: Рус. яз., Дигора, 1998. – 920 с.

МРС — *Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В.* Марла-рушла мутер (= Марийско-русский словарь). 2-е изд., с изм. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 512 с.

Нас. — Насибуллин 1972б

НВД — Сорвачева 1978

ОбрСлУдм. — Насибуллин, Дудоров 1982

Ракин А. Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. – 88 с.

Ракин А. Н. Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 184 с.

РКС 1966 — Русско-коми словарь: Ок. 50 000 слов / Т. И. Жилина, Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова и др.; Под общ. ред. Д. А. Тимушева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. – 777 с.

Рог. — *Рогов Н.* Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. – СПб., 1869. – 415 с.

РУС 1956 — Русско-удмуртский словарь: Ок. 40 000 слов / Сост. А. С. Белов, В. М. Вахрушев, А. П. Колесников, Н. И. Кондратьев; УдНИИ ИЯЛ. – М.: ГИИНС, 1956. – 1360 с.

РУТС — *Насибуллин Р. Ш.* Русско-удмуртско-татарский словарь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 527 с.

СистемСл. — *Насибуллин Р. Ш., Семёнов В. Г.* Системно-тематический русско-удмуртский словарь (= Удысъёсъя радъям ӟуч-удмурт кылсузьет) / Под общ. ред. Р. Ш. Насибуллина. – Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2013. – 350 с.: вкл. (На рус. и удм. яз.).

СкрД — Жилина, Бараксанов 1971

СлБес. — Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / Ред.-сост.: А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. – Москва: ТЕЗАУРУС, 2013. – 540 с.

Сочинения 1775 — Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотского языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академїи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / УдНИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 15 + 113 + 17 с.].

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин; Ред. Ф. П. Сороколетов; АН СССР. Ин-т рус. яз. – Л.: Наука, 1976. – Вып. 11. – 364 с.

ССД — Колегова, Бараксанов 1980

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25 000 слов / Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева; под ред. В. А. Сорвачевой. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 492 с.

ТезаурБес. — Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан) / М. Н. Усачёва [и др.]. – Москва: Издательские решения, 2017. – 540 с.

Тепл. — Тепляшина 1955б

ТРС 2007 I — Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 1 (А–Л) / Редколлегия: Ш. Н. Асылгараев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев и др. – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.

ТРС 2007 II — Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2 (М–Я). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.

ТТАС III — Татар теленең аңлатмалы сүзлеге (= Толковый словарь татарского языка): В 3-х т. / АН СССР. Казанский филиал. Ин-т ЯЛИ им. Г. Ибрагимова. – Казань: Тат. кн. изд-во. – Т. III. 1981. – 832 с.

УРС 1948 — Удмуртско-русский словарь: Ок. 15 000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина, А. И. Малых и др.; НИИ истории, языка, литературы и фольклора при Сов. Мин. УАССР. – М.: ГИС, 1948. – 447 с.

УРС 1983 — Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. – М.: Рус. яз., 1983. – 592 с.

УРС 2008 — Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2008. – 925 с.

ЧРС — Чувашско-русский словарь: Ок. 25 000 слов / Под ред. М. Я. Сироткина; НИИ языка, лит., ист. и экон. при Сов. Мин. Чув. АССР. – М.: ГИИНС, 1961. – 632 с.

ЭРС — Эрзянско-русский словарь: Ок. 27 000 слов / Р. Н. Бузакова, Р. С. Ширманкина, Е. Н. Лисина и др.; под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина; НИИ языка, лит., ист. и экон. при Прав-ве Морд. ССР. – М.: Рус. яз., Дигора, 1993. – 803 с.

ЭСМЯ — Гордеев 1983

ЭСОЯ I — Абаев 1958

ЭСУЯ — Алатырев 1988

Яковлев И. В. Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктӥсь книга (= Сравнительный словарь вотских наречий: 1. вотско-русский, 2. русско-вотский). – Казань, 1919. – 82 б.

FF — Fokos-Fuchs 1959

Genetz A. Ost-permische Sprachstudien // JSFOu. – Helsingfors, 1897. – Vol. XV (1). – S. 1–57.

Munk. — Munkácsi 1990

SW — Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Fohrmenlehre. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T. E. Uotila. – Helsinki, 1942. – 487 S. (LSFU XVII).

UdMur. — Kel'makov, Saarinen 1994

UEW — Rédei 1986–1991

Wichm. — Wichmann 1987

Wied. — *Wiedemann F. J.* Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register. – St. Petersburg, 1880. – 692 S.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I: А–К’ / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.–Л.: Изд-во АН СССР. 1958. – 659 с.

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1965. – 168 с.

Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1988. – 240 с.

Алашеева А. А. Верхнечепецкие говоры. I // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1982. – С. 91–105.

Алашеева А. А. Пространственные падежи северноудмуртского наречия: На материале верхнечепецкого говора // Пермистика [3]: Диалекты и история пермских языков: сб. ст. / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар, *1992*. – С. 16–19.

Архипов Г. А. К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1987. – С. 84–92.

Архипов Г. А. Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: сб. ст. / АН СССР. УрО. УИИЯЛ. – Ижевск, 1990. – С. 3–13.

Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.: ил.

Атаманов М. [Г]. Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // Congressus Nonus Internacionalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000. – Tartu, 2000. Pars II. – С. 19–20.

Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 216 с.

Атаманов М. Г. Песни и сказы ушедших эпох — Эгра кырӟа, Эгра вера. – Ижевск: Удмуртия, 2005а. – 248 с.

Атаманов-Эграпи М. Г. Происхождение удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.: ил.

Атаманов-Эграпи М. Г. Язык Земли Удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского регионга. – Ижевск, 2015. – 976 с.: ил.

Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: В 17 т. – Чебоксары. Т. 15–16: Т–Ť–Ч–Ф. 2000. – 676 с.

Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков: Фонетика и лексика / АН СССР. Казанский филиал. Ин-т ЯЛИ им. Г. Ибрагимова. – М.: Наука, 1978. – 248 с.

Байдуллина А. Т. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология: Рукоп. Магистерской работы. – Тарту, 2003. – 157 с.

Баталова Р. М. О некоторых особенностях зюздинского диалекта коми-пермяцкого языка // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: тез. докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкознания. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. – С. 13–16.

Баталова Р. М. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII – первой половины XIX веков // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкознания; Ужгородск. гос. ун-т. Вып. 3. – М., 1966. – С. 110–121.

Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике: Извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв. // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкознания. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. Вып. IV. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – С. 69–75.

Баталова Р. М. К проблеме неравномерности развития языковых явлений: На материале коми-пермяцкого и коми-зырянского языков // Вопросы финно-угроведения / АН СССР. Ин-т языкознания. НИИ ЯЛИЭ при Сов. Мин. Морд. АССР. Вып. VI. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975а. – С. 26–32.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1975б. – 252 с.

Баталова Р. М. Ареалы возникновения позднейших фонетических явлений: На материале пермских языков // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Turku, 1981. Pars VI. – С. 28–33.

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки. – М.: Наука, 1982. – 167 с.

Баталова Р. М. О следах миграционных процессов по данным диалектов коми языков // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. УАССР; Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 1987. – С. 60–68.

Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков: Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. – М., 1990. – 205 с.

Беккер и др. — *Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Морфология селькупского языка. Южные диалекты. – Томск: ТГУ, 1995. – Ч. 2. – 292 с.

Белавин А. М. Связи финно-угорских племен Прикамья с Волжской Булгарией в X–XIV вв. // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 16–18.

Белых С. [К]. Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках // Финно-угроведение. – 1995. – № 2. – С. 3–17.

Белых С. К. Пермские истоки этногенеза удмуртского народа: Проблема распада прапермской общности: дис. ... канд. ист. наук / РАН. УрО. Удм. НИИ ист., языка и лит. – Ижевск, 1998а. – 148 с.

Белых С. К. Пермские истоки этногенеза удмуртского народа: Проблема распада прапермской общности: автореф. дис. ... канд. ист. наук / РАН. УрО. Удм. НИИ ист., языка и лит. – Ижевск, 1998б. – 23 с.

Белых С. К. Историко-этимологический аспект самоназвания бесермян // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. – 2007. – № 1 (1). – С. 46–50.

Белых С. К. Проблема распада прапермской этноязыковой общности. – Ижевск: Изд-во: «Удм. ун-т», 2009. – 150 с.

Бесермяне — Википедия [Электронный ресурс]: Бесермяне. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бесермяне (дата обращения: 27.07.2018).

Бородина М. А. Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 107–118.

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. – 112 с.

Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. – Л., 1949. – 208 с.

Буров Г. М. Происхождение коми-зырян в свете новых археологических данных // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 19–21.

Бусыгина Л. В. Происхождение и ареалы распространения наименований платка (головного) в удмуртских диалектах // Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: Традиции и перспективы: сб. науч. ст. междунар. науч. конф. – Сыктывкар, 2013. – С. 94–104.

Бусыгина Л. В. Комментарий к карте «Платок» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин,

С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина, О. А. Арзамазова. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2015. – Вып. V. – С. 79–84.

Бусыгина Л. В. Комментарий к карте «Приданое» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина, О. А. Арзамазова. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2015. –Вып. V. – С. 123–128.

Бушмакин С. К. Способы выражения степеней сравнения прилагательных в средневосточных говорах удмуртского языка // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: тез. докл. и сообщ. / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. – С. 23–25.

Бушмакин С. К. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // Советское финно-угроведение. – 1969. – № 1. – С. 59–69.

Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Москва – Ижевск, 1971а. – 394 с.

Бушмакин С. К. Приложения к дис. ... канд. филол. наук на тему: «Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка». Москва – Ижевск, 1971б. – XIV + 339 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа, 1979. – 260 с.

Васнецов Н. М. Матеріалы для объяснительного областного словаря вятского говора. – Вятка, 1907. – 357 с.

Вахрушев В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – Вып. 19. – С. 228–241.

Вахрушев В. М. Названия грибов в удмуртских диалектах // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. УАССР; Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 1987. – С. 75–84.

Введенская Л. А., Колесников Н. Н. Этимология: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2004. – 221 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под. ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин; РАН. УрО. УИИЯЛ. – Ижевск, 2006. – 288 с. (Памятники культуры).

Вершинин В. И. Удмуртские заимствования в прикамских говорах марийского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. УАССР; Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 1987. – С. 133–139.

Взаимодействие ареалов — Взаимодействие лингвистических ареалов: Теория, методика и источники исследования / Отв. ред. М. А. Бородина. – Л.: Наука, 1980. – 272 с.

Гаджиева Н. С. Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1975. – 304 с.

Гаджиева Н. С. Явления языковой интерференции в пограничных зонах тюркских языков Средней Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 76–83.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Ч. II: морфология. – Йошкар-Ола, 1966. – 168 с.

Галкин И. С. О марийско-пермских лексических параллелях // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: тез. докл. / НИИ при Сов. Мин. УАССР; Удм. гос. ун-т. – Устинов, 1987. – Т. I: Языкознание. – С. 61–62.

Глазовский район — Глазовский район: из прошлого в настоящее / Сост. В. С. Шудегова. – Глазов, 211. – 344 с.

Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа: По археологическим материалам // Проблемы этногенеза удмуртов: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Устинов, 1987. – С. 6–36.

Голдина Р. Д. Этническая история пермских народов в эпоху железа: По археологическим данным // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 24–26.

Голдина Р. Д. Основные этапы взаимодействия финно-пермян с другими этносами в древности и средневековье: Конец III тыс. до н. э. – XVI в. н. э. // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня: сб. ст. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. – С. 3–24.

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 1983. – Т. 2. – 288 с.

Гришкина М. В. Удмуртия в эпоху феодализма: Конец XV – первая половина XIX в. / РАН. УрО. УИИЯЛ. – Ижевск, 1994. – 208 с.

Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 3–42.

ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. – Ижевск, 1962. – 372 с.

Гуляев Е. С. Общепермская лексика в некоторых деэтимологизированных словах и фразеологизмах коми языка // Вопросы финно-угорского языкозна-

ния / АН СССР. Ин-т языкознания. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – Вып. IV. – С. 83–89.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / Т. 4: Р–V. – М.: ГИИНС, 1955. – 683 с.

ДАУЯ 2013 — Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2013. – Вып. III. – 302 с.

Денисов В. Н. К проблеме акцентуации в современном удмуртском языке // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Устинов: Удмуртия, 1986. – С. 17–32.

Десницкая А. В. К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 22–29.

Документы 1958 — Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. П. Н. Луппов. – Ижевск, 1958. – 419 с.

Долганова Л. Н., Морозов И. А., Минасенко Е. Н. Игры и развлечения удмуртов: История и современность / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая. – М., 1995. – 312 с.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинградский восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. – Л., 1927. – 160 с.

Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык) / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1984. – 142 с.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами: X – начало XX в. / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1982. – 224 с.

Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка / АН СССР. Коми филиал. – М.: Наука, 1975. – 268 с.

Жилина Т. И. Марийские и удмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка // Вопросы лексикологии коми языка / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар, 1979. – Вып. 22. – С. 30–33.

Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар: Пролог, 1998. – 439 с.

Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык / АН СССР. Коми филиал. – М.: Наука, 1971. – 276 с.

Загуляева Б. Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // Fenno-Ugristica. Труды по финноугроведению / Тартус. ун-т. – Тарту, 1980. – Вып. 6: Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков. – С. 103–109.

Загуляева Б. Ш. Названия женских украшений в удмуртских диалектах // Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков: сб. ст. / РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар, 1992. – С. 36–39.

Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: Конец V – первая половина XIII в. / РАН. УрО. УИИЯЛ. – Ижевск, 1998. – 309 с.: ил.

Иванова М. Г. Этническая идентификация археологических памятников бассейна р. Чепцы / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 27–29.

Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа: Учебное пособие. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 192 с.: ил.

ИстКоми — История Коми АССР: С древних времен до наших дней / Гл. ред. И. Б. Берхин; АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. – 600 с.

ИстУдм. 2007 — История Удмуртии: С древних времен до XV в. / Под ред. М. Г. Ивановой; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2007. – 304 с.: ил. + цв. вкл.

Карлинский А. Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. – Алматы: КазУМОиМЯ, 2011. – 264 с.

Карпова Л. Л. О некоторых морфологических особенностях дебинского говора // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1990. – С. 66–84.

Карпова Л. Л. О некоторых вопросах словообразования имен существительных в дебинском и чурашурском говорах удмуртского языка // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1991. – С. 160–169.

Карпова Л. [Л]. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997. – 223 с. (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 2).

Карпова Л. [Л]. Бесермяно-удмуртское взаимовлияние (на материале среднечепецкого региона) // Linguistica Uralica. – 1998. – № 2 (XXXIV). – С. 121–127.

Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. – Ижевск, 2005. – 581 с.

Карпова Л. Л. Об особенностях словесного ударения в северноудмуртских диалектах // Россия и Удмуртия: история и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20–22 мая 2008, Ижевск). – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008а. – С. 931–937.

Карпова Л. Л. Отличительные явления в морфологии северноудмуртских диалектов // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика. – Йошкар-Ола, 2008б. – Ч. IV. – С. 448–456.

Карпова Л. [Л]. Удмуртско-бесермянские языковые параллели // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. – Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. – Piliscsaba, 2010. – С. 111–112.

Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. – Ижевск, 2013. – 600 с.

Карпова Л. Л. Дебесские говоры в системе говоров Верхней Чепцы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2015. – Вып. 5. – С. 48–56.

Карпова Л. Л. Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016а. – Т. 10, вып. 2. – С. 17–36.

Карпова Л. Л. Морфологические особенности имени существительного нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2016б. – Т. 26, № 3. – С. 107–114.

Карпова Л. Л. Морфологические различия в северных диалектах удмуртского языка // Linguistica Uralica. – 2016в. – Т. 52, вып. 3. – С. 209–227.

Карпова Л. Л. Морфологические маркеры нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017а. – Т. 11, вып. 1. – С. 7–24.

Карпова Л. Л. О словесном ударении в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2017б. – № 1 (29). – С. 96–101.

Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: Формирование и современное состояние: дис. ... д. филол. наук. – Ижевск, 2018а. – 490 + [Приложения] (491–562) с.

Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: Формирование и современное состояние: автореф. дис. ... д. филол. наук. – Ижевск, 2018б. – 46 с.

Карпова Л. Л., Кондратьева Н. В. Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты // Финно-угорский мир. – 2014. – № 3 (20). – С. 24–31.

Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1969а. – XXX + 475 + [Приложение] 172 с. (Библиотечно-архивный фонд УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Д. 648).

Кельмаков В. К. Словарь диалектных слов // Кукморский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1969б. – С. 89–172.

Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. и материалов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1977. – С. 26–61.

Кельмаков В. К. К вопросу о «двух *о*» в праудмуртском языке // Советское финно-угроведение. – 1978. – Т. 14, № 1. – С. 20–40.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 299 с.

Кельмаков В. К. О сложных числительных в современном удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: сб. ст. – Ижевск, 1984. – С. 18–24.

Кельмаков В. К. Роль отпадения конечных гласных основы в развитии фонетического строя пермских языков // Фонетика и письмо: межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т. – Устинов, 1986. – С. 116–128.

Кельмаков В. К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1987. – С. 26–51.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры / УИИЯЛ УрО АН СССР; Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 1990. – 368 с.

Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс. I) / Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 176 с.

Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 58 с.

Кельмаков В. К. К вопросу о лексико-семантическом разряде лица / нелица имен существительных в удмуртских диалектах // Вестник Удмуртского университета. – *1995.* – № 5. – С. 13–19.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Кельмаков В. К. Некоторые общие особенности фонемной синтагматики согласных в удмуртских и коми-пермяцких диалектах // Финно-угристика 4: межвуз. сб. науч. тр. / Морд. гос. ун-т. – Саранск, 2000. – С. 96–101.

Кельмаков В. К. Об ареальной тенденции в развитии вокализма непервого слога слова в пермских языках // Congressus Nonus Internacionalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7.–13.8.2000. – Tartu, 2001. – Pars V. Dissertationes sectionum: Linguistica II. – С. 67–74.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2 / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкознания. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2004. – 395 с.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд., стереотип. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2006. – 386 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1: Науч. издание. – Ижевск: Удмуртия, 2015. – 424 с.

КЗЯ — Википедия [Электронный ресурс]: Коми-зырянский язык. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коми-зырянский_язык (дата обращения: 26.07.2018).

Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении) / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1992. – 320 с.

Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Кильмези / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – 571 с.

Коведяева Е. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: (марийский язык) / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1987. – 160 с.

Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 256 с.

Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. – 154 с.

Корольских П. В. Пермская топонимия в условиях языкового ареального пограничья // Динамика структур финно-угорских языков: сб. науч. ст. на материалах Всеросс. Финно-угорской языковедческой конференции, посвященной юбилеям Е. А. Игушева и А. Н. Ракина. – Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2011. – С. 132–138.

Косарева И. А. Традиционная женская одежда слободских удмуртов конца XIX – начала XX века // Вестник Удмуртского университета. – 1994. – № 5. – С. 45–64.

КПО — Википедия [Электронный ресурс]: Коми-Пермяцкий округ. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коми-Пермяцкий_округ (дата обращения: 26.07.2018).

КПЯ — Википедия [Электронный ресурс]: Коми-пермяцкий язык. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коми-пермяцкий_язык (дата обращения: 26.07.2018).

Кривощекова-Гантман А. С. О грамматизации самостоятельных слов: На материале пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкознания. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – Вып. IV. – С. 114–122.

Кривощекова-Гантман А. С. Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка // Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 595–621.

Кривощекова-Гантман 2006 — Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Вып. 3. Кривощекова-Гантман А. С. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – 246 с.

Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 347 с.

Кузнецов Н. Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). – Тарту: University of Tartu Press, 2012. – 244 с. (Dissertationes Philologae Uralicae Universitatis Tartuensis 12).

ЛАЕ — Википедия [Электронный ресурс]: Лингвистический Атлас Европы. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лингвистический_атлас_Европы (дата обращения: 12.07.2018).

Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов / Акад. гуманит. наук. Финляндское отделение. Ин-т России и Вост. Европы. Изд. 2, перераб. и доп. – СПб.: Европейский дом, 1997. – 391 с.

Левитская Л. С. Историческая фонетика чувашского языка / Науч. ред. и авт. предисл. и примеч. П. Я. Яковлев; Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – 320 с.

Лудыкова В. М. Категория степеней сравнения прилагательного в коми языке // Пути развития пермских языков: История и современность. – Сыктывкар, 2014. – С. 86–99. (Труды Ин-та ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 73).

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам: С обзором диалектов и диалектологическим словарем / АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1955. – Ч. I. – 128 с.

Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – Ч. I: Введение. Фонетика. – 136 с.

Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект / АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1961. – 228 с.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1964. – 270 с.

Лыткин В. И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания / АН СССР. Ин-т языкознания. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – Вып. IV. – С. 131–142.

Лыткин В. И. Коми кывлӧн историческӧй морфология (= Историческая морфология коми языка): Учеб. пособие. 2-е изд. доп. / Сыкт. гос. ун-т. – Сыктывкар, 1995. – 101 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / Под. ред. В. И. Лыткина. – М.: Наука, 1970. – 388 с.; переизд. с доп.: Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 386 с. + Приложение (Дополнение к Краткому этимологическому словарю коми языка). – С. 387–430

Лыткин В. И., *Тепляшина Т. И.* Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – Вып. 19. – С. 218–227.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.

Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особеннности языка лекминских и юндинских бесермян / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – 200 с.

Ляшев В. А. Опыт картографирования коми диалектологического материала в европейском атласе // Вопросы лексикологии коми языка / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар, 1979. – Вып. 22. – С. 34–37.

Ляшев В. А. К интерпретации межареальных чередований в финно-угорских языках Приуралья // Язык и прошлое народа: сб. науч. трудов / УрГУ. – Екатеринбург, 1993. – С. 15–26.

Ляшев В. А., Насибуллин Р. Ш. Лингвогеографический аспект в пермской лексикологии // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар, 1984. – Вып. 31. – С. 55–66.

Ляшев В. А., Насибуллин Р. Ш. Аспект картографирования пермской лексики // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: тез. пятой конф. на тему «Проблемы атласной картографии». – Уфа, 1985. – С. 107–108.

Майтинская К. Е. Венгерский язык / АН СССР. Ин-т языкознания. – М., *1955.* – Ч. I: Введение. Фонетика. Морфология. – 304 с.

Майтинская К. Е. К относительной хронологии формирования послелогов в финно-угорских языках // Congressus Quintus Internationalis Fenno-

Ugristarum. – Turku, *1981*. – Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. – С. 170–176.

Майшев И. И. Грамматика коми-пермяцкого языка. – М.–Л., 1940. – 83 с.

Макаров Л. Д. Славяно-русская колонизация территории Удмуртии до середины XVI века // Россия и Удмуртия: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20–22 мая 2008, Ижевск). – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2008. – С. 240–249.

Максимов С. А. Лексические параллели в сопредельной зоне коми-зырянского и удмуртского языков // Вестник Удмуртского университета. – № 5. – 1995а. – С. 44–48.

Максимов С. А. Общие лексические элементы в контактной зоне удмуртского и коми языков // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995б. – С. 356–358.

Максимов С. А. К вопросу о суффиксе *-н'и* в удмуртском языке // История и культура финно-угорских народов: Материалы междунар. студенческой научно-практ. конф. – Глазов, 1998. – С. 40–45.

Максимов С. А. О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвузовский сб. науч. тр. / Удм. ун-т. Каф. общего и фин.-уг. языкознания. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999а. – С. 193–208.

Максимов С. А. Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 1999б. – 19 с.

Максимов С. А. Ареальные морфологические параллели в пермских языках // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. – Сыктывкар, 1999в. – С. 127–132.

Максимов С. А. К вопросу о лексических коми заимствованиях в диалектах удмуртского языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Сыктывкар, 2001. – С. 179–183.

Максимов С. А. Названия шишки хвойного дерева в диалектах удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований '07. – 2008. – С. 137–154.

Максимов С. А. Комментарий к карте «Капуста» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009а. – Вып. I. – С. 105–110.

Максимов С. А. Названия слезы в удмуртских диалектах и их происхождение // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2009б. – С. 43–49.

Максимов С. А. Комментарий к карте «Слеза» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. – Вып. II. – С. 230–236.

Максимов С. А. Комментарий к карте «Мелкий (неглубокий)» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2013. – Вып. III. – С. 91–98.

Максимов С. А. Комментарий к карте «Жук-навозник» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. IV. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014а. – Вып. IV. – С. 165–175.

Максимов С. А. Комментарий к картам «Коза», «Козёл», «Заяц» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. IV. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014б. – Вып. IV. – С. 181–191.

Максимов С. А. Названия гриба-дождевика в диалектах удмуртского языка и их происхождение // Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin: Juhlakirja Sirkka Saarisen 60-vuotispäiväksi 21.12.2014 (сб. науч. ст., посвященный 60-летнему юбилею проф. Сиркки Сааринен) / Toim. Nobufumi Inaba, Jorma Luutonen, Arja Hamari ja Elina Ahola. – Helsinki, 2014в. – С. 203–214. (= MSFOu 270).

Максимов С. А. О коми заимствованиях в удмуртском языке // Linguistica Uralica. – 2016а. – Т. 52, вып. 2. – С. 111–121.

Максимов С. А. От *мегали мера* к *великтэм*: к вопросу о происхождении и функционировании названий Пасхи в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016б. – Т. 9, вып. 1. – С. 30–40.

Максимов и др. — *Максимов С. А., Насибуллин Р. Ш., Нурисламова А. А.* Шагиртско-гондырский говор южного наречия удмуртского языка I: Фонетические особенности // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сб. науч. тр. / Удм. ун-т. Каф. удм. языка и методики его препод. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. – С. 304–324.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала / УрГУ. – Свердловск, 1959. – 123 с.

Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientarium Hungaricae. Т. XIV. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1964. – С. 285–315.

Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1981. – 185 с.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. – СПб.: Наука, 2003. – 540 с.

Напольских В. В. «Бисермины» // О бесермянах: сб. ст. / Сост. и отв. ред. Г. Л. Шкляев; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1997а. – С. 50–54.

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1997б. – 268 с.; ил.

Напольских В. В. Этимология коми *шева* // Linguistica Uralica. – 1999. – Т. 35, вып. 1. – С. 45–48.

Напольских В. В. Очерки по этнической истории. – Казань, 2015. – 647 с.

Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972а. – Ч. I. – 202 с.

Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972б. – Ч. II: Приложения. – VII + 332 с.

Насибуллин Р. Ш. Суффикс *-ti* в закамских говорах удмуртского языка // Советское финно-угроведение. – 1972в. – № 3. – С. 193–196.

Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тарту, 1973. – 22 с.

Насибуллин Р. Ш. Из лексики удмуртских народных говоров // Вопросы удмуртского языкознания: сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 106–124.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1978. – С. 86–151.

Насибуллин Р. Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордскем кыл. – 1992. – № 2. – С. 81–85.

Насибуллин Р. Ш. Комментарий к карте «Карман» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. – Вып. II. – С. 249–251.

Насибуллин Р. Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2014. – Спец. вып. – С. 77–91.

Насибуллин Р. Ш., Дудоров В. Ю. Обратный словарь удмуртского языка: Ок. 46 000 слов / Под ред. Р. Ш. Насибуллина. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 244 с.

Насибуллин Р. Ш., Ляшев В. А. Аспекты картографирования пермской лексики // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка: Лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языков: тез. докл. и сообщ. / АН СССР. ОЛЯ. Научный совет по диалектологии и истории русского языка. Ужгород. гос. ун-т. – М., 1984. – Т. 2. – С. 176.

Некрасова Г. А. Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. – Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2002. – 166 с.

Некрасова Г. А. К вопросу о лингвистической терминологии в финно-угорских языках (на основе анализа падежей) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 65, № 3. – С. 100–108.

Некрасова Г. А. Приблизительно-местный, приблизительный инессив или же жилищно-местный? (о названиях падежей послеложного образования удмуртского языка) // Финно-угроведение. – 2012. – № 1. – С. 3–10.

Некрасова Г. А. Изменения в падежной системе коми-пермяцкого языка XIX–XX вв. (по материалам письменных источников) // Ежегодник финно-угорских исследований. – Т. 10, вып. 3. – 2016. – С. 7–16.

Норманская Ю. В. Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // Вопросы уралистики. Научный альманах / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб, 2009. – С. 260–296.

Овчинникова Е. А. Фонетические и лексические особенности говора деревни Сырья шошминского диалекта удмуртского языка: рукоп. дипломной работы / УдГУ. – Ижевск, 1996. – 71 с.

Останина Т. И. Из истории арских удмуртов (наброски к этногенезу южных удмуртов) // Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья. – Ижевск: Изд-во Удм. госун-та, 1995. – С. 3–17.

Ощее языкознание 1973 — Общее языкознание: Методы лингвистических исследований / Отв. ред. Б. А. Серебренников; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1973. – 318 с.

ОФУЯ 1974 — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / Отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи. – М.: Наука, 1974. – 484 с.

ОФУЯ 1975 — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / Отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи. – М.: Наука, 1975. – 348 с.

ОФУЯ 1976 — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / Отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи. – М.: Наука, 1976. – 464 с.

ÖКК — Öнія коми кыв. Морфология = Современный коми язык. Морфология / Под. ред. Г. В. Федюневой. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2000. – 544 с.

Перепись 2010 — Википедия [Электронный ресурс]: Всероссийская перепись населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 26.07.2018).

Пизани В. Этимология. История – проблемы – метод / Пер. с итал. Д. Э. Розенталя; под ред. В. И. Абаева. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1956. – 187 с.

Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 272 с.

Подоплелов В. П. Заселение Коми АССР / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар, 1985. – 28 с. – (Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 133).

Понарядов В. В. О параллелях в развитии пермского и чувашского вокализма // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. сб. науч. ст. на материалах XIII Междунар. симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с др. языками» (20–21 окт. 2010 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар, 2012. – С. 151–155. (Труды Ин-та ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 69).

Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка. дис. … канд. филол. наук. – Ижевск, 2002. – 206 с.

Ракин А. Н. Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар, 1977. – 54 с. – (Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 32).

Ракин А. Н. Коми кывлöн ботаническöй терминология: Спецкурс велöдысьлы отсöт (= Ботаническая терминология коми языка: Учебное пособие по спецкурсу) / Сыктывкарса ун-т; Пермса ун-т. – Сыктывкар, 1981. – 98 лб.

Республика Коми — Википедия [Электронный ресурс]: Республика Коми. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Республика_Коми (дата обращения: 27.07.2018).

Савельева Э. А. Лузская пермца / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар, 1972. – 47 с. – (Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 32).

Савельева Э. А. Этногенез народа коми // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 90–93.

Савельева Э. А. Роль Волжской Булгарии в развитии культуры перми вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы: сб. ст. / УИИЯЛ УрО АН СССР. – Ижевск, 1991. – С. 95–110.

Савельева Э. А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья: автореф. дис. ... д. ист. наук. – Москва, 1995. – 51 с.

Савельев А. С., Коньшин А. Е. Коми-пермяки: История и современность // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы I Международной научно-практической конференции. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1997. – С. 17–32.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1976. – 288 с.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А. Печорский диалект коми языка / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – М.: Наука, 1976. – 152 с.

Серебренников Б. А. Теория волн Иоганна Шмидта и явления языковой аттракции // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 3–15.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1963. – 392 с.

Серебренников Б. А. К проблеме происхождения суффиксов многократного действия в финно-угорских языках // Советское финно-угроведение. – 1966. – № 3. – С. 157–163.

Серебренников Б. А. К уточнению некоторых этимологий // Советское финно-угроведение. – Т. IX, № 1. – 1973. – С. 35–41.

Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 352 с.

Серебренников Б. А. Общеязыковедческие аспекты теории волн Иоганна Шмидта // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 29–37.

Сафиуллина Ф. С. Татарский язык на каждый день: Самоучитель. – Казань: Хәтер, 2000. – 419 с.

Сорвачева В. А. Нижневычегодский диалект коми языка / АН СССР. Коми филиал. – М.: Наука, 1978. – 228 с.

Сорвачева В. А., Сахарова М. И., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. – 256 с.

ССИС — Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. – М.: Рус. яз., 1992. – 740 с.

Стоколос В. С. Археологические исследования на европейском Северо-Востоке СССР / АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар, 1975. – 28 с. – (Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 19).

Тараканов И. В. К вопросу истории развития неслогового *ӳ* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. – М.; Л., 1964. – С. 75–82.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 188 с.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл лексикология (= Лексикология современного удмуртского языка): Удмурт Республикаысь дышетӥсьёслы но вузъёсысь студентъёслы учебной пособие. – Ижевск: Удмурт университетлэн издательствоез, 1992. – 140 б.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. – Ижевск, 1993. – 172 с.

Тепляшина Т. И. Тыловайский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1955а. – 258 + [Приложение] 216 с. (Библиотечно-архивный фонд УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Д. 622).

Тепляшина Т. И. Приложение к дис. ... канд. филол. наук на тему: Тыловайский диалект удмуртского языка. – М., 1955б. – 215 с.

Тепляшина Т. И. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. [Материалы совещания 26–30 июля 1961 г. в г. Петрозаводске]. – М.–Л.: Наука [Ленингр. отделение], 1964. – С. 136–145.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северно-удмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1970а. – Вып. 21. Филология. – С. 156–196.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1970б. – 288 с.

Тепляшина Т. И. К ареальным явлениям пермских языков // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР: тез. докл. Всесоюз. науч. совещ. финно-угроведов / АН СССР. Ин-т языкознания; Ужгород. гос. ун-т. – Ужгород, 1977. – С. 71–72.

Тепляшина Т. И. Лексические коми-удмуртские соприкосновения // Вопросы финно-угроведения: тезисы докл. XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов / АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. – Сыктывкар, 1979. – Т. I: Языкознание. – С. 122.

Тепляшина Т. И. Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова // Кротов З. Удмуртско-русский словарь / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1995. – С. VII–XX.

Традиц. — Традиционная культура народа коми / Под. ред. Н. Д. Кондакова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. – 272 с.

Трефилов Г. Н. Бесермяне по письменным источникам // Вопросы финно-угорского языкознания. / УдНИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1967. – Вып. IV – С. 310–318.

Удм. язык — Википедия [Электронный ресурс]: Удмуртский язык. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Удмуртский_язык (дата обращения: 27.07.2018).

Удмуртия — Википедия [Электронный ресурс]: Удмуртия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Удмуртия (дата обращения: 27.07.2018).

Удмурты 1993 — Удмурты: Историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск, 1993. – 392 с.

УКК — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез) (= Морфология удмуртского языка): науч.-учеб. изд. / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. – 408 с.

Усачева М. Н. Семантика локативных падежей в уральских языках: опыт систематизированного описания (на примере бесермянского наречия) // Congressus XI Internationalis Finno-Ugristarum Piliscsaba 2010. – Пилишчаба, 2011. – Pars VI: Dissertationes symposiorum ad linguisticam. – С. 120–128.

Усачева М. Н. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 25 с.

Усачева М. Н., Сердобольская Н. В. Грамматикализация новых деепричастных форм на *-оннига-* в бесермянском удмуртском // Типология морфосинтаксических параметров: сб. материалов междунар. конф. – М., 2015. – С. 366–391.

Ушаков Г. А. Текстообразующая роль диалектизмов и просторечных слов в произведениях художественной литературы (на материале романа Г. Перевощикова «Йыбыртты музъемлы») // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: сб. ст. / УИИЯЛ УрО АН СССР. – Ижевск, 1990. – С. 126–136.

Федосеева Е. Н. Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сб. науч. тр. / Удм. ун-т. Каф. удм. языка и методики его препод. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. – С. 424–434.

Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 2002. – 277 с.

Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка / Ин-т ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2015. – 196 с.

Федотов М. И. Ворцинский говор бесермянского наречия // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. УАССР. – Ижевск, 1982. – С. 116–130.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965. – 160 с.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – Ч. II. – 214 с.

Федюнева Г. В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке / Отв. ред. Г. Г. Бараксанов. – М.: Наука, 1985. – 134 с.

Федюнева Г. В. К вопросу о надежности лексических данных в изучении этнической истории пермских народов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12, вып. 1. – С. 7–22.

Хайду П. Уральские языки и народы / Перевод с венгерского Е. А. Хелимского. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.

Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские параллели: Лингвистическая и этногенетическая интерпретация / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1982. – 164 с.

Цыпанов Е. А. Категория способа глагольного действия в коми языке. – Сыктывкар, 1998. – 36 с. – (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 398).

Цыпанов Е. А. Дивергенция финно-угорского и пермского праязыков в свете последних теоретических и источниковедческих подходов // Пути развития пермских языков: история и современность. – Сыктывкар, 2014. – С. 8–38. – (Труды Ин-та ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 73).

Чеснокова Л. В. Концепт Heim (дом, домашний очаг): убежище от экзистенциального страха в немецкой культуре // Философия и культура. – 2014. – № 5 (77). – С. 719–724.

Чураков В. С. К Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции: Научно-практический журнал. – 2007. – № 2 (2). – С. 79–100.

Чураков В. С. К проблеме расселения пермских народов в конце I – первой половине II тыс. н. э. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции: Научно-практический журнал. – 2008. – № 1 (3). – С. 4–20.

Чураков В. С. Забытые памятники удмуртской письменности // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – Т. 11, вып. 3. – С. 66–77.

Шабаев Ю., Лаллукка С., Дерябин В. Современные коми-пермяки: Население и этно-культурное положение // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы I Международной научно-практической конференции. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1997. – С. 79–96.

Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Т. 1. – С. 40–53.

Bereczki G. Türkische Züge in der Struktur des Syrjänischen und ihr Ursprung // Rédei-Festschrift. – Wien – Budapest, 1992. – S. 71–76.

Bereczki G. Permi-cseremisz lexikális kölcsönzések // Nyelvtudománi Közlemények. – 79 (1–2). – Budapest, 1977. – 57–76. old.

Blažek V. Numerals. Comparative-Etymological Analyses of Numeral Systems and Their Implications (Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages). – Brně: Masarykova univerzita, 1999. – 337 p.

Daniel M. A. Towards a typology of personal locatives. Problem setting. Talk at The Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology (ALTV). – Cagliari, September 15–18, 2003. (http://web.tiscali.it/summerschool/ALT/Daniel.htm)

Fokos-Fuchs D. R. Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen. – 1949. – Bd. 30. – S. 147–230.

Fokos-Fuchs D. R. Syrjänisches Wörterbuch (I–II). – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959. – 1564 S.

Häkkinen K. Mistä sanat tulevat: Suomalaista etymologiaa. Suomen kirjallisuuden seura 117. – Helsinki, 1997. – 326 s.

Honti L. Uralilaisten kardinaalilukusanojen rakenteista // JSFOu. – Helsinki, 1987. – Vol. 81. – S. 133–150.

Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. – 356 S.

Kálmán B. Nyelvjárásaink. – Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1994. 6. kiadás. – 152 old.

Kel'makov V. Über eine areale Tendenz in der Entwicklung des Vokalismus der nichtersten Silbe in der permischen Sprachen // Congressus Nonus Internacionalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7.–13.8.2000 / toimetaja: A. Nurk, T. Palo, T. Seilenthal. – Tartu, 2000. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Linguistica. – S. 106–107.

Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet. – Turku – Iževsk, 1994. – 368 s.

Maksimov S. Pohjoisudmurtin murteiden ja komin kielen areaalisia leksikaalisia yhtäläisyyksiä // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja // JSFOu. – Helsinki, 2001. – Vol. 89. – S. 167–184.

Mikola T. Materialien zur Wotjakischen Etymologie. – Szeged, 1977. – 188 S. – (Studia Uralo-Altaica 11).

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. – Budapest, 1880–1896. XVI + 836 l.; 2. kiadás.: Pécs, 1990.

Napol'skich V. Uralic Numerals: Is the Evolution of Numeral System Reconstructable? (Reading new Václav Blažek's book on numerals in Eurasia) // Linguistica Uralica. – 2003. – Vol. 39, Issue 1. – P. 43–54.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. 1. – Helsinki, 1969. – XVI + 533 S.; 2: Wortregister, 1971. – 136 S. – (LSFU XVII).

Rédei K. Szófejtések // Nyelvtudománi Közlemények. – LXXIII (2). – 1971. – 416–423. old.

Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, Hislory and Foreign Influences. Ed. by D. Sinor. – Leiden – New-York– København – Köln: E. J. Brill, 1988. – S. 351–354.

Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek őspermi kori bolgár-török jövényszavai // Nyelvtudománi Közlemények. – 74/2. – 1972. – 281–298. old.

Rédei K., Róna-Tas A. A bolgár-török-permi nyelvek érintkezések néhány kérdése // Nyelvtudománi Közlemények. – 77/1. – 1975. – 31–44. old.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. I, Helsinki, 1987, Y. H. Toivonen; II, 1994, Y. H. Toivonen – Erkki Itkonen – Aulis J. Joki; III, 1985, Erkki Itkonen – Aulis J. Joki; IV, 1983, Erkki Itkonen – Aulis J. Joki; V, 1984, Erkki Itkonen – Aulis J. Joki – Reino Peltola; VI, 1987, Erkki Itkonen – Aulis J. Joki – Reino Peilola; VII. Sanahakemisto, 1981, Koostaneet Satu Tanner – Marita Cronstedt.

Uotila T. E. Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischen Wörterverzeichnis. – Helsinki, 1938. – VIII + 191 S.

Usačeva M., Archangelískij T. Grammaticalization of new Cases in Beserman Udmurt // Linguistica Uralica. – 2017. – Vol. 53, Issue 3. – P. 27–48.

Wichmann Y. Die tschuvassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen.– Helsingfors, 1903. – XXVIII + 171 S. – (MSFOu XXI).

Wichmann 1987 — Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen.– Helsinki, 1987. – XXIII + 422 S. – (LSFU XXI).

Wolegow — Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows von Károly Rédei. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. – 140 S.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Алфавитный указатель лексико-семантических изоглосс

арх. – архаизм; (В) – фонетический или морфологический вариант заимствования; (Г) – гибридное заимствование; (С) – семантическое заимствование; (Стр.) – структурное заимствование; (КЗ) – контактная зона; <, > – направление заимствования или наследования из праязыкового состояния; <=, => – направление языкового влияния.

азь: азьдор ‘безлесная местность; пойменный луг’ — арх. (КЗ) 157

аскы ‘завтра’ — арх. 44

бӧрысь посл. ‘за, позади, вслед за’ (С) — удм. < к. 98

бред ‘наледь, заплыв воды на льду (на реке) — удм. < кз. 45

бур ‘хороший; хорошо’ (С) — удм. < к. 99

быз ‘выставленный, выпирающий (зад)’ (С) — удм. <= к. 99

быччы учкыны ‘смотреть пристально, с недоверием, искоса’ — удм. <= к. (КЗ) 158

важ ‘старый, устаревший’ (В) — удм. < к. 116

варали бес. ‘говорун, болтун’ — арх. 46

вим ‘мозг, мозги’ (В) — удм. <= к. 116

велись I 1. ‘только что, лишь сейчас, наконец-то’ 2. ‘снова’ — арх. 47

велись II ‘только что, лишь сейчас, наконец-то’ (С) — арх. 100

ворӟемен ‘верхом (на лошади)’ — арх. 48

ву ‘река’ (С) — арх. < к. 100

вур: вуре вайыны ‘упоминать, упомянуть в разговоре (кого-л.)’ (В) — удм. <= кз. 117

вый, выйтурын ‘иван-чай, кипрей’ — арх. 50

геред ‘узел’ (В) — удм. <= к. 119

гойыны ~ гойӧдны ‘громко смеяться, хохотать’ — удм. > кз. 159

горъяны ‘петь (о петухе)’ — удм. < кз. 50

грезь ‘большой, необъятный’ (С) — арх. 101

гудыри-сяська ~ гора-дзуль ‘купальница (европейская)’ (= ‘гром+цветок’) (Стр.) — арх. ||| ? удм. => к. (КЗ) 181

гуп: юбер гуп ‘скворечник (скворец+дупло)’ (С) — удм. < к. 102

гурдо ‘вид дикой утки; кряква’ — арх. 51

гы ‘волна’, *гыаны* ‘волноваться (о реке, ниве)’ — арх. 51

дасьтыны ‘готовить, приготовить’ (В) — арх. 120

дунны улыны ‘сидеть неподвижно, с безучастным видом’ — удм. < к. (КЗ) 159

жагмыны ‘сильно устать, выбиться из сил, обессилеть’ — удм. < кп. (КЗ) 160

жуг ‘ботва (картофеля); гороховая солома’ — арх. 52

жӧытылбыт ‘весь вечер, в течение всего вечера’ (В) — удм. <= к. 121

зон I 1. ‘прошлогодняя нескошенная трава’ 2. ‘луг, образовавшийся на гари’ — арх. 53

зон II ‘прошлогодняя нескошенная трава’ (С) — арх. 103

зӧп ~ дзеп ‘карман’ — удм. > кз. 161

зӧратыны ‘мучить, причинять муки (страдания)’ — арх. 54

зӧиз мынымы, зӧиздыны ‘бежать, задрав хвост, от оводов (о коровах телятах)’ — удм. < к. 55

зӧлё ‘мелкий, узкий (о глазах); незрячий’ — арх. 56

зӧуиктыны ‘визжать (о поросенке, свинье)’ — удм. < кп. (КЗ) 162

зӧурккы учкыны ‘уставиться, пристально смотреть’ — арх. 57

зӧыро ‘мелкая дресва, смешанная с пеплом (в печи)’ — арх. 58

искылляны ‘кататься (на лыжах, салазках, коньках)’ (В) — удм. <= к. 122

кад ‘грязное кочковатое место’ (В) — удм. ? < к. ||| ? < бес. *къд* 122

кертым ‘оброк; аренда’ — арх. 58

комбыльскыны ‘кувыркнуться; скатиться кубарем; опрокинуться’ (В) — удм. <= кз. < приб.-ф. 123

кудӥзтор ‘некоторые’ (В) — удм. <= к. 124

кузьым 1. ‘приданое’ 2. ‘свадебный подарок’ (С) < кп. 103

култыртыны ~ култыртны ‘токовать (о тетереве, глухаре); ворковать (о голубе)’ — удм. > кп. (КЗ) 164

кутыртыны ~ кутыртны ‘токовать (о тетереве, глухаре)’ (В) — удм. < кп. (КЗ) 178

куыны ‘плести (напр. лапти)’ (С) — арх. 103

кыз ‘толстый’ — арх. ||| ? < к. 59

кылбур ‘речь, дар речи’ — арх. 60

кылвур ‘речь, дар речи’ (В) — удм. <= к. 125

кыльык бес. ‘мошонка, яичко, яички (половая железа у мальчиков)’ — арх. 61

кыр ‘самец (животных)’: *кыр кочыш* ‘кот’ — арх. 61

кыс: синкыс ‘брови’ — удм. < к. 62

лазъяны ‘накинуть, набросить (напр. плащ, пальто)’ (В) — арх. 126

лек 1. ‘сильный, крепкий, интенсивный’ 2. ‘проворный, быстрый’ 3. ‘очень, сильно’ (С) — удм. < к. 104

лёк, лёкос ‘очень, слишком’ (В) — удм. < к. 127

лыддьыны бес. ‘читать, считать’ (В) — удм. <= к. 127

лыдъяны ‘читать’ (С) — удм. < к. 106

ляль карыны ~ лёльны (дет.) ‘мочиться, писять, написять’ — удм. > < к. (КЗ) 164

маля ‘плод’: *легезьпу маля* ‘плод шиповника’ — удм. < к. 62

мизьганы ‘избить, набить морду’ — удм. < кз. 63

мölэд ‘тошнота, рвота (от некачественной или необычной пищи); пищевое отравление’ — арх. 64

муль: ыр-муль серекъны ‘мило улыбаться’ — арх. 64

мырдъяны ‘упорно предлагать выпить, заставлять выпить (спиртное) (Г) — удм. < к. 65

мыркпум ‘морошка’ — удм. < к. 65

мычы ‘красота’: *мычы кадь чебер* ‘красив(а) как сама красота’ — удм. < кп. 66

номыр ‘червь, червяк, гусеница’ (В) — арх. 128

нöрдыву ‘сыворотка (молочная); пахта’ — арх. 67

нурт ‘сани; салазки (для переноски меда)’ — арх. 68

нырос(ки) ~ нырöс ‘часть крепления лыж, куда вдевается нога’ (С) — удм. > к. (КЗ) 174

нюжтэм ‘шалун; ведущий себя вызывающе; неприятный на вид’ — арх. ||| удм. ? <= кп. (КЗ) 165

озон ‘пристань, причал’, *выжанни озон* ‘паром’ — арх. 68

омбро ‘болиголов’ (Г) <= к. 69

паляка ‘перепел, перепелка’ — арх. (КЗ) 166

пу ‘дерево (как растение)’ (= удм. лит. *писпу*) (С) — арх. 106

пудмыны ‘уплотниться от частой ходьбы или полива (о земле)’ — удм. < кп. 70

пуж йыр 1. эпитет для человека с взъерошенными, непричесанными волосами 2. эпитет для человека с кудрявыми волосами (= ‘решето + голова’) (Стр.) — удм. < к. 142

пулыны ‘(очень) бояться; испугаться’ — арх. 71

пызьыны ‘онеметь (о конечностях в неудобном положении)’ — арх. 72

пызьыртыны ~ пыдзрасьны ‘постирать, выстирать (быстренько)’ (С) — удм. > < кз. (КЗ) 175

сад’ ‘трезвый, не пьяный; бодрствующий, не спящий’ (В) — удм. <= к. 130

сили, силипи ‘цыпленок’ — удм. < к. 72

силь ‘шея’ (С) — арх. 107

синву ‘слеза, слёзы’ (Г) — удм. <= к. 74

сук: сук-гурдо ‘широконоска (вид утки)’ — арх. 75

сус: сускулььы ‘шишка (напр. ели)’ — удм. < к. 75

сылыны ‘развариться (напр. об овощах)’ (В) — арх. 131

таллян: пыд таллян бес. ‘педаль (ткацкого станка)’ — удм. < кз. 77

толызь ~ толӥзь ‘месяц; луна’ (В) — арх. 131

тӧлызь ‘месяц; луна’ (В) — удм. <= к. 133

тӧл ныр ‘порыв ветра’, *тӧл ныр йыл* ‘наветренная сторона’ — удм. < к. 78

туӵ-туӵ / тоӵ-тоӵ сиськыны ‘есть с аппетитом, с удовольствием’ — удм. < кп. (КЗ) 167

тоӵӵы / туӵӵы пукыны ‘сидеть без дела’ — удм. < кз. (КЗ) 168

тырттэм ~ тырттӧм ‘пустой, порожний’ (В) — удм. < кп. (КЗ) 178

тыртэм (*тырттэм*) ‘пустой, порожний’ — арх. 78

тышкаськыны ‘драться’ (С) — арх. 108

ченари ‘паук’ (В) — удм. <= к. 133

чим: чим-вож ‘совершенно зеленый, интенсивно-зеленый’ — удм. > к. 79

чир ‘мелкая частица, крупинка, крошка; соринка’ — удм. < к. 80

чульчо ‘песочник (вид кулика)’ — арх. 81

чырс ‘зонтичное растение, употребляемое в пищу’ (= ‘кислый; кислятина’) (Стр.) — удм. <= к. 142

ӵӧжмыны ‘копиться, накопиться’ — арх. 82

ӵушкон ‘платок (головной)’ (= ‘полотенце’) (Стр.) — удм. <= к. 143

ӵыжаськыны ~ тшужъясьны ‘бить хвостом (о рыбе)’ (С) — удм. > < кз. (КЗ) 175

ӵыжы (*чырс*) ‘дягиль; дудник; борщевик’ — удм. < к. (КЗ) 168

шияны ‘скандалить, буянить’ — удм. < к. 83

шораны ‘резать, нарезать (напр. хлеб)’ (В) — арх. 135

шö ‘звук, голос, звуковой сигнал; оклик’ — арх. 83

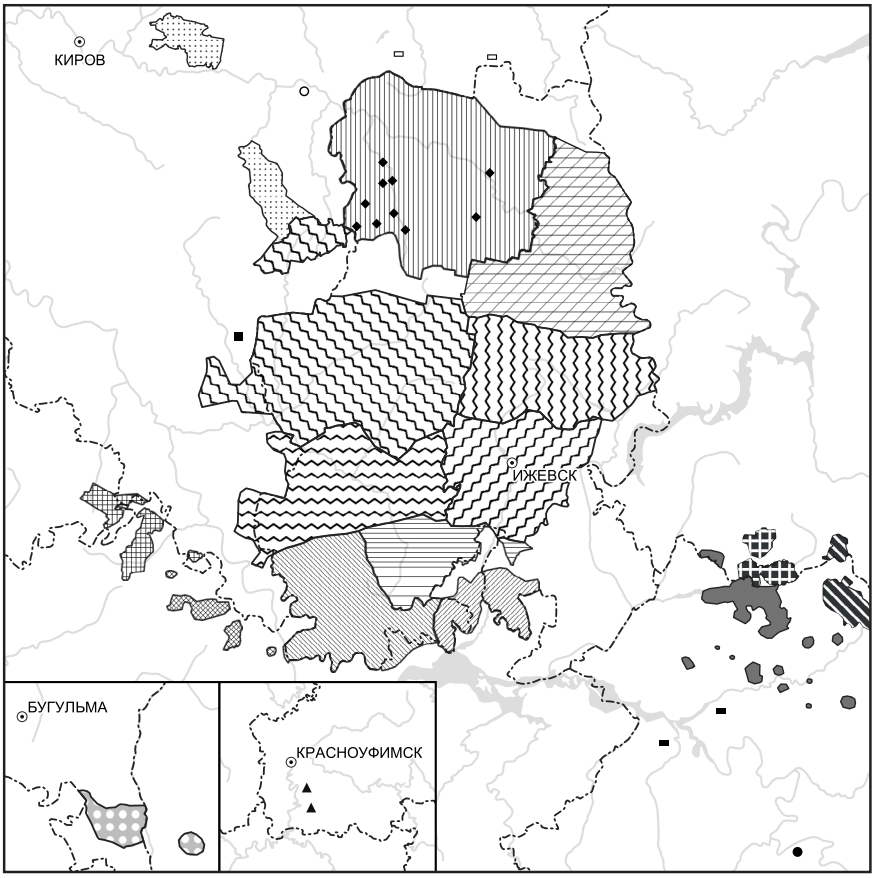
ю, ю-шур ‘река, речка’ — арх. 85

юг ‘объедки, остатки грубого сена, соломы (которые скот не поедает)’ — арх. 85

юн ‘очень’ (С) — арх. 109

эш: эш пöзь ‘верхонки (рукавицы из холста, надеваемые поверх шерстяных варежек)’ < кз. 84

ял-дор-губи ~ мыр-дор-тшак ‘опенок (настоящий)’ (‘пень-возле-гриб’) (Стр.) — удм. <= кп. (КЗ) 182



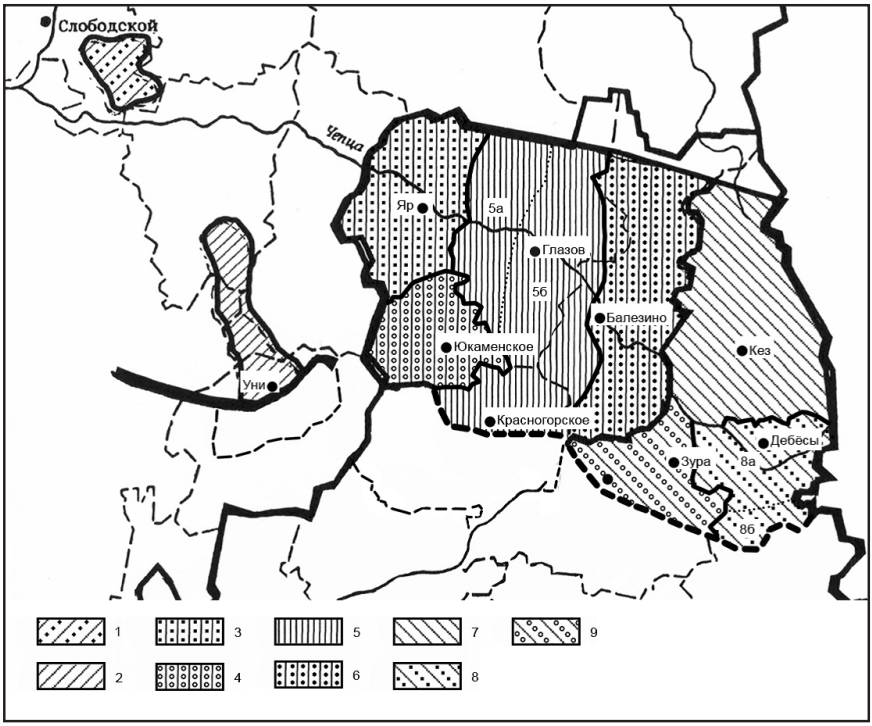
Карта 1. Распространение диалектов удмуртского языка

I. Северное наречие: 1) ○ – нижнечепецкий диалект, 2) ▭ – среднечепецкий диалект, 3) – верхнечепецкий диалект.

II. Срединные говоры: 4) – среднезападные говоры, 5) – средневосточные говоры, 6. – среднезападные переходные и смешанные говоры, 7) – среднеижские говоры.

III. Южное наречие: а) центрально-южный (собственно южный) диалект: 8) – юго-западные говоры, 9) – среднеюжные говоры, 10) – нижнеижские говоры; б) периферийно-южный диалект: 11) ■ – шошминский говор, 12) – кукморский говор, 13) – бавлинский говор, 14) ▬ – ташкичинский говор, 15) – татышлинский говор, 16) ▲ – красноуфимский говор, 17) – шагиртско-гондырский говор, 18) – буйско-танышский говор, 19) ● – канлинский говор.

IV. 20) ◆ – бесермянское наречие.



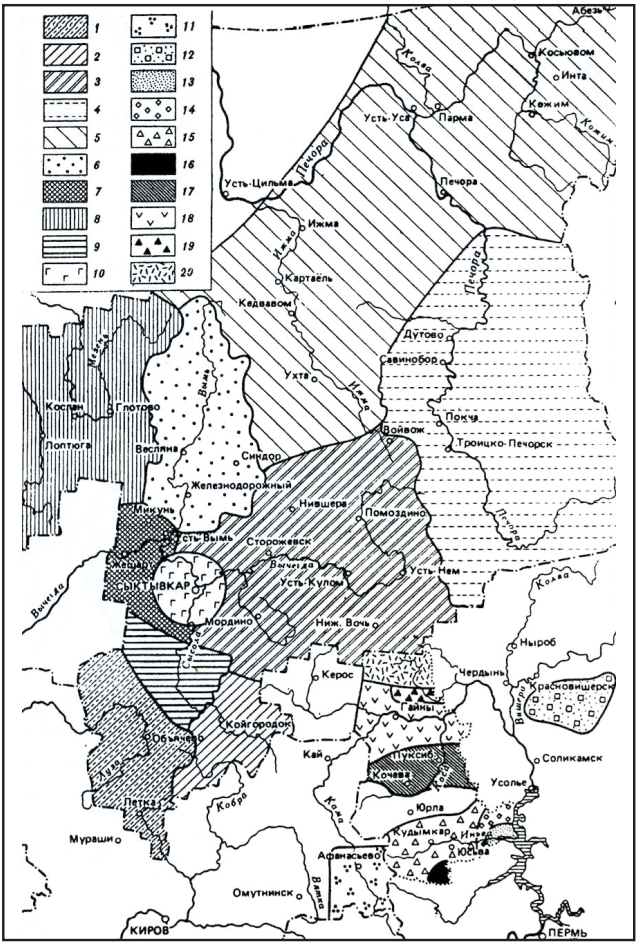
Карта 2. Распространение диалектов и говоров северного наречия удмуртского языка

I. Нижнечепецкий диалект: 1) слободской говор, 2) унинский говор;

II. Среднечепецкий диалект: 3) ярский говор, 4) юкаменский говор, 5) глазовский говор: 5а) кожильский подговор, 5б) понинский подговор, 6) балезинский говор;

III. Верхнечепецкий диалект: 7) кезский говор, 8) дебёсский говор: 8а) собственно дебёсский подговор, 8б) тыловайский подговор, 9) зуринский говор.

Источник: Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: Формирование и современное состояние. Дис. ... докт. филол. наук. – Ижевск, 2018а. – С. 492.



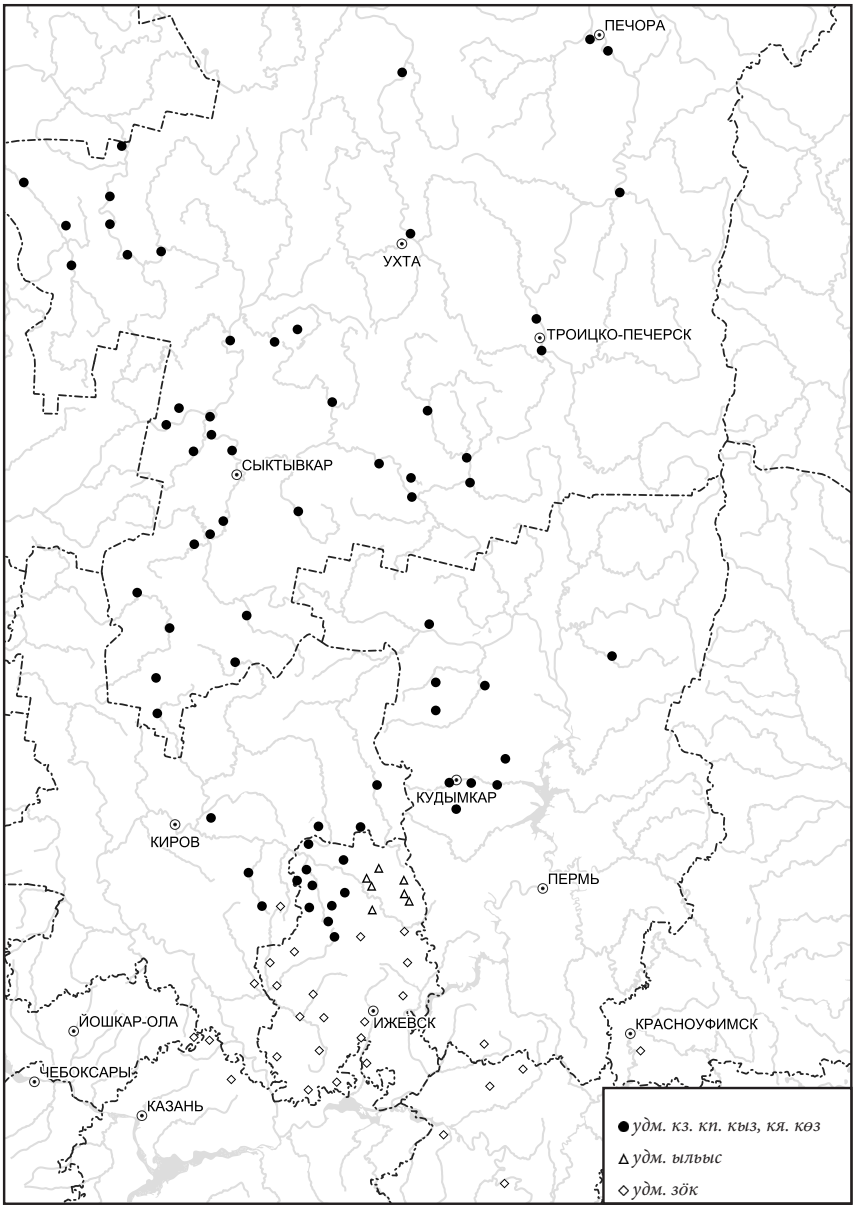
Карта 3. Распространение диалектов коми языков

I. Диалекты коми-зырянского языка: 1) лузско-летский, 2) верхнесысольский, 3) верхневычегодский, 4) печорский, 5) ижемский, 6) вымский, 7) нижневычегодский, 8) удорский, 9) среднесысольский, 10) присыктывкарский.

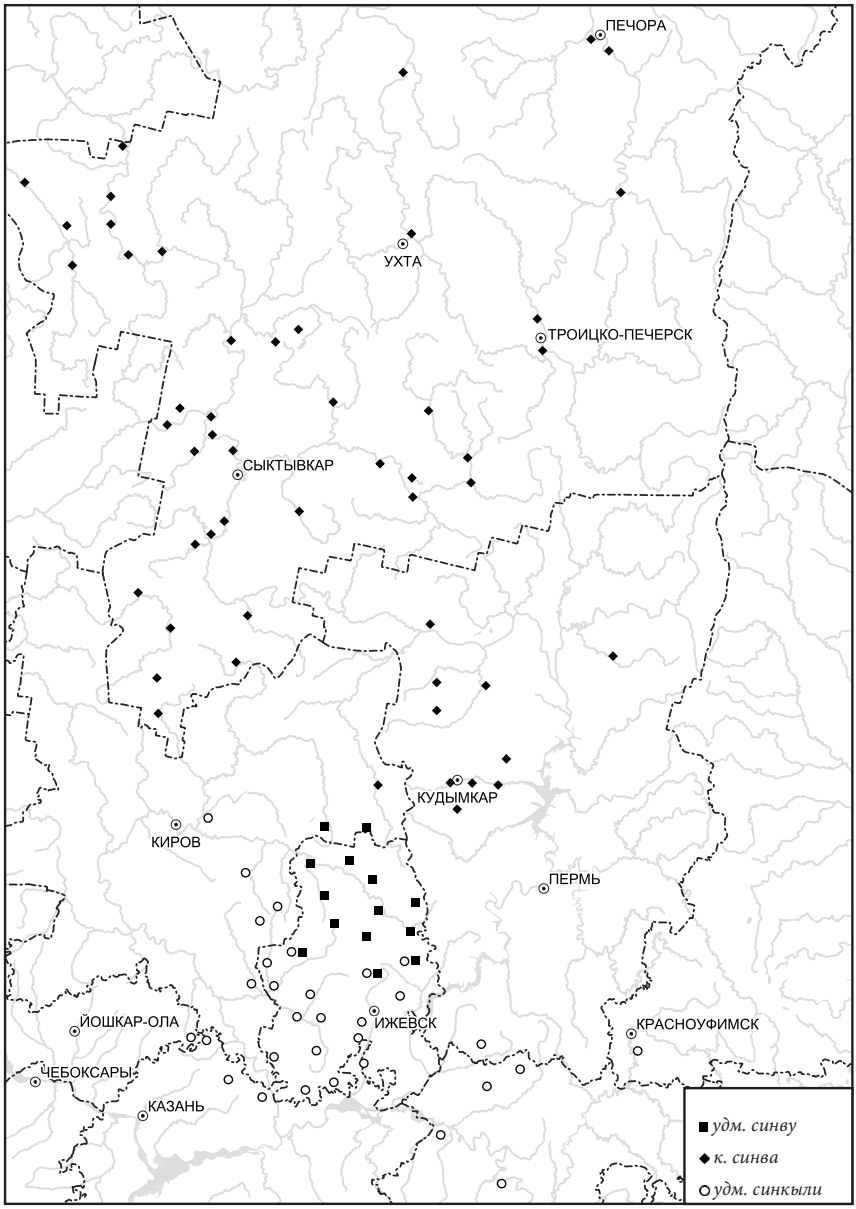
II. Наречия и диалекты коми-пермяцкого языка: 11) верхнекамское, 12) коми-язьвинское, 13) оньковский, 14) нижнеиньвенский, 15) кудымкарско-иньвенский, 16) нердвинский, 17) кочёвский, 18) косинско-камский, 19) мысовский, 20) верх-лупьинский.

Источник: Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки. – М.: Наука, 1982. – С. 7.

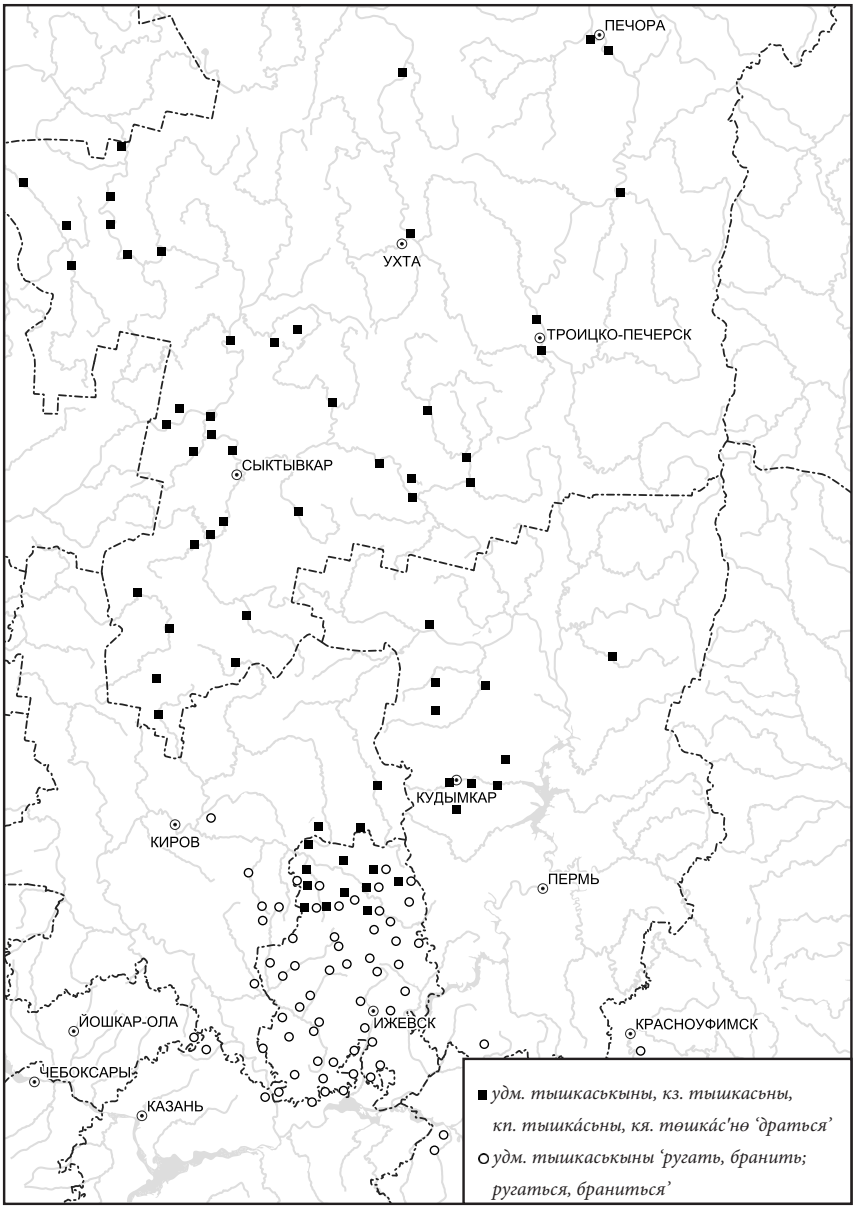
Карта 4. Контактная зона пермских языков



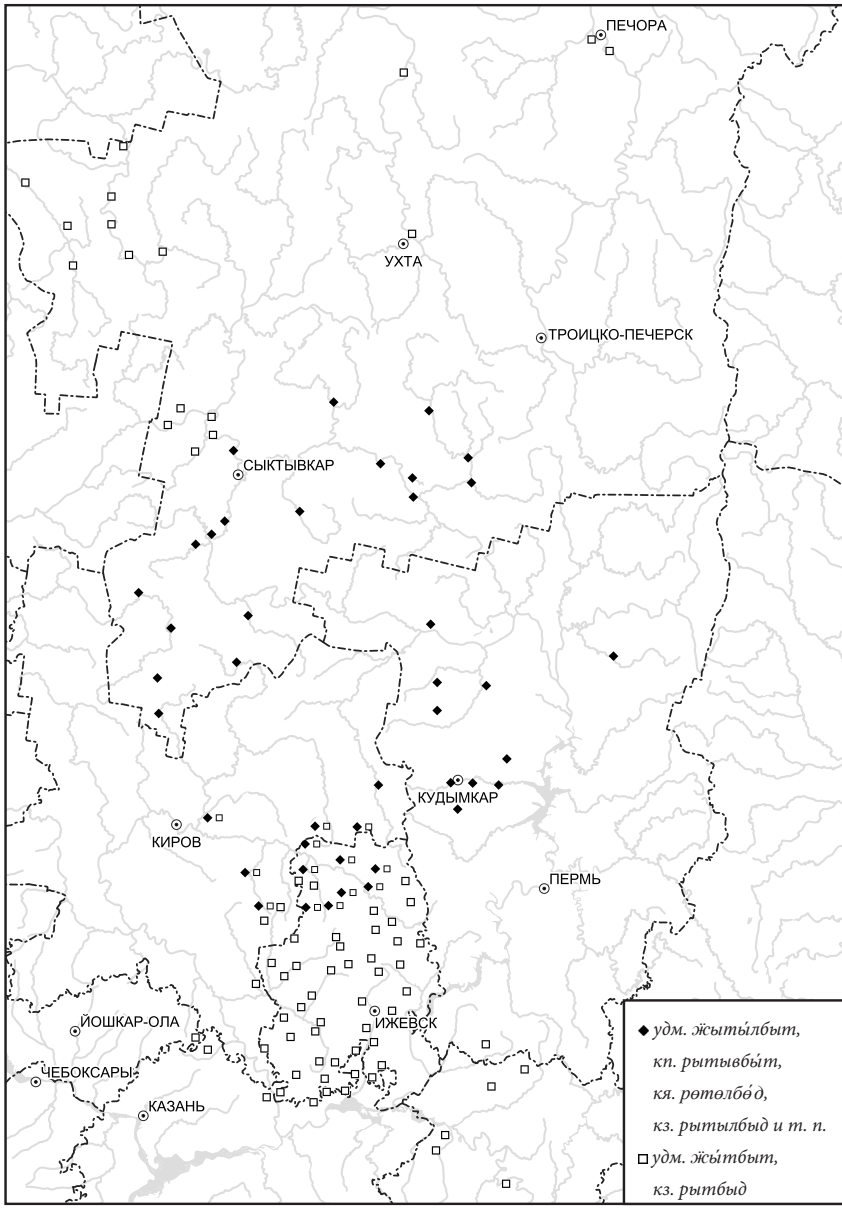
Карта 5. Выражение понятия «толстый» в пермских диалектах (изолекса *кыз*)



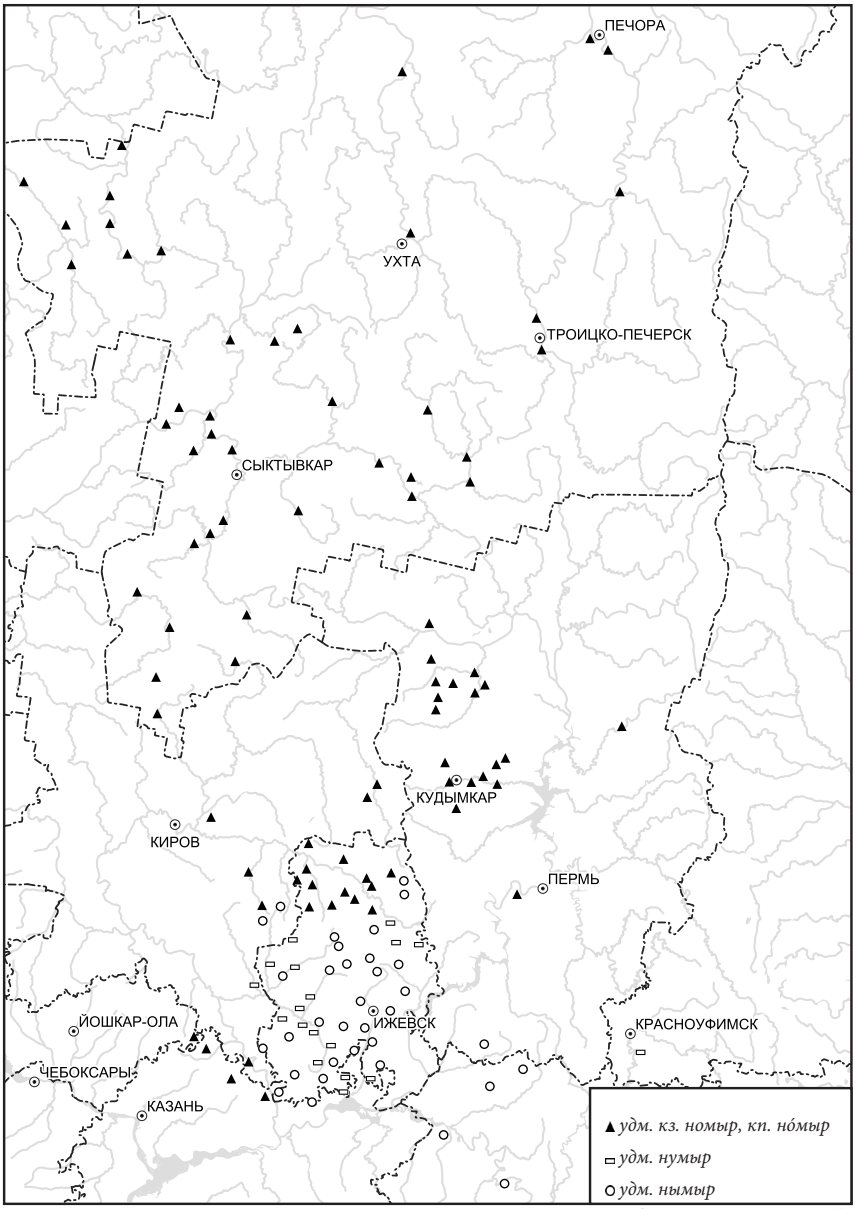
Карта 6. Выражение понятия «слеза, слёзы» в пермских диалектах (изолекса *синву*)



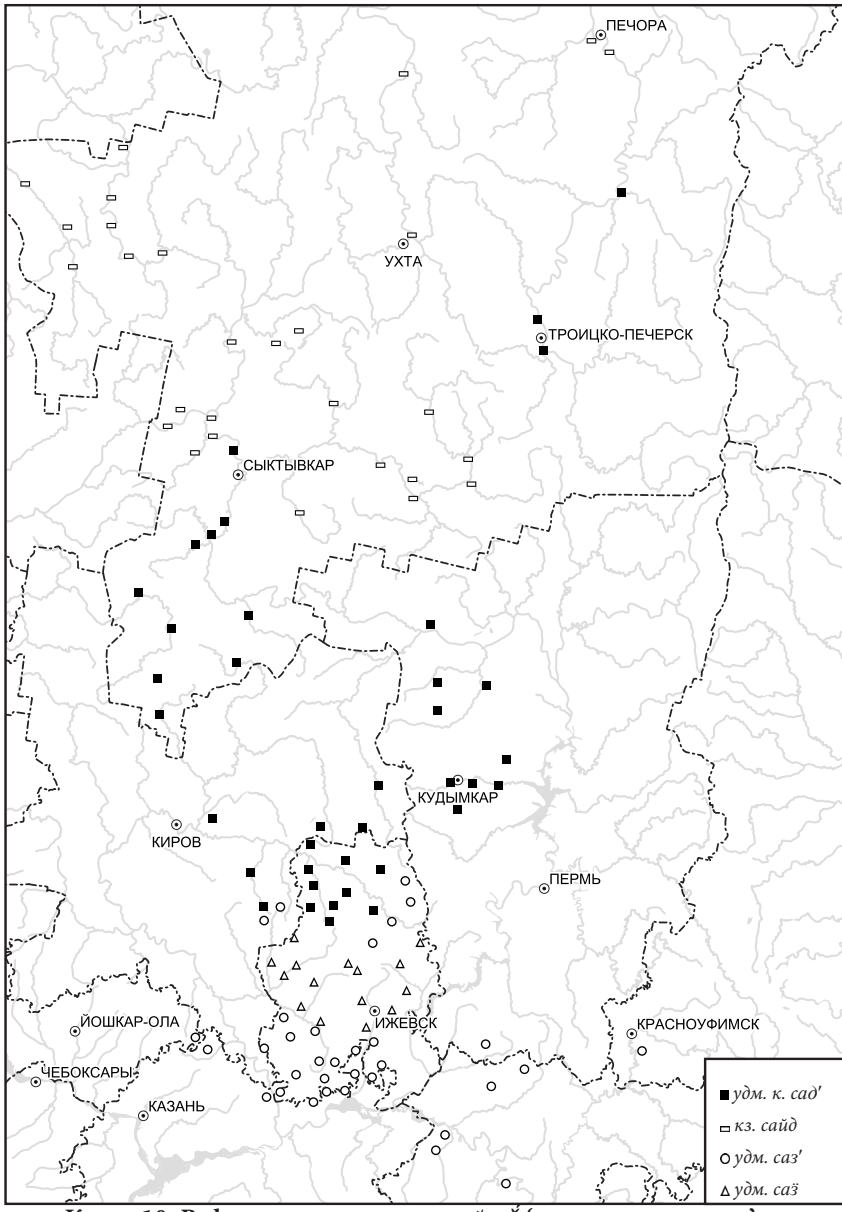
Карта 7. Ареалы значений изоглоссы *тышкаськыны ~ тышкасьны* (изосема ‘драться’)



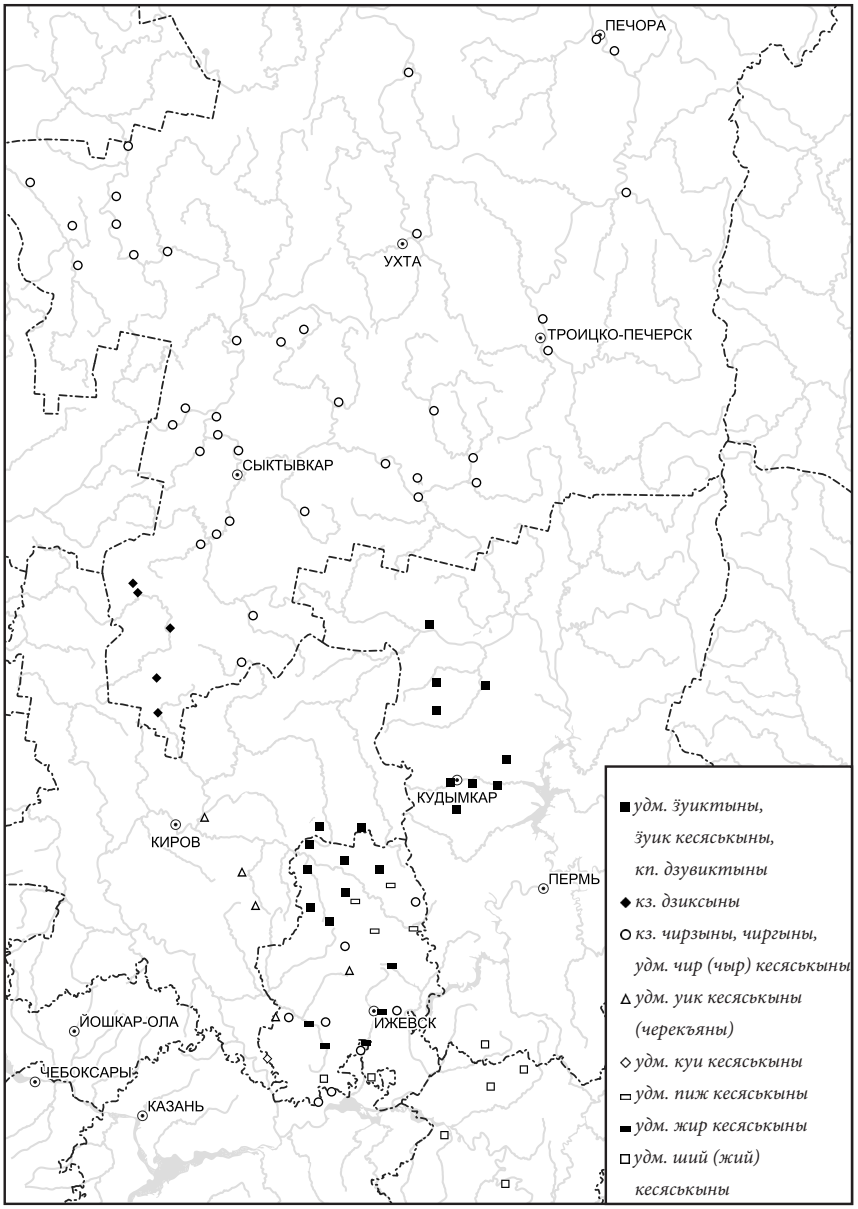
Карта 8. Выражение понятия «в течение всего вечера» в пермских диалектах (изоморфа *ӝсыт-ыл-быт*)



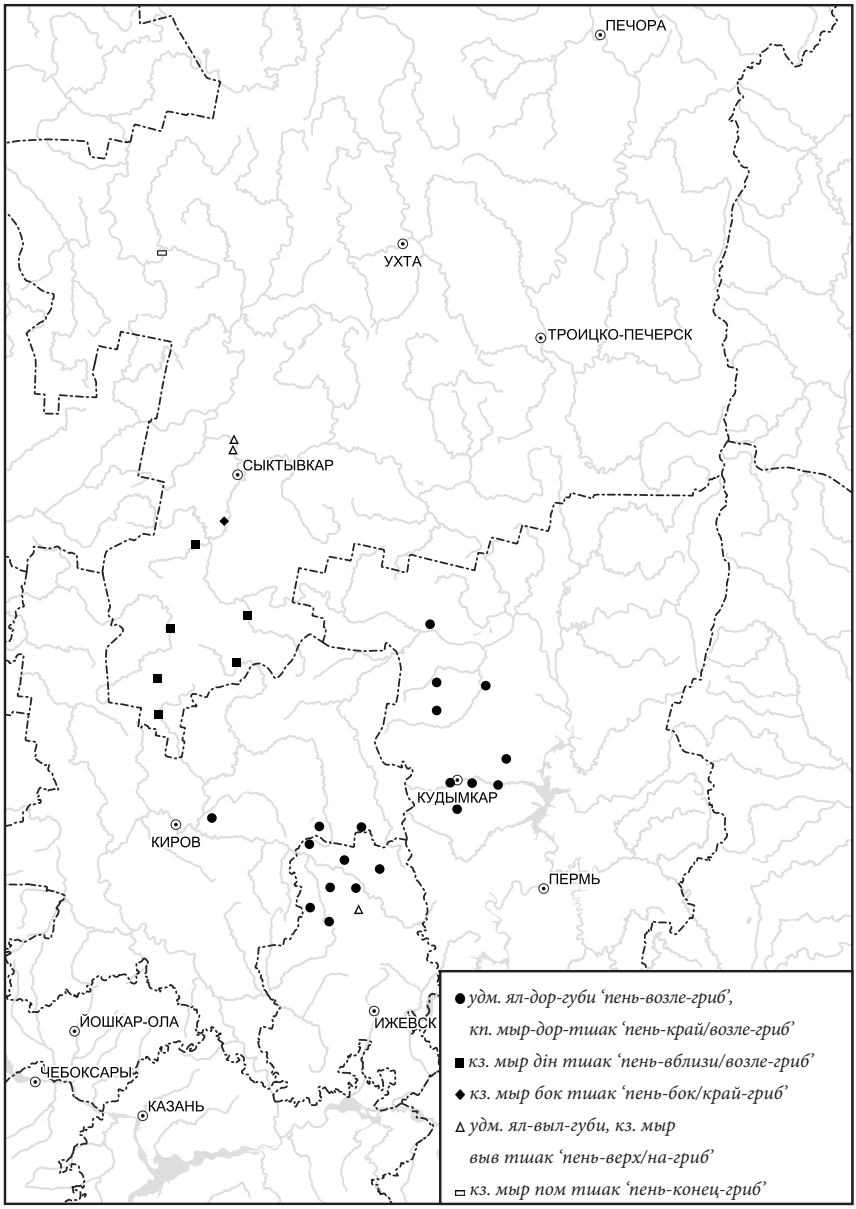
Карта 9. Ареалы вариантов лексемы со значением ‘червяк, гусеница’ (изофона *о – номыр*)



Карта 10. Рефлексы прапермского **saǯ* ‘сознание, чувство’ (изофона *-д'* ~ *-йд*)



Карта 11. Выражение визга поросенка, свиньи в пермских диалектах (изолекса *ӟуиктыны*)



Карта 12. Выражение понятия «опенок» в пермских диалектах (структурная изоглосса *ял-дор-губи* ‘пень-возле-гриб’)

Научное издание

Максимов Сергей Анатольевич

СЕВЕРНОУДМУРТСКО-КОМИ АРЕАЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

лексика, фонетика, морфология

М о н о г р а ф и я

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

В авторской редакции

Составление карт В. В. Пронина
Оригинал-макет и дизайн обложки И. В. Широбоковой

Подписано в печать 13.11.2018. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура тип Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 19,1.
Тираж 300 экз. Заказ № 225.

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы
426004. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.
Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 http://udnii.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательство «Шелест»
426060. Ижевск, ул. Энгельса, 164.
+7 (904) 317-76-93 +7 (963) 548-51-43
shelest.izd@yandex.ru malotirazhka@mail.ru

ISBN 978-5-6041164-5-6